

Виталий СЕРТАКОВ БРАТСТВО КРЕСТА

Аннотация

Прошли годы с тех пор, как питерский ученый Артур Коваль проснулся в саркофаге, и получил имя Проснувшийся Демон. В этом новом, безжалостном и суровом мире, в разоренной стране, которая некогда была Россией, ему удастся достичь высшей власти. И теперь Артур Коваль, Проснувшийся Демон, намерен разбудить других Спящих демонов, французских ученых, уцелевших в капсулах анабиоза. Он готовит поход в Европу, которую глобальная экологическая катастрофа превратила в настоящий ад. Ему, Демону, и отчаянным смельчакам, сомкнувшим клинки вокруг своего вождя, волшебная Книга лесных колдунов даст имя "Братство Креста".

Анонс

Прошли годы с тех пор, как питерский ученый Артур Коваль проснулся в саркофаге, и получил имя Проснувшийся Демон. В этом новом, безжалостном и суровом мире, в разоренной стране, которая некогда была Россией, ему удастся достичь высшей власти. И теперь Артур Коваль, Проснувшийся Демон, намерен разбудить других Спящих демонов, французских ученых, уцелевших в капсулах анабиоза. Он готовит поход в Европу, которую глобальная экологическая катастрофа превратила в настоящий ад. Ему, Демону, и отчаянным смельчакам, сомкнувшим клинки вокруг своего вождя, волшебная Книга лесных колдунов даст имя "Братство Креста".

ЧАСТЬ 1.

МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ

1. КОНЕЦ МИРНЫХ ДНЕЙ

Мама Рита умирала.

Хранительница Книги бодро покрикивала на писцов, по шороху шагов и дыханию опознавала соплеменников, держала в памяти события вековой давности. За последние два года, что Артур не был в северной деревне, мама Рита старела незаметно. Старалась не горбиться, держалась удивительно прямо, и приказания ее выполнялись, как и прежде, беспрекословно.

Но кое-что изменилось. Коваль сразу заметил, какими усилиями дается Хранительнице каждое слово. Она почти не вставала с кровати, куталась в длинную волчью шубу, а ноги держала в шайке с горячим ароматическим настоем. В избе, несмотря на жаркую погоду, было натоплено, и одна из девушек периодически подливала в шайку горячей воды.

А сегодня оказалась занята обычно пустовавшая лавка справа. Место преемника на посту у главной святыни.

Вплотную к старухе, зарывшись в ворох тетрадей, восседала старая уральская знакомая, Анна Первая.

Раньше Артур полагал, что заменить маму Риту может только женщина из северного племени, но теперь убедился, что некоторые правила Качальщиков так и остались ему непонятны.

– Мир дням твоим, Хранительница!

– Мир дням твоим, Клинок. У тебя хриплый голос. Ты болен?

– Нет, мама. Немного устал с дороги, - при воспоминании о последней неделе путешествия Ковалья передернуло.

– Спасибо, что услышал мою просьбу...

– Хранительница ждала тебя два дня назад, - сухо заметила Анна.

"Со сменщицей будет тяжело", - подумал Артур, но сказать ничего не успел, потому что встрял Бердер:

– Это моя вина, мама Анна! Я получил голубя, и встречал Клинка на свежем змее, но под Витебском два дня бушевала сильная гроза. Опасно подниматься в воздух при таком ветре и молниях.

Старая Хранительница успокаивающе подняла сухую, перевитую венами руку, и Коваль заметил, как утомлена женщина коротким разговором. Наверняка мама Рита держалась исключительно на травах и притираниях. "Ей, должно быть, не меньше девяноста лет", - прикинул Артур...

– Не будем спорить, - Хранительница обвела слепыми глазами бревенчатые, потемневшие от копоти стены. - Скажи другое, Клинок. Мне известно, что вы провели в западных странах больше месяца. Твой город сможет потерпеть без тебя еще день?

– Твое внимание важнее мелких проблем, госпожа. В городе за меня руководят достойные люди. Я пробуду с тобой столько, сколько потребуется.

– У вас бунтуют люди Полумесяца. Говорят, чернь поджигает их дома. Пока тебя не было, на правом берегу растерзали несколько десятков последователей Лао. Там живут маленькие косоглазые люди, пришедшие с Востока. Их пытаются выжить из города?

– Мои клерки разберутся без меня, госпожа. Они знают, что нужно поступать по справедливости.

– Справедливость? Раньше ты называл так то, что носил в сердце, теперь ты называешь так свитки с казенными правилами.

– Без законов город не сможет существовать.

– Это правда. Однако скажи, почему у вас по реке ежедневно плывут трупы? Вы ни с кем не воюете, ни один город из Пакта вольных поселений не решится напасть на тебя, но в реке полно трупов, словно идут бои?

– Люди жадные, госпожа. Многие принесли из леса ложные представления о правде.
– Ложные? А откуда ты знаешь, может, это у тебя представления ложные? Вы позволили открыть почти тридцать разных Соборов и моленных домов.

– В мое время это называлось свободой совести.

– Хорошие слова, только почему у вас жгут и режут?

Хранительница явно напустилась не просто так. Коваль понимал, что за внешними наскоками стоит какая-то тревожащая ее мысль, которая пока не озвучена прямо. Следовало догадаться...

– Я готов выслушать и принять твои советы, госпожа. Если ты не предложишь стереть Питер, я буду следовать им. Как и прежде.

Бердер поощрительно шевельнул бровью. Его лучший ученик читал законы и помнил, кому обязан властью.

– Я рада, что ты не забываешь о справедливости, Клинок, - чуть смягчилась Хранительница. - Любой из нас ошибается, я тоже, в свое время, наделала немало ошибок. Не скрою, когда-то я очень боялась, что ты уйдешь в город и перестанешь заботиться о благе Великого Равновесия... Я рада, что ошибалась. Книга оказалась мудрее всех нас.

Она сглотнула, и девушка из окружения немедленно поднесла старухе ковшик пахучего отвара. Несколько секунд мама Рита не могла отдышаться; все молчали, не смея перебивать старшую. Хранитель Силы и по совместительству ректор Военной академии Бердер ждал, смежив веки. Анна Первая, в белом полотняном балахоне и расшитом платке на плечах, неторопливо перелистывала тетради в кожаных переплетах. Оба писца замерли с перьями наготове; великая Книга Качальщиков прирастала постоянно, туда заносились все разговоры, звучавшие в этой длинной, вросшей в землю, избушке. Туда заносились все новости из ближних и дальних поселений лесного народа, все любопытные события из жизни не "стертых" Качальщиками городков и деревень. Туда заносились загадочные природные явления и важные календарные даты.

Еще одним источником пополнения священной Книги были предсказания Хранителей памяти. Эти чудаки жили обособленно, на Беломорье появлялись редко, но каждый их приход означал настоящую веху в истории. Порой оракулы не удосуживались явиться самолично, они записывали пару фраз на листке или передавали через надежных посланников на словах. Но как бы туманно и запутанно ни звучали предсказания, их немедленно заносили в тетради и исследовали с особым тщанием.

Артур неоднократно читал страницы, покрытые пророчествами Хранителей. Пророчества, которые сами они не могли расшифровать и которые часто походили на наркотический бред. Но когда-то, лет восемьдесят назад, один из отшельников предсказал появление Проснувшегося демона, человека по имени Артур Кузнец...

Артур узнал, что его ждут в Архангельске, едва ступил на крышу Зимнего дворца. Даже не успев толком переодеться и выслушать доклады ближайших подчиненных, он пересел на коня, намереваясь отправиться в путь на север. Но едва добрался до Синявино, где его ждал Бердер, как разыгралась еще одна дикая гроза, и свежий дракон отказался подниматься в небо. Артур лукавил, когда обзывал городские дела "мелкими проблемами"; на него в первые же секунды вывалили целый ушат неприятностей, но послушаться призыва Качальщиков было невозможно.

Избили кришнаитов и разгромили их палатку на южной ярмарке. Двое убитых.

Серия драк возле отстроенной татарским имамом мечетью.

В реку выпущено несколько мытарей с перерезанными глотками.

Эпидемия гепатита на правом берегу, где селилась голытьба, не желающая работать и подчиняться санитарным правилам...

Но всё это можно отложить на потом. Приказ мамы Риты важнее.

Потому что в походе погиб мальчишка, внук старого генетика Семена.

Коваль прекрасно понимал разницу между самой преданной гвардией и магическими животными, вселявшими суеверный ужас в недругов. Когда-то крылатые змеи, выращенные

в дебрях уральского леса стариной Прохором, тигры-альбиносы и голубые псы привели его в Зимний дворец. Но удерживать власть с помощью подарков колдунов становилось всё труднее. Чем шире разносилась слава о новой столице, чем богаче становились ярмарки и торговые дома, тем больше появлялось завистников. Звери сыграли свою роль, губернатор Кузнец теперь остро нуждался в преданных людях. Поэтому, завидев по возвращении из Парижа потускневший шпиль Петропавловки, он испытал двойственное чувство.

С одной стороны, радость, оттого что остался жив. После тех кошмарных перипетий, что случились с их маленьким отрядом в Западной Европе, он не вполне верил, что доберется когда-нибудь до родимой земли. Но когда дракон, сражаясь со шквальным боковым ветром, вынырнул из туч, и Артур увидел под собой стальную излучину Невы, заполненную рыбацкими баркасами и змейками понтонов, тягостные мысли уступили место привычным заботам.

Так уж устроен человек. Если думать только о плохом, можно сойти с ума.

Насколько легко дался ему захват города, по сравнению с десятилетней каторгой в губернаторском кресле! Чем больше он успевал одолеть, чем ближе придвигалось то, что можно было с изрядной натяжкой назвать цивилизацией, тем больше вылезало проблем. Он погряз в управленческих интригах, он положил массу сил на то, чтобы городгосударство избавился от рабовладения. Мало того, за десять лет ему почти удалось удержать Питер от сползания в феодализм. Но и сейчас, когда, наконец, эти тупоголовые бараны распробовали вкус частной собственности, когда начала подрастать первая буржуазия, Коваль не мог спать спокойно...

— Всё время сушит внутри... - пожаловалась мама Рита. - Я плохо понимаю, что у вас там творится, в городе, но родители говорят, что их дети довольны. Доволен ли ты, Клинок, что принял детей Качальщиков в круг городских? Не будет ли большой вражды?

— Я как раз сейчас об этом вспоминал, госпожа. Не скрою, всё очень непросто. Слишком... - Он хотел сказать "слишком разное мировоззрение", но вовремя себя одернул. - Большая разница во взглядах на мир, госпожа. Однако я рад, что ваши люди понимают мои сложности и понимают важность объединения...

— Об этом я и хотела с тобой поговорить. Ведь кроме детей Качальщиков вы учите и дикарей.

— Они такие же люди, госпожа. Я имею в виду тех умственно здоровых людей, кто одичал после Большой смерти. Их внуки абсолютно нормальны и получают паспорта наравне с остальными.

— Паспорта... - презрительно крикнула Первая Анна.

— И ты не боишься резни? - покачала головой слепая ведьма. - Пока их было мало, ты мог играть в милосердие, но мне сказали, что ты раздаешь землю и принимаешь в охрану даже чингисов.

Бердер приоткрыл левый глаз. При подобных обсуждениях Артур всякий раз чувствовал себя неуютно. Он хорошо знал отношение Качальщиков к дикарям как к дешевой рабочей силе и источнику пополнения низовой охраны. Детей рождалось слишком мало; могущественные лесные колдуны не брезговали работоторговлей и не собирались от нее отказываться. Впрочем, так же поступали и горожане. Так поступали почти во всех областях новой России, с которыми город имел сношения.

Почти везде, кроме Петербурга.

Коваль давно для себя решил, что скорее умрет, чем даст развалиться то зачаточное буржуазное государство, что зарождалось на Неве. И Бердер, и другие Качальщики, которые обладали широким кругозором, прекрасно сознавали выгоду подобной вольницы. Только за последние три года население питерских окрестностей перевалило за двести тысяч человек, и в подавляющем большинстве это были беглые рабы или крепостные из других областей. Губернатор получал дешевую рабочую силу, рекрутов для воинских формирований и колоссальный рынок сбыта товаров для городских ремесленников.

Но в стократ важнее экономических оказались выгоды политические и военные. Когда

в сто тридцать пятом году, после двух лет неурожая в Поволжье, в город хлынули орды голодных переселенцев, Старшины палат предлагали губернатору мобилизовать всех мужчин и любой ценой повернуть беженцев обратно. Он не послушал, хотя паника в городе началась страшная. По свидетельствам дальних дозоров, с юга катилась настоящая лавина, не меньше сорока тысяч обнищавших, обезумевших людей. Они шли на слух о сказочно сытом северном крае, где власть нарекает пришлым угоды, выдает скот и даже выделяет рабочих для строительства дома. А кто желает учиться или служить, тех ждут вообще заоблачные богатства и почет.

Коваль всячески поощрял раздувание подобных слухов. Той весной он впервые поставил перед Старшинами задачу полномасштабной валютной экспансии. Таких заумных слов соратники не переваривали, но выражение "захват мясного рынка" всем понравилось. Требовалось всего-навсего втрое увеличить производство мяса на продажу и вдвое сбросить цену на ярмарке в Нижнем. С одной маленькой тонкостью - по твердым ценам продавать лишь за золото и серебро питерской чеканки, прочую валюту демонстративно принимать как некачественный лом. Продержавшись сезон, в дальнейшем можно было бы смело диктовать условия на мясном рынке.

Еще более грандиозные планы были у Артура относительно питерских обувщиков и стеклодувов. Единственным, крайне выгодным для Петербурга сектором, где он не мог рассчитывать на успех, оказалась металлургия. На "грязные" производства Качальщики наложили вечное "вето"...

Поэтому Коваль пошел на отчаянный шаг. Он не пустил голодных в город, но желающим получить надел были выданы ссуды на семена и молодняк скота. Стражники отперли амбары со стратегическим запасом. Дело шло с огромными трениями, вспыхивали драки и пожары, многие новые переселенцы проели и пропили весь первый урожай. Но спустя год весело дымили печки тысяч новых домишек в окрестностях Стрельны и бывшего Ломоносова, а в Нижний вышли первые караваны с демпинговым мясом.

Рынок пал.

Цель была достигнута. Тысячи мелких хозяйчиков средней полосы оказались под угрозой разорения, никто не хотел покупать у них ни птицу, ни свинину. Сотням новоиспеченных фермеров, чьи поля тянулись теперь почти до границы Вечного пожарища, губернатор платил натурой либо медью, а казна в одну осень распухла от золота.

После этого на сцену вышли эмиссары Учетной палаты. Во всех крупных поселках средней полосы пустили слух, что губернатор Петербурга предлагает земледельцам помощь в переселении, защиту и гражданство в обмен на пожизненный договор о продаже излишков казне. Те, кто давно жил в окрестностях Питера, хорошо знали, что такое гражданство и паспорт, даже неграмотные. Паспорт с собственным портретом и печатью Большого круга давал право на вечное владение землей, на вырубку леса, на бесплатную школу для детей, а главное - на скромную пенсию и на защиту без дополнительных вымогательств. Пенсия особо привлекала тех, кто не желал трудиться на земле, а предпочитал наниматься на строительные работы.

В Питер, к неудовольствию местечковых князьков, потянулись новые сотни обозов.

Самое смешное, что фермерские хозяйства составили, по сути, живой заслон вокруг respectable центра, где патрули Серго Абашидзе поддерживали жесточайший визовый режим. Но вслед за культурными переселенцами, привлеченными кредитами, коллективными праздниками с фейерверком и фантастическим жалованьем гвардейцев, в город поперли и дикири.

Миграция "насекомых" по европейской части страны, как презрительно называл горожан старый знакомый Ковалю, Исмаил, Хранителей мало интересовала, но они крайне болезненно переносили уход полудиких племен из леса. Исмаил отдавал должное ловкости губернатора: при колоссальном размахе хозяйственной деятельности Слабых меток вокруг города почти не появлялось, детей Качальщиков сторонились, но не ущемляли в правах, и ни один промышленный гигант не портил воздух.

Нанимая на осушение канав очередную партию "желтых", чингисов и прочую дикую братию, Коваль всякий раз размышлял, насколько хватит терпения у Хранителей. А ведь кроме них, были еще Озерные колдуны, - влиятельная секта, расплзшаяся по берегам Ладоги и Чудского озера, с которой тоже приходилось ладить, обмениваться улыбками и вести дела.

Озерные колдуны не меньше Качальщиков были заинтересованы в дармовой "рабочей скотинке", а главное - в новорожденных. После того, как из предместий пропали несколько младенцев и прошел слух, что колдуны обращают под Красной луной самых обычных детей, Артуру пришлось сжечь целую деревню на западном берегу Ладоги. Во время перехода по гнилым болотам пограничники Абашидзе понесли больше потерь, чем в вооруженных стычках с шептунами.

Но жертвы были не напрасны. Вместо затяжной войны, которую предрекали старики, губернатор получил мир. Детей вернули, но Артуру пришлось обещать Качальщикам, что его покровительство не распространится на лесных дикарей...

Хранительницу неверно информировали, взрослых чингисов не принимали в охрану. Военный совет допустил лишь формирование летучих патрулей из головорезов, категорически не приспособленных к труду. Основная масса чингисов довольствовалась теплыми землянками, пайком и киркой. Однако губернатору лишний раз дали понять, что присматривают за каждым его шагом.

- Мы принимаем, госпожа, и будем принимать всех, кто признает законную власть и трудится на общее благо, - в сто первый раз проявил твердость Коваль.

Мама Рита усмехнулась.

- "Общее благо"... Ты не исправим, Проснувшийся. Когда-то ты сказал мне, что ваше вонючее государство тоже кричало о всеобщем благе... И чем всё закончилось? Н-да... - Она отпила еще глоток. На сморщенной шее тряслись нитки с оберегами. - С тобой хочу поговорить не только я.

Девушка, подливавшая воду, что-то тихо сказала, просунув голову за ширму. Коваль с самого начала чувствовал, что за тяжелой занавеской, перегораживающей комнату надвое, кто-то есть. Но он давно привык к странностям Качальщиков. Если гости не хотят показаться, значит, так и надо...

Полотнище откинулось, и вышли трое. Первого Коваль сразу узнал. Отшельник Кристиан, валдайский брательник Исмаила. Прочие были незнакомы, но, несомненно, принадлежали к той же породе.

Хранители памяти.

Замкнутая каста, члены которой почти никогда не общались друг с другом и уж тем более не появлялись на людях. Тонкая прослойка мутантов с даром ясновидения, чьи прозрения часто не могли передать внятно даже они сами. Угловатые кряжистые фигуры, длинные седые волосы, заплетенные косичками, и потрясающе крепкие зубы. Одеты были Хранители памяти как настоящие отшельники, проехавшие или прошагавшие пешком много километров.

Пока Бердер, изумленный встречей не меньше своего ученика, обнимался со всеми троими, Артур успел заметить за ширмой стол, на котором помещалось десятка два бутылей и кусок копченого окорока. Он поймал себя на мысли о том, что впервые видит русских мужиков, которые три дня пили молча. "А ведь они всё время ждали меня!" - подумал Коваль.

- У тебя плохая рана, - сказал самый широкий, с помятым, обезображенным лицом. - Ты наложил мази, но не выгнал яд.

- Он поправится, - улыбнулась Анна Первая. - Яд уже растворился.

Коваль никому не докладывал о ранении и был уверен, что под курткой повязка незаметна. Колдуны, как всегда, чуяли кровь и запахи притираний, не нуждаясь в жалобах и пояснениях.

- Плохой яд, - подтвердил молчун Кристиан, втягивая ноздрями душный воздух

землянки. - Эта тварь убила нашего брата?

Артур покосился на Бердера, тот кивнул. Качальщик уже успел передать родичам Семена Второго о его гибели.

- Нет, Семен погиб в Ползущих горах. Он отвлек гибель от остальных. Это животное ранило меня и еще одного человека из моего отряда. Надеюсь, он выживет...

- Тебе не следовало отправляться так далеко на Запад, не обсудив с нами, - вступил в разговор третий Хранитель, сгорбленный, черноглазый, похожий на метиса. - Ты ведь знаешь, Клинок, что у нас нет братьев дальше города Варшавы.

- Дальше города Варшавы на юго-запад земля кишит Слабыми метками! - заметил Кристиан. - Ты подвергал риску себя и нашего брата. Ты же знаешь, что Качальщики не живут там, где много грязи...

- Мы не останавливались в городах, - попробовал защититься Артур. - Кроме того, Семен сам хотел полететь, и его отец не возражал. Мы столкнулись с врагами за песочной стеной, вдали от германских поселений!

- Мы знаем, что парня никто не неволил.

- Он был одним из лучших моих Клинков, - печально проговорил Бердер.

- Я тоже потерял не худших своих людей, учитель.

- Ты добрался до страны Франции? - спросила мама Рита. - Ты разве не слышал от Исмаила, что южнее и западнее германского Берлина половину Европы занимают пожарища, а вода там светится, как на Желтых болотах в Сибири?

- Там было много атомных станций и оружия, - согласился Артур, - но мы лишь хотели добраться до Парижа, туда, где...

- Мы знаем, что ты хотел найти и разбудить других Уснувших из древнего мира, - перебил Хранитель с помятым лицом. - Книга знает обо всем. Но скажи тогда, почему ты не отправился к германцам? Ведь вы водите туда караваны и торгуете с ними. У германцев не настолько опасно, даже для городских. Почему же вы так скоро вернулись?

- Потому что... Потому что нам пришлось идти пешком и...

- Вы встретились с вещами, которые настолько напугали лучших, храбрейших воинов и самого губернатора Клинка? - безжалостно уточнила мама Рита.

- Да, госпожа, - понурился Артур. - Я посылал Бердеру голубя...

- Ты столкнулся с тем же самым, что прячется за Уралом. Встретил то, от чего мы десятки лет закрываем караванные тропы к востоку от города Екатеринбург. Следы фабричной грязи, которую нельзя уничтожить и за сотню лет. Теперь ты понял, что Качальщики вовсе не потому нападали на караваны Рубенса, что нам нужны были жалкие поделки городских? Мы перекрывали дороги на Восток, чтобы не разнести заразу от подземных огненных грибов и брошенных химических заводов...

- Да, госпожа. Теперь я вижу, что был не прав. Но почему тогда на Западе нет своих Хранителей, которые очищали бы землю?

Артуру показалось, что между оракулами возникло мимолетное бессловесное общение. Бердер пробормотал что-то нечленораздельное, Анна Первая нахмурилась, будто Артур позволил себе непристойность. Писцы закончили фразу и замерли с поднятыми перьями.

- Ты задал тот вопрос, ради которого мы собрались тут, - медленно произнесла мама Рита. - Наши братья из Варшавы давно сообщали нам, что земли на юг и на запад от Берлина раскачиваются всё сильнее, что дикие леса берут верх над посевами, а звенящие узлы не подчиняются Хранителям меток. Мы собрались для того, чтобы выслушать тебя и решить, что можно рассказать другим.

- И что нам делать дальше, - добавил Кристиан. Коваль не мог поверить своим ушам. За десять лет относительно спокойной жизни он почти отвык от мистических ужасов, с которыми столкнулся в первые недели после пробуждения. Но даже то, что он встретил в Западной Европе, не напугало его так, как собравшиеся вместе отшельники.

Отшельники, которые впервые на его памяти, намеревались что-то предпринять.

- Неужели всё так страшно? - спросил он. - Я полагал, что экологический баланс

постепенно восстановится... Или вы думаете, что на западе может возникнуть Плавающий узел, опасный даже для нас?

– В том-то и дело, что метки давно должны были собраться в узел, как происходит у нас в Сибири, - вздохнул черноглазый старик. - А там этого не случается...

– Словно кто-то поддерживает землю в постоянном неустойчивом качании... - откликнулся Кристиан.

– И мы догадываемся, кто это может быть...

– И для чего они так поступают...

– И чем это грозит...

У Артура голова шла кругом, вдобавок проснулась боль в незажившем до конца плече.

– Что вы хотите от меня?

– Книга открыта, Клинок, - сурово произнесла мама Рита. - Говори медленно, и не упускай ничего. Каждая забытая мелочь может стоять гибели не только нам, но всему миру.

2. СТОНЫ ЗАПАДНЫХ ВЕТРОВ

Драконов звали Катун и Катуника. Самец вырос чуть крупнее, с каждым махом гигантских крыльев вырывался вперед, но Катуника на поверку оказалась более выносливой. Катун вел Семен Второй, самкой управлял Коваль.

Как ни крути, одного из потомственных Качальщиков Артуру пришлось бы взять с собой. Даже самые талантливые дрессировщики не могли заменить воина. Семену Второму едва стукнуло девятнадцать, но из тех, кого тренировал Бердер, он был действительно лучшим. Коваль лично слетал на Урал, чтобы уговорить Хранительницу рода отпустить парня в экспедицию. Там же губернатор, следуя традиции, поучаствовал в поединках с подрастающим молодняком.

Излюбленное упражнение Бердера только называлось парным; на деле безоружный испытуемый должен был продержаться в замкнутом пространстве против ученика с дубиной, либо толстой веревкой с узлами на концах, либо с длинным шестом, для пущей забавы утыканным гвоздями. Если безоружный успешно отражал натиск, силы нападающих удваивались, затем утраивались, а площадка уменьшалась.

Сам Бердер, несмотря на свои пятьдесят три года, почти не сбивая дыхания, расправлялся с шестерыми юными Клинками. Коваль, хрипя от натуги, выдержал атаку троих, но едва в бой вступил четвертый, пришлось просить пощады.

– Мало бегаешь, толстеешь! - смеялся учитель.

– Ничего себе мало! - обиделся Коваль. - Два раза в неделю сам тренирую гвардейскую роту. - Но ты изменил стиль, учитель! Эти парни двигаются иначе; сто лет назад нечто подобное называлось таэквондо...

– Не знаю, как называлось раньше, но мы переняли новые приемы у южных косоглазых братьев.

– Как противно становиться стариком! - жаловался Артур бывшему наставнику. - Двое меня чуть не покалечили, а этот парень, внук Семена, - просто молния!

– Один на один ты бы против него не устоял, - согласился Бердер. - В парной охоте он лишь легонько зацепил тебя копьём, а в настоящей рукопашной Сема метает ножи быстрее меня... Если ты уговоришь его лететь в Европу, считай, что вам повезло. Но двоих не проси. Хранительница рода и так недовольна!

Семен Второй согласился участвовать в аванюре, но не безвозмездно. Пять рабочих коней, три брюхатые свиноматки и годовое жалованье капитана гвардейцев золотом...

Губернатор заплатил. Жизнь стоила дороже.

На крупе Катунки позади Артура сидели трое пассажиров.

Старшина палаты Книжников, Лева Свирский, обмазанный салом, в нахлобученной на глаза шапке, напоминал сказочного домового. Он отвечал за французский язык в экспедиции. Сам губернатор привлек двух толмачей и в течение полугода, морщась от

напряжения, восстанавливал английский и зачатки немецкого. Лева подключил свои каналы и неведомым образом отыскал в коммуне польских негоциантов женщину, чья мать с детства обучала ее французскому языку. Старик бродил по дворцу в обнимку с дряхлым учебником, пугая караульных гвардейцев спряжениями глаголов...

Людвик Четырнадцатый, капитан гвардейцев, напросился в последний момент. Артуру не очень хотелось брать с собой вечного пройдоху и нарушителя спокойствия, тем более что в последний день перед полетом Четырнадцатый в очередной раз проштрафился. Но поостыв, губернатор пришел к мнению, что лучше взять в поход старого, преданного товарища. Пусть он трижды выпивоха и бабник, но Артур не боялся повернуться к нему спиной.

Следующее место занимала мама Рона.

Коваль долго сомневался, стоит ли привлекать к неоправданному риску столь ценного медика. Мама Рона была уже не молода, и в ней крайне нуждалась недавно учрежденная Медицинская академия. Но без женщины и без штатного врача Артур лететь не мог. В числе Проснувшихся могли оказаться дамы...

Мама Рона неожиданно легко согласилась. Особенно после того, как Коваль ей сообщил, что в Парижском институте крионики, если его не разграбили, может найтись много медицинской техники и литературы.

За седлом мамы Роны жалобно мяукал самый необычный участник экспедиции. Вместо седла перед парой задних крыльев приторочили корзину и запихали туда сибирского тигра-альбиноса. Несчастному Лапочке, панически боявшемуся высоты, пришлось завязать глаза и намертво скрутить лапы. На земле, а особенно в темных подземных этажах, прирученный кот мог оказаться абсолютно незаменимым.

Катуном управлял Семен. Как всякий потомственный Качальщик, с детства привыкший к зверушкам-мутантам, он лихачил и даже не привязался к седельным штанам. За спиной Семена хмурился полковник Даляр, охранявший тюк с тяжелым вооружением. Ковалю очень не хотелось думать, что придется с кем-то драться, но Даляр уговорил его прихватить пулеметы. Позади полковника сын Красной луны Христофор обнимался с занавешенной голубиной клеткой. Как боевая единица Христофор был еще хуже, чем престарелый книжник. Но губернатор решил прихватить его: потомственный колдун попросился сам. А такого за ним обычно не водилось.

Он жил в Зимнем на правах домашнего юродивого, никому не мешал, зато с завидным постоянством присутствовал на собраниях Большого круга. Парню исполнилось двадцать семь лет. Он не стремился обзавестись семьей, проводил массу времени с животными, честно исполнял обязанности почтового голубятника и нес такую же чушь, как в детстве, когда ездил с караванами.

Давно канули в прошлое времена, когда караваны нуждались в дорожных телепатах, основные магистрали давно были очищены от бандитов и опасного зверья. Однако Христофора упорно пытались выманить или перекупить у Коваля Озерные колдуны. И на то имелись две причины.

Во-первых, голубятник не потерял способности видеть вперед и чувствовал вражеские мысли далеко вокруг. Дважды, благодаря Христофору, стража дворца пресекала попытки грабежа. А один раз он спас жизнь губернатору. Во-вторых, примерно раз за лунный цикл на парня накатывало: он принимался лепетать, не хуже отшельника, и выдавал поразительные сведения. Так, именно он поведал губернатору, кто из чиновников покрывает изготовителей "левой" медной монеты. В другой раз он сообщил, где и как высаживаются контрабандисты из Швеции, торгующие без уплаты пошлин. Этих шустрых ребят также "опекали" клерки и несколько продажных офицеров Пограничной стражи.

Первый Уголовный кодекс губернатор сочинил лично. Чтобы не особенно ломать голову, все должностные преступления чиновников, гражданских и военных, связанные со мздоимством и вымогательством, карались прилюдным повешением. Так было проще для судов.

И нагляднее.

Вполне естественно, что Христофора не слишком любили в Большом Круге. Под его взглядом каждый из Старшин чувствовал себя голым...

За две недели до старта экспедиции Христофор заявился к губернатору и очень серьезно произнес:

– Вместе плохо, порознь - совсем плохо. Вместе - ненадолго. Раздельно - навсегда...

Поэтому Коваль рассудил, что, помимо тигра, еще один острый нюх им в дороге не помешает.

Последним, на хвосте, размещался Митя Карапуз. Человеческое имя предводителю шайки чингисов дали уже в Питере. Митя был редчайшим представителем дикого племени. Он одним из первых дошел своим умом, что выгоднее сдаться и служить северному городу, чем постоянно находиться вне закона. Возможно, его сообразительность стала результатом воспитания родительницы, бывшей горожанки, украденной чингисами из каравана мамы Кэт и чудом дожившей в полевых условиях до старости. Читать и писать Митя не умел, но на русском разговаривал вполне сносно.

При весе в сто сорок килограммов и росте, как у императора Петра, Карапуз обладал неоспоримыми достоинствами. Без них он никогда бы не стал атаманом сотни клинков - банды, которая шесть лет как перестала быть дикой, квартировала в деревне и обросла семьями. И послушно выезжала в конные патрули.

Карапуз умел часами не вылезать из ледяной воды, укрощал диких лошадей и мог завалить лося голыми руками. А еще, - он обладал потрясающим чувством пространства. Перед подобным даром склонялся даже Качальщик Семен. Про кровавые "подвиги" конницы Карапуза до сих пор рассказывали шепотом.

Например, о том, как в бытность соборника Карина, Митя в одиночку просочился сквозь плотные заслоны солдат, вырезал караульных, и непонятно как, в неосвещенном лабиринте дворца, отыскал тайник с ценностями.

Митя был обязан Ковалю жизнью. Уже на губернаторской службе его опознал кто-то из давнишних недругов, в прошлом также дикарь. Затеялась свара, драчунов повязали, но Карапуз успел кому-то проломить череп. Согласно кодексу, смерть полагалась всем обнажившим оружие. Только так губернатор мог бороться с уличным насилием. Карапуза помиловали за заслуги на дипломатическом поприще.

Надо отметить, громоздкий жутковатый дикарь показал себя прекрасным дипломатом. Выслуживаясь перед губернатором, он один выезжал в лес и уговаривал разрозненные группки дикарей подчиниться законной власти. Это и определило выбор Артура: губернатор рассудил, что разумная гора мускулов в походе не помешает.

Вблизи Карапуз выглядел страшновато. Свои чумазые жесткие космы он стриг раз в год, очевидно, когда мылся. А из-за неправильного прикуса лицо капитана конной стражи выражало такое, что шарахались даже були в прибрежных тростниках...

Восемь человек, прижавшись к спинам крылатых змеев, прятали лица от встречного западного ветра.

Истошно голосил тигр, но его мяуканье моментально сносило в сторону. Кроме Артура и Семена, один лишь Карапуз летал без опаски и даже рисковал кормить драконов мясом, хоть и с безопасного расстояния. Остальные боялись высоты, но змей боялись еще больше. Глядя вниз, на убегающие огни предместий, Коваль в десятый раз спросил себя, что он будет делать, если найдет Проснувшихся, а те откажутся залезать в седла.

Сначала он хотел выпросить у Анны третьего большегрузного змея и гнать его порожняком, но тогда понадобился бы еще один Качальщик. Мало того что каждая летучая тварь сжирала за сутки половину теленка, второго безумца, согласного отправиться в зону грязной промышленности, всё равно бы не нашлось. Свирский предложил, если прибудет пассажиров, переправляться назад поочередно.

На высоте трех сотен метров болтанка постепенно прекратилась, змеи выровняли полет, перестали часто молотить крыльями, и Артур позволил себе распрямиться. При

взлете, дабы не создавать дополнительного сопротивления воздуха, следовало щекой прижиматься к спине ящерицы.

С Балтики напозла свинцовая пелена туч. Семен вел Катуну строго вдоль береговой полосы. Артур вспомнил, как искрила вечерними огнями земля в те годы, когда он прилетал в Питер обычными авиарейсами. Не говоря уж о европейских столицах, куда они носились с профессором Телешевым на всякие конференции, посвященные анабиозу.

Сто тридцать лет назад по всей земле плясали огни, бурлящие озера крупных городов соединялись друг с другом огненными ручейками автотрасс и фейерверками поселков, а нынче за Ломоносовом Коваль различил лишь слабую цепочку сторожевых костров, двойным полукругом охвативших крайние фермы. Дальше расстилалась тьма. Он оглянулся и махнул рукой пассажирам, чтобы те пригнулись. Смешнее всех выглядел книжник, в намотанном до переносицы шерстяном шарфе, из-под которого торчала седая борода. Артур улыбнулся, вспомнив иллюстрации к романам древних фантастов, где перекачанные анаболиками отважные герои и томные дивы спускались с неба чуть ли не нагишом, небрежно держась за холку летучих красавцев. В реальности на километровой высоте и скорости выше двухсот километров в час можно было запросто обморозиться, получить полный комплект фронтитов и отитов и вдобавок нажать проблемы с позвоночником.

Пилоту приходилось тяжелее всех. В отличие от голливудских головастых чудовищ, попиравших в полете основы аэродинамики, Катуника летела, вытянув шею, точно утка. Ветер бил Артура прямо в лицо, а под коленями методично перекачивались лопаточные кости. За полчаса подобного удовольствия, если не следить за посадкой, задница превращалась в сплошной синяк. Но имелись и некоторые плюсы.

За пару минут передняя часть зверя разогревалась свыше тридцати градусов, спасая пилота от обморожений.

Семен подал знак, что пора уходить вверх, пока не накрыло дождем, и рванул на себя постромки. Дождь всё равно настиг, капли врезались в мотоциклетные очки, хлестнули по обмазанному жиром щекам. Катуника послушно захлопала крыльями, догоняя брата, сверху надвинулась темно-серая пелена, и видимость упала до нуля...

Спустя минуту дракониха прорвалась сквозь тучи и перешла в ровный горизонтальный полет. Лева толкнул пилота в спину и жестом выразил восхищение. Коваль и сам не мог оторваться от потрясающей картины.

В полусотне метров впереди, переливаясь золотой чешуей, стряхивая миллионы брызг, махал лазурными крыльями небесный красавец Катун. Казалось, что поджатые когтистые лапы цепляются за пушистую перину. Изумленное светило, повисшее над ватным горизонтом, любовалось дивным творением человеческих рук и облизывало сусальные бока зверя. Последний из седоков, закутанный в шкуру здоровяк с развевающейся косматой гривой, оглянулся и помахал рукой.

Западный ветер стонал в ушах.

Ведущий наездник тоже оглянулся, приспустил шарф, и Артур успел заметить озорную улыбку. Заплетенные, никогда не стриженные косички война вырвались у Семена из-под шапки. На кончиках косичек вспыхивали блески драгоценных камней.

Лева Свирский что-то кричал, указывая вперед. Вопил от восторга Людовик. Даже мама Рона смеялась, преодолевая страх.

Экипаж был весел и возбужден.

Слишком мы радуемся, подумал Артур. Он не мог забыть слов Христофора. Если сын Красной луны предрекал несчастье, оно, как правило, случалось...

До Польши проблем не возникнет, рассуждал он. Там сильная колония Качальщиков, можно даже переночевать. И вообще, не так давно оттуда благополучно вернулся первый караван, пущенный по восстановленной железнодорожной ветке. Исправные рельсы таскали для нее целый год на быках, зато теперь один паровик тащил за собой вчетверо больше груза, чем колесный караван. Мигом присоседились халявщики из Пскова, Луги и даже из Ярославля. Оказалось, что на перевозке чужих грузов можно заработать больше, чем на

торговле...

Шквальный порыв ветра налетел с такой силой, что Катуниха сбилась с ритма. Всё глубже проваливаясь в дымчатую ватную трясину, солнечный диск менял цвет с приветливого желтого на багровый. Артуру казалось, что они мчатся прямо в жерло вулкана или в воронку смерча.

Словно на западе их поджидало нечто мерзкое...

Чушь в башку лезет, успокаивал он себя. Не выспался, с соборниками опять переругался, да еще новый культ в городе объявился: черной воде поклоняются, собственных детей режут... Вот и расписывался. У германцев всё давно спокойно, у чехов тоже; правда, дальше Берлина пешком не забирались.

А может быть, прав был Левушка, и стоило отрядить серьезную конную экспедицию; плевать, что ползти два месяца, зато не екало бы в груди... Но большая вооруженная команда сразу привлекает внимание, и неминуемо нашлись бы желающие послать в спину губернатору Кузнецу парочку отравленных стрел...

Западный ветер застонал, разорвал на части шевелюру облаков, и, словно почуяв беду, раскатистым рыком отозвалась ветру дракониха.

Крылатые змеи редко подавали голос.

Только когда предчувствовали кровь.

3. ВАРШАВСКИЙ СОЮЗНИК

— Разве ты не посетишь воеводу? - седобородый Хранитель рода протянул Артуру палочку дымящегося шашлыка.

— Мы не зайдем в город, пан Кшиштоф. И надемся на молчание твоих людей.

— Брат Бердер пишет, чтобы мы оказали вам помощь и нашли проводника на юг.

— Мы благодарны тебе. Люди и змеи сыты.

— Но как я дам вам проводника, если вы скрываете цель похода? Вдруг вы найдете то, что ищете, а потом убьете моего человека?

— У тебя есть повод плохо думать обо мне, пан Кшиштоф? - Коваль отставил кружку с пивом.

Они сидели втроем на веранде покосившегося домика, утонувшего в чащобе сада. Над бутылками с пивом и сладкой медовухой кружили пчелы. Под крутым травянистым обрывом, на берегу Вислы, лениво покачивались водоросли. В деревню Качальщиков, кроме Артура, пропустили только Семена Второго с драконами. Остальные шестеро довольствовались топливом для костра и ведром колодезной воды. Даляр разбил лагерь за околлицей. Артур отметил, что здешние порядки были, пожалуй, построже, чем у русских Качальщиков...

До сего дня сам он не встречался ни с Кшиштофом, ни с другими славянскими Хранителями, хотя неплохо знал воевод многих польских поселений. Он слышал от Исмаила, что их братья обитают в Польше, Чехии, Словакии, а в гости к Хранительнице Книги приезжали даже люди из Китая.

Но их совсем не было в скандинавских странах.

Словно Европе ничто не угрожало.

Словно славянские колдуны никак не могли наиграться в бесконечную "Зарницу".

Однако несмотря на жесткие правила, вторым гостем седобородого повелителя был вполне обычный мужчина из городских. Закутанный с ног до головы в длинное грубое полотнище, подпоясанный волосяным ремнем гость напоминал Артуру классического чернеца. Русые волосы - длинные, расчесанные, как у девушки, и схваченные на затылке ремешком. Темные глаза, ворочающиеся в сетке морщин, запавшие щеки. Сам по себе человек, вроде бы, и молодой, но словно сжигаемый изнутри чахоткой.

Гость представился именем ксендз Станислав. Он не пил и не ел, его мосластые, задубевшие руки перебирали четки.

— Пан Кузнец, я думаю о тебе только хорошее, - мягко поправился Хранитель. - Всем

известно, что губернатор Петербурга починил железку и паровики и дает в своем городе защиту нашим детям. Всем известно, что ты принимаешь наших детей на службу наравне с остальными и чтешь святую Книгу. Нам нет дела до городских. Но если ты явился тайно, даже слово Бердера не будет порукой, что я не наживу неприятностей...

– Мы летим во Францию, пан Кшиштоф.

– Так это правда?! - Хранитель переглянулся с человеком в плаще. - Мы полагали, что ты ограничишься Германией. Меня не предупредили, что брат Бердера повредил свой разум. Там сплошная отравы, сотни километров Вечных пожаров, разве караванчики не докладывали тебе?

– У германцев на равнине почти нет отравы. Мы торгуем с ними.

– Южнее Берлина не ходит ни один караван.

– Но мы слышали, что южнее Берлина живут люди.

– Зачем тебе во Францию, пан Кузнец? Южнее германских гор земля звенит уже третий год, как один огромный узел. Оттуда ползет зараза, притягивая ветер...

– Нам надо добраться до древней столицы, города Парижа, и разыскать одно здание. Я не хочу, чтобы об этом прослышали все.

– Ты хочешь отыскать других Проснувшихся?

– Да, я надеюсь... Если эти инженеры окажутся живы, многие захотят их отнять...

– Только не мы. Но теперь я понял. Тебе нужен проводник из города, тебе нужен один из святош. Качальщики не полетят с тобой!

– Значит, становится хуже? Исмаил говорил мне, что ваши братья не слышат Меток. Он говорил мне, что грязь не наступает...

– Так и было. Слабые метки не нарождались почти семь лет, и мы начали успокаиваться. У нас хватает проблем на побережье. Ты слышал о ядовитых рыбах под Гданьском?

– К стыду своему, нет...

– А чего стыдиться? Все так живут. Никому нет дела до соседей. Когда мой отец был молодым, он видел, как взбесившаяся земля стирала польские деревни и города. Ценой жизни многих Хранителей нам удалось остановить ветер. А теперь ты намерен разбудить древних инженеров, чтобы они помогли тебе лить металл! Мы не станем мешать тебе, я обещал брату Бердеру. Я знаю, что тебя уважает Хранительница Книги, мир ее дням, но наши люди с тобой не пойдут. Если бы я не дал обещания братьям, что не причиню вам вреда, я сделал бы всё, чтобы найти и убить этих спящих инженеров!

– Проснувшиеся не будут возрождать химические заводы! - пообещал Артур. - Среди них могут оказаться лекари и книжники... Но мы перелетим опасные места на крылатых. Проводники нам понадобятся позже, для прохода в Париж...

– Вы погибнете. На юге идут желтые дожди, это смерть. Кроме того, святоши, ходившие в Вечный город, видели в небе Железных птиц. Пройти можно только по земле. По крайней мере на земле можно укрыться. Я обещал Бердеру дать тебе Черных коней. Крылатых оставишь здесь.

Артур пожалел, что с ним нет Даляра и Карапуза. Он не мог принимать решение о пешеходной экскурсии в одиночку, а Бердер или сам не знал, или не предупредил об отмене полетов. Мог ведь и пошутить, это вполне в духе наставника, - посмотреть, как ученик выкарабкается...

– Я пойду с вами, - сказал ксендз, - при одном условии. Мы пойдем по следу Великого посольства. Я обещаю привести вас в Париж, а ты дашь клятву, что найдешь, куда делись мои братья и сестры.

– Какие еще братья и сестры? Соборники?

– Те, что верили в силу Креста, - неожиданно звучным глубоким баритоном ответил Станислав.

– Наши горожане тоже верят в Крест.

– Ваши не верят в силу Вечного города, они иначе молятся...

– Ты говоришь о Риме?
– Да, - на сей раз ответил опять Хранитель. Он вдруг посмотрел на Артура иным, испытующим взглядом. - Разве мама Рита не говорила тебе о Великом посольстве?
– Нет...
– Значит, не хотела тебя пугать...
– Я же тебе сказал, что никто, кроме Бердера и отца Семена, не знает о нашей вылазке.
– Тут нет никакой тайны... Ладно, я расскажу. Три года назад, когда стало ясно, что с Метками на западе творится что-то неладное, святоши затеяли Великое посольство в Рим. Самые умные из них спрашивали совета у Хранителей меток, и мои братья говорили, что идти нельзя. Но святоши не послушались. Они верят в силу креста и не обращают внимания на приметы. Возможно, так и надо...

До этого они ходили туда несколько раз. Старики знают, как пройти и остаться в живых. На земле Двух морей ветры разгоняют отраву, а в самом Риме живут разные люди. Святоши верят, что сила мира не иссякла, пока стоит Вечный город, а горожане верят им. Многие из наших Хранителей тоже разделяют веру в Крест... Вот скажи мне, пан Кузнец, сколько поганных язычников приютил ты в Петербурге?

– Мы не мешаем людям верить в то, что они хотят. Но большинство ходят в Собор...
– Когда пятьдесят пять лет назад епископ Краковский с крестом в руках вышел против нежити, - перебил Станислав, - он сражался плечом к плечу вместе с братьями, с лесными Хранителями. И погиб с именем божьего сына на губах. Знаешь, что случилось после этого?
– Догадываюсь, - Коваль поймал себя на том, что невольно попадает под обаяние этого сурового и, без сомнения, одержимого человека.

– Да, пан Кузнец. Плавающий узел развязался. Краков был спасен, а порождения пожарищ убоялись божьего гнева и убрались в свои германские болота... После этого святоши собрали первый поход в Рим, и многие из наших братьев примкнули к ним. Они добрались до Рима, мне тогда было девять лет. Они добрались до Вечного города. Многие погибли в пути. Но те, что вернулись, принесли оттуда святыни и верили, что святыни защищают их города. Они надеялись встретить в Риме помазанника, но святой престол оказался пуст, а вокруг бесновались толпы язычников. Среди нас были те, кто призывал забрать своих женщин и детей и навсегда поселиться в Вечном городе. Изгнать из храмов заразу, проповедовать среди одичавших горожан. И избрать нового наместника бога, как это делалось до года Большой смерти.

Но наших святош было слишком мало, у них не имелось достаточно оружия и пищи, чтобы продержаться. Они вернулись в Польшу, но завещали своим детям возродить престол.

После тех страшных лет святоши взяли власть в городах. Они не мешали Качальщикам стирать фабричную грязь. Они просто читали свою священную Книгу про погибшего бога и учили народ жить в смирении... Мы не дружим с Качальщиками, пан Кузнец, но не мешаем им изгонять нечисть из городов!

– Так ты говоришь о других религиях?
– Ты можешь называть поганных язычников как угодно, они от этого не станут лучше!
– Я слышал, что у вас жгут людей на кострах, но не верил...
– Когда ты спохватишься в своем Петербурге, смотри, как бы не было поздно! Мы убедились, что народ послушен и един лишь в поклонении Кресту... Дослушай меня, пан губернатор! Я говорил про Великое посольство.

Долгие годы ходили святоши с польской и германской земли к литовцам и украинцам. Уговаривали детей правильной веры собраться для переселения в Вечный город, чтобы сообща возродить святое место, где в древности жил наместник погибшего бога... Самые смелые из моих братьев с именем бога на устах прошли через языки пожарищ по Франции и достигли города Мадрида. Там они нашли много приверженцев Креста и много желающих возродить святой престол. В Париже они нашли только дикарей и страшных тварей, больше похожих на жуков, чем на людей, но за Пиренейскими горами желтые туманы рассеиваются.

Многие тамошние жители сохранили веру, они хотели бы торговать и молиться вместе

с нами. Они согласились участвовать в Великом посольстве, собрать воинов, женщин и скот и совместно с нами выступить на Вечный город. Они согласились воевать против дикарей и не побоялись лишений ради светлого дела...

– Ваши люди всегда умели убеждать, - задумчиво вставил Артур. - Особенно неплохо у них это получалось в Мексике.

– А пять лет назад воеводы и святые отцы собрались и решили, что время пришло. Мы стали достаточно сильны, чтобы начать готовить Великое посольство. Для перехода через Ползущие горы и пожарища надо было собрать большой караван с запасами пищи и чистой воды на многие недели пути. Потому что на Вечных пожарищах воду пьют лишь болотные твари...

– А при чем тут Франция? - очнулся Артур, - Рим несколько в стороне...

– Граница пожарищ стоит полумесяцем, не пропуская к стране Двух морей, - сказал Кшиштоф. - Она не отступала, но и не пыталась нападать, сколько я себя помню. Хранители воевали с Метками на севере Польши, а последние пять лет мы раскачивали побережье, чтобы стереть древний порт Гданьск с кораблями... Но у германцев всё было тихо. Позволь, Станислав, дальше расскажу я: так будет удобнее.

– Да, ты прав, тебе удобнее рассказать, - святоша неожиданно быстро застеснялся.

Хранитель подлил гостям пива, снял с мангала очередную порцию шкворчащего мяса.

– Собрался великий караван; святые отцы решили, что настала пора выбрать нового наместника погибшего бога. Они оповестили других святош - всех, кто жил по эту сторону грязи. Воеводы были не против, и Качальщики не возражали. Земля много лет держалась в равновесии и даже понемногу очищалась.

Святоши собрали почти две тысячи человек, приплыли и воины с острова Ирландия. Кроме воинов, мастеровых и носителей веры в повозках ехали больше пятисот женщин. Специально были сколочены платформы для коров, свиней и птицы, чтобы скот не ступал на отравленную землю. За караваном шли четыре тысячи лошадей с завязанными копытами и укутанными мордами, чтобы не сорвали случайно травинки... И почти пятьдесят детей...

– Пятьдесят три! - потемнев лицом, бросил ксендз. - Пятьдесят три жизни оборвались...

– Черт подери! Теперь до меня дошло... - хлопнул себя по лбу Артур. - До нас доходили слухи, что католики собирались возродить Ватикан, но я не придавал значения!

– К вашим соборникам тоже ездил посол от епископа, но не получил даже предложения пообедать! - резко заметил Станислав.

Хранитель рода мягко погладил его по локтю, призывая к спокойствию, и вновь повернулся к Артуру.

– Великое посольство не дошло до Рима и не вернулось, пан Клинок. Станислав может обижаться, но мы ценим друг друга за правду. Хранителям было бы наплевать, если бы вместе с другими верующими не ушли семнадцать наших братьев.

Ты спросил о Франции. Посольство должно было дойти до Парижа, там встать лагерем вокруг источника чистой воды и отправить гонцов в город Мадрид. По южным деревням Франции тоже собирались истинные верующие, там сохранились такие места. Но Мадрид обещал прислать больше тысячи сынов веры, а сверх того воинов и продукты. Также Мадрид обещал выделить достаточно золота. Они долго были оторваны от торговли, пан Клинок, и не слишком нуждались в золотой монете. На золото Испании святые отцы хотели нанять украинских воинов и диких строителей в России, чтобы проложить первую безопасную дорогу из Рима к нам...

– Если так опасно, почему не поплыли морем? - удивился Артур. - Ведь у вас есть опытные рыбаки и старые карты?

– Морем? - ядовито рассмеялся Хранитель. - Сейчас я расскажу тебе о море. Как ты это представляешь - погрузить на лодки больше двух тысяч человек, запасы оружия, воды и скотину? А что потом? Идти морем, обходя германцев и франков, на юг? Ты плавал туда, губернатор? Я скажу тебе... - Хранитель помрачнел. - Южнее города Любек не спускается ни одно наше судно. Вода там давно не светится, и в ней много живности. О, в ней даже

слишком много живности!

Но южнее Любека начинается полоса туманов и грязных Желтых дождей. Лет десять назад норвеги и ирландцы оживили несколько древних кораблей, что питаются углем, и поплыли на юг. Они оживили очень большие корабли, пан Клинок, не корабли, а настоящие исполины. Казалось, таким кораблям ничто не могло угрожать, а норвеги хвастались, что пройдут морем к земле Рима и даже дальше...

— На носу корабля норвегов скалилась медвежья морда, а глупые ирландские островитяне жгли на палубе уголь и возносили молитвы дереву, - с отвращением процедил ксендз. - Эти нечестивцы отвергли светлую власть Креста и поплатились...

Хранитель вздохнул, деликатно пережидая вспышку гнева. Артур прикидывал, сколько часов с таким характером проживет Станислав в отряде. Лева Свирский и Людовик верно соблюдали православные посты, правда, отчаянно путались в терминологии. Но в целом довольно исправно следовали за пастырями Лавры. Мама Рона имела к соборникам серьезные претензии, но молилась на иконку божьей матери. Даляр в состоянии покоя относил себя к атеистам, но в моменты большой опасности охотно клялся всеми богами подряд. К великому счастью губернатора, Христофор не поддерживал кровавых обрядов озерников и других детей Красной луны. Что касается Мити Карапуза, то сын лесов, степей и дремучих легенд был похож на теленка, сосавшего одновременно двух маток. На восходе он резал глотки индюкам и с чистой совестью отправлялся к заутренней.

Странно, что этот конквистадор еще жив, подумал Артур, искоса разглядывая воинственно вздернутый подбородок святого отца. И чего Хранитель так с ним церемонится? Сегодня они позволяют попам жечь на кострах дикарей, завтра католики возьмутся за колдунов, а потом придет черед и самих Качальщиков. И Книгу объявят ересью, и крестьян с кольями поднимут против драконов и летунов...

Кшиштоф кашлянул, привлекая внимание.

— Рыбаки уплыли, и от их кораблей шла по воде такая грязь, что на берегу, у стертого порта Гданьск, вновь задержались Слабые метки. Спустя какое-то время вернулся караван воеводы Песи из германского Гамбурга. Тамошние рыбаки выловили троих норвегов в маленькой спасательной лодке. Все трое после умерли от страшных язв, они не протянули долго. Умиравший норвег успел сказать, что корабли попали в полосу Желтых туманов, но все спрятались и закупорили выходы на палубу. Умерли только двое, они вышли слишком рано. Потом туманы закончились, дул попутный ветер, и ирландцы решили забросить сети. Дух дерева, которому они поклонялись, подсказал им, что под днищем корабля полно рыбы. Дух дерева не обманул.

Но лучше бы они не пытались ее ловить.

Суда встали на якорь. В подозрные стекла капитаны видели французский берег. Они видели, как поднимаются дымки от жилья, они видели стада каких-то животных, кочующих вдоль береговой полосы, и раскидистые деревья. Рыбаки спрашивали друг друга, почему глупые поляки и германцы боятся проторить караванный путь на юг прямо по берегу.

"Этим трусам далеко до нас, храбрых потомков викингов и кельтов! - говорили они друг другу. - Здесь чистая вода и прекрасный морской воздух. Мы построим тут гавань, застолбим владения и подружмся с дикарями. А пока отправим к берегу лодку с двадцатью бойцами!.."

Ирландцы спустили две лодки, закинули между ними сети и стали ждать добычу. Они пили на палубе хмельное пиво и танцевали свои мужские танцы под писк надутой шкуры. Стоял полный штиль и такая тишина, что музыка разносилась на многие мили вокруг.

Капитан норвегов приказал спустить на воду большую лодку и отправил на берег двадцать человек, самых бравых рубак, с ружьями и ножами. Больше он отпустить не мог, так как в древнем ржавом корпусе корабля открылась течь, и команда занялась починкой.

Прошел час. Лодка достигла берега. Капитан видел в подозрные стекла, как его люди помахали флагом, забили в песок колья и привязали к ним лодочные канаты. Потом они углубились в заросли на берегу, и спустя несколько минут загремели выстрелы.

По словам умирающего норвега, тот вечер он запомнил как самый прекрасный и самый жуткий за свою короткую жизнь. Прекрасный, потому что он никогда не плавал так далеко на юг и не представлял, что где-нибудь море может быть таким тихим, а воздух таким теплым и ароматным.

Он выжил, потому что дежурил вперёдсмотрящим на мачте, а два его друга сидели взаперти, охраняли от собственной команды погреб с провиантом.

С берега донеслись выстрелы, но никто не появлялся. Брошенный баркас так и болтался на мелких ласковых волнах. Там сидел единственный человек, часовой. Он неистово махал флагом, призывая капитана на помощь. Затем часовой начал орать; команды обоих судов столпились у бортов, пытаясь разглядеть, что же там происходит. Капитан крикнул вперёдсмотрящему - тому с мачты было лучше видно. Пока матрос водил оптикой, часовой с баркаса исчез, а потом опять появился. Он несся вдоль полосы прибоя, убегая от чего-то длинного, серого, похожего на гигантскую лисицу. Одну руку часовой прижимал к груди, и матросу показалось, что беглец весь залит кровью.

Матрос видел с мачты узкую полоску каменистого пляжа и, вплотную к камням, густые заросли странного, коричневато-пепельного оттенка. Матрос различал узкий коридор, прорубленный ножами команды. А потом он сместил угол зрения пониже и увидел, как часовой бросился в море. Парень изо всех сил плыл от берега к кораблю. Он бросил сигнальный флаг, бросил ружье и саблю и предпочел пересечь пару миль незнакомых вод, чем оставаться на берегу.

Но добраться до судна моряк не успел: несколько секунд спустя что-то схватило его за ноги и утащило на дно.

Капитан приказал собрать новую экспедицию на берег, но тут началось такое, что о баркасе все забыли.

Из трюма судна, где уже заканчивались восстановительные работы, раздался одновременный вой десятка глоток. Те, кто был на палубе, бросились на помощь. Возможно, задрай они люки, судно удалось бы спасти. Но все решили, что оторвался новый кусок обшивки, и побежали затыкать течь...

В ту же секунду вперёдсмотрящий услышал вопли, доносящиеся со стороны ирландского парохода. Он обернулся и не сразу сообразил, что именно видит, настолько ужасное зрелище открылось. От рыбаков в лодках остались одни скелеты. Ирландцы не успели ни убежать, ни даже выстрелить. А те, кто на них напал, продолжали рвать сети, перетирать в труху крепкие весла и носиться вокруг, выпрыгивая из воды на несколько метров вверх. Летучие рыбы.

А может быть, совсем и не рыбы, а что-то другое, потому что рыбы не смогли бы забраться на корабль по якорным цепям. Многие лезли прямо по борту и походили на мокрых, щетинистых скорпионов.

Ирландская команда отстреливалась, пустила в ход сабли и ножи, но прожорливых дьяволов было слишком много. Матросу на мачте скоро стало не до соседей, поскольку его собственное судно дало крен. Видимо, рыбы как-то проникли в трюм и сожрали всех, кто там находился. Течь опять усилилась. А из-за темноты и скученности люди не могли защищаться и не видели врага.

Судно тонуло, заваливаясь на бок. Все, кто оставался наверху, бросились к шлюпкам. Матрос спустился с мачты, бросив свой пост и оказался в одной лодочке с парнями, которые охраняли камбуз и казну.

Все трое выжили только потому, что не последовали за прочими шлюпками к берегу. Корабль уходил всё глубже, вскоре взорвался паровой котел, и на поверхности осталась лишь груда щепок от деревянной палубы. Все лодки, повернувшие к берегу, были атакованы подводной стаей. Ирландский корабль оставался на плаву, оттуда доносились выстрелы и стоны, но трое спасшихся матросов не решились приближаться. Они видели, как погибли товарищи, и изо всех сил гребли на запад, в открытое море. Они хотели обогнуть гиблые воды по большой дуге, но начался шторм, и шлюпку потащило назад. Спустя неделю, пройдя

полосу туманов, смертельно больные, они достигли германского порта...

Хранитель степенно достал трубку, заколотил табак, давая Ковалю возможность осмыслить рассказ.

— Кто после этого мог говорить об отправке посольства морем? - добавил Станислав. - Великое посольство пошло по суше, по тем зыбким тропам, что проложили на юг смельчаки, вооруженные молитвой и святым Крестом.

— Больше двух тысяч человек, - Качальщик выдохнул дым. - Скот и телеги. Среди них были наши братья, принявшие веру Креста, но не разучившиеся выживать в опасных местах. Я не разделяю их порыва, но привык уважать смелость. Семнадцать человек, они знали, что, добравшись до Рима, выберут наместника, а затем будут вынуждены уйти в горы и основать свою деревню вдали от грязной техники.

— Мы слышали, что три года назад пропала большая группа людей в зараженной зоне, но не подозревали, что всё так серьезно.

Артуру уже не хотелось пива. Ему хотелось собрать своих и посоветоваться. Одно дело - топтать до Парижа, пусть даже пешком, и совсем иная задача - разыскивать в гиблых местах следы последнего крестового похода.

Священник ковырялся с четками, так и не притронувшись к ковшику с пивом.

— Я скажу тебе, почему поддерживаю отца Станислава, - задумчиво произнес Хранитель. Он вытащил изо рта трубку и заглянул Артуру в зрачки. - Слабые метки взбесились спустя неделю после того, как посольство переправилось через Рейн и ушло по Поющему автобану в сторону первого пожарища. Так бывало на памяти нашего рода лишь дважды. Когда взорвался спавший огненный гриб, и когда Балтийское море принесло нам корабль длиной с милю...

— Длиной с милю? - растерянно переспросил Артур.

— Да, он был похож на город, его башни вздымались на десятки метров вверх, а на палубах могла бы разместиться вся Варшавская ярмарка. Я помню этот корабль; чтобы отогнать его от берега, пришлось собирать всех братьев и просить помощи у русских. Равновесие было нарушено, и с каждым днем Метки кружили всё быстрее, потому что корабль был живой.

— Как живой?

— Внутри него продолжал жить огненный гриб. Он спал очень глубоким сном, но не умер окончательно. Хотя гриб не заражал воду, этого было достаточно, чтобы на протяжении сорока километров вдоль по побережью вода захлестнула двенадцать поселков. Погибли люди. А корабль-город продолжал дрейфовать, и всех наших сил не хватало, чтобы отогнать его.

Мы хорошо сделали, что не утопили корабль. Я тогда был молод и горяч, лет двадцать, не больше. Я предлагал отправиться на корабль, разобраться, как им управлять, и направить его в море. Или затопить прямо у берега. На счастье, приехали русские Хранители, у них тогда еще не было змеев, только Черные кони. Они приехали и сказали, что на корабле не только спящий гриб, который вместо парового мотора, а там еще десятка два спящих грибов - в оружейных карманах. И если мы попытаемся затопить гигант, как топим порты на побережье, мы получим такую Слабую метку, что от Польши останется мертвая пустыня.

Тогда Хранители обратились к воеводам. И были забыты распри из-за городских младенцев, которых мы забирали себе. Воеводы вывели в море все рыбацьи суда, больше сорока штук. Приплыли корабли от литовцев. А от вас, из Петербурга, Хранители прислали четыре буксира. Их привела хозяйка русского порта, мама Кэт, огромная такая женщина, настоящая разбойница. Мы зацепили плавучий город канатами и сумели сдвинуть его с места. Рыбаки знали островок на Балтике - одни скалы. Корабль оттащили туда и оставили в узком проходе, потому что из открытого моря он мог бы опять вернуться. Когда отцепили канаты, оказалось, что тяжелое судно пошло дальше, пока не село на мель. Там он и застрял, а звенящие узлы постепенно успокоились...

И вот, после ухода Великого посольства началось такое же движение узлов. Но ничего

не взрывалось, и в почву ничего не просачивалось.

Ты понимаешь, пан Клинок, о чем я говорю? Картина выглядела так, словно разумная сила раскачала землю за Рейном, чтобы стереть караван...

– Какие-то враждебные Качальщики? - наугад предположил Артур. - Откуда им взяться, если за рекой нельзя жить?

– Враждебные, только не Качальщики. Ты разве не знаешь, пан Клинок, что настоящие колдуны есть только среди славянских племен? Я имею в виду истинных владык живого мира, а не шарлатанов, кто режет жаб на могилах.

– Вот те раз... - опешил Коваль. Он припомнил, что действительно никогда не слышал о норвежских или финских лесных чародеях. - А почему? Почему в загаженной Европе нет своих Хранителей?

– Когда-то я задал этот вопрос отцу, - грустно улыбнулся Кшиштоф. - И отец мне ответил так. Он сказал, что германец, когда хочет узнать, пора ему сеять или пора праздновать, смотрит в календарь, а поляк или русский - в себя.

У нас хуже урожаи, но зато мы лучше видим...

4. ПОЮЩИЙ АВТОБАН

Артур соскочил с коня и осторожно опустился на одно колено. Стараясь не касаться ладонями потрескавшегося асфальта, наклонил ухо к земле. Ничего подобного ему слышать не приходилось.

Автобан пел.

Этот ноющий, заунывный, как комариное гудение, звук не слишком походил на песню. Если слушать долго и внимательно, аккорд распадался на несколько составляющих нот, вроде нитей, сплетенных в тугой канат, но кое-где порванных и снова связанных. Одни нотки тонко вибрировали, как железный флюгер на ветру, а другие басыли, на грани с инфразвуком, поднимая дыбом волосы.

– Завыть хочется! - поежился в седле Людовик.

– Ты уверен, что это лучшая дорога? - с сомнением спросил у ксендза Лева, обозревая мглистый горизонт.

– Это дорога, по которой три года назад ушло посольство, - отрезал Станислав и отвернулся.

Всю дорогу он демонстративно давал понять, что достойного собеседника видит лишь в лице губернатора. Артуру эта история с проводником нравилась всё меньше. Для отряда оказалось потрясением превратиться из авиаторов в кавалеристов, но спорить никто не стал. Никто из этих людей трудностей не боялся, а чутью Хранителей верили безоговорочно.

И мама Рона, и Лева отказались бросить экспедицию. Кшиштоф не подвел, выделил пятнадцать первоклассных коней, так что поместились и багаж, и корзина с Лапочкой. Крылатые змеи полякам удавались неважно, зато в модификации лошадей род Кшиштофа оставил уральских мастеров далеко позади. Кони стали еще крупнее, перевалив в холке рост баскетбольных нападающих. Уши приподнялись выше, отчего благородные животные слегка смахивали на кенгуру, и вдобавок вращались на сто восемьдесят градусов. Глаза еще больше вытянулись в длину, позади копыт появилось по загнутому когтю. Как успел убедиться Артур, его конь без труда одолевал почти вертикальные подъемы...

Но самым фантастическим достижением генных инженеров стал увеличенный вдвое объем сердечной мышцы; выносливость развилась просто неопишная. Они могли скакать карьером, не останавливаясь, больше двенадцати часов. Они могли без проблем, с грузом в триста килограммов, переплыть реку. Единственная задача, которую пока не удавалось решить, - это приживить лошадям жабры...

– А мне по нраву, что так ровно! - заржал Митя Карапуз. - Хорошая дорога, ровная!

– Лучше некуда, - согласился Людовик. - Вот только воеет так, что у меня колени трясутся.

Отряд собрался в кучку; бессознательно все оттягивали момент начала пути. По территории Польши они проскочили галопом, почти не останавливаясь и не сбавляя скорости. На редких привалах в городках Лапочку отпускали из корзины погулять, и белый кот до икоты пугал старух и детишек.

— Там, вишь как оно, впереди, что-то непонятное, прям пылевая буря! - недовольно заметил полковник Даляр. - Мы добрых мостиков с дюжину миновали и дороги покрепче видали.

— Они также вели на запад, но не пели и не застилались пылью, - добавила мама Рона, повязывая вокруг лица мокрый платок.

— Вперед! - скомандовал Коваль и тронул поводья.

Пора было прекратить эти пустопорожние рассуждения и подать пример.

Копыта наконец негромко зацокали по шоссе. Позади с умиротворенным шелестом нес мутные воды воспетый германцами Рейн. Мост почти не повредило от времени, под опорами из воды до сих пор торчали груды сброшенных когда-то автомобилей. За лесом поднимались приветливые дымки, и торчали спаренные готические шпили. Местные крестьяне встретили экспедицию довольно приветливо, продали копченого мчса и указали источник с чистой водой. Из Рейна никто не пил, и скотину там не купали.

При посещении аккуратных германских поселков Артура не покидало острое чувство зависти. Несмотря на разрушения и мертвые зоны вокруг промышленных объектов, здесь сохранилось главное - фанатичное прилежание и стремление к аккуратности. Даже братские могилы столетней давности были организованы с немецкой плановностью и четкостью...

Крестьяне жили почти вплотную к границам Великого пожарища, которое в дословном переводе называлось тут "Пастбищем смерти". Там, где не было заметных границ, красовались подновляемые таблички с надписями "Ахтунг" и "ферботтен!" И перед этим мостом стоял колышек с табличкой.

У моста спешились; по указанию Станислава, коням перевязали морды плотной мешковиной, а ноги по колено обработали белым вонючим составом, похожим на известь. На противоположном берегу расстился точно такой же дремучий лес с преобладанием буков. Сучковатые, лишенные коры деревья походили на тевтонских рыцарей, вышедших к реке напиться и ждущих заветное слово, чтобы ринуться вброд, в атаку на человеческое жилище...

— Карапуз, на пять корпусов вперед, и возьми с собой Лапочку! Людовик, замыкаешь! - привычно отдавал команды Артур. - Полковник, держи левый фланг. Христофор и Лева, пустите маму в центр. Семен, прикрывай меня сзади!

Сам он ехал впереди мамы Роны, бок о бок со Станиславом, расстегнув ножны и освободив зажимы метательных клинков. В обеих седельных сумках торчали рукояти заряженных дробовиков. Карапуз причмокнул, вырываясь в авангард, ухватил за поводья коня, несущего корзину с тигром. Лапочку развязали; тигр впервые с начала пешего путешествия вел себя нервно. Раскачивал длинной складчатой шеей, шевелил усатыми ноздрями по ветру.

— Зверь беснуется, - сказал Христофор. - Чует живность...

— Живность? - мигом откликнулся Станислав, приподнимаясь на стременах.

Хмурый ксендз довольно быстро сообразил, кто есть кто в маленькой армии и, как ни странно, нашел слушателя в лице покладистого сына Красной луны. К изумлению Артура, святоша довольно спокойно переносил загадочные афоризмы Христофора и с великодушной настойчивостью внушал заблудшей овце мысли о боге. Даляр глядел хмуро, а Людовик только посмеивался...

— Нечистая живность, - сообщил, не поворачивая головы, Карапуз. Даже на таком расстоянии дикарь прекрасно слышал всё, что говорили сзади. - Пока далече, но шибко много.

— Говори яснее, - попросил Коваль. - Одно большое или много маленьких?

— Не видать. Далече и... очень непонятно. Гы! Так не бывает!..

– Тут всё бывает! - поляк натянул поводья, конь стал, как вкопанный. - Я прошел эту дорогу трижды и до сих пор жив, потому что верил в знаки, посылаемые Господом нашим. Другие не верили, насмехались и размахивали сталью. Тут бывает всякое, а к югу, где обнимут Ползущие горы, одна глупая улыбка обойдется тебе очень дорого! Я по два дня лежал в болоте и спал, привязавшись к вершине дерева. Теперь кости тех, кто смеялся, гниют в земле, а я жив и закончу предназначенное...

Да, мысленно присвистнул Коваль, встречаясь глазами с Даляром, этот парень, если не псих, то явно одержимый. Наверное, для подобных предприятий это не так плохо...

– Оно далеко слева, там! - недовольно проворчал Христофор, указывая в сторону лесной прогалины, где появились длинные приземистые строения. - И так не бывает: сразу над землей и под землей. Лапочка чувствует, но пока не шипит...

– Всё бывает. Скорее всего, это рой, пока не страшно! - Станислав опять тронул жеребца с места; сбившийся с ритма отряд двинулся вслед за ним.

– Какой еще рой? - озабоченно спросил Лева, но ксендз снова его проигнорировал.

Артур приложил к глазам бинокль. Автобан вонзался в лес, как оброненный великаном меч. Кое-где на дорожном покрытии сохранилась разметка, а по обочине поблескивали светоотражатели. Километрах в двух впереди на встречной полосе навсегда замерла автомобильная пробка. Очевидно, первым перевернулся и перегородил дорогу большегрузный трейлер, а следующие в хвосте легковушки продолжали втыкаться и налезать друг на друга, пока не начался пожар. За полтора столетия от аварии осталась бесформенная груда обломков высотой с двухэтажный дом, а шоссе покрылось въевшимися пятнами рыжей ржавчины. Может быть, шофер трейлера умер прямо за рулем, не успев вовремя вколоть себе вакцину. А может быть, он нарочно завалил машину, чтобы устроить веселое представление...

Буковый лес раздался в стороны. В низине, как одинаковые спичечные коробки, тянулись ряды промышленных зданий с выцветшими буквами на плоских крышах.

– Там написано, что это химический концерн, - пояснил поляк. - Ближе подходить нельзя. И направо тоже заводы: делали запасные части для нефтяных повозок. Так до самого горизонта.

Коваль смутно представлял себе экономическую географию прежней Германии, но складывалось впечатление, что отряд угодил в самый центр химической промышленности.

Кони мерно вышагивали по жаркому пыльному асфальту. Хвосты висели спокойно, ни одно насекомое не тревожило животных. Или мазь Хранителей отпугивала комарье? Лапочка скалил зубы, фыркал и скреб когтистыми пальцами борт корзины. Артур старался не упускать тигра из вида. Как бы люди ни были тренированы, Лапочка заметит опасность прежде.

Пока вокруг ничто не напоминало родимые российские пожарища. Вполне обыденные лужки, кольцевая развязка, рухнувшие под тяжестью танков опоры эстакады.

Лежащий на боку строительный кран насквозь пророс кустарником. За краном валялся потемневший пластиковый щит с предупреждением, что движение в направлении Кобленца для частного транспорта закрыто. А за вторым поворотом, там, где торчали сваи подорванной развязки, колыхалась в жарком мареве сплошная пыльная стена.

Издалека это походило на желтоватый туман, но чем ближе подбирались всадники, тем сильнее напрашивалось сравнение с пыльной стеной. Словно по мертвой саванне проскакало стадо буйволов. И всё громче становилось тоскливое пение.

– Ты был здесь трижды? - чтобы легче справиться с тревогой, Артур решил не молчать. - Значит, Хранитель Кшиштоф не зря пригласил именно тебя... Разве не достаточно одного раза, чтобы навсегда возненавидеть эту пыль?

– Впервые я прошел здесь пятнадцать лет назад с караваном из Вроцлава. По Неметчине раскидано много гиблых мест, но торговлю ведут почти без оглядки. Крестьяне давно проложили безопасные пути, а бургомистры дают верных проводников. Но караванщики из Вроцлава были лихими купцами, вознамерились пройти южнее. Ктото им

сказал, что за пылью есть богатые города... Они пригласили меня и еще двоих ксендзов, чтобы силой Креста освятить путь. Половина из нас погибла, не хочу вспоминать... Потом я ходил в Вечный город...

– Так ты был среди тех, кто добрался до Рима?!

– Да, это не так сложно, если не вести себя, как твой холоп.

– Карапуз мне не раб! - Артур ухватил коня поляка за поводья. - Пан Станислав, все эти люди служат городу. Давай раз и навсегда договоримся, что холопов тут нет, иначе у тебя могут возникнуть серьезные проблемы!

– Всегда будут холопы и господа, - криво усмехнулся святоша. Но дальше спорить не стал. Артур покосился назад: не видел ли кто их маленькую стычку. Даляр, ехавший по дальней обочине, глазами показал, что контролирует обстановку. Руки у полковника были заняты. На правом плече, стволом назад, он держал заряженную крупной дробью двустолку со взведенными курками. Поперек седла Даляр небрежно уложил дисковый пулемет, наставив вороненый раструб на низкие кусты. Вдоль обочины, до границы леса, расстился ослепительный ковер цветущих дроков, там кружили пчелы и порхали фиолетовые бабочки. Полковник держался в седле абсолютно расслаблено, но Артур знал, с какой скоростью он умеет открывать круговой огонь.

– Расскажи дальше, - примирительно попросил он ксендза. - Ты дошел до Рима...

– Сначала мы были не в Риме, - вернулся к беседе Станислав. - Мы дошли до города Милана и там встретили людей истинной веры. Они приняли нас очень хорошо, потому что помнили других святош, которые приходили до нас. Они тоже хотели бы торговать с Германией и Польшей, но знали, что большому каравану не пройти. Ты сам позже поймешь, пан Кузнец...

Потом нам дали проводника до Вечного города. Но святой престол осквернен язычниками, а вокруг древних стен жили племена кровожадных людоедов. Мы стояли на горе и молились о том времени, когда нам с итальянскими братьями удастся вернуть утраченное величие. Под покровом темноты мы пробрались в один из соборов - и бог явил нам чудо. В разграбленном храме нам удалось обнаружить обломки Креста, святые книги на незнакомом языке и картины. Мы взяли, что могли унести, и отправились обратно.

Но в пути через горы многие из моих друзей вели себя слишком беспечно. До Варшавы нас вернулось только семеро...

Последний раз я посетил Мертвые земли два года назад, когда пытался отыскать Великое посольство. Сам я не участвовал в походе, потому что был послан епископом проповедовать истинную веру в Украину...

– Так попытки найти пропавших уже предпринимались?

– И не раз, но безуспешно. Хранитель Кшиштоф сказал тебе правду. Граница Мертвой земли беспокойна, как будто взорвались сразу десятки потухших древних заводов. Даже германские чародеи-травники, раньше свободно гулявшие по границам Желтых туманов, остерегаются забираться на юг. Как будто враг рода человеческого вознамерился помешать нашим планам.

– И как же ты отважился?

– Нас было трое, получивших благословение. Кроме меня, один простой горожанин, ткач по профессии, и один Качальщик, холоп из рода Кшиштофа, которого я вырвал из лап нечестивых и привел к богу. Мы получили от Хранителя силы крылатого змея и полетели над водой. Мы знали, что втроем не прорвемся над сушей, и решили повторить путь норвежского корабля. Мы сумели подняться над ядовитыми испарениями, но молодого Качальщика сожрали рыбы, когда мы приземлились на крошечном острове, чтобы дать змею отдых.

– Поэтому тебе нравится Христофор? - улыбнулся Артур, не отводя глаз от пылевого облака.

Что-то там было неправильно, словно искусственно. Словно надрывался за косогором исполинский вентилятор, заставляя стонать асфальт...

– Сердце вашего Христофора открыто для правды, - согласился ксендз. - Ему легче прийти к правде, чем закосневшим в грехах людям, которые носят золотые кресты под одеждой.

– Продолжай, мне интересно.

– Мы с ткачом успели вовремя проснуться и вырваться из когтей морских чудовищ. Но до Вечного города я добрался один, потому что горожанин не послушался меня и попил отравленной воды из ручья. Он смеялся надо мной, а жара помутила его слабый разум. Он умер, когда до Рима оставалось всего два дня пути... Крылатый змей также погиб; мерзостные твари, похожие на птиц, но твердые, словно железо, напали на нас в воздухе и располосовали змея на части. К счастью, я упал в воду и спасся от их когтей. Если бы было суждено погибнуть мне, а не Хранителю, крылатый остался бы жив. Он меня совершенно не слушался, норовил укусить и постоянно старался сбежать. Я так и не снял с него намордник, боялся, что загрызет. Кормил через решетку, мелкими кусочками, и когда налетели железные чудовища, змей даже не мог защищаться...

Я остался один. Я добрался до Рима и прожил в городе семь месяцев, проповедуя среди дикарей, собирая в общину людей с открытым сердцем. Меня сто раз могли убить и даже сожрать, но не тронули.

Без змея я не мог искать посольство с воздуха. Я овладел языком дикарей и спрашивал всех, не слышал ли кто об огромном караване. Я искал любые следы пропавшего Великого похода. Они собирались навсегда осесть в Вечном городе, так велика была их вера. Но никогда не случалось, чтобы даже в самых гиблых местах сгинули все сразу...

Коваль мысленно провел черту, отсекающую Апеннинский полуостров от остального материка.

– В Милане и других городах, где сохранилась грамотность и вера, выжили тысячи людей, они ждали Великое посольство, чтобы сообща избрать наместника, но так и не дождались. Вместо этого все, кто пытался пройти через пожарища, даже самые опытные проводники, исчезли. И от польской земли, кроме меня, никто больше не прошел...

В эту секунду Лапочка вздыбил шерсть и заворчал. Кобыла Мити Карапуза замерла, нервно всхрапывая и яростно шевеля ушами. Отряд миновал возвышенность, с полуразрушенным виадуком, откуда было видно, как разбегаются в стороны нитки другого многорядного шоссе. Под автомобильным переездом, метрах в ста, жевали травку тощие, облезлые коровы, несомненно дикие, без клейма и колокольчиков. Заслышав шаги, они прекратили есть, задрали головы и испуганно уставились на людей.

Заметив, что от стада отделился низенький бычок, Семен Второй щелкнул затвором карабина. Но бык не стремился атаковать, он лишь свирепо ковырял копытом землю и демонстративно раздувал бока, украшенные шерстью приятного, светло-фиолетового цвета. На груди шерсть плавно приобретала изумительный сиреневый оттенок и свисала волнистыми прядями, как у северных яков. Коровий гарем заметно уступал во внешних прелестях своему господину. Буренки выглядели бы почти как нормальные представители голштинцев, если бы не длинные завитые рога, присущие скорее горным козлам.

Артур глядел на эту пасторальную сценку, вдыхал живительные ароматы леса и силился поверить в рассказ польского Хранителя. С каждой минутой он чувствовал себя всё глупее. Соратники предупреждали его, а верные друзья умоляли выступить в Париж как минимум конной сотней. Он ужаснулся перспективе оторвать столько народа ради собственной причуды.

Вот и сэкономил.

– Пресвятая Ксения! - пробормотал книжник, - ты только погляди...

– Убейте его! - почти выкрикнул Христофор. Его взвинченный ломкий голос вывел Ковалю из оцепенения. Он жестом остановил собеседника и свистнул тревогу. Впрочем, бойцы уже перестроились для обороны, не дожидаясь приказа.

Фиолетовый бык неторопливо приближался по бетонке, но даже подобравшись вплотную, он не смог бы нанести существенный вред всадникам, сидевшим почти на

трехметровой высоте.

– Это какая-то птица? - с отвращением спросила мама Рона.

– Ага, утка с четырьмя ногами! - отозвался Людовик и выстрелил в быка.

Коваль наконец увидел то, что заслоняло от него плечо Даляра. Излишне вытянутые морды коров были перепачканы кровью, а то, что он принял вначале за островок мягкой травы, оказалось огромным грязным комком перьев.

Коровы рвали на части тушу мертвой птицы, по размерам почти не уступавшей своим мучителям. Скорее всего, пернатое чудовище никогда не поднималось в воздух, но, наверняка, неплохо бегало на четырех ногах. Половину конечностей и голову плотоядные буренки уже умяли и подбирались к животу, покрытому мощным слоем пуха. Это утка, подумал Коваль, чтоб мне сдохнуть, если это не утка... Он отчетливо различил здоровенную перепончатую лапу, задрывшуюся к небу.

Грянул второй выстрел. Следуя неписаным правилам, отряд экономил патроны. Обе пули, посланные Четырнадцатым, попали животному в голову; бык достаточно бодро взобрался на насыпь, затем покачнулся и тяжело скатился обратно. Кто-то вздохнул с облегчением, но радоваться было рано. Пятеро кровожадных коров, следуя каким-то темным соображениям, не отступили в болотистый подлесок, а хрипло затрубили и бросились в атаку.

– Надо убить всех! - перекрикивая лязганье оружия, заявил Христофор. - У них на зубах яд!

– Он прав, господин, - повернулся к Ковалю Семен.

Качальщик поправил на лбу повязку, вскрыл пузырек с отравой и приготовился обмакнуть туда метательный нож. Когда расстояние между коровами и людьми сократилось до пятидесяти метров, стрела, пущенная Людовиком из арбалета, сократила численность врага еще на одну боевую единицу. Артур попытался представить, как будет выглядеть атака через несколько секунд, но тут и поляк ринулся в бой.

Артур поймал его за локоть:

– Мы договорились, святой отец, что в походе ты подчиняешься общей дисциплине. Ни ты, ни я не участвуем в бою, пока не возникнет крайняя нужда.

Глаза ксендза на мгновение сделались бешеными, он попытался дернуться, но Коваль перехватил поводья его лошади.

– С нами люди, которым платят за боевое искусство. А тебе платят за знания. Куда мы денемся, если ты погибнешь?

– Пойдете по щитам, - огрызнулся святоша, но буйствовать прекратил. - Тут щиты до самого Парижа. Ты ведь грамотный?

Семен Второй выехал врагу навстречу, мягко метнул, один за другим, три ножа. Четвертую зверюгу застрелил из лука Митя Карапуз. Пospорил с полковником на бутылку вина и попал точно в глаз. Ко всеобщему удивлению, Качальщик не спустился подобрать ножи.

– Надо срочно уходить, - сказал он, и Христофор согласно покивал. - Там, в кустарнике, их полно.

– Это следует записать, - потер бородку Свирский. - Я тридцать раз проходил в России через пожарища, но не видел, чтобы коровы сидели в засаде на утку. Летуны еще тудасюда...

– Походным! - скомандовал Артур, и Митя без напоминаний выдвинулся в авангард. Кони перешли на рысь. После виадука разбитый асфальт сменился темно-серым, пружинистым, почти не пострадавшим от времени покрытием. Коваль не помнил в России ни одной дороги, сохранившейся в таком идеальном состоянии. Не припоминал он этого материала и до Большой смерти, наверное, немцы изобрели позже, а русским, как всегда, показалось дешевле ежегодно латать старые дыры...

– Ты говори, святой отец, я слушаю, - дружески потрепал губернатор поляка по плечу. - А то знаешь, если на каждую мелочь отвлекаться...

– Теперь я вижу, что люди не зря признают за тобой власть, - хмуро отметил поляк, но

спорить не стал, вернулся к своим римским похождениям. - Я понял, что один не найду потерявшихся братьев и не дойду до Польши пешком, - мрачно продолжал Кшиштоф. - И тогда я решил собрать самых лучших моих римских учеников, найти подходящую лодку и плыть морем. Но плыть не на запад, а на восток, по картам. Это была отчаянная затея, но я решил, что если мы пойдем вдоль берега, не выходя на сушу, то сумеем добраться до Черного моря и высадиться в земле украинцев. Я уговорил плыть со мной десятерых спутников. Многие были опытными рыбаками и умели управляться с парусом и веслами.

Мы вышли в Адриатическое море, угодили в шторм. Затем у нас сломалась мачта. Со всех сторон в трюм просачивалась вода, но наш кораблик плыл! Сначала мы пошли на юг, к оконечности Италии, чтобы видеть берег, а оттуда собирались свернуть к греческим островам.

Сперва мы увидели лесные пожары. Горели сотни километров леса. Лето выдалось не таким уж и влажным; мы решили, что пожары возникли сами по себе. Мне тогда и в голову бы не пришло, что кто-то мог нарочно поджечь леса. А затем впереди показалось настоящее кладбище древних военных кораблей. Их там несколько десятков, некоторые сидят на мели, другие лежат на боку на мелководье, но есть и такие, которые полтора столетия простояли на якоре... Итальянцы сказали, что эти железные горы приплыли когда-то из-за океана и вот уже сотню лет источают зловоние. Внутри кораблей живет зараза, их пушки набиты снарядами, а в трюмах плещутся целые моря нефти. Есть даже такие корабли, где на палубах стоят стальные стрекозы, на которых люди когда-то умели летать... Но в Италии нет Качальщиков, чтобы утопить корабли окончательно.

- Это то, Артур, о чем ты думал? - вставил прислушивавшийся к разговору Лева. - Ты спрашивал там, у польского Качальщика...

- Да, судя по всему, остатки одного из флотов США, - кивнул Артур. - Средиземноморская эскадра. Так что, пан Станислав, Кшиштоф считает, что земля могла раскачаться от нефти этих кораблей?

- Я тоже так мыслил, - насутился святоша. - Пока не увидел своими глазами, что на кораблях совсем недавно побывали люди. Кто-то забрался внутрь и выпустил в чистое море нефть. Нам пришлось забираться далеко на запад, чтобы не попасть в горящую воду. Но это еще не всё. Мы подошли к берегу и расспросили местных жителей. Дикая рыбаки поклялись мне, что один из больших кораблей раньше стоял на якоре в гавани острова Сицилия. А теперь он лежит на боку гораздо севернее, и жерла его пушек торчат из воды. С корабля свешивались канаты, и было заметно, что его тащили нарочно, словно хотели навредить, испоганить чистые земли Двух морей. А еще чуть позже, когда мы уже достигли земли греков, мы услышали взрыв. Это взорвался в заливе один из подводных снарядов.

Рыбаки из деревни видели, как несколько больших лодок, плюющих дымом, тащили за собой поврежденный военный гигант, а потом бросили его и ушли на восток. На лодках работали люди в черной одежде, с закрытыми снизу лицами. И головы их были обмотаны тряпками. Кто-то хотел выйти в море, чтобы помешать им, но люди в черном открыли огонь из пулеметов.

Тогда я спросил у своих римских учеников, бывало ли такое раньше, чтобы древние корабли теряли свои заряды, или выбрасывались на берег, или разбрызгивали по морю горящую нефть... И мои спутники вспомнили, что долгие годы на севере было тихо, но примерно два с половиной года назад дважды гремели такие взрывы, что земля вздрагивала на тысячи километров, а сияние от взрывов затмевало солнце...

- Что ж они раньше молчали? - перебил Артур.

- Ты прав, пан Кузнец. По времени выходило, что, когда Великое посольство достигло Франции, кто-то устроил два взрыва у них на пути. Люди в Милане видели, как по небу прокатились смерчи, а затем с запада, из Франции, пришли тучи черного пепла. Несколько недель подряд воздух приносил дыхание огня...

Артуру казалось, что он видит дурной сон. Ничего этого не могло быть, просто потому, что так не бывает. Потому что необразованным пиратам в чалмах просто незачем проникать

на тысячу километров вглубь зараженной территории и взрывать нефтепровод. А судя по рассказу, кто-то постарался и уничтожил колоссальную нефтебазу... А три года спустя эти же загадочные басурманы скидывают в залив начинку миноносцев и сливают сотни тонн дефицитнейшего топлива. Но кто-то этот подвиг совершил...

– Что было дальше?

– Мы свернули на восток, прошли между греческими островами по древним картам. Мы раз пять приставали к берегу, намереваясь поговорить с местными жителями, но натывались лишь на пожары и следы войны. И там жили не дикари, пан Клинок. Я видел крепкие дома, храмы и ухоженные поля. А еще я видел трупы многих убитых - не только мужчин, но женщин и детей. Я почти ничего не знал об этой земле и не знал, с кем на востоке они могли бы воевать столь жестоко. А потом на месте одного из боев мы натолкнулись на тела людей в шароварах и повязках на лицах. Раньше мы не встречали трупов иноземцев.

До того случая мы считали, что только звери могут рвать животы беременным женщинам, мужчин сажать на кол, а детям выкалывать глаза. Но оказалось, что они не звери, а такие же люди, как мы.

Ты слышишь, пан губернатор? Было ли у вас, в России, так, чтобы один город напал на другой, и всем детям побежденного города перерезали глотки? Мы случайно встретили нескольких спасшихся стариков. Сначала они хотели убежать от нас, но потом поняли, что нас не надо бояться.

Старики увидели Крест и вышли из укрытия.

Никто из нас не понимал их речь, тогда они принялись рисовать на песке. Рисовали лодки и людей с закрытыми лицами. Это не были дикари и не звери, пан Клинок. На одеждах убийц были начертаны непонятные буквы, они владели дорогим оружием, и вдобавок один из них нараспев читал остальным книгу. Дикари не читают книг.

Мы прошли еще дальше на восток и на север, везде держась берега, пока не достигли удивительного и печального места. Мы приплыли туда, где море сужалось. Карта не обманула. Там, у причалов, лежали и торчали из воды сотни, если не тысячи мертвых кораблей. Настоящее кладбище. Пока мы пробирались по каналу, всё время видели прекрасный город Двух Башен; я забыл, как он назывался до Большой смерти. Город огромен, пан Клинок, я никогда не видел такого скопления домов. Несколько моих людей решили выкупаться. Их ужалили медузы, и нам пришлось пристать. Мы надеялись встретить жителей, попросить у них лекарство...

А если честно, то нам всем хотелось подольше полюбоваться на неземную красоту, на теплые зеленые горы и роскошные белые дворцы. Казалось, что на пристанях никого нет, но едва мои добрые спутники вышли из лодки, как их окружили смуглые люди с оружием.

Это я виноват в их смерти. Чудесный город Двух Башен показался мне чистым и добрым, я не ожидал, что там живут наши враги - те самые, с тряпками на головах...

– Почему две башни? - произвольно вырвалось у Артура. - Насколько я помню, у АльСофий четыре минарета. Хотя могли и разбомбить...

– Ты там бывал? - поразился ксендз.

– Очень давно, - улыбнулся Артур. - Когда башен было четыре. Что стало с тобой дальше?

– Я оставался в лодке, это меня спасло. Оказалось, что люди, населявшие Две Башни, поклонялись не Крестам, а ущербной луне. Они убили всех моих спутников, а пока шла драка, лодка оторвалась от берега и поплыла, подхваченная течением. Я мог бы выйти и погибнуть, защищая друзей. Но я принял решение спастись в море, потому что раскрытая тайна была важнее отваги и чести. Ты не веришь, губернатор, что так бывает?

– Верю. Умереть проще всего.

– Я плыл один на север. Я знал теперь, что Великое посольство не вернется. Враги разведали о нем, но побоялись схлестнуться в честном бою. Они использовали магию или наняли очень умелых инженеров, чтобы раскатать землю... Я не понимал одного: кому

понадобилась смерть невинных детей? Я видел людей в городе Двух Башен, но люди всегда подчиняются вожаку. Я не понимал и сейчас не понимаю, какой смысл в истреблении женщин, которые могут рожать?

У меня не осталось сил управлять судном, и великое чудо, что я не умер от жажды и меня не сожрали морские твари. Я молился Кресту и верил, что Бог меня не оставит. Когда солнце и жажда почти доконали тело, море вынесло лодку к берегу. Меня подобрал рыбак, они говорили на языке, похожем на наш, и отвезли в деревню под названием Адлер...

– Ни хрена себе прогулка!

– Да, меня хранили высшие силы. Рыбаки меня выходили, а затем помогли пристроиться к каравану, который шел на север. И лишь спустя месяцы мытарств я разыскал украинских Хранителей, которые усадили меня на крылатого змея и отправили в Варшаву.

– Да уж! - проникся Артур. - Потаскало тебя по кочкам. И какого рожна тебе дома не сидится? Я всё меньше верю, что мы найдем ваше посольство...

– Я могу задать вопрос? - вежливо встрял Лева. - А как реагирует ваша власть?

– Воеводы озлились, - с тоской отозвался поляк. - Они заявляют, что всё это слишком далеко от нашей страны и никто не неволил наших братьев возрождать Вечный город.

– А святоши?

Станислав не потрудился даже повернуться к Лева, зато смерил Артура долгим пристальным взглядом.

– Нам приходится дружить с колдунами, пан губернатор, так? Тебе и мне. Ты хочешь сказать, что отправился искать своих Проснувшихся демонов, не поставив угощение Хранителям памяти?

– Нет, конечно, - удивился Артур. - Да если бы я к ним на поклон бегал перед каждой вылазкой, у нас был бы не город, а страна сплошных советов. Тем более что не очень-то они разговорчивые...

Карапуз резко осадил коня. Серая полоса автобана покрылась толстым слоем песка. Кони ступали, увязая по щиколотку, на зубах у людей скрипели песчинки. Вблизи пылевая завеса напоминала не плоский театральный занавес, а скорее клубящуюся, медленно ползущую снежную лавину. Артур вспомнил, как в юности он выезжал в командировку в Среднюю Азию и наблюдал за раскаленными барханами, которые неукротимо наступали на зеленую траву. Здесь происходило нечто похожее. Листья деревьев и кустарники изменили цвет, они казались припорошенными желто-коричневым тальком. Вплотную к песчаной лавине жизнь полностью замерла.

Окончательно исчезли насекомые, затихли птицы. Кроме фыркания коней и негромкого лязгания металла, слышался лишь всё нарастающий, заунывный стон дороги.

– Надо закрыть лица и глаза! - распорядился Станислав. - Так ты пустился в дорогу, пан губернатор, и не спросил совета у ваших предсказателей? Даже Хранитель Кшиштоф знает о тебе больше, чем ты сам...

– Говори понятнее, пан Станислав! - Артур проверил, чтобы все как следует затянули на затылках тесемки мокрых масок и лямки мотоциклетных очков.

– Куда уж понятнее? - уперся святоша. - Хранители отыскиали для тебя место в своей колдовской книге, а ты даже не интересуешься, о чем там говорится... Позволь, я поеду первым! - Он стегнул коня и, вздымая фонтаны пыли, устремился вперед.

Артур рассеяно проводил его взглядом и вновь повернулся к лесной прогалине.

– Ребята, смотреть в оба! Бьем всё, что движется!

Карапуз и Даяр зачехлили стволы, готовясь стрелять сквозь мешковину. Лапочка вел себя тихо, зато Семен Второй напряженно перешептывался с Христофором. Сын Красной луны встал ногами на широкое седло и поворачивался, зажав виски ладонями.

После встречи с копытными никто над ним не подтрунивал. Коваль развязал один из рюкзаков и бережно достал плоский футляр со счетчиком Гейгера. Сколько он ни бился, даже "продвинутым" Хранителям не смог объяснить, что именно слышит чудной приборчик, найденный в обычной средней школе. Сейчас счетчик вел себя довольно сдержанно, бывало

и похуже...

– Так что говорит Книга? - не отставал от поляка Артур.

– Если останешься жив, спроси у Кшиштофа, - издаലെка усмехнулся Станислав. Огромный жеребец под ним пятился и пугливо вращал багровым, налитым глазом. - Я знаю, что северные колдуны совсем недавно добавили записи о Проснувшемся демоне. Теперь в Книге сказано, что он соберет Братство Креста и возглавит поход на юг...

5. ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

– Спаси нас, святая Ксения! Ты видишь, господин Кузнец? - мама Рона тронула Артура за рукав.

Начальница Медицинской академии отлично помнила, как к ней в санчасть привели когда-то обритого, запуганного парня в ошметках пластыря, но на людях всегда подчеркивала свое почтительное отношение к губернатору.

– Как думаешь, ваша работа? - повернулся Артур к Качальщику. Семен Второй растерянно покрутил головой.

– Наши люди так не умеют...

Почти шесть часов экспедиция шла сквозь полосу песчаных бурь. За это время окружающая флора изменилась настолько, что Артур поневоле чувствовал себя космонавтом на чужой планете.

Сначала они плелись в сумерках, отплеываясь песком, словно угодили в центр Сахары. Первым, держа коня на поводу, брел Станислав. Артур никак не мог взять в толк, откуда берется и куда уходит эта локальная буря. Такое ощущение, словно бесконечная, растянувшаяся до горизонта полоса выполняла функцию заслонки между более-менее привычной действительностью и чем-то неведомым.

Когда напор ветра начал ослабевать и появилась хоть какая-то видимость, оказалось, что четырехрядный автобан с разделительным газоном посередине кончился. Впрочем, направление угадывалось по остаткам размытой гравийной подушки. Станислав прокричал Ковалю в ухо, что здесь он никогда не подвергался нападению.

Потом они выбрались, и Артур не мог не ужаснуться, осматривая своих людей. Больше всего досталось Старшине книжников. Бедный старик не мог остановить кашель, сплевывал и отхаркивался; несмотря на очки, глаза его разъела пыль. Остальные выглядели немногим лучше; даже лошади дрожали, точно загнанные зайцы. Черные, как смоль, волосы мамы Роны и рыжие патлы Христофора стали серыми. Самым хитрым, естественно, оказался ксендз: он повязал не только голову, но прихватил веревками рукава и отвороты кожаных штанов.

– Наши так не умеют, - повторил Семен и выплюнул комоч серой слюны.

Но Коваль уже и сам понял, что до подобных шалостей русским Качальщикам далеко.

– Три года назад здесь было чище, - отозвался Станислав. Он наклонился и пытался гребнем расчесать свою густую шевелюру. - Теперь я вижу, что песок переместился. Но раньше за песком была зелень...

Сумрачные буки уступили место корявому, лишенному листьев подлеску. Всё, что росло или делало вид, что растёт, приобрело отталкивающий, мышинный оттенок. Артур не мог побороть омерзение. Вместо кустарника стояли дряблые, согбенные скелеты. За скелетами из черного месива выступали покореженные, уродливые пни, выбросившие навстречу солнцу пучки засохших веток, больше похожих на щупальца. Из переплетения веток свисали мокрые кожистые лианы, с них сочилась тягучая клейкая жидкость. Ковалю показалось, что к дрожащим нитям лиан прилипли десятки мертвых насекомых. В таком случае выходило, что каждая мушка была размером с воробья...

– Это дубы, - заявил глазастый Карапуз. - Чтоб мне сдохнуть, это же дубовая роща...

По правую руку, насколько хватало глаз, тянулись почти правильной прямоугольной формы ряды каналов с застывшей черной водой, точно посевы риса или следы аккуратной

бомбежки. Трава между ямами полегла и скукожилась. Из ближайшей илистой канавы высовывалась изящная мансарда с флюгером и остекленной верандой, внутри которой, словно законсервированные, красовались вазочки с цветами. Чуть дальше над водой болталась полукруглая, нарядная когда-то вывеска пиццерии. По одному из покосившихся столбов вывески, оставляя за собой потеки слизи, ползала рогатая улитка величиной с котенка.

— Медленно идет к нам, - озабоченно сказал Христофор, указывая за спину, где клубились песчаные буруны. - Неживое и живое, над землей и под землей...

— Это город, - кивнул на квадратные ямы Качальщик. - Недостертый город.

Воздух стал влажным. Заметно понесло гарью. Пропали телеграфные столбы и защитные щиты, бесследно исчезли могучие станины с путевыми указателями. И даже солнце, устало катившееся на запад, казалось грязным и блеклым, как пораженный катарактой зрачок...

Но было еще кое-что, озадачившее Ковалю.

Между илистых черных канав уходил влево слабый след подъездной дорожки, вдоль которой, будто непереваренные трясинной, торчали обломки пластиковых конструкций. Определить их назначение не представлялось возможным. В конце дорожки, в сотне метров от шоссе, выглядывали из рыхлой, неприятно блестящей почвы остроконечные черепичные крыши.

— Целая улица... Она утонула, - подобрал слово Даляр.

Останки крыш тянулись двумя параллельными линиями, между ними разливалось безжизненное антрацитовое озеро. Еще дальше, в кругу кривобоких, плешивых растений, торчала покосившаяся верхушка кирпичной ратуши. Снизу доверху темно-красный в прошлом кирпич был сейчас покрыт белым и зеленым налетом, точно разные виды плесени соревновались, кто быстрее сожрет воспоминание о человеке. Из разбитого стрельчатого окна здания высовывался гигантский птичий скелет. Видимо, четвероногая утка устроила гнездо в недрах муниципальной собственности. А потом явился кто-то, еще более крупный, подкараулил птицу в ее домике и перегрыз ей горло. На расстоянии Артур различал острую килевую кость и раздробленный позвоночник.

И ни единого звука, только звон в ушах, словно после разрыва снаряда...

— Не поет больше, - заметил Людовик, орудуя шомполом в дуле карабина.

— Дорога умерла, петь некому, - объяснил поляк. - Дорога поет, пока ее ломает.

Артуру, в свое время, довелось участвовать в стирании нескольких десятков некрупных населенных пунктов в глубине России. И всегда Качальщики сначала определяли точки приложения сил, скрупулезно собирали "плавающий" узел, чтобы, не дай бог, не выпустить процесс из-под контроля...

Тут всё было иначе. Землю раскачали небрежно, часть домов осталась на виду. Либо тот, кто вывернул наизнанку южную Германию, действовал как взбесившийся слон, либо...

— А может, это Звонящая метка? - нерешительно спросил Коваль.

Семен Второй присел, растер в ладони горсть земли, поднес к носу.

— Похоже на то, но кто их видел?..

— О чем идет речь? - к полуживому книжнику понемногу возвращалось любопытство.

— Звонящая метка, по терминологии Хранителей, это редкий случай, когда три "плавающих" узла собираются прямоугольным треугольником, - пояснил Артур. - Например, на месте ядерного взрыва или очень грязного древнего производства. Так было у нас в Череповце и... в Москве. Такая метка не просто Слабая, она способна вызвать разрушения на площади в тысячу километров. И Звонящие метки, в отличие от обычных, Качальщики не раздувают, а, напротив, стараются погасить. Самые вредные объекты всегда старались растворять потихоньку...

— Это ж надо! - присвистнул Людовик. - А сколько ковбоев они угробили со своим колдовством...

— Мы не воюем с ковбоями! - нахмурился Семен.

– Тихо, тихо оба! - рявкнул Артур. - Тут никто не виноват. Тут всё гораздо хуже.

Он вглядывался в горизонт, крутил настройки бинокля, но везде встречал лишь обезображенные карликовые деревца, черную жирную воду и серый блеск земли.

– Нет леса, приятель, - сообразил Семен. - Если это метка, должен быть дикий непролазный лес. И звери. А тут пусто, как на пожарище.

– Тут не пусто, - внезапно заявил Христофор.

– Хлопец прав, тут совсем не пусто, - обнажил редкие зубы святоша. - И если засветло не доедем до городка пивоваров, то спокойной ночи я никому не обещаю.

– По коням! - приказал Артур. - И след в след, порядок прежний.

Спустя два часа перехода в напряженной тишине, запах гари стал сильнее, а клубы летучего песка почти исчезли за линией чахоточной поросли. Отряд продвигался в полном молчании. Все спутники Ковалья когда-то повидали Вечные пожарища, но здешние "красоты" повергали в смятение даже Митю Карапуза.

– Глянь, хозяин! - потрясенно указал он, когда в десятый раз миновали череду плоских бетонных крыш.

Прежде там возвышались корпуса германских промышленных гигантов, но теперь они походили на стадо доверчивых буйволов, угодивших в трясины. Одна из роскошных нержавеющей башен с рекламой фармацевтического концерна "Байэр" ухитрилась не уйти в почву вертикально, а завалилась набок. Артур насчитал одиннадцать этажей.

– Эдакую махину втянуло! - восхищенно восклицал Карапуз. - А мы так против нее, что букашки...

В одном из окон верхних этажей торчали палки, пучки травы и даже обломки стальной арматуры. Когда всадники приблизились, из-за балконных перил высунулись две пучеглазые головы с массивными, загнутыми вниз желтыми клювами. На голых черных шейках еле-еле пробивался нежный пушок. Шейки были обхватом с мужское запястье. Обитатели фармацевтического офиса синхронно разинули клювики и издали жалобный писк, от которого вздрогнули лошади.

– Это ж гнездышко, - крикнул Митя. - Ни хрена себе птенцы! Не хотел бы я с ихней мамкой столкнуться!

Коваль подумал, что хищные детеныши вряд ли могли взлететь при таком весе. Интересно другое: как их мамаша добывает пропитание, если ходит пешком? Разве что бегают со скоростью курьерского экспресса...

Рыкающий бас Карапуза разносился в стороны от тропы и тонул в сыром тумане. Артур ни с кем пока не хотел делиться своими соображениями, но кое-что в поведении воздуха ему совсем не нравилось. Качальщик тоже заметил изменения, недоуменно поглядывал на небо.

Воздух не должен был теплеть к вечеру, а он не просто теплел, он становился душным, точно под землей разогревался дьявольский котел. Над илистыми кавернами поднималось зыбкое марево, а справа открылась широкая низина, до горизонта заросшая жесткой сиреневой осокой. Оттуда ласковый ветерок доносил жуткое зловоние, будто догнивал стратегический запас квашеной капусты. Именно такими представлял себе Коваль уютные болотистые лежбища Юрского периода.

Воздух нагревался с каждой минутой, и само солнце вело себя как-то неправильно. По всем прикидкам, светило должно было давно скатиться к удаленной цепочке холмов, но вместо этого точно приклеилось к небу. Коваль дважды доставал из подсумка железный цилиндр с авиационным хронометром и дважды не мог понять, кто сошел с ума, он или солнце. По внутренним ощущениям Артура, часы шли исправно. "Но если в космосе всё в порядке, - вынужден был признать Артур, - значит, не в порядке само время!" Только этого не хватало... Он незаметно показал Семену на циферблат. Тот мрачно кивнул. Качальщики не пользовались механическими приспособлениями, но с детства были приучены определять время с точностью до минуты.

– Не темнеет, - сквозь зубы проворчал Семен, поравнявшись с губернатором. - Словно

время в кольцо замкнулось. Я слышал, китайские монахи так делать умеют...

— Здесь так бывает, - откликнулся вездесущий ксендз. - Иногда слабее, иногда сильнее; я не хотел вас пугать. Один мой знакомый, из германских колдунов, ходил за травами, но не по этой дороге, а севернее. Однажды он попал в день, который длился больше тридцати часов, а когда вернулся обратно, никто его не искал. Родственникам показалось, что он вернулся даже слишком быстро, за одно утро. Все удивились, как он успел собрать так много целебных растений...

— Выходит, если мы застрянем тут на месяц, за пылью может пройти всего неделя?

— Ты не проживешь тут месяц, - просто ответил поляк. Затем поразмыслил и добавил "ясности": - А южнее может стать совсем наоборот.

— Здесь можно собрать что-то целебное? - недоверчиво хмыкнул Качальщик, заматывая лицо шарфом.

Он последовал примеру Карапуза: достал пузырек и выдавил на ткань несколько капель настойки, чтобы вонь не отбила обоняния.

— Здесь я даже голой рукой к земле не стал бы прикасаться, - бросил Станислав. - Но севернее, в предгорьях, много хороших трав.

Головной жеребец Карапуза увлекал своих сородичей по сложной зигзагообразной траектории: петлял между торчащими из гравия трубами, антеннами, верхушками высоковольтных мачт. Иногда, точно лишайник, возникал на пути кусок дремучего бурелома. Тогда направление подсказывал ехавший вторым Станислав. В редких рощицах слышалось птичье пение, на обочине мелькали силуэты мелких зверьков, затем зеленая полоса обрывалась, будто отрезанная ножом, и отряд снова видел вокруг лишь безжизненную степь с отпечатками тысяч "проглоченных" строений, озерами солянки или пахучими гейзерами химикатов.

В какой-то момент на вершине холма неведь откуда возник кусок автобана и рощица чахлых осин. Коваль скомандовал привал и помывку. По крайней мере на открытом пятаке никто не мог подобраться незамеченным. Станислав отнесся к идее привала крайне скептически и настоял на том, чтобы не сходить с бетона. В сторонке нашли канаву с чистой водой, дали сперва понюхать тигру. Лапочка не отвернулся, но Артур даже для бани скомандовал воду вскипятить.

Приведя себя в порядок, губернатор вернулся в седло и попытался сориентироваться на местности. Масштабы разрушений превосходили самые дерзкие фантазии.

Никакой Качальщик не сумел бы столь высококачественно искрошить то, что люди создавали тысячелетиями. Если бы не молчащий счетчик, Коваль охотно принял бы версию давнишнего ядерного взрыва. До Большой смерти плотность населения в этих районах была чрезвычайно высока. Здесь, без сомнения, поработала Метка, гораздо страшнее, чем та, которую Артур когда-то вызвал к жизни в Москве. Но Метка выдохлась, не закончив страшную работу...

— Там, южнее леса, город, - Артур передал бинокль Станиславу. - Не пойму, как он мог сохраниться.

— Я уже начал бояться, что мы сбились с пути, - криво ухмыльнулся святоша. - Три года назад всё было иначе...

Он не успел договорить фразу, потому что Христофор и Семен, жевавшие на попоне бутерброды, вскочили одновременно. Не успели они распрямиться, как Даляр уже перекатился на горячем пружинящем бетоне и направил пулемет в сторону, куда указывал придворный колдун.

— Что там, Христя? - выкрикнул Карапуз.

— Очень быстрое и снова поверху и под землей...

— Это рой, - побледнел ксендз. - Я говорил, что нельзя останавливаться!

В ватной тишине пронесся нарастающий шелест. Затем шелест перешел в мягкое гудение. Люди вскочили на ноги, лихорадочно озираясь, лошадь мамы Роны звонко заржала, поднялась на дыбы и чуть не зашибла передними копытами хозяйку. Карапуз запрыгнул на

своего жеребца, потянул из лямок шестиствольный пулемет. Из всей команды лишь он один мог управляться с ним.

– Там, там! - повторял Христофор, обняв шею своего коня.

В болотистой низинке поднималась к небу колченогая конструкция, увенчанная пластиковым коробом с надписью "Шелл". Вдалеке поблескивали верхушки гигантских нефтеналивных цистерн. Между ними по направлению к дороге скользило темное облако. В бинокль это походило на многократно скатанный рулон проволоочной сетки.

– Коням - лежать! - скомандовал Артур, выхватывая оружие. - Семен, выпускай летунов!

– Бесплезно, - сказал ксендз, но Качальщик уже вспорол на спине резервного коня мешки с боевыми мышами.

Шесть хищных голов лязгнули зубами; летунам не надо было объяснять, где находится противник. Конь, почуяв хищников, шарахнулся в сторону и случайно задел Семена копытом. Мыши взмыли в воздух, на ходу выстраиваясь в боевой клин. За последнюю разработку Коваль заплатил генетикам вдвое больше обычного; новые мыши обзавелись легкой броней, двумя втягивающимися когтями, а яда теперь хватало, чтобы в одиночку завалить быка.

Семен от удара копытом покати́лся по земле, к нему бросилась мама Рона. Испуганный конь рванул в сторону, соскочил с дороги и, никем не остановленный, понесся навстречу рою, унося на себе канистру с водой и свернутые палатки... Свободные лошади сбились в кучу и бесновались, как стая чертей. Слава богу, пути не позволяли остальным гигантам рвануться наутек...

Ровный гул перешел в пронзительный хорал, точно на три ноты стенола сотня кастратов. Темная туча размером с волейбольную площадку, а по форме очень похожая на хоккейную шайбу, насквозь прошла короб с рекламой немецкого машинного масла. Вывеска взорвалась мельчайшими брызгами. Следующим на пути тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Словно не замечая препятствия, рой проделал в перекрытиях здания дыру и продолжил атаку.

Ошалевший от ужаса конь по касательной приближался к вероятному противнику, разбрасывая содержимое рюкзаков. Летуны мчались двумя клиньями, собираясь зажать врага в клещи. В отличие от лошадей, они никого не боялись.

Артур поднял бинокль и почувствовал слабость в животе. Организм нечасто его обманывал. На сей раз из болота надвигалось абсолютно чужеродное создание. Мышцы словно обволакивало волной ледяного ужаса.

Рой состоял из тысяч тонких визжащих стрекоз, сцепленных между собой длинными жесткими усиками и собравшихся в сложную кристаллическую структуру.

Следующим на пути металлизированной тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Рой слегка замедлился, проделал в перекрытиях здания дыру, прогрыз знак "Опель" и продолжал неукротимо взбираться на холм.

– Матерь божья! - прошелестел Лева.

– Как с ними бороться? - Коваль тряхнул соборника за плечо.

– Молиться или убегать, - просто ответил тот. - Если дорога их не остановит, остается бежать...

Губернатор не решался дать команду открыть огонь. Он был уверен, что только зря расстреляет патроны. Несомненно, усики, которыми соединялись насекомые, были невероятно остро заточены и вдобавок вибрировали, как лезвия электрических лобзиков. Но Коваль рассмотрел и другое.

Рой плыл и под землей, точно плугом вспарывая верхний слой почвы. Там, где проходила сетчатая "шайба", сиреневая осока осыпалась мелкой стружкой. Двигаясь таким макаром, подумал Артур, эти твари неизбежно уткнутся в сверхпрочную бетонку...

Обезумевший конь Семена заметил опасность, когда стало уже слишком поздно. В последний момент он затормозил, пытаясь сменить направление, провалился выше колен в

глинистую кашу болота, и тут ему беззвучно и очень ровно отрезало заднюю часть туловища. Мощные ноги жеребца, даже не успев подогнуться, превратились в мелкий фарш. Коваль так и не понял, питался рой своей жертвой или нет.

Летуны достигли цели и с яростным клекотом набросились на врага. Спустя секунду всё было кончено. Живой авиации больше не существовало. Правда, можно было еще кинуть в бой четверку почтовых голубей...

— ...спаси и помилуй... - тихо молился Лева.

— Через минуту они будут тут, - очень спокойно произнес Даляр.

— Всем по коням, - скомандовал Артур. - Капитан, огонь по левому флангу!

Карапуз немедленно выпустил сотню пуль.

— Так им! - закричал Людовик. - Что, гады, не нравится?

Произошло чудо, рой смешался. Гнетущий металлический хорал распался на сотни отдельных писклявых голосков.

— Полковник, огонь по правому флангу, короткими!

Коваль прилип к биноклю. Конь под ним слушался, но дрожал, как зайчонок.

Даляр повел стволом пулемета. Стрекозы понесли ощутимый урон; по крайней мере, стало ясно, что они уязвимы. Артур ясно видел, как блестящие сосиски, даже разорванные на части, продолжали не в так взмахивать спаренными жесткими крылышками, мешая товаркам отстегивать "крепежную арматуру". Рой замер на месте, избавляясь от поврежденных частей решетки. Там, внутри, происходили сложные центробежные перемещения, кристалл спешно менялся, приноравливаясь к новому состоянию. Артура внезапно осенило, что, даже расстреляв весь боезапас, они не остановят этот бескровный суперлобзик...

— Христофор, свободных лошадей в центр! Полковник, направляющим! По моей команде - в галоп! Карапуз, замыкающим, прикрывать!

Станислав нарочно взял западнее, чтобы оставить между отрядом и железной тучей дорожное полотно. Угощая коня плеткой, Артур заметил, как на противоположной обочине фонтанами взлетели куски бетона. Рой вгрызался в шоссе.

Конница промчалась метров двести, затем, по команде губернатора, сгрудилась на следующем островке бетона. Коваль кивнул Людовику. Тот уже ждал с заряженным гранатометом на плече. Бить пришлось прямой наводкой. Даляр отскочил, зажимая уши руками.

Боевое преимущество роя стало для стрекоз палкой о двух концах. Почувывая приближающийся объект, они сгруппировались плотнее, хотя могли бы пропустить гранату сквозь себя. Взрывом тучу разорвало на четыре части; даже теперь отдельные фрагменты продолжали цепляться друг за друга. Чудовищный охотник остановился, атака захлебнулась. Артур ждал, когда рассеется дым, Людовик замер со следующей гранатой в руке. Даляр сдерживал беснующихся коней.

То, что происходило на обочине, больше всего напоминало кадры из ночного кошмара. Раскиданные по траве и бетонке стрекозы с упорным бесстрашием сползались в центр, к тому месту, где под землей поджидала неповрежденная часть роя.

— Ниже бей! - кричал Даляр, ударяя по стволу гранатомета. Позже Коваль десять раз задавал себе вопрос, мог ли он предотвратить то, что случилось. Вторая граната снова угодила в цель, но Людовик слишком увлекся и, не слыша окриков Даляра, ринулся вперед. Очевидно, ему хотелось засадить третий заряд еще ниже, вплотную к земле, туда, где, скорее всего, помещался мозг кровожадной проволоки. Он пробежал десяток метров, не замечая, что рой всё быстрее движется ему навстречу, и замешкался, перезаряжая гранатомет. В этот миг из дымной завесы вырвался неровный сетчатый шар и разрезал бравого капитана на части. Вряд ли рой действовал осознанно, скорее бесился кусок его организма, оторвавшийся при взрыве предыдущей гранаты. Коваль уже успел прокрутить в голове сюжеты из фантастических книжек, читанных в детстве, и сделал для себя вывод, что о коллективном разуме речь не идет. Тварь действовала на уровне простейших инстинктов.

Все кричали одновременно. Даляр поливал остатки роя из пулемета, Семен набивал для полковника магазин. Карапуз, соскочив с коня, приседая под тяжестью своей шестиствольной махины, топал через дорогу, как разгневанный носорог. Мама Рона плакала, натужно хрипел Свирский, удерживая коней. Даже ксендз отчаянно ругался.

Артур уже видел, что похоронить Людовика им не удастся. Он соскочил с коня и, преодолевая отвращение, подошел к застывшему над трупом друга Даляру. Плечи полковника вздрагивали, он указывал Ковалю пальцем, не в силах произнести ни слова. Оставляя широкую кровавую полосу, проволочная амеба волокла останки Четырнадцатого к обочине. Тонко вибрирующие усики стрекоз распорили человека на десятки кусков, которые держались только за счет толстых кожаных портупей. Как ни странно, лицо почти не пострадало. Людовик смотрел в небо с тем же озорным, шkodливым выражением, как и четырнадцать лет назад, когда Артур впервые встретил его в кольце лысых псов...

– Хозяин, берегись! - окликнул Митя.

В сторонке, ощупывая друг друга гибкими усиками, ползли еще две стрекозы. По пути они объединились с третьей, затем к ним присоединились еще две, выпустили звенящие жесткие крылья...

– По коням!

Лошади неслись галопом, следуя за предводителем. Через два часа безостановочной скачки Коваль позволил перейти на шаг. Он чувствовал, что если не остановится и не хлебнет из фляги, его немедленно стошнит. При всём удобстве седел каждый шаг черного жеребца отдавался болью в позвоночнике. Позади, намотав на руки узду, тряслась белая, как простынка, мама Рона. Встретив взгляд губернатора, она сделала попытку улыбнуться.

Колонна замедлилась. От разгоряченных боков лошадей шел пар. Копыта увязали в рыжем песке, поверх него наметало сухой ржавчины сантиметров десять толщиной. Черные болота почти полностью уступили место сиреневой осоке; вблизи оказалось, что трава вымахала в рост кукурузы. К счастью, сохранившаяся под ржавчиной основа шоссе не позволяла подозрительным побегам придвинуться вплотную. Кони брели по центру складчатой полосы, между двух неестественно шуршащих, сиреневых стен. На рыжем песке прослеживалось множество следов, и некоторые Артуру совсем не нравились. Например, вот эти, где три узких пальца или когтя раздвинуты сантиметров на пять, а противостоящий им большой удален от остальных на семь дюймов. Ни Карапуз, ни Семен - самые большие знатоки леса - не могли припомнить животное с такими лапами...

Солнце на западе продолжало свои бредовые игры, то замирая, то проваливаясь ниже. У Коваля не было времени сесть и сделать замеры, он лишь чувствовал, что с прыжками светила каким-то образом связаны приступы головной боли. Оказалось, что виски периодически трещали у всех, даже у непробиваемого Карапуза, который трусил позади, для надежности развернувшись задом наперед.

Рой отстал. Пока скакали, Христофор знаками показал командиру, что далеко слева прошли еще две подобные тучки. Но они не сменили направления и не кинулись наперерез.

– Как нам отвязаться? - с трудом переводя дыхание, набросился на ксендза Семен. - Ты говорил, что до темноты покажутся горы, но нет ни гор, ни темноты. Здесь ночь хоть когда-нибудь наступит?!

– Там город! - поляк ткнул стволом карабина в приближающиеся развалины. - Путники, встречавшие рой, находили убежище в городах. В городах много металла, рой не любит металл.

– Как давно они появились? - вклинился Артур. - Ты говорил, что первый раз проходил тут двадцать лет назад?

– Они были другими... - задумался поляк. - Тогда германские крестьяне не боялись ходить за песочную стену. Они находили в развалинах много полезных вещей... Достаточно было вколотить в землю железную палку. Рой ломал об нее зубы и отступал.

Коваль переглянулся с Качальщиком.

– Наши старики говорят, что за Уралом встречалось нечто подобное, - вполголоса

произнес Семен. - Неживые твари, подобные машинам. Твари, которые живут, повинуюсь закланиям. Но никто не видел колдунов, способных повелевать древними машинами.

– Судя по книгам, до Большой смерти таких умельцев было полно, - напомнил Лева.

– Значит, они набирают силу, - подвел невеселый итог Артур.

Какая-то мысль крутилась у него в голове, не давая успокоиться. Нечто важное, воспоминание, неясная аллюзия, навеянная рассказами Станислава...

– Раньше в городе всегда наступал закат, - встрепнулся Станислав и добавил, отвернувшись в сторону: - Правда, говорят, там не всегда светало...

– Командир! - Даляр избегал смотреть губернатору в лицо. - Почему ты послушался этого пройдоху? Если бы мы полетели на драконе, Лю был бы жив!

Несколько секунд полковник и ксендз, не мигая, мерялись взглядами. Руки обоих готовы были лечь на курки, но губернатор встрял между ними. Затем святоша очень медленно повернулся к Ковалю:

– Скажи своему человеку, что он вправе убить меня, если утром я не дам ему доказательство. Мы погибли бы все...

Коваль положил ладонь на вздрагивающее плечо Даляра; тот нехотя отвернулся. Краем глаза Артур видел, как Семен опустил здоровый кулак с зажатым в нем ножом.

Это лишь начало, содрогнулся губернатор. Мы не прошли и трети пути, а несем потери. Правда и то, что без святоши мы бы давно погибли. Я остановил их сегодня, но где гарантия, что они не затеют драку без меня? Каждый видит свое горе и не в состоянии рассмотреть общую проблему.

Запах гари стал невыносим. Наконец, за очередным плавным поворотом сиреневое поле сменилось пожарищем. Серые курганы золы вяло курились, как вулканы над морем пепла. На несколько километров вокруг взгляд ловил только выжженную степь. Но за степью была жизнь. Там поднимались обглоданные стихиями, но вполне приличные старинные готические постройки. Между изделиями средневековых каменотесов вклинивались конструкции двадцать первого века. Большой город, такая привычная зелень на площадях. И горящие костры.

"Кайзерслаутерн", - прочел Коваль на дорожном щите. Надпись почти выцвела, но не так давно ее подновляли.

– Там люди и не люди. Добрые и злые, - прокомментировал Христофор.

– Скажи только одно, - кинув взгляд на застрявшее, точно приклеенное к небу солнце, спросил у ксендза Артур. - Ты уверен, что нам не стоит обойти город стороной?

Брови и ресницы святоши покрывал слой гари, пот грязными ручьями тек по щекам.

– Три года назад, - медленно поднял уставшие глаза святоша, - до ухода Великого посольства, я бы сказал, что уверен...

6. НОЧНЫЕ ПИВОВАРЫ

По горам золы на брусчатке Артур сразу определил, что костры тут жгли постоянно, возможно, несколько лет подряд. Примерно так раньше выглядели осветительные приборы перед Зимним дворцом, пока не наладили нефтяное освещение. Две жаровни на площади напротив собора, еще две в конце длинной, превосходно сохранившейся улицы. Грамотно уложенные в каменных козлах столетние стволы, которые достаточно периодически подвигать, - и пламя не угаснет. Даже в сильный дождь. Впрочем, на случай дождя имелись широкие деревянные навесы. В сторонке, под рогожей, возвышались штабели аккуратно распиленных дров.

– Пивовары освещают город, - буднично произнес Станислав. - Порой солнце прыгнет - и ночь наступает слишком внезапно, а ночи тут бывают разные... Сам увидишь.

– Пивовары?! - не поверил ушам Артур. - Да кому нужно их пиво?

– Нам. Для этого мы взяли товары.

– Я не пью пива! - скривился Карапуз.

- Я тоже терпеть не могу! - подала голос мама Рона.
- Придется пить, - вздохнул Станислав, - иначе нам не пройти Желтые туманы.
- Это что еще за хрень? - насутился капитан чингисов. - Опять проделки магов?

Артур отметил, что после гибели Людовика команда впервые разговорила. Или городская обстановка действовала на всех успокаивающе, или люди испытывали потребность сбросить напряжение в болтовне. Уверенности добавлял крепкий булыжник под ногами, развесистые каштаны в тенистых скверах и вездесущий запах дрожжей...

– Каждую осень ветры сгоняют Желтые туманы к морю, но весной они появляются снова. Они накапливаются и оседают росой. Пивовары говорят, что лет сорок назад туманы стояли круглый год, теперь они слабеют. Твой приятель Кшиштоф, - обратился поляк к Семену, - считает, что туманы рождаются на развалинах древней химии. Дожди вбирают отраву, затем вода поднимается вверх...

- А пивовары делают деньги на продаже снадобья? - усмехнулся Свирский.
- Ты можешь не пить, - равнодушно отмахнулся ксендз.
- Почему нас никто не встречает? - озабоченно спросила мама Рона.
- Жители не выходят при солнечном свете, - Станислав привстал на стремянах; казалось, он постоянно что-то высматривал.

– Почему?

– Сами увидите, - пожал плечами ксендз. Отряд, никем не остановленный, проехал по главной улице почти километр и остановился на следующей площади. Артур вопросительно глянул на Христофора, тот изобразил растерянность. Тигр в корзине вылизывал шерсть. Кони, недовольно потряхивая надетыми на морды мешками, тянулись к буйным зарослям травы на тротуарах.

Оглядев площадь, Коваль испытал щемящее чувство возвращения в детство. Старая часть города походила на сказку про заколдованный замок. На плотно подогнанных каменных плитах мостовой стояли изящные чугунные скамейки. Позеленевший памятник неизвестному полководцу призывно взмахивал обломком руки. Узкие таинственные улочки разбегались от площади, маня за собой, точно задворки театральных декораций. Над стрельчатыми арками кое-где скрипели, покачиваясь, медные ботфорты, чайники и ножницы, как воспоминания о давно ушедших в небытие гильдиях мастеров. Готические шпили, обтянутые кружевом каменных украшений, прокалывали сумерки, словно гневно воздетые пальцы аристократов.

Обитые металлом дубовые двери старинных домов, казалось, готовы были распахнуться и выпустить навстречу путникам делегацию почтенных бауэров, бургомистра в буклях и при шпаге, румяных баронесс в крахмальных воротниках...

Но не появился ни бургомистр, ни придворные дамы. Вместо них, бесшумно ступая по замшелым плитам, из подворотни вышла кошка. С хозяйским видом оглядев пришельцев, она потянулась и села вылизывать шерсть.

И сразу всё вернулось на круги своя. Лапочка рыкнул, оторвав кусок от своей корзины. Кошка моментально подобралась и зашипела, выдвинув двойной ряд нижних, как у кабана, клыков. Серая мурлыка уступала тигру по всем показателям, но всё же была крупнее добермана. Из мягкой шерстки на ее затылке развернулся частокол полосатых игл, словно ожерелье дикобраза.

Коваль взглянул на сказочный городок другими глазами.

Из каждой щели настойчиво пробивалась сорная трава, по счастью не сиреневого, а самого обычного, салатного цвета. Но вперемешку с травкой поднимались вдоль водостоков серые и коричневые побеги незнакомого व्यюна, украшенного роскошными пахучими цветами. Там, где व्यюн вгрызался в стены, выпали камни. А на земле, вперемешку с гранитной крошкой, валялись мелкие птахи, соблазнившиеся цветочным нектаром. Вдоль улицы тротуар обрушился до уровня канализации; из черного зева тянуло затхлостью. Деревянные двери домов прогнили насквозь и проросли грибами. Карнизы густо покрывал окаменевший птичий помет, а сквозь выбитые окна там и тут просвечивало небо. Крыши

очарованных дворцов давно рухнули вместе с внутренними перекрытиями.

– Вроде наших болотных котов, - заметил Лева, указывая на кошку.

– Ага, тока помельчей будут, - отозвался Даляр, поднимая арбалет. На кошку он жалел потратить пулю.

– Ишо две слева, - сказал Карапуз, запуская руки в седельные сумки.

– Не стреляйте, - попросил Станислав. - Это не дикие коты, без приказа не нападут.

Артуру не надо было поворачиваться, чтобы сосчитать животных. Их окружало восемь котов. Еще четверо притаились в засаде, за фасадом бывшего цветочного магазина. Кошки были спокойны и не представляли опасности. Это очень хорошо, значит, на пивоваров давно никто не нападал. Это хорошо вдвойне, потому что не придется убивать красивых животных, или заставлять их убивать своих хозяев...

– Сытных дней вам, охотник Борк! - вежливо произнес Станислав.

Коваль не сразу понял, к кому он обращается. А когда увидел, едва сдержал улыбку.

Плотный низенький человечек, из тех, кого кличут "метр с кепкой", закутанный как пасечник, стоял в темном проеме цветочного магазина, дополнительно заслонясь внушительным черным зонтиком. Лицо человечка скрывало широченное сомбреро с наброшенной поверху плотной паранджой.

Ксендз бегло заговорил на немецком, Коваль еле осиливал его шипящую речь. Наконец охотник Борк свистнул котам и удалился в недра магазинчика.

– Мы приглашены, - счастливо выдохнул Станислав, - лошадей надо завести во двор, там с ними ничего не случится.

Внутренность замшелой лавчонки оказалась сплошным обманом. Наверное, тут торговали цветами еще во времена курфюрстов, здание явно было построено с десятикратным запасом прочности.

Вторая внутренняя дверь открывалась в узкий, извилистый коридор. За полным мраком опять возник рассеянный свет, кирпичные аркады сменились деревянной обшивкой, и Артур догадался, что предприимчивые пивовары связали в единую квартиру целый квадрат старинных зданий. Точнее, подвальных и полуподвальных этажей, выходящих на площадь и прилегающие улочки.

За третьим поворотом охотник Борк откинул плотный полог и пригласил гостей в сводчатую залу, заставленную тяжеловесной мебелью в худших традициях немецкого средневековья. Артура с порога потрясли две вещи. Зала освещалась тремя сносными керосиновыми фонарями, а в глубине стоял ухоженный, блестящий рояль с раскрытыми нотами на пюпитре. Борк снял шляпу, повесил зонтик на крюк и постучал в смежную дверь. Потирая глаза от сна, явились еще двое мужчин, помоложе. Они удивительно походили друг на друга и на Борка. Изжелта-бледные лица в прожилках вен, красные глаза и белоснежные патлы альбиносов.

– Мои сыновья, - представил охотник. - Клаус и Фердинанд.

Гости расселись за массивными столами на твердых, отполированных лавках. По совету ксендза Коваль вручил подарки: мыло, семена, порох. На столе появилось холодное мясо, хлеб и бутылки с вином.

– Пища не заражена, - поспешно перевел Станислав. - Всё добыто на чистой земле.

И, подтверждая слова хозяев, первым приступил к трапезе.

– Первый раз вижу русских, - низким голосом произнес Борк. - Но о тебе, герр Кузнец, мы слышали.

– Что же вы слышали? - Коваль пригубил терпкое вино.

– Что ты пытаешься вернуть русским государство.

– Ну, это уж слишком, - Артур с трудом подбирал немецкие слова. - До государства нам далеко. Однако приятно, что вы знаете такие слова.

Ответил, и тут же понял, что сморозил бестактность, уравнив ночных пивоваров с лесными мутантами. Впрочем, охотник Борк не обиделся.

– Мы читаем книги, герр Кузнец. Наши отцы читали, и мои внуки будут читать. К

сожалению, мы не можем посетить Петербург, но всегда рады видеть вас у себя. Мы не владеем славянскими языками, но можем говорить по-французски.

– Солнце смертельно для вас? - осмелел Лева.

– На следующий год после Большой смерти взорвался реактор на ближайшей станции, - как ни в чем не бывало объяснил Борк. - Затем, с промежутком в полгода, взорвались еще две атомные станции во Франции. Дети уцелевших рождались неспособными переносить прямой ультрафиолет. Также у нас часты заболевания крови и... еще много других проблем. Впрочем, не совсем тактично рассуждать за завтраком о болезнях.

Охотник Борк был сама деликатность. У Артура от изумления кусок застрял в горле.

– Вы говорите как человек древнего мира!

– Я же сказал, мы читаем книги. Пока другие убивают друг друга...

– Зато жители этого славного города, да и окрестностей, почти поголовно могут иметь детей, - ввернул ксендз.

Пришла очередь изумляться всем участникам похода.

– Даже не думайте, - со смехом замахали толстыми ручками пивовары. - Десятки раз мы соглашались на брачные союзы с теми, кто живет за песочной стеной. Дети рождаются, но либо не доживают до года, либо не переносят солнца и вновь возвращаются сюда. Господь разделил нас и вас, как строителей Вавилонской башни...

Артур едва не поперхнулся шарлоткой. Никогда в жизни ему не пришлось бы в голову, что полудиккий мутант из немецкой глубинки способен рассуждать изящней, нежели питерские книжники и святоши...

Выдержав паузу вежливости, Станислав накинулся на пивоваров с вопросами о Великом посольстве. И снова старина Борк потряс губернатора.

– Когда они прошли здесь, я имел короткую и не совсем приятную беседу с кардиналом Жмыховичем. Возможно, вследствие возникших разногласий посольство не остановилось на ночлег в городе. Впрочем, за пиво они расплатились честно.

– Так они прошли без ночевки? - ужаснулся ксендз. - Не могу поверить, что вы отказали им в гостеприимстве!

– Напротив, мы всячески уговаривали их задержаться. Солнце в те дни скакало слишком резво. А вы же знаете, мой друг, вы бывали тут неоднократно, что когда время замедляет бег, человека мучают сильные головные боли. Конечно, мы не могли пригласить в дома их всех: признаться, я никогда не видел такого скопления народа! Охотник Шульке проводил их к фабричным складам, где они могли спокойно разместить повозки под крышей...

– Отчего же вы повздорили?

– Я спросил герра кардинала, кто ему присвоил столь высокое духовное звание, и он не сумел ответить мне ничего вразумительного. И мой сын Клаус предельно вежливо спросил кардинала, куда они везут столько женщин и детей. Когда мы услышали о целях, как вы называете, Великого посольства, я позволил себе напомнить о славных годах правления папы Урбана Второго и его благородной идее возвращения христианских святынь.

Коваль покосился на святошу. Станислав, похоже, до сих пор не понимал, о чем идет речь. Остальные, кому он перевел слова Борка, также хлопали глазами.

– Очевидно, герр Жмыхович был уязвлен сравнением его предприятия с крестовыми походами, - невозмутимо продолжал пивовар. - Но я был вынужден напомнить ему, что за последующую тысячу лет все остались, что называется, "при своих", а попытки отправить на войну детей уже производились и имели соответствующий результат.

Станислав сидел словно громом пораженный, зато разулыбался старый книжник, невзлюбивший ксендза на пару с Даляром.

– Однако не это вызвало наибольшие трения, - скромно потупился Борк. - Как выяснилось, за песочной стеной герр кардинал проповедовал с большим успехом, и здесь для отправления службы ему непременно потребовался зал нашего городского собора. Видимо, он желал подбодрить своих людей перед выступлением. А у нас не так много пригодных

зданий для работы и жилья. Признаюсь честно, в соборе мы коптим мясо. Очень удобно, прекрасная тяга... Просто для веры и молитвы нам вполне хватает более скромной кирхи.

Герр Жмыхович очень рассердился за такое попрание святых мест и заявил, что мы в его глазах упали ниже мерзких французских язычников, поклоняющихся Железной птице. Он даже не захотел остаться и послушать, как моя дочь играет на фортепьяно. Он сказал, что будь его воля, он бы всех нас истребил, как тех монстров, что живут на болотах.

Тогда мой сын Фердинанд спросил кардинала, не кажется ли ему, что человек, любящий своих близких, но желающий скорой смерти первым встречным, не вправе наследовать духовный сан. А мой сын Клаус спросил, насколько приближают к богу белые расшитые одежды герра кардинала и несколько килограммов золота, которые тот носит на себе? Мой сын заметил, что мы молимся в пустых стенах и не затеваем часовых литургий, с музыкой и золотыми шапками. Зато мы никого не планируем истреблять, продаем пиво всем, кто отваживается пройти Ползущие горы, и не отправляем беззащитных детей на войну с людоедами...

Охотник Борк постучал по столу, и низенькая плотная женщина в длинном шерстяном платье принесла поднос, уставленный глиняными кружками. За хозяйкой, мяукая и путаясь в ногах, семенил клыкастый котенок.

— Первую кружку надо выпить сейчас. Вы можете здесь ночевать, а для нас начинается рабочий день. Можете гулять по городу в пределах красных меток, вы увидите... Спустя три часа надо снова выпить пива, и так далее, все пять раз.

— Меня стошнит, - пожаловалась ксендзу мама Рона. - Почему ты не предупредил раньше?

— Я в рот не возьму это пойло! - с отвращением бросил Карапуз.

Коваль принялся. Пенистый напиток отдавал жженым зерном и отдаленно напоминал крепкий "портер". Но это пиво, несомненно, варили не на ячмене. Вдобавок, на поверхности плавали мелкие вкрапления, соломинки, зернышки...

— Если бы вы задержались на два дня, - словно извиняясь, развел руками Борк, - то могли бы пить в два раза медленнее. И не надо выплевывать травы, они спасут вашу кожу от Желтых туманов.

Поневоле все приложились к глиняным кружкам. Пивовары откланялись и разом исчезли. Вместо мужчин пришел подросток, волоча на себе ворох соломенных тюфяков.

— Охотник Борк приглашает бургомистра Кузнецца осмотреть мастерские!

— Похоже, вы с пивоварами не слишком ладите, - язвительно заметил поляку Свирский. - А ты еще хотел, чтобы он дал проводника до этих самых Ползущих гор.

— Горы искать не надо, они сами нас найдут, - огрызнулся Станислав. После того, как Борк ненавязчиво утер ему нос, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. - Просто многое поменялось. Город подвинулся, лес подвинулся...

Артур не стал дальше слушать их препирательства. Подхватил рюкзак с оставшимся маленьким летуном, затянул портупею и шагнул за мальчишкой в низкую дверь.

Первый коридор вывел их в кузницу. Двое голых до пояса коротышек орудовали мехами, третий подсыпал уголь в топку. В сторонке валялись плоды вчерашнего труда - неуклюжие, неровные, но чрезвычайно толстые железные кольца.

— Твой солдат погиб, потому что не знал повадок роя, - Борк стоял вплотную к зеву печи и крутил в ладонях пружинную конструкцию, смахивающую на медвежий капкан. Он уже успел переодеться в короткие штаны и кожаный фартук. Из-под белесых бровей раскаленными углями сверкали красные глаза. - Мы продадим вам немного палок. Если надумаете разбить лагерь до предгорий, вбейте их вокруг себя. Весь наш город окружен тройным рядом таких шестов, теперь мы укрепляем дороги...

— А здесь, неподалеку от вас, есть другие люди?

— Морбах, Карлсруэ, Гамбург... - пивовар задумался. - Много людей. Смотря кого считать людьми, не так ли, герр бургомистр? Пойдемте, мне хотелось поговорить с вами наедине.

– Только говорите помедленнее! - взмолился Коваль. - Я немецкий учил сто лет назад.

– Так это правда? - стрельнул взглядом охотник. - Два года назад я был за песком и встречался с травниками из Берлина. Они сказали, что к ним ходят караваны от человека, который проспал в хрустальном гробу сто двадцать лет.

– Отчасти они правы.

Борк распахнул перед Ковалем дверцу, за которой начиналась крутая лестница вверх. Они миновали вытянутое помещение хлебопекарни, где носились женщины, измазанные мукой, как громадные пельмени. На следующем этаже трое юношей-альбиносов пересыпали из ведра в плоский чан с водой невзрачную серую кашу.

– Здесь мы делаем бумагу, - небрежно кивнул охотник. - В таком случае, я не ошибся. Герр Станислав сообщил мне, что вы и ваши люди сопровождают его в поисках Великого посольства. Едва взглянув на вас, я сразу понял, что вы едва ли нанялись к святому отцу за деньги. Могу я спросить, какова ваша истинная цель? Почему шестеро человек из России торопятся расстаться с жизнью, и один уже расстался?

– У меня есть другая цель, - уклончиво ответил Артур. - Скажем так, один дом в Париже, где могут жить добрые знакомые...

Борк отодвинул засов на очередной двери, и в лицо Артуру ударил свежий ночной ветер. Солнце наконец-то закатилось, небосклон стремительно темнел, окрашиваясь в глубокие фиолетовые тона. Гость и хозяин находились на плоской площадке башни, стилизованной под средневековое укрепление. Между зубцами была прибита полустершаяся табличка с предостережением на четырех европейских языках, что за край вылезать опасно. Башня не являлась самой высокой точкой города, но обзор с нее открывался прекрасный. Пожары не пощадили районы бывших новостроек, добрая половина улиц лежала в руинах. Почти нетронутым сохранился лишь средневековый центр. Ветры и дожди сорвали крыши, обнажили внутренности верхних этажей, однако средневековые камни выдержали век безумных катаклизмов...

На ближайших площадях повсюду полыхали костры, за окраинами различались пустоши с горящей сиреневой кукурузой, а дальше царил непроглядный мрак. Лишь на западе ядовитым пурпурным заревом полыхали кудрявые облака.

– Допустим, я вам поверил, - кивнул коротышка. - Вы ищете знакомых в стане людоедов, а Станислав ищет две тысячи человек. Я лишь хотел предупредить вас, что ксендз ослеплен своей идеей, так же как были слепы те, кто шел за кардиналом. За три года здесь побывали как минимум шесть экспедиций, и все они стремились добраться до Парижа. Не только поляки, но и германцы. Станислав умолчал об этом, не так ли? Все они утверждали, что идут тропой веры: вразумлять язычников и заодно спасти заблудившийся караван Жмыховича.

И был среди них один человек, сын воеводы. Его ранил ахар, и отец попросил нас приютить ребенка... Когда стало ясно, что в теле юноши отравы и даже знахарка Хельга не может спасти его, мы спросили, не хочет ли он открыть сердце перед смертью. Ему было всего семнадцать...

Юноша поцеловал Крест и рассказал такую историю, что даже я принял ее вначале за бред, вызванный ядом ахара. А я слышал немало предсмертных историй, герр бургомистр.

Все спутники воеводы давали клятву, что никому не раскроют секрет. Но настоящую тайну знали только сын и отец. И она заключалась в том, что остальных наемников, если те разыщут пропавших, надлежало потом отравить. Никто не должен был спастись, кроме отца и сына. Мальчишка говорил об этом очень спокойно, ни единой слезинки жалости не выпало из его глаз... Даже умирая, он остался тверд, как камень, и очень напугал меня этим.

Мы не любим тех, кто во имя веры несет смерть другим, герр Кузнец.

Люди в посольстве верили, что идут обустроить общину вокруг святого престола. Они верили, что разгонят дикарей, проложат надежную дорогу через Мертвые земли и соберут святош. Всего несколько человек в Польше знали тайную правду о хрустальных гробах и могучем имаме Карамаз-паше из города Двух Башен, из страны Турции...

– Что вы сказали? – Артур всё это время следил за странными атмосферными явлениями на западе. Там с разной периодичностью полыхали разноцветные зарницы, будто небесный электрик скреб голым проводом по крышке трамблера. Небо то темнело, то раскалывалось пополам цветастой молнией. Последние слова пивовара подействовали на ослабевшего от пива губернатора как ушат ледяной воды. – Извините, герр Борк. Ваш напиток оказался слишком хмельным для меня. Вы говорили о хрустальных гробах.

– Я никогда бы не открыл тайну исповеди первому встречному, герр бургомистр. Воевода, отец юноши, не вернулся из Ползущих гор. Он не остался с умирающим сыном, так велико было его желание опередить других. А я сказал себе, что историю о хрустальных гробах можно передать лишь одному человеку – тому, кто сам восстал из гроба. И вот, проходит два года – и вы сами приходите ко мне. Что это, как не знамение свыше?

7. ИМАМ И ДЖИННЫ

Мне было тридцать два года, когда песок снова дрогнул и покатился на север. Теперь наш город отодвинулся от края Мертвой земли вглубь на два дня караванного пути.

Один за другим взрывались древние заводы, а некоторые не взрывались, но отравляли реки на сотни километров. Я помню, как опять начала светиться земля. Первый раз она светилась на западе, когда я был совсем ребенком. Позже, когда я вырос, научился читать и вместе с прорицательницей Хельгой сравнил карты, я узнал, что это взорвалась ядерная станция в долине Мозеля. Нам повезло, герр бургомистр, что в библиотеке Кайзерслаутена не сгорели энциклопедии. Эти книги открыли нам древние названия и объяснили их смысл.

Второй раз земля дрогнула, когда начал выходить подземный газ на севере от Кельна и запылали угольные шахты. А в среднем течении Мозеля обрушились подземные склады для снарядов с ядерными грибами. Их начинка потекла в почву, песок дрогнул и захватил весь север римской земли до города Венеция. С тех пор он продолжает наступать на Италию. Потому что древняя грязь выплескивается наружу каждый год. За песком тянется полоса Мертвой земли, на которой мы живем. Это не значит, что дальше вы пойдете по сплошным Мертвым землям; там встречаются чистые районы и люди, не боящиеся света...

Мертвая земля родила Ползущие горы и Желтые туманы. Мой сын ходил в Париж. Я не хотел говорить об этом при Станиславе, ибо он ослеплен идеей и не видит истинных знамений. Так вот, мой сын Клаус ходил в Париж и южнее. Он видел много такого, что тяжело представить человеку. Он видел, как на людей нападают машины, но не видел тех, кто управляет ими. Он видел, как твердая земля засасывает человека за одну минуту...

Ты прав, герр бургомистр, когда говорил о рое. Металл не рождается и не умнеет сам по себе. Его даже нельзя научить, как существо из плоти и крови...

...Тридцать с лишним лет назад отправилась горстка отчаянных храбрецов на юг, через снежные горы Альпы. Они сумели выжить и вернулись в родной Гамбург с товарами от южных племен. Те говорили на непонятных языках, но были дружелюбны и щедро платили золотом, отдавая за оружие втрое больше, чем на севере Европы. Там, на юге, еще не было больших рынков и собственной монеты.

Вы поймите, герр бургомистр, я могу ошибаться, потому что передаю лишь отголоски чужих легенд. Их рассказывают путники, проходящие через наш город...

Гамбург и Мюнхен посылали много караванов через Карпаты и Альпы, и постепенно купцы дошли до южного моря, где стоит сияющий город Двух Башен. В городе жили племена, поклонявшиеся Уходящему месяцу и разговаривавшие на непонятном языке. Их правители приняли германских купцов тепло и поселили в лучших домах.

Позже к караванам из Мюнхена присоединились люди из Берлина и поляки. Караваны проходили земли южных славян, почти не задерживаясь, потому что только на юге их ждали выгодные сделки. В землях болгаров и мадьяр на караваны нападали бесчисленное количество раз, и вольным городам приходилось нанимать множество воинов для охраны.

А после случилось так, что в самой стране Двух Башен началась война. Один за другим

гибли правители. А спустя время город постигло новое несчастье. Туда вторглись племена черных дикарей с востока, которым хотелось захватить богатые караванные тропы и морской пролив, соединяющий два моря.

На долгие годы торговля с Турцией остановилась. Но германские и польские купцы продолжали водить караваны до города Генуи. Там они пересаживались на лодки и плавали к африканцам и грекам, а некоторые храбрецы ходили даже в страну Израиль.

Много лет никто не приносил нам сведений о стране, ранее называвшейся Турция. Но умирающий мальчик, сын воеводы, рассказал о людях, которые пять лет назад бежали от дикарей и попали в плен к солдатам Жмыховича. Эти люди говорили об удивительных вещах, творящихся в городе Двух Башен.

Там появился правитель, подмявший всякую иную власть, человек по имени Карамазпаша. Никто не знал, кто он такой и откуда явился в город, но он привел с собой обученное войско. Солдаты Карамаз-паши были малочисленны, но с ружьями, автоматами и даже пушками. Они пообещали местным властям очистить окрестности города от дикарей и попросили за это малость: немного пищи, самое плохое жилье и право остаться в городе.

Никто не мог справиться с набегами черных племен, но Карамаз-паша справился. Одних он отравил, других его люди закидали бомбами, а самых сильных вождей он подговорил напасть на Стамбул. Да, Стамбул! Я вспомнил имя города!..

Они напали на Стамбул и разожгли мятеж. Законная власть была сметена, Карамазпаша воцарился в Турции. Именно тогда он повелел называть столицу городом Двух Башен. Он уничтожил руками дикарей всех прежних сановников, а затем, по одиночке, перерезал тех, кто помогал ему занять трон.

Ходили слухи, что Карамаз-паша не говорил на турецком языке. Поговаривали, что никто не видел его лица под капюшоном. Также рассказывали о загадочном и страшном оружии, которым располагали его янычары. О железных повозках, плюющих огнем, о белом порошке, который, растворяясь в воздухе, отравлял целые деревни. Но самый невероятный слух касался людей из хрустальных гробов. Говорили, что новый имам поймал двух могущественных джиннов и хитростью заставил служить себе. Эти джинны помогли ему сделать янычар непобедимыми. Джиннам достаточно было укусить мертвеца за руку - и тот оживал. Им достаточно было бросить щепотку порошка в колодец - и язва охватывала непокорные города. А выжить мог лишь тот, кто приходил к имаму с повинной. Джинны протыкали ему острым жалом локоть и спасали от смерти. Но делали рабом Карамаз-паши.

Человек, ужаленный в руку, на несколько часов попадал в рай, и готов был отдать всё, лишь бы повторить свой полет. Он снова приходил к джиннам, приносил всё свое золото, коней и имущество, лишь бы вернуться в страну грез.

Находились умники, кто якобы видел, как джинны выращивают на полях тайные растения и готовят из них снадобья, но доказать правду было невозможно. А после третьего укуса никто уже не хотел ничего доказывать. Люди ползали за Карамаз-пашой на коленях и просили взять их на службу.

Проходило время, и кости человека начинало выворачивать из суставов, мышцы сводило судорогой, а глаза застилала тьма. И боль была столь сильна, что гордые мужчины сходили с ума и умоляли джиннов избавить их от страданий.

Джинны жалили их снова. Боль уходила, но потом возвращалась, и людям...

— Вы сказали, за локоть? - перебил Коваль. - Не помните, за локоть здесь или здесь?

Он указал точку на руке.

— Этого я не знаю, - опешил Борк, - но единожды ужаленный сам приползал на коленях просить о милости. И делал за это всё, что ему велели. Таким образом, не прошло и года, как новый имам захватил все турецкие поселки и дикие пустыни к востоку. Те, кто служил у него, клялись, что так никогда и не видели лица правителя. Зато им довелось видеть, как в тайные мастерские доставляли целые горы того, что осталось от древнего мира: детали машин, обломки стекла, химикаты... В тайных мастерских работали джинны из хрустальных гробов, они собирали для имама новые смертоносные машины.

Люди страны Двух Башен повинуются Карамаз-паше и страшатся его послушаться. Властитель заставил подданных бояться гнева их древнего бога. Он показал им, что будет с теми, кто отречется от веры. Карамаз-паша собрал новую армию, и каждому солдату было обещано место на небесах. Каждый солдат был готов один броситься в гущу врага и погибнуть с именем бога на устах.

Тех, кто был слаб в своей вере, изгоняли или убивали.

А потом прошел новый слух. Став правителем, Карамаз-паша собрался освободить от заточения других джиннов. Но хрустальные гробы со спящими джиннами раскиданы по чужим, далеким землям, и имам начал готовить войска в поход.

Первый оказался коротким и неудачным. Янычары не дошли даже до Венеции, их измотали в боях племена хорватов. После похода, в котором погибли сотни и тысячи, знать города Двух Башен осмелилась подступить к имаму с вопросом, ради чего он собирает второе войско. И Карамаз-паша сказал так:

"Наша доля - нести наше праведное знание о небесном владыке неверным. А кто не хочет покориться древнему богу, того следует убить. Так сказано в Книге сур, а всё, что в ней сказано, надо исполнять. Кроме того, мне было откровение, и я донесу его до вас.

Для того, чтобы мы могли спокойно нести знание, нам необходимо захватить караванные тропы и портовые города неверных. Всё, что мы сделаем с именем бога на устах, будет признано на небе правильным и полезным. Если мы освободим остальных джиннов из хрустальных гробов, наша страна станет самой могущественной в мире. Эти заколдованные чародеи прячут великие тайны, и я не пожалею людей и денег, чтобы разбудить их. Общими молитвами мы изгоним шайтана, и джинны станут нам покорны!.."

Возможно, всё было не совсем так, герр бургомистр, но я передаю со слов несчастного юноши, который услышал предание от отца...

Второй поход Карамаз-паши в Мертвые земли состоялся спустя полтора года после первого. Он набрал войско из дикарей. Отборная гвардия имамы была сбита из арабов и черных богатырей из африканских пустынь, но поговаривали, что личная стража состоит из светловолосых богатырей, похожих на славян. Имам никому не говорил, где именно спрятаны зачарованные гробы. Известно было только, что придется идти за песочную стену, в самый центр Мертвой земли. В особой защищенной карете везли под охраной джиннов, освобожденных Карамаз-пашой. Они не умели найти путь, но знали, где находятся усыпальницы подобных им магов. Они были призваны, чтобы снять заклятия со спящих...

В войске Карамаз-паши служили два друга из болгар. Оба имели талант техников, и обоих насильно заставили принять новую веру. Техники прислуживали в тайных мастерских. Это всё, что я о них знаю.

Они были отправлены с командой солдат в австрийский город, чтобы поискать и отобрать в брошенных фабриках уцелевшие предметы для военных нужд. Бежать они не могли: их семьи жили в городе Двух Башен и были бы немедленно казнены... Техники сделали свое дело, нагрузили обоз, отправили его в лагерь, а сами поехали следом, но по пути заглянули в какой-то красивый дворец. Осматривая первый этаж, они случайно увидели через дверной проем группу всадников, не похожих на местных жителей. Местные жители вели себя скромно и тихо, старались избегать солдат Карамаз-паши и большей частью скрывались в горах. А эти всадники ехали ко дворцу не скрываясь, и за ними на цепях бежали два огромных медведя с медвежатами. А над головой у всадников кружили ручные хищные птицы. Техники затаились в ближайшей нише. Вскоре чужестранцы спешили, привязали своих медведей и лошадей, и зашли во дворец. Они заговорили на славянском языке, который был очень похож на болгарский. Один из техников знал этот язык, потому что раньше вел дела с русскими поселениями на Черном море.

Один из вошедших приветствовал кого-то в глубине дворца и сказал, что добрался сюда, как и обещал.

– Проверили ли вы, что я просил, и уверены ли вы наверняка? – резко спросил невидимый собеседник, и властный голос его показался болгарам знакомым.

– Да, господин, - хрипло отвечал гость. - Чем крупнее войско, тем тяжелее будет миновать Мертвые земли. Наши гадания говорят, что отравленная земля сопротивляется тем сильнее, чем назойливее стремятся туда люди.

– Я уже потерял сотни замечательных воинов и почти разорил казну. Мы прошли по трупам земли болгарских и хорватских дикарей, чтобы повернуть назад? Ты это хочешь сказать, глупый Озерник? Ты даже не можешь себе представить, какова будет цена нашего поражения, если до гробниц доберется кто-то другой!

– Хрустальные гробницы Парижа день и ночь охраняют толпы язычников. Те поклоняются гробницам, как божеству, и скорее умрут, чем пропустят вас...

– Неужто жалкая толпа голых дикарей остановит пять тысяч солдат, вооруженных пушками? Когда нас пытались задержать или отказывали нам в провианте, мы оставляли за собой тлеющие угли. А ты пугаешь меня горсткой идолопоклонников!

– Это и плохо, господин, что тлеющие угли. Чем настойчивей ты будешь вгрызаться в Мертвые земли, тем опасней будет раскачиваться под тобой земля. Племена, живущие за песком, давно привыкли к враждебному миру и стали частью равновесия. Против вас ополчатся реки, горы и туманы, а также мириады нечистых тварей - плоды колдовства земли...

– А ваше хваленое колдовство, сын Красной луны? Разве вы не можете пойти с нами и оградить войско от нечисти?

– По твоей просьбе, господин, мы почти добрались до города Берн, но путь нам преградили настоящие исчадия ада - демоны, рожденные военной химией древних. Тогда мы повернули к Парижу. Там живут и нормальные люди, дети Креста, но вокруг гробниц селятся племена людоедов... Никогда в жизни нам не было так трудно, господин. Четверо из нас погибли, а трое вернулись к Озеру больными, и я не уверен, что они выздоровеют. Но если бы мы снарядили военный отряд, то погибли бы все сразу. Земля раскачана, господин, и не выносит пришлого человека, тем более с машинами и оружием.

– Так что же, Ришка, ты предлагаешь мне бросить армию и шагать сквозь песок одному? Ты в своем уме, старикашка? Либо мы пройдем туда все вместе, либо ты и твои братья придумаете, как сделать так, чтобы хрустальные гробницы больше никому не достались! Без Проснувшихся демонов никто не сумеет управлять древними кораблями! Либо я, либо никто!

– Есть и другой путь, господин. Великое посольство!

– О чем ты?

– Польские святоши вбили себе в голову, что могут вернуть в Рим наместника Креста. Они верят, что до Большой смерти в Риме находился Святой престол, которому подчинялись верующие со всех западных земель...

– Я слышал эту легенду, колдун. Нам-то что с того?

– Это не просто легенда, господин. Вместе с польскими святошами готовы отправиться и германцы, и последователи Креста из северных балтийских стран. Купцы готовы их поддержать, им позарез нужны торговые пути в Грецию и фактории в Испании. Воины Креста, как они себя называют, вошли в сговор даже с южными поселениями Франции, где земля не качалась и люди сохраняют верность Риму. Если полякам удастся их план, то соберется великая сила...

– Тем более нам нужно их опередить!

– Нет, господин, напротив. Зачинщиком Великого посольства выступает кардинал Жмыхович. Это безумец, возомнивший, что лично говорил с матерью бога. Но он ничего не знает о демонах из хрустальных гробов. А если бы узнал, то непременно повелел бы их уничтожить. У себя на родине слуги Жмыховича и многие воеводы засыпают входы в хранилища древнего оружия и разбивают то, что осталось на земле. Как ни странно, в этом они единодушны с нашими врагами, проклятыми Качальщиками. Западные святоши уверены, что в год Большой смерти бог наказал людей за любовь к оружию.

Нам не следует им мешать, господин. Наоборот, через преданных людей ты мог бы

помочь им деньгами и пищей. Пусть кардинал наймет побольше солдат и идет в Рим. Пусть к нему присоединятся дураки из Германии, Литвы, Франции и других земель. Чем больше их будет, тем сильнее раскачается земля. А когда они пройдут песочную стену и свернут к Риму, ты мог бы послать лазутчиков, чтобы те помогли земле качаться. Взорвать несколько древних бомб, поджечь леса, выпустить секретные яды...

— Я видел, что бывает, когда качается земля, колдун. Это слишком опасно, демоны в гробницах тоже могут погибнуть!

— Наше гадание говорит, что этого не случится! Мы гадали на печени двенадцати дикарей, на соке деревьев, а сам я, как и обещал тебе, провел четыре недели, засыпанный землей, пока мне не открылось будущее.

Демоны не должны погибнуть, зато твои янычары пройдут в Мертвые земли без труда. Кроме того, граница песка отодвинется далеко на восток, и никто не сможет ее остановить. У германцев нет Качальщиков. Гадание говорит, что возможен исход, при котором земля треснет до Остейского моря, которое мы называем Балтийским...

А ведь твоя конечная цель, господин, состоит не в том, чтобы покорить моторы древних кораблей. Корабль, он лишь орудие... Ты сможешь без лишней крови подчинить Ущербному месяцу все земли к западу от Украины и Балтийские деревни. Качающаяся земля сотрет несколько городов, остальные принесут тебе ключи...

— Не тебе судить о моих целях, Озерник! Не забывай, что благодаря моему заступничеству твой род не кинули на съедение рыбам!

— Прости мою дерзость, господин... - хриплый голос зазвучал приниженно. - Но ты должен знать, что все мы ждем твоего возвращения. Мы молим царя Тьмы и каждое полнолуние дарим ему трех невест, чтобы он помог тебе!

— Я помню об этом. Придет и ваш час...

— Ты должен знать, господин, что сотни верных Сынов и Отцов готовы нанести удар. Только помоги нам, вложи нам в руки разящие стрелы, дай нам запретные творения твоих демонов - и мы в одну неделю сделаем так, что тебе откроется дорога на север! - говоривший тяжело дышал, сам возбуждаясь от сказанного. - Эти трусливые горожане сами выйдут тебе навстречу и будут умолять тебя принять корону, лишь бы спасти свои жалкие жизни! Мы сделаем так, чтобы у них не осталось ни одной спокойной ночи, чтобы они всякий час ожидали взрыва или огня, или отравы...

— погоди, Риша, всему свое время, - смягчился властный голос. - Вы получите и отраву, и бомбы, и еще кое-что. Да, да, не смотри на меня так! Пока рано говорить, но чтобы укрепить сердца, можешь шепнуть своим людям... Мои джинны заточили в бутылку такую водицу, что не нужно травить целое море. Достаточно, чтобы выпили двое-трое, а дальше водица идет от человека через пот к другому, и все мрут очень быстро...

— Я не понял, господин, как можно умереть от пота?

— Не от пота мрут, дурак, а оттого, что вся водица из тела выходит. Как понос, будто ходит человек белым рисом... И так всю неделю, пока вода из тела не выйдет. Я тоже сначала не верил, но... Они показали мне. Одному пленному дали испить, а рядом, в яме, еще шестеро были. За неделю в муках погибли. Джинны велели их там, в яме, сжечь, не трогая, и засыпать. Это средство вернее, чем качать землю древней грязью, Озерник!.. Хорошо, допустим, мы ударим по югу бомбами, и стихия пойдет по Европе на север. А вдруг она захватит и восток? Вдруг она утопит нашу надежду, боевые корабли?

— Мой господин простит меня, если я напомню ему одну вещь...

— Прощаю заранее, говори!

— Немногие, господин, знают, как ты на самом деле заполучил джиннов из гробницы...

— Ну-у?! - угрожающе протянул собеседник.

— И вспомни, сколько надежд ты возлагал на их скрытые таланты! Вспомни, сколько чудес наобещали они тебе, желая подмазаться к твоей славе и подбирать кинутые тобой кости! Ты ведь поверил им, но демоны не сумели запустить боевые машины из подземелий...

– Тихо! Они сделали многое другое.

– Прости, господин. Я лишь хотел напомнить, что твоя вера в могущество хрустальных гробниц основана на словах твоих демонов. А вдруг ты, затратив силы, рискуя жизнью, разбудишь жалких книжников или лекарей? Вдруг демоны из страха за свою жалкую жизнь, будут врать тебе, что умеют запустить моторы плавучей крепости?

– Довольно, Озерник! - перебил тот, кого звали "господином". - Мы не повернем назад, но ты отправляйся в Варшаву и разузнай всё подробно. Сообщишь мне, сколько золота понадобится, чтобы подтолкнуть сборы этой идиотской затеи. Одно другому не мешает, пусть идут. Мы встретим их и превратим в пыль!

– Очень много золота нужно, господин. Я подослал к одному из воевод продажную девку. Ей приходится платить, как полковнику гвардии, но зато девчонка передает все разговоры своего вельможного пана с кардиналом Жмыховичем. Кардинал собирается купить больше шести тысяч лошадей, примерно столько же рогатого скота и заказать мастеровым сотни новых карет. Кроме того, походные кузни, пекарни, копильные цеха... Им не собраться и за десять лет, господин, если мы не поможем!

– Хорошо, колдун. Моя казна открыта для такого славного начинания. Подкупай и покупай всё, что требуется, но чтобы никто из святош не догадался, кто им помогает. И сообщай мне обо всём!

На этом тайная встреча закончилась, а притаившиеся в нише дворца болгарские инженеры заспешили в походный лагерь. Несколько дней они обсуждали, как им поступить с этой тайной, но так ничего и не придумали. Войско Карамаз-паши прошло сквозь песок и повернуло на Париж.

От второй армии имама через месяц остались одни клочья. Кошмары начались буквально на второй день. Бесследно исчезали конные патрули и целые сотни, посланные впереди основного войска. Затем потерялась половина отставшего обоза. А когда имам принял решение вернуться и подождать, оказалось, что для солдат, охранявших пищу, прошло всего три часа, а для остального войска - почти три дня.

Люди валились с ног от голода и умирали от Желтых дождей. Многих искалечили ахары, Железные птицы и прочие нечистые твари. На пути войска вырастали деревни, но дикари точно вымерли. Сначала янычары пили в деревнях вино и закалывали скот, но потом, после массовых отравлений и смертей, начали поджигать любое встреченное на пути жильё. Больше всего народа потерял Карамаз-паша при переходе через реку, когда спокойная вода плеснула волной и утащила на дно почти половину гвардейцев...

Те, кто сумел вырваться из когтей взбесившейся природы, еле добрались до границы песка. Но имам не изменил своего решения. Спящие джинны нужны были ему для устрашения неверных и захвата западных стран.

Карамаз-паша с еще большей жестокостью угнетал болгарские племена и греческие острова. Теперь ему платили дань даже румынские купцы, которые возили товары морем в Грецию. Имам заставил платить мзду всех проходящих пролив, а подчиненные племена насильно обращал в новую веру.

Два болгарина-техника оказались в числе тех, кто благополучно вернулся в город Двух Башен. Теперь они работали над сборкой сложного устройства для перегонки жидкой химии в белый смертельный порошок. Химической мастерской заправляли послушные Карамаз-паше джинны, и последний порошок стал самым ужасным из всего, что они придумали. Техники поняли, что лазутчики имама должны раскидать порошок по чистым водоемам Италии, пока Великое посольство не достигло Рима. Страну Двух морей обрекли на новую Большую смерть...

И тогда болгары решились бежать и предупредить людей на западе о том, что их ждет. О военной крепости, которая стояла на якоре где-то вдали от берега, и ждала, когда джинны вдохнут жизнь в ее моторы. О неизбежном провале Великого посольства и ядовитом порошке.

Техники бежали на север через Румынию. Они добрались до Варшавы, но опоздали.

Великое посольство уже ушло за песочную стену. Болгарам не повезло дважды, потому что они попались в руки к воеводе, который ненавидел кардинала Жмыховича. Воевода собрал верных дружков, и общим решением дело замяли. Польские сановники мало что слышали про Турцию и Карамаз-пашу. Но смекнули, что коли Мертвые земли закачаются, то никакой имам не сможет выступить в Париж немедленно. А еще они смекнули, что если всё это правда, то Карамаз-паша заплатит огромные деньги за хрустальные гробы...

Несчастных перебежчиков удавили, а воеводы начали готовить собственную экспедицию в Париж. Когда не вернулись гонцы от Великого посольства, в Варшаве началось брожение. Воеводы, в том числе и отец того самого раненого мальчика, сделали всё, чтобы очернить кардинала Жмыховича. Им нужно было, чтобы люди считали их героями. А затем Мертвые земли перешли в наступление, и редкие путешественники понесли вести о Желтых туманах над океаном и горящих лесах Рима. Воеводы поняли, что болгары сказали правду и следует немедленно идти на поиски хрустальных гробов.

Герр бургомистр, раненый мальчик лишь честно признался в том, что слышал в отцовском доме. Его отец и другие (там были и святоши) понятия не имели, что делать с гробами, если удастся их найти и отбить у дикарей. Можно было продать демонов имаму. Можно было заманить Карамаз-пашу для совершения сделки и убить во имя святого Креста. Тогда ближайший друг воеводы, епископ Тышец, мог возвыситься над всеми святошами Польши. И наконец, можно было попытаться приручить джиннов и заставить их служить себе.

Они посылали малые отряды, один за другим, и люди сообща собирали для них еду и золото. Все верили, что воеводы ищут пропавшее посольство. Но те плевать хотели на посольство, они рвались к Парижу...

Мы проговорили с раненым ребенком почти целый день, пока его отец охотился и высматривал лучшую дорогу.

С воеводой прискакали почти полсотни конных. Он очень боялся, что перед кончиной сын успел открыть сердце кому-то из нас. Но мы убедили его, что не имеем духовного сана, а потому не могли бы принять чужую исповедь. Храни нас святой Лютер, он дозволил мне ложь, спасшую моих детей...

Он честный человек, этот ваш ксендз Станислав... Только он обманут, как и многие другие.

— Вы полагаете, герр Борк, что посольство погибло?

— То, что натворили слуги имама на юге, докатилось и до нас. И продолжает усиливаться. Я боюсь, как бы время окончательно не остановилось, герр бургомистр...

До Артура вдруг дошло, какой собачий холод стоит на вершине башни. Солнце закатилось, но луна над немецким городком так и не появилась. Над покореженными шпильями словно развернулось мохнатое пыльное одеяло, скрывшее звезды и спутавшее все ориентиры. Внизу, на кривых улочках, помощники Борка разжигали дополнительные костры. За шиворот Ковалю непрерывно попадала холодная морось; казалось, дождь налетал отовсюду, сверху и с боков. Куда не повернись, лоб моментально становился мокрым.

— Не бойтесь, это чистая вода, - сказал в темноте пивовар. - Пока еще чистая.

— Они нашли гробы? - тихо спросил Артур.

— Я разве вам не сказал? - усмехнулся Борк. - Никто из них не вернулся. Во всяком случае те, кто ушел этой дорогой. С ними были опытные проводники, некоторые водили купцов через Ползущие горы еще двадцать лет назад. Никто не вернулся.

— Откуда вы знаете, что Карамаз-паша не захватил хрустальные гробницы? Ведь он теперь, как я понял, отказался от мысли о большой армии...

— Потому что дикари по-прежнему охраняют свои святыни, и Железные птицы кружат над городом. Мой сын, со взводом верных людей, неделю назад вернулся от Ползущих гор. Он встречался с теми, кто шел из Парижа. Пока там всё спокойно, если можно так назвать бесконечные местные раздоры. Кстати, дороги больше нет, вам придется идти прямо через пески, - Борк выжидающе замолк.

– Мне осталось спросить вас, герр охотник, почему вы всё это рассказали мне, а не Станиславу?

Пивовар помолчал, опираясь на мокрый каменный парапет. В слабом свете лампы, оставленной на винтовой лестнице, Артур различал его кряжистую фигурку в кузнечном переднике. Пивовар смотрел вниз, на родной городок, свою мрачную колыбель и защиту от ненавистного солнца.

– Потому что один Проснувшийся может разбудить и других. Так я думаю, герр Кузнец. А еще я думаю, что осталось очень мало времени, и совсем скоро Карамаз-паша начнет откапывать дряхлое французское оружие в подземных карманах. Если его опередить, то есть шанс, что мои будущие внуки не вырастут в рабстве.

– Так вы всё-таки можете нас провести?!

– Я еще раз спрашиваю вас, герр Кузнец, зачем вы хотите попасть в Париж?

Артур видел лицо охотника как бледное круглое пятно, на котором полыхали два красных уголька.

– Ладно, ваша взяла, - признал Коваль. - Я действительно хотел разбудить своих коллег. Я слишком долго откладывал... Ждал, пока Качальщики создадут достаточно мощных драконов, чтобы не рисковать идти пешком.

Борк закивал, в глазах его загорелось неподдельное любопытство.

– Как вам повезло, что Хранитель отговорил вас лететь! - разволновался он. - И как бы я хотел взглянуть на живого дракона. Недавно сюда начала залетать вся эта нечисть с юга, но пользы от них, как вы понимаете, никакой.

– Вы проводите нас, герр охотник?

– Я должен обсудить с братьями и сыновьями, - Борк шагнул к выходу на лестницу. - Вы убеждены, что ваши... коллеги не принесут нам нового колдовства?

– Они не умеют колдовать, но могут быть очень полезны.

– Полезны... Боюсь, мы не совсем понимаем друг друга. Ну, впрочем, ладно, - пивовар шмыгнул носом. - Пока отдыхайте.

– Кстати, - вспомнил Артур, спускаясь за коротышкой навстречу сладким запахам пекарни. - А почему вас зовут охотником? Или так у пивоваров всех принято называть?

– Не всех, - без улыбки ответил крепыш. - В наших городах охотник - это больше, чем у вас бургомистр. Чтобы заслужить право так называться, надо одним ножом убить ахара.

– А это так сложно? Ахары, они страшнее, чем рой?

– Ну, как вам сказать?... Рой, по крайней мере, можно успеть заметить.

8. КАБАНЫ И АХАРЫ

Как и предсказывал главный пивовар, Станислав не поверил ни единому слову насчет предательства воевод. Однако он заметно повеселел, когда узнал, что поедут Борк и оба его сына. Плату Борк запросил весьма немалую и в странной форме.

Если экспедиция вернется к песочной стене живая, Коваль подарит пивоварам всё тяжелое вооружение и патроны, и всех свободных Черных коней. А пока что, для страховки, губернатора заставили отсыпать граммов двести золота, килограмм серебра и подарить одного коня. В соседство к Лапочке добавили ящики с боеприпасами, а бесполезных голубей и канистры с водой оставили в подвалах ратуши. Борк пообещал, что разыщет чистые источники по пути.

Пивовары нарядились как привидения, все открытые части тела густо обмазали белой мазью, нацепили самодельные очки с темными стеклами и замотали лица шарфами.

И началась бешеная ночная скачка, поскольку охотник хотел затемно добраться до деревни, где обитали его родственники. По прикидкам Артура, за три часа непрерывной скачки отмахали километров сто пятьдесят. Походный строй теперь выглядел иначе. Впереди, на одном коне, тряслись вместе с котами Клаус и Фердинанд, Борка взял к себе в седло Качальщик. У пивовара, к неудовольствию ксендза, еще за ужином нашлись с

Семеном Вторым общие темы. Они долго обсуждали, сколько понадобится Хранителей меток, чтобы очистить посевные угодья вокруг города. Борк спрашивал, чем можно заманить в гости русских волшебников, а Семен дознавался, где растет травка, которую пивовары добавляют в свой напиток. Глядя на них, Коваль пришел к выводу, что только шесть кружек пива могут устранить языковые барьеры...

Стоило тронуться с места, как охотник развернулся задом наперед, поднял очки и упер в колени два заряженных обреза. Семен пристегнул коротышку к своей портупее и получил инструктаж по выполнению простейших команд.

Оказалось, что пивовары Кайзерслаутерна, когда выезжают верхом пострелять, именно так и поступают, хотя их лошади в два раза меньше. Один рулит, а другой отстреливается.

Иначе догонят и съедят...

Семен теперь ехал в арьергарде, на некотором удалении от отряда, чем очень нервировал Христофора. Сын Красной луны необычайно разговорился. Он не устал повторять на скаку Ковалю, что совсем недалеко прыгает что-то живое, большое и злое. Затем он обнаружил, как что-то большое, не злое, но любопытное ползет справа. Артур до рези в глазах вглядывался в темноту, но не видел ничего, кроме бесконечного засилья кукурузы. Что-то там несомненно передвигалось. Порой очень даже шустро, но Артур не успевал замечать.

Несмотря на мрачные прогнозы ксендза, восход наступил и застал путешественников на самой границе травы и леса. Пивовары на ходу натянули маски из плотной ткани. В который раз Артур поразился феноменальному зрению чудесных лошадок. Всадникам казалось, что три с лишним часа они мчатся по ровному шоссе, но на самом деле "шоссе" оказалось довольно узкой тропой в ямах и рытвинах, утыканной по обочинам железными костылями...

— За деревней тропа кончается, - предупредил Клаус. - Поедем по насыпи, там, где ходили машины на стальных колесах...

Первый луч солнца пробил мрак. Сзади, из узкого коридора сиреневой кукурузы, не торопясь, подъехал Семен. Ноздри Артура издалека уловили пороховую гарь. Выходит, что Борк стрелял в кого-то, но на такой скорости, да еще при сильном боковом ветре, звук отнесло в сторону...

— Кабаны, - успокаивающе сказал охотник. - Голодные, шли по следу.

Деревня состояла из двух десятков разбитых в хлам особнячков середины и конца двадцатого века. Пивовары жили в двух старинных зданиях: кирхе и кирпичном владении бывшего суда. Еще там сохранилась сносная конюшня какого-то спортклуба и совсем уж дряхлая постройка с горделивой надписью "Полиция". У входа в "полицию" был врыт камень, на котором готическим шрифтом значилось, что принц такой-то изволил остановиться в данном населенном пункте на ночлег и даже толкнул речь перед обывателями. Эти немаловажные события произошли на рубеже восемнадцатого столетия.

В середине двадцать второго столетия на памятной плите грелась колоссальная улитка размером с болонку, а напротив, в пыли, оранжевые лопухи приманивали мух запахом тухлятины.

Борк быстренько пошептался со своими и, забрав сыновей, отправился на боковую. Он заранее предупредил Артура, что час для сна придется выкроить.

Неулыбчивые, бледные дети - точные копии взрослых - таращились из подвальных окошек на лоснящихся гигантов, отказываясь признавать в них лошадей. Трава вокруг поселения давно догорела, а посреди широкого поля золы возвышались столбы с колючей проволокой. Там, где проскакал отряд, имелись ворота, которые Борк старательно затворил за собой. До проволоки поле было распаханое на огороды. Зеленели верхушки корнеплодов, наливались мякотью тыквы, в теплицах прели помидоры. Коваль подумал, что после местных дождей, не стал бы употреблять эти овощи в пищу...

Зато за проволокой пространство шириной в сотню метров изобиловало обломками техники, кусками рельсов, битым кирпичом и многочисленными кротовыми норами.

Только крот при таком диаметре норы, подумал Артур, должен быть величиной с лисицу...

– Ахары, - небрежно кивнул вернувшийся Борк. - Здесь они мелкие, трусливые...

Полувзвод выстроился в походный порядок. За крайним домиком дорожная перспектива разительно поменялась. Теперь губернатор не сомневался, что они приближаются к эпицентру Вечного пожарища. Правда, оно здорово отличалось от того, где он дрался с пиявками. Очевидно, когда-то поселок играл роль узловой железнодорожной станции; за домиками виднелись останки вокзального здания. Двухэтажные стены сложились, как карточный домик, а рядом кое-как держался длинный пакгауз, весь проросший таким же вьюном-камнеломкой, что встретил Артур вчерашним вечером в городе. Только этот вьюн был в десятки раз мощнее и пережевывал толстую кладку в крошево, как алмазное сверло.

– Когда я был тут последний раз, эти растения еще не добрались до вокзала, - сказал Станислав.

Конь Клауса первым взобрался на насыпь. По широкой дуге убегали две полосы просевших рельсов; телеграфные столбы частично попадали, бетонные шпалы утонули в глубоком мху. Слева и справа от насыпи, замыкая оборонительную линию вокруг деревни, торчала колючая проволока, а дальше, кроме размытого следа железной дороги, не было ничего.

Абсолютно ничего - ни травы, ни деревьев. Бесконечный высохший плац, словно поверхность гигантского подгоревшего пудинга. Словно кто-то устроил гигантскую вертолетную площадку посреди Сахары, облив песок напалмом. Идеально ровная коричневая корка, тянущаяся до самого горизонта, и холмики щебенки вдоль железной дороги, точно подтаявшее мороженое над кофейной чашкой.

– О, господи! - прошептала мама Рона, принимая из рук Фердинанда бурдюк с пивом. - Я не могу больше вливать в себя эту дрянь.

Ковалья тоже слегка мутило от пряного травяного настоя, но он задержал дыхание и послушно опрокинул в себя очередные пол-литра.

– Солнце опять барахлит, - заметил книжник.

Но он ошибался. Светило перемещалось с положенной скоростью, просто на его пути разлилось яркое, пульсирующее сияние. Точно растекались по небу жирные комки сахарной ваты. Они возникали из знойного воздуха и плыли вдоль горизонта, пересекаясь, слоаясь, наползая друг на друга...

– Это не облака, - сказал Семен

– То, о чем я предупреждал, - обернулся Станислав к невыспавшимся товарищам. - Желтые туманы, пролететь невозможно.

За несколько минут туман захватил половину голубого небосклона, и лица людей приобрели нездоровый желтушный цвет. Колонну догнал Клаус, который привез полотняные маски, пропитанные всё тем же пивом. Скрепя сердце, путникам пришлось натянуть их под бдительным присмотром Борка. Коваль с ужасом представил себе, каково приходится охотникам круглый год щеголять в плотных балахонах, да еще с намордниками на лицах...

Солнце безжалостно раскаляло землю. Поселок растаял позади, точно от жарких лучей размазались неокрепшие краски на холсте, и теперь вокруг горстки всадников расстилалась безжизненная степь. Если бы не нитка железнодорожного полотна, вокруг не осталось бы ни единого ориентира...

Коваль поравнялся с Семеном.

– Это хорошо, что сегодня туман так близко, - неожиданно обрадовал охотник. - Под отравой нет живности.

– А как же мы?

– Мы не умрем, если будем пить пиво и смачивать повязки... Если, конечно, туман не затянется на два дня, - беспечно добавил Борк.

– А если затянется?

– Тогда умрем.
– О чем это он? - поинтересовался Семен, заправляя под ремешок пыльные косички.
– Он говорит, что в туманах нет комаров, - успокоил Коваль.
– Зато есть кое-кто покрупнее, - Качальщик указал в сторону, где на мертвой земле, припорошенной пылью, отпечатались чьи-то следы.

Впереди свистнул Фердинанд. Колонна остановилась. Фердинанд подождал отца и тут же принялся горячо перешептываться с ним. Клаус спешил и сделал странную вещь: обойдя всех лошадей, он посыпал им ноги мелким порошком.

– Кабаны прошли недавно, - озабоченно обратился к Ковалю Борк. - Скажите своим людям, чтобы стреляли во всё, что движется.

В ватном покрывале белесого мха, которым неровно заросла насыпь, зияли глубокие дыры. Можно было различить четыре цепочки следов, уходящих в пустыню: одна большого размера и три помельче.

– Мать и три подвинка, - констатировал поляк.

– Здесь свиньи так опасны? - рассмеялся Карапуз.

Коваль знал, что в бытность лесным разбойником Митя один на один ходил на матерого секача.

– Это не кабаньи следы, - помотал головой Семен. - О таких зверюгах я никогда и не слыхивал.

– Смотрите по сторонам! - прикрикнул Борк. - Опасны не свиньи, а те, кто идет за ними.

Отряд медленно двинулся дальше. Цепочка удивительных следов исчезла в желтой дымке, впереди блеснула вода и развернулась новая, бескрайняя перспектива.

Прямо по курсу спекшуюся пустыню пересекала трещина метров пяти шириной. Разлом убегал в обе стороны от железной дороги, насколько хватало глаз, насыпь обрывалась в пропасть, по счастью, неглубокую. Внизу валялась груда металла, в том числе пассажирский вагон от скоростного экспресса, сошедшего с рельсов и застывшего на противоположной стороне оврага.

За оврагом, слева и справа от железной дороги, расстилалась болотистая низина. Болото никак нельзя было назвать однообразным; вблизи оно походило на густую сеть ручейков, дававших начало более крупным речушкам, а чуть дальше разливалось в широкое желто-зеленое озеро, сплошь заросшее травами и цветами самых удивительных форм и оттенков. Вдалеке поднимались клубы испарений, смешивались с низкими желтыми облаками, образуя непроглядную, вонючую завесу. Даже сквозь пропитанную дрожжами тряпку Артур чувствовал кислый, душливый аромат.

Христофор хлопнул себя по щеке и показал губернатору убитого комара. Теперь Коваль обратил внимание, что воздух наполнен звуками. Низкое гудение насекомых, всплески, бульканье, словно лопались на поверхности трясины газовые пузыри, короткие гортанные крики и неясное мычание.

Вот тут-то люди и увидели кабанов...

У Артура мгновенно возникло ощущение, что он попал внутрь полотна Великого каталонца. Правда, тот, когда рисовал длинноногих слонов, забыл приделать им щетину и длинные рыльца муравьедов. При известной фантазии в милых обитателях трясин можно было признать родственников свиньи. По полосатым спинкам поросят разгуливали полчища мух. Поросята толкались, повизгивали, рвали друг у друга что-то вкусненькое. Рыжая лоснящаяся мамаша шла впереди, с чавканьем вытаскивая из черной воды трехметровые ходули, недобрым глазом покосилась на людей, разинула пасть. Ее вытянутое рыло заканчивалось подвижными вздернутыми губами, из-под которых, точно два маленьких плуга, торчали загнутые вниз клыки.

Убедившись, что никто не нападает, кабаниха пошлепала дальше, туда, где торчали из воды бетонные сваи и прогуливалось еще одно "свинское" семейство. Поджарые, мускулистые поросята потянулись следом.

Путники перевели лошадей через овраг по кучам красноватой глины и продолжили путь по относительно сухому проходу между двух рядов шпал. Теперь люди ехали в два ряда, плечом к плечу. Артур добрался до переднего вагона экспресса "СаарбрюкенПариж-Руан-Гавр" - гласила чудом уцелевшая табличка на одном из вагонов, и заглянул в кабину тепловоза. Тяжелые колеса давно утонули в грязи, стекла вылетели, половина крыши превратилась в ржавое решето. Внутри поезд снизу доверху пророс болотной растительностью; среди мелких фиолетовых побегов гудели тучи мошкары, а из сплюснутой кабины машиниста выглядывала тонкоклювая щетинистая птица.

Такие же птицы, как та, что свила гнездо на сиденье машиниста, прогуливались поодаль, вспарывая ряску длинными голенастыми ногами.

Краем глаза Артур уловил быстрое движение за сигарообразной мордой поезда. Что-то пронеслось под зеленой тиной. По команде Борка Клаус и Фердинанд разом открыли огонь, остальные завертели в седлах, не понимая, где противник.

Клаус и Фердинанд вырвались вперед и принялись обстреливать болото крупной дробью.

– Уходим, живо! - крикнул Борк.

Артур хлестнул коня, но тут позади истошно завопил Лева.

Губернатору показалось, что он разворачивается и вскидывает ствол "ремингтона" невыразимо медленно, настолько шустрой была тварь, вцепившаяся книжнику в сапог. Прадедушка ахара был когда-то обычным паучком, но со временем решил расширить среду обитания и способы кормежки. Артур убедился, насколько Борк был прав, когда говорил, что ахара надо еще заметить.

Первым выстрелом пауку оторвало две или три ноги, каждую размером с детскую хоккейную клюшку. Волосатые конечности, зазубренные на концах, разлетелись в стороны, но продолжали сокращаться, выкашивая вокруг себя мокрую траву. Блестящее хитиновое туловище монстра состояло из двух частей; на передней, плоской, как средних размеров, семейная сковородка, крепились горизонтальные челюсти полуметровой длины. Задняя часть паука, пузатое брюшко, была защищена острыми шипами и походила на туловище морского ежа.

Ахар не разжал челюстей, но одновременный залп из трех ружей разнес его в клочья. Книжник корчился от боли, его конь поднялся на дыбы. Еще один паук пулей выскочил из тины и прицелился коню в брюхо. Со своей позиции Артур стрелять не мог, но сбоку уже летел Качальщик, раскручивая изогнутый ятаган. Хищник не успел дотянуться до паха лошади, как Семен разрубил его на три части.

Стоило Качальщику коснуться босыми пятками влажной земли, как сразу с двух сторон, фонтанами разбрызгивая щебенку, винтом выскочили еще две пары зубастых жерновов. Лошадь книжника скакнула в сторону. Артур по-прежнему не мог стрелять, но Семен уже погрузился в боевой транс.

В долю секунды он развернулся бабочкой, и пауку вместо его ноги достался удар сабли. Второй ахар растопырил когтистые лапы, принимая боевую стойку. Он и вправду был дьявольски проворен, но Семен крутанулся вторично - и лишенное конечностей мохнатое брюхо тяжело плюхнулось в грязь.

Пауки подкрадывались под водой и лезли на сухую перемычку полотна один за другим. Теперь стреляли все, у кого имелось оружие, но попасть в юрких созданий было почти нереально. Артур плюнул на ружье, достал палаш и ринулся на землю в помощь Качальщику.

Семен творил чудеса. Пока Клаус с Фердинандом не без потерь закололи троих архаров-подростков, Качальщик угробил шестерых. Он моментально сориентировался и бросился наперерез стае, отсекая ее от лошадей. Он крутился волчком на узком перешейке между дырявым вагоном и скользким, сырым откосом, уходящим в болотную грязь. Ятаган в его руке превратился в сплошной сверкающий круг, за которым тянулся веер кровавых брызг. Левой рукой он успевал метать ножи.

Семен верно уловил слабое место болотных чудовищ. Когда враг зависал сверху, они инстинктивно задирали головы и открывали незащищенный участок шеи. Семену хватало этого мгновения, чтобы провести отвлекающий маневр, отступить в сторону, поджать ногу в сантиметре от клацающих зубов и нанести удар.

Он словно бы даже и не сражался, а танцевал!

Гора вражеских трупов представляла малоприятное зрелище. Потеряв дюжину особей, стая сообразила, что загорелого парня с косичками лучше не трогать.

Качальщик вытер саблю о мокрую траву.

"Молодым везде у нас дорога", - сказал себе Артур, с трудом добывая второго паучка.

В это время фиолетовые цветочки, ковром покрывавшие западный склон полотна, провалились внутрь, и из-под земли, как из катапульты, вылетел еще один зверь. Расправляя в воздухе метровые ходули, он ринулся на лошадь Карапуза. Две стрекочущие пилы вспороли лошади шкуру; завопили все одновременно, и всадник, и конь.

Не успел Митя выстрелить, как одна из крючковатых лап впилась ему в бедро, а остальные вцепились в круп коня. Ближе всех оказался Фердинанд. Он ударил двумя кинжалами одновременно, и тяжелая туша ахара осела на рельсы, так и не успев полакомиться добычей. Но шевелящиеся обрубки паучьих лап удалось удалить из-под кожи лошади лишь два часа спустя.

В суете Борк прикончил еще троих ахаров, помельче. Его способ охоты Артуру понравился. Пивовар проворно спрыгнул с коня, встал одной ногой на торчащую шпалу, а другой принялся притоптывать по сырой земле. Очень скоро возникла знакомая ямка, и хищник получил порцию дробы при взлете.

Закончив дело, Борк протянул руку вверх, и Хранитель втянул его в седло. Непостижимым образом охотник чувствовал, когда надо драться, а когда пора удирать. Солнце спряталось за мелкую тучку, болото перестало отсвечивать, и Коваль, наконец, разглядел, как основная масса врага пробирается под водой. Оказывается, людям довелось схватиться лишь с крайним левым флангом подводной армии.

Ахары проворно перемещались, выставив на поверхность тонкие усики. Их было десятка четыре, и стая уже разворачивалась широким полукругом, готовясь захватить лошадей в кольцо. Встретив неожиданное сопротивление, они споро перегруппировались, и обратили всё внимание на стадо свинок.

А точнее, на самого слабого поросенка...

Свиньи с визгом удирали в направлении твердой суши. Через пару секунд стало ясно, что ахары их гораздо умнее. У берега длинноногих поросят поджидала засада. Еще с пяток кровожадных пассатижей выпрыгнули из нор и набросились на отставшего поросенка. Они методично теснили его в сторону загонщиков. Мать-кабаниха улепетывала, задрав хвостик. С противными криками кружили в воздухе цапли.

Никто и не подумал спасти несчастного полосатика. Спустя минуту всё было кончено, лишь там, куда упала жертва, мотался клубок мохнатых тел.

"Всё как всегда, - посочувствовал Артур, - последний моет класс..."

Подбадриваемые свистом Фердинанда кони помчались между путей, всё дальше углубляясь в страну вонючих болот и комариных туч. Неожиданно возникла еще одна железнодорожная ветка, на которой тоже замер состав - теперь уже грузовой. Большая часть вагонов погрузилась в болото до самых крыш, а нержавеющие цистерны с надписью "масло" выглядели так, словно их кто-то прогрыз. Куда-то подевалась насыпь; Коваль мечтал поскорее выбраться на твердое место, чтобы лошади не провалились в забучую почву.

Когда слева показалась длинная бетонная плита, косо торчащая из фиолетовой ряски, Борк позволил сделать короткий привал. Сквозь бывшую станционную платформу пауки просочиться не могли. Правда, здесь в пределах видимости разгуливало стадо плотоядных коров, но Христофор показал Ковалю приземистую четвероногую утку, за которой те охотились. Клаус сказал, что коровы вполне безобидны и не выносят запах пива.

— Вам очень повезло!

Борк ассистировал маме Роне штопать левину ногу. От головы паука остались лишь хлипкие ошметки, но челюсти, больше похожие на две костяные пилы, пришлось разжимать кинжалами. Сухожилие оказалось не порванным, но десятки мелких ранок никак не хотели заживать самостоятельно. Комары всех мастей пикировали на запах крови и пытались усесться Леве на ногу сразу в три слоя, не соблюдая никакой очередности.

– Да неужели?! Вы вправду считаете, что я везучий? - от боли и гнева Свирский почти без акцента заговорил на французском.

– Конечно! - воодушевленно закивал охотник без тени юмора. - Это был самец, они более вялые и лишь слегка помогают самкам на охоте. Стая погналась за свиньями, нас заметили случайно... Но ваш Семен - удивительный боец. Мы никогда не видели, чтобы человек перемещался с такой ловкостью!

"А он ведь нас спас, - подумал Коваль. - Неизвестно, сумел бы я остановить эту мерзость..."

Фердинанд разлил последнюю порцию пива и проследил, чтобы выпили до дна. Употребили честно, никто не хотел заразиться, но Христофора всё равно стошнило. Митя, запрокинув голову, изучал, как солнце окончательно исчезает за желтой завесой. Клаус и Семен тем временем вытаскивали из его бедра костяные крючки - предсмертный подарочек ахара. Затем Борк велел развести костер, накапал в золу жидкости из фляжки и полученной кашцей заставил обмазать раны. Стойко терпевший доселе Карапуз после такого лечения взвыл от боли и чуть не кинулся на пивовара с кулаками, а Свирский провалился в обморок.

– Иначе нельзя, - извинился главный охотник. - Яд ахара съедает мозги. Если не остановить, перестанут слушаться ноги, затем руки. Немножко неприятно перед смертью...

Станислав молился, опустившись на колени у дальнего края станционной платформы. Подле него смешным напоминанием о лучших днях болталась на декоративных крюках мусорная урна со значком, запрещающим бросать окурки на пол. Христофор икал и нюхал воздух. Пахло кисло и одновременно приторно, но ветер стал свежее.

Артур наблюдал, в каком темпе кончаются боеприпасы, и впервые в нем шевельнулась мысль, не повернуть ли назад. Он был склонен доверять охотнику и не планировал вторгаться в Мертвые земли с танками и самолетами, но теперешнюю экспедицию стоило подготовить получше. Он еще в Питере слышал о песчаной стене, но считал ее всего лишь следствием выветривания почв. Он слышал об отравленных химией сотнях и тысячах гектаров, но не посмотрелся этого и дома...

– Плохо дело, командир? - Даляр остановился рядом и сплюнул вниз на ползающих в фиолетовой траве улиток. - Тут вишь как... Всё смотрю и не могу понять, что там впереди...

– Это мост, - сказал Артур. - Как через Неву, только поменьше. По нему когда-то ходили паровики.

– Вот дела... Мост есть, а реки нету.

Никакой реки, действительно, не было и в помине. Две чудом сохранившиеся бетонные аркады торчали вертикально из плоской равнины. Свисавшие с опорных башен оборванные стальные тросы слегка покачивались и гудели.

– Три года назад мост лежал на боку, - сказал поляк.

Коваль попытался представить себе, что могло развернуть и воткнуть в почву тысячетонную громаду.

– Уходим! - озабоченно произнес охотник, показывая на стремительно приближающийся туман. - Прикажете закутать морды лошадям и не разговаривать, пока не доберемся до гор. Всем привязаться веревками и идти след в след.

– Я не вижу никаких гор, - глядя в бинокль, заявил Карапуз.

– След в след! - строго повторил охотник. - Горы нападают на одиночек.

Последнюю фразу Коваль не стал переводить, подумал, что неверно понял.

9. СМЕРТЬ В ПОЛЗУЩИХ ГОРАХ

– От меня одни хлопоты, - криво улыбнулся книжник, когда ему в очередной раз промывали искалеченную ногу. - Может, оставите меня тут, а на обратном пути заберете? Борк говорит, что по лесу придется пешком топать, а какой из меня скороход?

– Брось нести чушь, осталась ерунда! - оборвал Артур. - Ты для нас самый важный, тренируйся во французском!

На ночлег остановились в подвале средневековой крепости...

Сначала долго шли по камням, затем дорогу перегородили завалы промышленных зданий. Оставалось только гадать, каким образом находил охотник верное направление среди выплывающих из мрака одинаковых куч мусора.

В десятке метров над землей перекатывался и вздыхал туман, словно влажный компресс цвета разведенной охры. Иногда языки тумана доставали до земли, волочились по голой, без единого листика, равнине. Тогда Клаус сворачивал, и связанная веревками цепочка людей сворачивала за ним.

Опустилась ночь, пришлось зажечь факелы. Сквозь мелкую морось фигуры всадников казались расплывчатыми, от света факелов на слоистых ядовитых тучах плясали тени. Иногда казалось, что вокруг дробятся и рассыпаются бесчисленные зеркала, но это была всего лишь странная игра воды и света...

Полная тишина.

Когда стихал ветер, Коваль не слышал ничего, кроме фыркания коней и поступи копыт. Иногда Клаус дергал за веревку, колонна останавливалась. Из сумрачной пелены появлялся один из пивоваров, обходя всех с бутылочкой снадобья. Лошади шарахались, когда он капал им на ноздри черную жидкость, но Борку и этого казалось недостаточно. Он велел закапать зелье в глаза и людям, и животным.

На все предложения отдохнуть охотник отвечал отказом. По часам Артур определял, что наступило утро, а они всё тащились сквозь полумрак. Глаза слезились, постоянно хотелось сморгнуть, в носу свербило, а во рту скапливалась мерзкая кислая слюна. Он слышал, как позади тошнило маму Рону. То ли от хмельного пива, то ли от воздействия ядовитых паров, ему периодически казалось, что впереди трусящий конь двоится, распадается на части или начинает перебирать ногами в воздухе. Проклятое пойло никак не желало перевариваться, поднималось по пищеводу и забивало хмельными пузырями гортань. Артуру казалось, он настолько пропитался кислятиной, что от него теперь будет вечно разить за версту.

Никого. Ни насекомых, ни птиц.

Ни капли зелени и ни клочка травы.

Под копытами перекатывались камни или хрустела серая лежащая пыль.

В какой-то момент Ковалю показалось, что начало светать. Туман поднялся выше, открыв неожиданно мрачную картину. "Это уже не Дали, - подумал Артур, - это гораздо хуже..."

Они проходили по гигантской заводской территории. Над головой нависали огрызки корпусов, иначе не назовешь. Где-то не хватало стены, и перекрытия этажей вместе с лестницами свешивались над пропастью. Где-то от здания оставался один скелет, а в другом, напротив, стены держались, и не вылетели даже окна, зато внутри всё рухнуло до первого этажа.

Ржавые нитки рельсов забегали в здоровенный, плоский ангар со съехавшей набекрень крышей. В ангаре когда-то случился пожар, и теперь сквозь арку высотой в три этажа выглядывали слепыми глазками фар сгоревшие остовы маневровых тепловозов. Прямо, как рабочие пчелки, погибшие вместе с ульем...

Однажды из сумрака выплыла жуткая скульптурная группа, даже толстокожий Митя Карапуз вздрогнул и неловко перекрестился, что случилось с ним крайне нечасто. Над просевшей кирпичной балюстрадой некогда возвышалась шарообразная надстройка с широким панорамным стеклом по кругу. Скорее всего диспетчерская, внешний дозорный пункт, позволявший охватить сверху значительную территорию завода. Гигантский

бетонный шар, облицованный нержавеющейкой, провалился до земли сквозь два этажа, но армированное стекло уцелело. И теперь изнутри таращилось полдюжины скелетов в истлевших форменных комбинезонах. Они так и замерли, придавленные креслами и упавшим потолком, словно команда погибшего звездолета.

Кони осторожно нащупывали дорогу среди трещин, обломков кирпича и арматуры. Несколько раз Артуру пришлось пригибаться, когда из мглы надвигался провисший трубопровод или пучок обглоданного кабеля. Через некоторое время туман поднялся еще выше. Клаус провел отряд по упавшим воротам, и производственные кварталы сменились жилыми.

Только здесь никто не жил, кроме скользкой серой плесени и крыс. Да и те три крысы, которых Артур успел засечь, выглядели настолько неважно, что хотелось их покормить.

Стоило выйти на ровное место, как Борк снова скомандовал в галоп, точно сзади гналась свора обезумевших пауков. Вдоль проспекта различались штабеля упавших новостроек и многоэтажная башня, свалившаяся прямо на автобусный вокзал. Сплюсненные автобусы торчали из-под обломков, как раздавленные тараканы.

Артур стал размышлять, были еще живы люди на вокзале, когда обрушился небоскреб, или к тому времени всех уже прикончил СПИД?..

Еще час - и стало окончательно светло. Сквозь разрывы в лимонном мареве проглянуло солнышко. Коваль оглянулся и мысленно поблагодарил Борка за предусмотрительность: Христофор и Левушка спали на ходу. Если бы не прочная веревка, неизвестно куда бы они завернули во мраке...

Когда Ковалю уже начало казаться, что спит не только он, но и жеребец, из строительной рухляди надвинулась замшелая средневековая громада. С позеленевших, сочащихся влагой стен с карканьем поднялись тучи воронов. Желтая морось отступала, сменяясь самым обычным промозглым ветром и сереньким дождем. Вернулись комары и мухи. Укрытый "защитной" тканью Лапочка рычал на кого-то сквозь прутья корзины, но враги благоразумно не показывались.

Обогнули покатуку стену с пушечным бастионом, под которым разинули пасти скульптурные львы. В глубине треснувшей арки Свирский прочел указатель: "Продолжение осмотра". Сыновья охотника шустро откатили в сторону валун, маскирующий низкую дверцу, а затем скovyрнули две широкие доски, прибитые крестнакрест.

Вначале в темноту запустили Лапочку. Только после этого в тайное укрытие пивоваров вошли люди. Видимо, пивовары издавна приспособили этот подвал в качестве базы отдыха. Целая анфилада замурованных в глубине комнат с сухим полом, почти не испорченной грубой мебелью выход во внутренний дворик с пустой чашей фонтана. Нашлось место и для коней: их провели под аркой и устроили в узкой крытой галерее. Борк запретил оставлять лошадей под открытым небом.

Затем произошло настоящее чудо. Клаус достал из тайника три бронзовых чана и, взяв себе в помощь полковника с Карапузом, принес воды из колодца. Ни пить, ни мыться он не позволил, пока вода не вскипит. Пришлось разжигать костер, зато потом в маленькой часовне устроили настоящую баню. Пока русские намывались, измученные пивовары завалились спать.

У Коваля страшно ныла поясница, но он не стал эксплуатировать уснувшую маму Рону. Он обошел каждого, мужчин заставил побриться и постирать одежду, проверил состояние оружия. Христофору устроил разнос за гниющие в вещмешке остатки пищи, затем пообщался с книжником. Тот жаловался на сильные боли, но не могло быть и речи, чтобы оставить Леву в крепости: Борк, очень долго шептавшийся с сыновьями, намекнул, что назад, вероятно, придется идти другим путем...

— Они были здесь! - внезапно подал голос Станислав. - Смотрите, они поили тут коней.

Он выволок Артура на гребень стены. За мелкой траншеей, в которой с трудом угадывался крепостной ров, раскинулась колоссальная цветочная клумба с цементным островком посередине. Несколько секунд Коваль наслаждался зрелищем цветов. После лысых

отравленных скал хотелось спуститься и зарыться лицом в распускающееся навстречу солнцу радужное великолепие... Потом до него дошло, что это не клумба, а кольцевая развязка автодорог, посреди которой сохранилась будка регулировщика. В будку вела лесенка, а под козырьком болтался светофор. При желании в густой росистой траве действительно можно было угадать следы давнишнего бивуака, пятна от кострищ, козлы, на которых крутили вертела, и даже черепа нескольких коров... Поляк с пеной у рта убеждал Ковалю, что раз посольство преодолело Мертвые земли, то есть шанс найти его, но Артур его не слушал. Он смотрел поверх крыш городских домов, и новое нехорошее предчувствие сосало душу. Еще у Качальщиков он выработал в себе это умение предчувствовать беду. За городом поднимались Ползущие горы... Выступили в сумерках. Вынужденное безделье и тучи воронья всем действовали на нервы, но пивовары при свете выглядели совсем неважно, и губернатор согласился переждать. Несмотря на защитные средства, ночные жители получили нешуточные ожоги на лице, у всех троих слезились глаза, их мучили головные боли. Борк крепился, но было заметно, с каким трудом дался ему дневной переход.

На западе небо расчистилось, лишь кое-где, словно потерявшиеся щенки, носились в вышине желтые клочья. Чем ближе всадники подбирались к окраине городка, тем гуще становились травы и кустарники, и тем глубже покореженные дома проваливались в почву. Но в какой-то момент зелень сменилась длинными песочными дюнами, наметанными ветром поперек улиц. В первых этажах домов песок достигал уровня подоконника, но вместе с песком ветер принес, очевидно, и землю: путникам казалось, что цветники разбиты прямо в квартирах...

И вдруг улочка раздалась в стороны, закончившись небольшим обрывом. Город остался позади. Это случилось настолько неожиданно, что Карапуз, увлеченно отмахивавшийся от слепней, чуть не грохнулся, когда его конь по колени провалился в горячее рыжее крошево.

Слабый ветерок шевелил редкие колосья одичавших злаков, среди чахлах кустиков вихрились пылевые буруны. Артуру сразу вспомнилась казахская степь под Карагандой, где он бывал по делам института. Только сейчас перед ним была не степь, а подножие сопки, покрытое меленькой травкой.

Над страной Ползущих гор занимался тревожный, розовый рассвет. За первой сопкой виднелись другие, прогалины покрывала густая щетина кустарника, похожего на свалявшуюся шевелюру африканца. Артур покрутил настройки бинокля. Кусты только издали казались мягкими и пушистыми, на самом деле они представляли собой нечто вроде разновидности саксаула, жесткого и покрытого острыми колючками.

Клаус ухватил Карапуза за пояс, не давая ему шагнуть в низкую, кудрявую траву. Потом он спешился сам, бережно растянулся на животе, приложив к земле ухо, и, словно уж, пополз в гору. Фердинанд разматывал конец капронового троса, обмотанного вокруг пояса брата. Спутники Артура с недоумением следили за маневрами пивоваров. Борк приложил палец к губам, требуя тишины, и стал невозмутимо набивать трубочку.

Когда все двадцать метров троса, обвязанного вокруг Клауса, размотались полностью, тот вытащил из кармана колышек и загнал его в землю. Фердинанд передал конец своего троса отцу и отправился по стопам брата, который в это же время закрепил моток другой веревки за колышек и пополз дальше, извиваясь, будто обходил вражеские мины.

Артур вопросительно глянул на главных советчиков. Семен недоуменно пожал плечами, Христофор встал на колени рядом с Борком и погрузил ладони в рыжевато-красное крошево. Это был очень странный песок. Вперемешку с сухими кристаллами кварца попадались микроскопические комочки земли, бугорки семян и даже мелкие металлические вкрапления, словно брызги расплавленной меди...

- Ходит и не ходит. Вверх и вниз...
- Мы можем провалиться?
- Здесь не ходит, там ходит, - сын колдуна неопределенно помахал ладонью в северном направлении. - Очень плохо.
- Да что плохо-то? - разозлился Даляр. - Что ты каркаешь? Всё ему плохо, когда ни

спроси! Хоть бы раз сказал, что впереди всё хорошо.

– Что ты там видишь? - на пару с полковником набросился на колдуна чингис.

Христофор поднял потемневшие глаза на командира, и Артур невольно вздрогнул. На него снова нахлынуло мерзкое предчувствие беды. Сердце сжало липким компрессом беспомощности.

– Нельзя идти, очень плохо! - упрямо повторил сын Красной луны. - Они не хотят нас пропускать.

– Кто не хочет пропускать? - Даляр приложил ладонь козырьком ко лбу.

Ближняя сопка вздымалась метров на сорок, в пологих барханах блестками играли солнечные лучи. Артур, сам не отрывавший взгляда от вершины, мог поклясться, что не заметил ни малейшего движения.

– Мы можем обойти горы? - решительно повернулся Коваль к охотнику.

В конце концов, подумал он, лучше сделать лишний крюк, чем игнорировать чутье колдуна. Губернатор слишком хорошо помнил, как маленький Христофор, еще будучи ребенком, спасал от засад целые торговые караваны. Сын Красной луны не всегда улавливал безмозглую опасность, вроде болотных пауков, но очень точно предвосхищал намерения дикарей...

– На севере, герр Кузнец, светится земля, - окуляры солнцезащитных очков уставились на Артура. Голос пивовара из-под шарфа доносился глухо, как из глубокой шахты. - Земля светится на три недели пути. До крепких снежных вершин. Там за один день выпадают волосы и зубы, а десны начинают кровоточить. На юг горы ползут на девять ночей конного пути, но обходить их - безумие. Там полно диких зверей и встречается рой, а у нас нет железных кольев. И укрытий на юге у нас нет. Там пески вплотную смыкаются с болотами, где полно летучих насекомых, несущих болезни. Путь только один - напрямик. Либо идем назад.

– Вы обещали мне помощь! - ощерился Станислав. - Если вы меня покинете, я пойду в Париж один.

Коваль понимал, что делает что-то неправильно; вероятно, следовало вместе подумать и примирить отряд, прежде чем продолжать движение. Но солнце поднималось всё выше, земля раскалялась. Еще немного, и отважные пивовары повернут назад, в крепость...

– Ваши ребята могут не утруждаться, - обратился Коваль к охотнику. - Сын Красной луны найдет зыбучий песок быстрее, чем они.

– Вы не понимаете, - отмахнулся Борк. - В Ползущих горах ничто не стоит на месте.

Его сыновья тем временем заколотили уже четвертый колышек и неугомонно продвигались в направлении ближайшего кустарника. Теперь между колышками тянулась бечевка с яркими лоскутками.

– Идти пешком, - сказал Борк. - Всем обвязаться веревками и спешиться.

– У нас раненый, который не может идти пешком.

Только сейчас Коваль заметил, что нога у книжника распухла и посинела, а сам старик то потел, то покрывался мурашками. Однако, не желая становиться обузой, он с удвоенным рвением строчил в блокноте путевые заметки, справлялся у пивоваров об особенностях растений, упаковывал образцы и периодически развлекался с секстаном. Предметом его отдельной гордости была вновь создаваемая карта. Компас в здешних краях не действовал; посредством бинокля, секстана и геодезического нивелира Левушка старательно прочерчивал пройденный путь на листе ватмана.

– Очень плохо, - помрачнел охотник. - Кони тяжелые, горы не любят тяжесть.

Договорились, что Свирский поедет верхом, но привяжется за пояс к Семену. Восхождение началось.

Коротышки настойчиво торили дорогу среди барханов. Стоило отряду углубиться в рыжее безмолвие, как ощущение близости дремлющего под землей врага только окрепло. Коваль пытался войти в резонанс с окружающим, как учил его Бердер, но не мог дать ясного определения угрозе. Он не видел ни коварных ящериц, ни ядовитых птиц, а самое главное -

ни он, ни Семен не чувствовали в толще песка пустот, которых так боялись пивовары. Небо тоже оставалось спокойным. В зените, неотступно следуя за колонной, плавно кружили два стервятника. Затем к ним присоединился третий. Птицы ждали.

Цветочки постепенно сгнули, а наряду с рыжими вкраплениями на поверхности дюн стали появляться какие-то застывшие пятна, цвета грозовой тучи. Артур попытался набрать в перчатку горстку темной породы, но мельчайшая пудра просочилась сквозь пальцы.

Борк дал команду остановиться. Все затихли, ожидая дальнейших указаний.

– Металл, - коротко бросил Семен. - Текучий металл.

– Ты встречал такое?

– Отец говорил, что видел за Уралом. Христя прав, очень опасно. Годами может лежать - и вдруг нападает, как живое.

– Но тут нет ничего живого! - Артур опустил на колени в тени жеребца. Слабо поблескивавшие пятна покрывали рыжий склон сопки, словно оспины. Одни были величиной с рублевую монетку, другие достигали размера раскрытого мужского зонтика.

– Я же сказал "как живое", - поправил Семен.

– В вашей деревне старики не упоминали ни о чем подобном, - нахмурился Артур.

Он подобрал горсть обычного песка и высыпал сверху на одну из бляшек. Несколько секунд горка оставалась неподвижной, затем в центре образовался маленький кратер, словно ворочался муравьиный лев.

Зернышки, сухие соломинки, песчинки рассыпались в стороны, обнажив нетронутую блестящую поверхность.

– Не прикасайтесь! - окрикнул Борк. - И ничего не поднимайте с земли, если хотите жить!

Выбираемая братьями дорога походила на бесконечную череду восьмерок и петель. За первой сопкой они обошли понизу вторую, зато на третью, самую высокую, начали взбираться. Логику Клауса невозможно было понять. Иногда он падал ничком и медленно перебирал конечностями, как черепаха, отыскивающая место для кладки. Потом надолго замирал, а остальные терпеливо ждали, пока братья посоветуются друг с другом и вобьют следующий колышек. И ни разу Клаус не наступал на металлические серые пятна.

Стервятники кружили в потоках прогретого воздуха.

Теперь отовсюду проступали лишь скучные, лимонно-рыжие вершины сопки. Травы почти не осталось, зато пятна металлического порошка усыпали сопки, словно оспины ветрянки. Не успело солнце подняться в зенит, как охотник объявил о большом привале. Братья почти безошибочно вывели путников к чернеющему между приземистых холмов готическому собору, точнее, к треугольной верхушке собора, сиротливо торчащей из песка. Ксендз немедленно вознегодовал и начал разоряться, что он-де раньше проходил левее и подумать не мог, что святой храм превратят в сортир. Не обращая на него внимания, пивовары отогнули мешковину, закрывавшую узкое оконце, и забрались внутрь.

Артур представил, какой толщины должен достигать слой песка, чтобы почти полностью спрятать высотное здание. Возможно, поблизости имелись и другие дома, но стены более современных построек не выстояли перед наступлением стихии. Было нечто символичное в том, что устоял именно собор. Коваль последовал за проводниками. Как он и ожидал, под верхним перекрестием балок всё внутреннее пространство собора занимал песок. Пивовары раскинули тент, чтобы спрятаться от лучей, жалящих сквозь дырявую крышу. Борк сонным голосом повторил, чтобы не отвязывали лошадей, не трогали землю, и захрапел...

Остаток дня прошел спокойно. Когда над Ползущими горами поднялся месяц, пивоваров разбудили, и отряд снова двинулся в путь. Артур уже начал думать, что нервы сыграли злую шутку и до обещанного Красного леса осталось совсем немного, когда это случилось...

На подходе к одному из особенно крутых гребней, с Ковалем поравнялся святоша. Станислав прихрамывал. Несмотря на ночную прохладу из-под полей его соломенной шляпы

стекали крупные капли пота, а ноги по щиколотку вязли в песке. Предусмотрительный Борк еще на окраине города роздал всем короткие снегоступы, но ксендз отказался. В результате он засадил себе в пятку занозу и спотыкался на каждом шагу.

– Пивовары называют эти пятна металла "свинцовой язвой", - тихо сказал Станислав. - И никогда не трогают. Как ни крути, они недалеко ушли от дикарей. Корчат из себя верующих, а сами уверены, что под землей живет дух обиженного металла, который движет горы и просачивается наружу, чтобы мстить одиноким странникам...

Поляк презрительно сплюнул.

– А сам ты в это не веришь? - спросил Коваль.

– В духа? Я верю лишь в святого духа! - гордо ответил Станислав. - А что касается язвы... Я прошел тут трижды и знаю тех, кто сделал это десять раз. А эти немцы... Посмотри на них, они перебирались через горы сотни раз - и ничего с ними не случилось.

– Так там ничего нет, под песком?

– Я всего лишь пытаюсь намекнуть, чтобы ты не слишком верил их болтовне. Порой они сами придумывают страхи, чтобы набить цену для проводников. Например, я уверен, что нам ни к чему было надуваться их гадким пивом. Желтый туман грозит смертью на высоте, но уверяю тебя, у поверхности давно безопасно.

– Ты хочешь сказать, что обойдешься без них? За что ты их так не любишь? - Коваль никак не мог понять логики этого желчного человека.

– А за что мне их любить? - недобро рассмеялся Станислав. - Они что-то темнят насчет посольства. Нам доподлинно известно, что кардинал Жмыхович повел людей именно этим путем. Мы предупреждали германцев. И как они, по твоему, поступили? Как предатели. Да, с Великим посольством шли неплохие проводники из германских травников, но чего скрывать, пивовары ориентируются в здешних местах гораздо лучше.

Они жадные, хоть и притворяются овечками! Золото их не интересует; им подавай ткани, коней, гвозди, нефть! Мне точно известно, пан Кузнец, что его преосвященство не стал бы торговаться с грязным дикарем, имея столь светлую и значительную цель.

Люди Борка просто заломили неслыханную цену. И что в результате? Эти шуты в масках заявляют, что понятия не имеют, как это мимо них просочилось целое войско...

– Послушай, пан Станислав, - осторожно подбирая слова, начал Коваль. - Ты ведь признаешь, что они люди, а не чудовища, хотя и живут за песчаной стеной?

– Ну... - ожидая подвоха, косо глянул ксендз.

– В таком случае загляни в Святую книгу, - мягко посоветовал Коваль. - Ты отыщешь там место, где сказано, что все без исключения люди суть дети единого бога. И любит их бог одинаково.

– Ты так сильно любишь своих подданных, пан губернатор?

– Но я и не говорю, что живу и работаю во имя Креста, - парировал Коваль. Он вдруг понял, что твердолобого поляка не переспоришь, и резко сменил политику. - Вот что я подумал, святой отец. Если ты прав, и Борк имеет на нас зуб, то он может попытаться заманить нас в ловушку, чтобы завладеть имуществом и лошадьми? Как это я упустил из виду?..

– А я о чем тебе толкую? - мгновенно поймал наживку святоша. - Да будь моя воля, будь у меня, как у тебя, пан Кузнец, преданные солдаты, я спалил бы этих карликов прямо в норе! Я бы их прижал как следует. Этот гаденыш Борк выложил бы немало любопытного, в том числе про Великое посольство!..

Тут Станислав замер с открытым ртом. Как раз в эту минуту отряд преодолел очередной пик и начал спуск в узкую долину между двух острых песчаных наносов. Ветры постарались здесь на славу, образовав на ровном, словно отполированном, склоне причудливые барельефы. В другой обстановке Артур признал бы, что вид открылся изумительный. Встающее солнце уже лизало вершины гор, точно розовый язычок шевелил выступы беззубых десен, а навстречу розовому с запада разгоралось неясное багровое свечение...

Но Станислав смотрел не на художества ветра, и даже не на показавшиеся за дальними барханами кроны Красного леса. Он глядел под ноги, а там понуро сидел растерянный Клаус.

Клаус искал, куда воткнуть очередной колышек - и не находил. "Свинцовая язва" густо обметала склон. Некоторые пятна сливались в сплошные полосы, образуя на песке непроходимый узор.

— Что будем делать, охотник Борк?

Пивовар молча приподнял маску и приложил к глазам подаренный Ковалем бинокль.

— Попробуем обойти южнее.

— Отец! - остановил Борка звонкий голос Фердинанда. - "Язва" нас догоняет!

На самом деле догоняла не "язва", Артур это понял с первого взгляда. Колоссальная масса песка за спиной без всякой видимой причины пришла в движение.

— Гора ползет! - ойкнула мама Рона.

— Еще как ползет... - отозвался Семен.

Он шел замыкающим и сейчас изо всех сил тянул за собой перепуганного жеребца. Коваль не успел сообразить, что происходит, но Фердинанд уже катился навстречу Качальщику, выкрикивая на ходу:

— Брось узду! Брось! Уходи!

Семен погрузился уже почти по колени, песок тек вокруг него сплошной рекой, тек с каждым мигом всё быстрее и быстрее. Наконец Хранитель осознал, что происходит, и выпустил уздечку.

Жеребца повлекло вниз; он сражался изо всех сил, но ничего не мог поделать. Путаясь в собственной сбруе, истошно, почти по-человечески крича, он барахтался посреди песчаного моря и всё пытался высмотреть огромным фиолетовым глазом хозяина, который не должен был, не имел права бросить его...

Через несколько мгновений в неглубокой воронке песка кружило лишь стремя; потом исчезло и оно. По лицу Качальщика пробежала судорога, он застыл на одном месте.

— Назад! Назад, тебе говорю! - надрывался Фердинанд, дергая веревку, которой был обязан Семен.

Коваль почувствовал, как под сапогами исчезает твердая основа. У лошадей разъезжались ноги. Карапуз запнулся и упал на спину. Еще секунда - и он покатился бы вниз, не ухватив его за пояс малыш Борк.

Сопки ползли всё быстрее и быстрее. Казалось, смещается весь доступный обзору массив. Неустойчивый гребень, на котором стояли люди, начал разрушаться, первые ручейки оползня заскользили в ложину. Рельеф менялся, словно исполинский золотоискатель подбрасывал сито, недовольно перемешивая частицы в поисках ценной руды. С севера с нарастающим сухим шелестом, с неумолимостью цунами, раскидывая тонны пыли и оставляя за собой толстый рыжий шлейф, к людям приближалась настоящая гора.

— Вниз, быстро! "Язва" окружает!

Заражаясь друг от друга паникой, люди посыпались по наветренному склону, и уже никто не обращал внимания на свинцовые болячки пустыни. Артур бросился на помощь пивовару, тянувшему на веревке Семена. Фердинанд стонал от натуги, одной рукой ухватившись за стремя; обмотанный вокруг другого кулака фал уже разрезал ткань перчатки и до крови располосовал кожу. Семен выкарабкался, перекатился, освобождая ноги, но в эту секунду огромная волна сбила его с ног. Ремень лопнул, рука Фердинанда отчетливо хрустнула.

— Держись! - Артур, забыв обо всем, рванулся к тонущему Качальщику.

— Нет! - здоровой рукой Фердинанд ухватил его за поясной ремень. - Его не спасешь, все погибнем!

Словно в подтверждение его слов второй, еще более мощный вал нахлынул на Качальщика. Больше Артур его не видел. Подхватив в охапку скорчившегося от боли коротышку, Коваль прыгнул в седло. Кобыла Фердинанда неслась далеко впереди и уже

почти скрылась из виду. Отплевываясь песком, Коваль направил коня наискосок по склону. Падение означало болезненную, хотя и быструю смерть, но каким-то чудом черный жеребец держался. Вспарывая песок когтистыми копытами, вытягивая шею, он стремглав несся на запад, а позади с противным шелестом обрушивались десятки тонн кварца - всё время в двух шагах...

Спуск сменился подъемом, и тут Артура словно ударило в спину. Но оглянуться было некогда; вылетая на вершину следующей сопки, он уже видел машущих ему ребят. Все они были в относительной безопасности: там, впереди, чертова пустыня еще не шевелилась, отряд взбирался на самый верх горы, похожей на ступенчатую пирамиду ацтеков. Маленький Борк что-то надсадно кричал, указывая в сторону...

Артур на секунду позволил себе обернуться (коротышка Фердинанд, несмотря на сломанные пальцы, вцепился в него не хуже, чем паук в паутину).

То, что Коваль увидел в последние мгновения перед тем, как закончилась буря, запомнилось ему надолго. Пересказывая впечатления той минуты Хранительнице Книги, он не находил слов, чтобы описать потрясшую его картину. За ним по пятам гналась пропасть. Отставая на шаг от задних копыт коня, морщинистая, словно прибрежное морское дно, поверхность песка исчезала, обрушивалась водопадом в кошмарную глубину. А с противоположной стороны широченная трещина мгновенно заполнялась, и на ее месте образовывалась новая долина... Все эти чудовищные превращения под монотонный, почти усыпляющий аккомпанемент струящегося песка могли свести с ума кого угодно. И, точно жадные руки, тянулись из глубины пропасти скрученные нити свинцового оттенка, - хищные метастазы опухоли, образованной миллионами тонн дряни, которую произвело человечество. Опухоль разрасталась, вылезала на свет, словно пробуя на вкус оставшийся чистый воздух и захватывая все новые территории...

Коваль продолжал хлестать взмыленного коня, даже когда земля успокоилась. Он не слышал, что кричал ему Фердинанд, не чувствовал рези в обожженных песком глазах, и только когда на стремях всей тяжестью повисли Карапуз и Клаус, он понял, что спасен...

— Всё, командир, всё! - кричал Митя, волочась за стремями.

У Клауса шапка сбилась набок вместе с капюшоном, лоб мигом покрылся волдырями. Артур вывалился из седла, хватая ртом горячий воздух. Рядом корчился Фердинанд; мама Рона и Борк уже накладывали ему доморощенную шину из шомпола. Кто-то вылил губернатору на голову бурдюк воды...

Мало-помалу командир обрел способность видеть. Ползущие горы замерли, точно удовлетвовавшись жертвой. Человеческих потерь больше не было, а кроме коня Семена, погиб еще один. Вместе с лошадьми был похоронен изрядный запас пищи, бидон с нефтью для факелов и половина дефицитного динамита.

— Я не прошу себе... - бессмысленно повторял Артур.

Лева гладил командира по руке, мама Рона совала под нос ковшик с успокаивающим отваром. Все слишком хорошо понимали, что именно Ковалю предстоит встреча с отцом молодого Хранителя и лесными старейшинами. Семен погиб слишком глупо, чтобы считаться героем, и слишком страшно, чтобы ему можно было пожелать спокойного сна.

— Он был отличным охотником! - торжественно произнес Борк. - Я мог бы гордиться таким сыном. Но если ты намерен когда-нибудь достойно оплакать мертвого, подумай сначала о живых. Если твои глаза будут полны слез сейчас, мы не пройдем Красный лес.

Солнце вставало за спиной Борка, но в его черных очках отражались пляшущие блески. Артур непонимающе разглядывал охотника, затем до него дошло.

Он развернулся - и увидел далекие огоньки костров.

Людоеды Красного леса грели воду для завтрака.

10. ВЕЛИКАНЫ КРАСНОГО ЛЕСА

Заночевали, а точнее, задневали на самой границе песка и леса. Дабы облегчить

страдания Фердинанда, Артур извлек даже заветные снадобья, подаренные Анной Второй. Но у белобрысого мутанта, несмотря на фантастическую выносливость и бравый вид, кости двух сломанных пальцев не желали срастаться за один день...

На вторую ночь лагерь организовали под кроной расщепленного молнией клена. Артур дождался, пока все улягутся и незаметно поманил охотника. Освобожденная от тряпок и масок, его обескровленная физиономия казалась ликом призрака.

— Наш юный колдун хорошо слышит, герр Борк. Он обеспокоен тем, что слева за нами постоянно следят.

— Не стоит опасаться, это еще не Красный лес. Кому надо, давно знают, что мы здесь, но мелкие племена не будут нападать...

— Мне не нравится такой подход, герр Борк. Мы потеряли двух превосходных бойцов, а за смерть Хранителя мне вообще могут голову открутить...

— Мы разделяем вашу скорбь.

— Дело не в скорби. Люди пошли за мной, но я командую ими в городе, в Петербурге. Понимаешь? Здесь моя личная война, и никому невозможно объяснить, какая польза будет городу, если мы найдем других Проснувшихся. Возможно, вместо благодарности меня ждут страх и проклятия. А теперь гибнут лучшие ребята из тех, что в азарте пошли за мной, и мне становится страшно смотреть в глаза другим. Он утонул в песке, бездарно утонул...

— Он не бездарно утонул, - пивовар почти нежно коснулся ладони Артура. - Он принес жертву, чтобы мы могли пройти.

— Вы всерьез верите в это? - напрямик спросил Коваль. - Вы верите, что кто-то из нас должен был обязательно погибнуть, чтобы миновать горы?

В пляшущих отсветах костра глубокие глазницы Борка походили на дыры, выдолбленные в гипсовой свае.

— Это не просто суеверия, герр Кузнец. Под толщей гор дремлет Свинцовая язва. Она никогда не спит. Она может притворяться, что уснула, но всегда следит за теми, кто движется по горам. По эту сторону Ползущих гор есть племена, которые верят, что пески можно умиловить жертвенным скотом. Они заводят скотину в горы, связывают ей ноги и оставляют на съедение язве. Глупцы, они не понимают, что их коров поедают птицы, а язве не нужны бессловесные твари!

— А кто же ей нужен?

Борк придвинулся так близко, что Коваль ощутил на лице его пивное дыхание.

— Язве нужен человек! Получив человека, она успокаивается. Я тоже чувствую свою вину перед ним. Мне следовало послать вперед сыновей. Никогда еще язва не нападала с такой яростью...

Артуру показалось, он нащупал во всей этой дикости какую-то трезвую мысль.

— Так горы ползут, пока кто-нибудь не погибнет?

— Горы ползли всегда, но мальчишкой я ходил через них один и редко когда встречал свинцовые отметины. Они полезли вверх три года назад, словно озверели от запаха людей. И еще... Мои родственники из Карлсруэ видели, как из Ползущих гор вышел рой.

— Что?!

— Именно так, герр Кузнец. Раньше никто не понимал, откуда берутся на земле демоны из неживого металла - существа, лишённые сердца и крови. Язва мстит людям, она продолжает дело Большой смерти. Рой сечет всё подряд, но охотится только за людьми. Однако демонов было совсем немного, пока...

— Пока Карамаз-паша не провел серию диверсий, - закончил за него Артур.

— Не знаю, что такое "диверсия", - запнулся Борк. - Вы иногда употребляете слишком умные слова... Герр Кузнец, я могу вас попросить об одном одолжении?

— Попробуйте.

— Если то, что я слышал о вас, - правда... Вы расскажете мне когда-нибудь о тех... о временах до Большой смерти?

– Если останусь жив, герр охотник.

– О, благодарение Лютеру, вы не умрете, герр Кузнец! - рассмеялся Борк. - В вас слишком много... как это сказать... Жизненной силы!

Во мраке невозможно было заметить, как кора деревьев сменила коричневый цвет на красный, но продвижение отряда резко застопорилось. Первые часа три, пока луна не поднялась в зенит, всадники тащились со скоростью улитки. Раскачанная земля словно брала реванш за раны, нанесенные цивилизацией.

Пришлось разбиться на три пары. Полковник рубил траву на пару с Христофором, а когда они уставали, их сменяли Карапуз и Станислав. В третьей бригаде орудовали кинжалами и топорами братья-пивовары. Иного способа пробиться не существовало, стожильные кони попросту вязли в переплетении стеблей, их приходилось поминутно вызволять. Прекрасно чувствовал себя только тигр Лапочка. Его выпустили из корзины, и одуревший от раздолья зверь носился кругами, то пропадая, то возвращаясь. Попутно он успевал полакомиться дичью, которая буквально кидалась под ноги. Коваль пытался разглядеть птиц и животных с мутациями, но не замечал пока ничего особенно страшного, хотя чаща кишела живностью.

Никаких аномалий, кроме поведения леса.

И продираясь сквозь этот лес, Артур невольно вспоминал иной...

За десять лет своего правления Коваль ни разу не посетил окрестности Москвы, его гнал оттуда суеверный страх, сродни стыду за содеянное. Но от караванщиков он слышал, что исполинские дубравы, захватив уже половину бывшей Московской области, продолжают медленно разрастаться и превратились в совершенно непролазную чащу. Делались попытки достичь центра древней столицы по воде, но отважные речники неминуемо возвращались обратно. Их встречали завалы из бревен, неведь откуда возникавшие буруны, водопады и целые полчища агрессивных водоплавающих. Несколько лодок перевернулось в водоворотках, и ни один, упавший за борт, не выплыл...

Теперь двухметровая просека, которую отряд прорубал с таким трудом, зарастала чуть ли не на глазах. Брызжащие соком иссеченные стебли не засыхали, а в течение получаса давали свежий побег. Однажды Артур уловил движение воздуха над головой и перехватил летящую веточку со вполне созревшими желудями. Это было невероятно: до осени оставалось добрых два месяца, но мясистые плоды выглядела вполне спелыми. Губернатор не поленился, слез с коня и закопал желуди в рыхлый чернозем. Два часа спустя он вернулся по просеке, топча молодые побеги, и раскопал одетых в шапочки младенцев.

Оба желудя ночью пустили ростки...

Однажды передовые лесорубы налетели на балку из нержавеющей сплава. Ковалю стало интересно, и, прихватив лопату, он ринулся ее изучать. Балка уходила в глубину, затем показалась широкая поперечина, запаянная в мощном шаровом сочленении. Освободившийся от работы Карапуз, ощущая переизбыток сил, решил помочь начальству. Вдвоем дело пошло быстрее...

Толщина первоклассного чернозема превышала два метра, и плодородный слой не думал кончаться. Металлическая балка оказалась верхушкой от огромных качелей. Дубы вращались корнями в парк детских аттракционов...

"Пусть будет самый страшный лес, - мысленно воззвал Коваль ко всем богам сразу. - Лишь бы не пески..."

Когда на пути попадался замшелый ствол, приходилось забирать в сторону, и такие крюки стоили большого труда; дубы и платаны достигали иногда умопомрачительных размеров, по десятку метров в диаметре. Они поднимались вверх на огромную высоту, создавая настолько плотную тень, что свободная смена "косарей" была вынуждена освещать путь фонарями. Открытый огонь Артур побоялся использовать; едва вспыхнув, трава превратила бы в факелы их самих.

Когда месяц завершил путь среди мерцающих созвездий, начали встречаться поваленные деревья. Их становилось всё больше, и все они лежали вершинами навстречу,

словно на западе, там, куда стремилась экспедиция, находился эпицентр чудовищного взрыва. Артур не поленился достать счетчик, но уровень радиации был в норме...

Лапочка вел себя очень мирно, и Христофор не чувствовал приближения врага. Коваль поинтересовался у Борка, где же костры, и почему на отряд до сих пор никто не напал. Со свойственным ему оптимизмом пивовар ответил, что те, кому надо, давно засекли чужаков, но на прохожих нападают только Когти.

— Когти? - подозрительно переспросил Карапуз, когда ему перевели смысл фразы. - Я помню одну шайку на Ладого с такими кличками. Они украли у нас жратву и двух городских баб. Тогда у меня было много силы и мало терпения. Я не стал слушать стариков, позвал с собой Гогу-мясника, Трупоеда и Бешеного лося. Мы догнали их на берегу и всех утопили, человек пятнадцать... Если здесь такие же Когти, то справимся легко.

— Здесь совсем не такие, - отсмеявшись, сказал Борк. - Но в переговоры вступать нельзя. Сразу стреляйте, а лучше - рубите ножами. Ваше оружие, - он уважительно дотронулся до метровой Митиной секиры, - подойдет как нельзя лучше...

— Вы так убеждены, что без драки мы не пробьемся к автобану? - язвительно осведомился ксендз и пояснил для русских: - До Парижа сохранился длинный кусок древней дороги в отличном состоянии. И людоеды туда не забираются, они избегают культурных поселений.

— А чем, по-вашему, лучше "культурные поселения"? - передразнил ксендза пивовар.

— Возле Парижа люди живут, как должно, - приосанился Станислав. - Они веруют в Крест и ненавидят мерзких крылатых идолов, которым возносят жертвы дикари. Парижане совершают святые таинства. Они посещают сохранившиеся храмы, и я даже видел, как отстраивают новые. Они готовы были присоединиться к Великому посольству...

— Какая прелесть, - язвительно хлопнул в ладоши пивовар. - Парижане, герр Кузнец, не едят людей, как Когти, поклоняющиеся Железной птице, но зато они охотно жгут заживо своих женщин.

— Как это? - обалдев от такого откровения, разом спросили мама Рона и Левушка. - За что?

— А за всё, - наслаждаясь замешательством поляка, продолжал охотник. - Когда у горожан заболевает коза, или если корова перестает давать молоко, они выбирают женщину покрасивее. Желательно из одиноких, чтобы за нее не могли вступить муж и братья. И сжигают ее заживо. У вас, фрау Рона, - он галантно поклонился докторше, - было бы достаточно шансов оказаться на костре. При этом местные святые отцы с удовольствием приняли бы участие в церемонии...

— Это лишь отдельные заблуждения! - вскипел ксендз. - Не смейте примешивать бога к суевериям несчастных крестьян. Они слишком долго живут в окружении дикарей!

— А мы где живем? - напирал охотник. Еще немного, и они сцепятся, подумал Артур. Но тут ситуацию неожиданно разрядил Лапочка, почуявший в кустах какого-то крупного зверя. Затрещали ветки, раздалось рычание, все схватились за оружие, и спор сам сошел на нет...

Месяц спрятался в тучах. Трава начала мельчать, а затем сменилась пружинящим мхом и ковром из мелких кустиков, вроде черники. В свете фонариков начали длинный крутой подъем по узкой расщелине. Коваль никак не мог разобрать, куда их занесло. На расстоянии вытянутой руки возвышалась древесная масса, плотностью и цветом напоминавшая порфир. Конь послушно перебирал ногами в мягкой подстилке из перегноя. Подъем неожиданно закончился, из туч выпрыгнула луна, в ноздри ударил свежий ветер. Его хотелось пить... или, скорее, есть ложками, столько вкусных цветочных ароматов переплелось в каждом глотке.

К открывшейся панораме остались равнодушными лишь выдавшие виды пивовары; даже толстокожий Карапуз присвистнул от восхищения.

На минуту Артур ощутил себя мальчишкой, оказавшемся в сказке. Он даже несколько раз сморгнул, отгоняя наваждение.

Путники выбрались на поверхность гигантского дубового ствола. Поверженный дуб вымахал до своих размеров, презрев все законы земной биологии. Его верхушка была совсем рядом, но даже тут ширина "плато" позволяла свободно разгуливать пешком. Вдалеке, в полусотне метров, на фоне млечного пути маячили исполинские корни; дуб вырвало из почвы целиком. У основания зияла колоссальная неровная воронка, уже зараставшая молоденьким подлеском.

Но самое потрясающее открытие ожидало дальше. Сказочный великан был не одинок в своем несчастье. Десятки, если не сотни гибнущих исполинов лежали повсюду. До самого горизонта, насколько хватало глаз, простиралось кладбище древесных мертвецов, и тут же поднимались новые побеги, прорастали насквозь, вживлялись в могучую кору.

А между ними покачивались мостки. Узкие, подвешенные на веревках, и широкие, двуслойные - настоящие автострады, укрепленные на мощных решетчатых распорках. Одни рукотворные тропки избегали вверх, к задраным в небо корням, другие круто спускались в темень, к невидимой поверхности земли.

— Это город, настоящий город, - прошептала мама Рона. - Смотрите, там, внизу, окна!

Действительно, метрах в десяти ниже того ствола, где собрались путешественники, слабо отсвечивали крохотные квадратики. Артур сначала принял их за далекую колонию фосфоресцирующих грибов, но теперь пригляделся внимательнее и понял, что мама Рона права. Огоньки брызнули в окнах, как будто кто-то внутри прошел с лампадкой, или сверкнул ряд иллюминаторов фантастической, выползшей на берег субмарины.

— Внизу мы не пройдем, - упреждая вопрос Коваль, шепнул охотник. - Верхние дороги выдерживают даже тяжелые повозки, но Когти не любят, когда их путями пользуются бесплатно.

Лошадь Клауса ступила на неструганные доски моста, перекинутого между двумя стволами. Толстые, грубо заостренные бревна, уложенные в выжженные пазы, служили опорой ближайшей секции, а дальняя часть дороги, теряющаяся во мгле, тянулась уже над пропастью. Мощные волосяные канаты, закрепленные на вздыбленных корнях, удерживали конструкцию от падения.

Мост слегка покачивался на высоте шестизэтажного дома.

— Как же оно не гниет? - удивился книжник, опасливо глядя вниз, на смутные очертания верхушек молодых тополей.

— Когда мой отец взял меня в первый раз в Красный лес, эти дубы уже лежали, - сказал Борк. - Они очень крепкие, но...

— Отец, костры не горят! - из темноты вынырнул Фердинанд, уже побывавший на той стороне моста.

— Когти потушили костры - неважный знак, - нахмурился Борк. - Приготовьтесь к драке! Главное для нас - успеть добежать до поляны...

Но до поляны добежать не успели.

11. КОГТИ ЖЕЛЕЗНОЙ ПТИЦЫ

Когда миновали третий навесной мост, полого спускавшийся к черному зеву дупла, Лапочка, бежавший впереди, резко остановился и заворчал. В лунном свете серебристая шерсть поднялась дыбом, громадный кот в мгновение ока вдвое вырос в размерах.

— Впереди много, человек двадцать! - крикнул Христофор. - И целая толпа карабкается снизу по стволу!

— Лошадей в центр! - скомандовал Коваль. - Христя, прикрывай маму и Старшину!

Сзади по скрипящим мосткам уже топотали босые пятки. Коваль прикрыл глаза, впитывая в себя звуки и запахи леса. Снизу, по выступам коры, бесшумно лезли как минимум десятка три дикарей, но по мосту подбирались не только люди. Коваль чуял рассерженных зверей, но не мог определить, с кем имеет дело, пока они...

Пока они не выскочили разом из темноты и с улюлюканьем не бросились в атаку.

– Огонь! - скомандовал губернатор. - Лошадям - лежать! Патроны беречь! - и развязал тесемки на нагрудных карманах с метательными ножами.

– Почему я их не заметил раньше? Как я мог их не заметить? - в растерянности причитал колдун.

– Потому что они пришли под землей, - ответил Артур, загоняя в оба ствола по патрону. - Я чую их норы. Принюхайся! У них норы в земле, и ходы выдолблены в дереве... Карапуз, подпусти поближе!

Больше поговорить не удалось.

Митя послушно дождался, пока первые полуголые фигуры появятся в поле зрения, и щелкнул затвором пулемета.

– Не стреляйте! - крикнул Борк и с бешеной скоростью залопотал на незнакомом диалекте.

Дикари возникли разом, замыкая кольцо окружения, но нападать не торопились. Артур не мог рассмотреть лиц, видел только, что тела намазаны - не то краской, не то жиром, а в руках у многих блестит металл. Члены маленькой экспедиции плечом к плечу отступали к обломку гигантской ветки, за которой не было ничего, кроме многометрового обрыва. Лошади улеглись на неровную поверхность коры. Христофор натягивал тетиву арбалета, мама Рона, спрятавшись за тюками, взводила курки револьверов.

– Лева, что он говорит? - не оборачиваясь, спросил Коваль.

– Здорово отличается от того французского, что я учил, - отозвался книжник, изо всех сил сражаясь с поводком Лапочки. - Вроде бы, просит встречи с их главарями...

– Не стреляйте, - тише повторил Борк, откинул назад обрез и выхватил из-за пояса моток тонкой веревки. - Они не хотят нас убивать, попытаются взять живьем. Если откроете огонь, нам конец: спустят медведей!

В эту секунду Артур вспомнил, откуда ему знаком этот запах. На мосту показались сразу четверо крупных мишек. Они резво неслись вперед, задрав морды, и за каждым волочились цепи. К передним лапам зверей были ремнями приторочены короткие железные рукавицы с длинными коваными когтями. Загнутые, остро наточенные лезвия мешали животным передвигаться, медведи еще больше косолапили и оскальзывались, но при каждом прикосновении когтей к доскам во все стороны разлетались фонтанчики щепок. Коваль представил, что будет с человеком, если он попадет под удар такой лапы...

У Артура в запасе имелось около десятка метательных ножей и достаточно парализующего яда. Не успели медведи соскочить с моста, а погонщики - развернуть подслеповатых хищников в нужном направлении, как он уже метнул четыре ножа подряд.

Если Когти собирались проверить их "на вшивость", крайне важно было сразу дать понять, кто сильнее.

Четыре мохнатых стражника в мгновение ока повалились ничком, а дикари, увлекаемые поводками, пронесли дальше, сбиваясь в кучу и путаясь в цепях.

Это остановило атаку, но ненадолго. Обозленные потерей "танкового корпуса", Когти, опомнившись, кинулись в бой. Христофор, следуя боевому расписанию, поджег несколько метательных факелов и швырнул их в гущу противника. Горшочки с соляровкой раскалывались, горячая жидкость растекалась языками пламени по изгибам коры, и скоро стало достаточно светло, чтобы оценить положение.

А положение становилось критическим, несмотря на отчаянную оборону осажденных.

Митя Карапуз, намотав на левый локоть конец капронового троса, с сатанинским воплем ринулся в гущу дикарей. Рывок - и Даяр со Станиславом аж присели, еле удерживая натянувшийся трос, а Митя превратился в наконечник здоровенной косы. Старый трюк, широко используемый чингисами на российских просторах. Там, где у Карапуза находился локоть, у большинства взрослых мужчин уже начиналась шея...

Не обращая внимания на удары ножей и дубинок по кольчуге, Карапуз смел десяток дикарей в пропасть. После этого Митя развернулся и зарычал так, что даже Лапочка, дергающийся на привязи, удивленно примолк.

В руках Борка с Клаусом гудели самодельные кистени. Раскручивая длинный шнур с грузилами на концах, охотник делал такие движения, будто греб на веслах. Первые же дикари, попавшие под удар, отлетели с раздробленными черепами. Борк мигом очистил от нападавших северную часть ствола, но когда развернулся, поумневшие Когти уже кинулись на немцев с длинными дубинами. В воздухе засвистели камни. Один угодил Клаусу в голову; маленький пивовар пошатнулся и упал.

Фердинанд прорывался на помощь отцу и брату, размахивая двумя мечами одновременно. Он крутил лезвиями в таком темпе, что Артур невольно залюбовался. Двое верзил выскочили навстречу и с воплями откатились в стороны, баюкая культы отрубленных рук.

Возле уха Артура засвистели стрелы. Две он поймал на лету. Следующая достала Фердинанда. Германец запнулся, недоуменно поглядел назад и тут же осел под ударами дубинок. Дикари бросились на отважного коротышку, как муравьи на гусеницу, откуда-то тащили сеть... Коваль еще успел заметить, как в гуще размалеванных тел дергались ноги пивовара.

– Лева! - закричал Артур. - Поговори с ними, слышишь! Скажи, что мы друзья, что хочешь, скажи!

"Если бы с нами был Семен! - мучительно горевал Артур, - всё, всё пошло бы иначе..."

Сам он, хоть и стоил десятка воинов, решил взять на себя роль засадного полка и вмешаться лишь в самом крайнем случае. Пока дело дойдет до пулеметов, он планировал раскидать сотню-другую ножей. Тем более что патронов в лентах почти не осталось...

Книжник был занят важным делом. Пока отряд теснили с трех сторон, Лева обеспечивал тыловое прикрытие. Спрятавшись между лежащими конями, он поджигал один за другим мешочки с нефтью и скидывал их в провал, стараясь, чтобы горящая жидкость стекала по толстой коре поваленного великана.

Невзирая на его усилия, некоторые дикари пробирались, как мухи, по вертикали. Не обращая внимания на тлеющую под руками кору, они с ножами в зубах выпрыгивали наверх. Книжник стрелять в людей не умел и не любил, но мама Рона, несмотря на всё свое человеколюбие, делала это неплохо. Она положила ствол карабина в ложбинку седла и терпеливо дожидалась, пока из мрака не появится очередной лазутчик.

Отважная мама никогда не промахивалась, она просто не имела права на ошибку. Не промахивалась, когда без наркоза удаляла пули, не промахивалась и теперь.

Мама Рона была единственная, кто использовал огнестрельное оружие, но Артур рассудил, что для дамы можно сделать исключение...

На левом фланге Борк в одиночку противостоял целой своре дикарей, прикрывая раненого сына. Артур крикнул Христофору, чтобы плюнул на иллюминацию, забирал Лапочку и двигал на помощь.

Левушка наконец занялся дипломатией. Артур ни слова не разбирал по-французски, но надеялся, что искалеченные глаголы книжника, помноженные на тупость дикарей, родят взаимопонимание. Напрягая глотку, Свирский перекрикивал шум схватки, но толку пока не добился.

На правом фланге Станислав и Даляр, забыв о распрях, орудовали прикладами и штыкножами. Возле них валялся целый взвод Когтей, но Даляр был трижды ранен. Он встряхивал головой, отгоняя струившуюся по виску кровь; одна короткая стрела застряла у него в плече, другая торчала из лодыжки. Поляк тоже начал сдавать.

Дикари напрыгивали, выставив впереди себя дубины и заостренные копья, и тут же отскакивали назад, повинувшись командам невидимого старшего. Ножи они держали за спиной и в ход не пускали. Они попросту изматывали оборонявшихся, понемногу тесня их к сбившимся в кучу лошадям.

А в это время в центре сражения озверевший чингис носился по кругу, вращая над головой обмякшее тело одного из противников, и наносил врагу больше разрушений, чем все остальные бойцы, вместе взятые. От Мити бежали со всех ног. В третьем ряду Когтей один

из военачальников метался, отвешивал пинки подчиненным и, надрывая глотку, орал своим людям, чтобы те не трусили, а разом навалились на проклятого бугая. Коваль подумал секундошку, вытащил клинок и убил вражеского военачальника.

После чего снова пристроился за шеей лошади. Даже лежа, конь обеспечивал превосходную защиту.

Отпущенный на волю тигр показал себя во всей красе. Бедная кобыла, к которой он на протяжении схватки был привязан, наверное, возвела глаза к небу и воздала молитву своему лошадиному богу за то, что этот белокрысы придурок наконец прекратил метаться и оставил ее в покое. Христофор попытался удержать короткий поводок, но запутался в петле и в результате едва не убился, когда его поволокло животом по броневой древесине.

Лапочка бесшумно напал на людей, атаковавших Борка, и за несколько секунд оторвал головы семерым. Почти два года его в паре с братцем тренировали как личного телохранителя губернатора. Он умел раскатисто мурлыкать, когда его гладили по шерстке, но еще лучше он умел убивать. Одним ударом когтистой лапы тигр вспарывал брюхо быку, легко противостоял в бою десятку булей и пяти болотным котам.

А коты гораздо опаснее неповоротливых людишек...

К моменту, когда Христофор, потирая шишки, добрался до Борка, на фланге всё было кончено. Те из Когтей, кто успел заметить тигра, попрыгали в кроны нижнего яруса самостоятельно.

Пивовар, к его чести, не остался помогать раненым сыновьям, а заспешил, прихрамывая, на помощь Карапузу.

Лева, окончательно севшим голосом, продолжал выкрикивать французские ругательства.

Мама Рона застрелила еще двоих.

К основательно поредевшему авангарду дикарей сразу по двум мостам спешило свежее подкрепление. Ближний мост, подожженный Христофором, полыхал вовсю. И, словно по команде, загорелись сотни огоньков в окошках и десятки костров. Где-то в низкой утробной тональности на две ноты пропела труба.

Лес превращался в разворошенный термитник.

Артур свистом приманил тигра. Лапочка выпустил из пасти ногу туземца и стрелой кинулся к хозяину. Зверь прихрамывал, по серебряной шкуре, израненной стрелами, стекала кровь.

Борк, сложив ладони рупором, орал одну и ту же фразу, точно звал кого-то. Клаус тащил на себе стонущего Фердинанда.

Даляр упал на одно колено, отбиваясь любимой саблей последнего императора.

Станислава, пойманного в сеть, усердно молотили дубинками.

Карапуз разогнал вокруг себя всех и теперь приглашал ребят на мосту, чтобы не стеснялись, подходили познакомиться поближе. Ребят было человек сорок, они сбились в кучу и совещались, как понадежней совершить самоубийство.

Коваль прикрыл глаза. Сосредоточился, поглаживая Лапочку между ушей. Прежде чем кидаться в бой, следовало как следует взвесить обстановку.

Он увидел десятка два лучников, рассеявшихся в ветвях на пределе полета стрелы. Но у некоторых были арбалеты. А потом Артур приметил и несколько допотопных ружей.

Стрелки ждали сигнала, чтобы бить на поражение.

Главари Когтей сомневались. Им очень хотелось захватить караван живьем.

Поступать, согласно основам тактики, следовало вопреки ожиданиям врага. И спустя три секунды Коваль знал, как поступит.

Он свистом послал тигра в атаку на левый фланг, крикнул Мите, что пора браться за оружие, и объяснил Христофору, что ему надлежит делать.

А затем, вскинув пулемет Даляра, плавно повел слева направо, освобождая ветки от стрелков. На пристрелку ушло несколько десятков драгоценных патронов, но тут в шесть стволов заговорила пушка Карапуза, на которую посягать никто не смел.

Уничтожались остатки боезапаса...

Христофор с помощью книжника водрузил на плечо гранатомет и произвел пробный залп. Получилось коряво, но цель была достигнута. Коваль просил лишь попасть в людей, крадущихся по левому мосту; но меткий колдун угодил в опору, и переход, по которому еще предстояло им всем пройти, развалился на части. Дикари с визгом посыпались вниз, на вершины молодых деревьев. Средняя часть моста кое-как держалась на канатах, но путь был отрезан.

— Этот недотепа в собственный зад шприцем не попадет! - прокомментировала мама Рона, лихо вставляя в магазин очередную обойму.

Лапочка освободил Даляра и ксэндза, и уцелевшие дикари оказались сами в окружении. Пробриться ко второму мосту им мешал Митя с пулеметом; назад отступать было просто некуда. Ощетинившись копьями и ножами, людоеды шаг за шагом отодвигались к пологому краю дерева, а на них, улыбаясь окровавленной мордой, выгибая длинную морщинистую шею, наступал их последний кошмар.

Большинство лучников Артур прикончил, остальные лихорадочно спасались бегством. Коваль передал почти пустой пулемет ксэндзу и велел держать под прицелом поверхность двух ближайших дубов, а Даялю приказал забрать у колдуна гранатомет.

Пока полковник целился, мама Рона перевязывала ему пробитую ногу. Станислав, как истинный стоик, затыкал пробоины тряпками. Ему порвали щеку, в двух местах разбили голову, сломали палец... От потери крови поляк побелел, почти как пивовары, но держался.

Граната, пущенная опытной рукой, ушла в сторону жилых келий. Тугая волна пламени мигом охватила внутренности древесных домиков. В окошках замелькали фигурки, истошно заорали женщины, несколько человек, объятых огнем, выскочили на мостки и принялись кататься, сбивая пламя...

— Их много, - сказал Христофор. - Внутри и снаружи. Смелые и трусливые. Хотят нас убить, но хотят мира...

"Вот так всегда, - усмехнулся Артур. - Вечно все норовят поубивать окружающих, а после удивляются, почему их не оставят в покое?"

Митя с хохотом нажал на курок. Армию аборигенов, наступавших по правому мосту, искрошило в куски. Они даже не успели убежать, так и застыли между перил плотно спрессованной, мертвой массой. Сквозь доски ручьями стекала кровь...

Коваль помнил, что у чингиса осталось всего три полные ленты.

Третьей гранатой разнесло жилой дом, размещавшийся в неохватном пне.

А у Даляра осталось не больше десятка гранат.

Карапуз развернулся и добил дикарей, безуспешно пытавшихся укрыться от тигра. Лапочка подошел, понюхал и, сразу потеряв к покойникам интерес, заспешил к хозяину жаловаться на боль.

И в эту секунду дикари ответили. Пивовар сначала не поверил своим ушам, но оказалось, что отвечают не ему, а Леве. Потрепанные путешественники жадно прислушивались к чужой, мелодичной речи.

— А ну, тихо! - рявкнул Артур. - Что ты им сказал?

— Ну... Как ты просил, - потупился книжник. - Вежливо, но скромно. Я всё время повторял, что мы хотим мирно пройти, а если нам не позволят, то всех перебьем.

— А они что?

— Не разобрал...

— Они кричат, что с нами будет говорить Железный коготь Проспер. - перевел Борк. - Чтобы мы не стреляли огнем по гнездам.

— Что за херня? - выпучился Карапуз. - У них имена, как у обкурившихся шептунов.

— Насколько я понимаю, сначала идет Ореховый коготь, потом Дубовый, потом Костяной, и только главным вождям присваивают звание Железного, - пояснил Борк. - Кстати, у них встречаются еще Каменные когти, это привилегия мудрейших стариков.

— Самых активных людоедов? - уточнил Артур.

– Значит, к нам идет не самый главный вождь... - разочарованно протянул полковник. - Жаль, хороший был бы пленник.

"Не самый главный вождь" выглядел впечатляюще. Удостоверившись, что кошкаубийца на привязи, через мост, прямо по трупам, прошли четверо дюжих парней в домотканых штанах и рубахах. Холодного оружия на них бряцало столько, словно они задались целью занять в районе первое место по сбору металлолома. При этом было очевидно, что такое количество железа им просто мешает. За телохранителями появился и сам Железный Проспер.

Воин был стар, худ и лыс, исцарапан во многих битвах, но энергичен, как капля ртути. Ковалю он моментально напомнил персонажей незабвенного комика Фюнеса, но, не в пример бравым киношным полицейским, француз будущего отличался завидной предусмотрительностью. Из-за спин молодых охранников он не показывался до тех пор, пока ему не пообещали, что охотник Борк выйдет для переговоров один и без оружия.

Левое предплечье вождя охватывали несколько тонких медных цепочек, украшенных зубами животных, на груди болталось ожерелье из десятка изогнутых, пожелтевших когтей самого устрашающего вида. Под глазами и вокруг носа змеилась сложная татуировка, но в темноте Артур не мог рассмотреть, что она изображает. Одет Проспер был просто, но со вкусом, как и положено соотечественнику великих кутюрье.

На запястьях и лодыжках местного патриция красовалось несколько золотых браслетов с дорогими часами, голый торс обтягивала парадная полицейская португеза, а вокруг тощих ног элегантно развевались синтетические спортивные трусы с эмблемой фирмы "Найк". Ансамбль дополняла роскошная, усыпанная алмазами, перевязь, на которой висел длинный, зазубренный нож.

Борк, прихрамывая, вышел, и переговоры начались.

Телохранители Проспера очумело разглядывали последствия побоища. По самым скромным подсчетам, Когти потеряли убитыми около тридцати человек. Раненых оказалось примерно столько же.

Железный коготь подпрыгивал и нервно жестикулировал. Борк тихонько возражал.

– Я боюсь, дурит он нас, командир, - процедил Даляр. - Время тянет, сволочь! Может, пока не очухались, двинем напролом? Вон, и Митя не против.

– Никаких "напролом"! - шикнул Коваль. - Этот Красный лес на три дня пути. Либо договоримся полюбовно, либо придется отступать в пески. Мы живы только потому, что они сами этого хотели.

– А сеть у них прочная, - ксендз ощупал дырку от выбитого зуба. - Каленый нож не берет. Если бы не ваш кот, уволокли бы, гады! Видели, что они задумали? Засунули меня в сеть, подцепили ее крюком и хотели спустить на веревке. Так и висел бы, как окорок, на крюке...

– Ты же ходил здесь раньше, пан Станислав? - поддел ксендза Артур. Он напрягал все рецепторы, обшаривая пространство.

Никто к ним не подкрадывался. Толпы разбуженных дикарей были заняты тушением пожаров, тащили бадьи с водой, раздавались удары топоров, скрипели лебедки.

– Я сам ничего не понимаю, - устало закричал святоша. - Язычников много, но те, которые поют у гробниц, не подчиняются одному воеводе. И даже когда у них идут междоусобицы, на восточном краю Красного леса всегда горят костры. Правило очень простое, и Борку оно отлично известно. Подходишь к огню открыто, снимаешь оружие, садишься и ждешь. Потом к тебе выходят, спрашивают, кто такой, куда идешь, чем заплатишь за проход по мостам...

– А ты чем платил?

– Отдавал живую курицу и мешочек соли. Этого достаточно.

– А если нет курицы?

– Если ничего нет... - Станислав задрал штанину, подставляя маме Роне рану от удара булавой. - Если пусто, к костру ходить нельзя. Посадят в сеть - и готово. Навсегда попадешь

в рабство, будешь выколачивать новые гнезда. Никто и не найдет в лесу... Или сожрут, если птицы потребуют жертву. Если ничего нет, лучше сразу идти по низу. Но внизу такое... Бурелом, пиявки, гнус, трясина... И, опять же, поймают, подвешат в сетке...

– Так они людоеды или нет? - проявил неожиданную дотошность Лева.

– Что ты раскудаhtался? - осадила мама Рона. - Лучше нож прокали! Тебя, старого, и с бульоном побрезгуют. Провонял весь своей махоркой!

– Они не едят друг дружку ежедневно... - Станислав замычал от боли, когда мама Рона приложила раскаленный нож к ране. - Ох!.. Они вынимают печень, когда... О, мать божья! Когда птицы требуют жертву. Но я не встречал ни одного живого свидетеля...

Внезапно вернулся повеселевший Борк.

– Железный коготь Проспер говорит, что мы можем пройти через лес. В уплату надо оставить двух коней, четыре винтовки с патронами и всю соль, какая имеется.

– Да он сдурел...

– Что хочет эта лысая обезьяна, командир?

– Железный коготь говорит, что мы убили много его людей, - сохраняя торжественную интонацию, продолжал пивовар, а стоявший неподалеку и внимательно прислушивающийся к разговору дикарь величественно кивал после каждого слова. Было ясно, что немецкую речь он понимает. - Мы показали себя храбрыми воинами, и Железный коготь приносит извинения, что сразу не узнал друзей из Кайзерслаутерна...

– Ни хрена себе друзья! - заметил Карапуз.

– Железный коготь говорит, что чужеземцы с востока напали на его соседей из развалин и облили лес дьявольской водой. Там погибло много народу. Чужеземцы тоже хотели пройти к хрустальным гробницам, но договариваться не пожелали. Когти из Зеленого леса вышли к ним навстречу, но восточные люди не сняли железо и не сели у костра, как принято среди друзей. Они вытащили огневое оружие и облили землю дьявольской водой...

– Что за ерунда, командир? О чем он бормочет?

– Погодите! - отмахнулся Артур. - У самого крыша едет. Похоже, нас опередили...

– Теперь Когти Красного леса не жгут костров дружбы и не ждут добра от пришельцев. Из уважения к пивоварам они не будут убивать друзей Борка, но если мы хотим пройти к развалинам, мы должны подарить клану всех оставшихся коней, еще два ружья, и всё, что есть из металла.

Последние слова перевел книжник, ухвативший суть мирных инициатив. У командира не хватило духа озвучить подобную идею. На несколько секунд воцарилась полная тишина, бойцы пережевывали ситуацию.

– Железный коготь Проспер говорит, что вместо своих коней вы получите обычных. Он сам проводит нас к развалинам и представит Каменным когтям, которые сторожат гробницы. Если вам удастся поднять из гробниц четверых демонов, вас отпустят, но с условием...

"Четверо! - обрадовался Артур. - Четверо спящих..."

– По преданию, пока Хрустальные когти спят, народы леса поклоняются птицам и каждый месяц приносят им жертву. Сейчас птицы сытые, иначе пришельцев убили бы сразу...

– Очень приятно, - поежился Лева.

– Раньше Хрустальных когтей было шестеро, но тридцать лет назад один умер в гробнице. Огненные глаза на морде его саркофага погасли, он стал песком... А пять лет назад умер еще один, и это был день великой скорби, потому что предание гласит: "Хрустальные когти призваны прогнать Железных птиц в преисподнюю и освободить народы леса от вечной дани..."

– Спроси его, горожане тоже приносят жертву птицам? - не выдержал Артур.

Ему показалось необычайно важным не упустить мелькнувшую мысль.

Борк перевел. Дикарь завращал глазами, захлопал себя дюжиной "Ролексов" по высохшим бедрам.

– Коготь говорит, что глупые горожане боятся птиц, но не умеют их ублажить. Однажды была великая битва, городские пытались захватить гробницы и оживить Хрустальных когтей. Но воины леса победили. Мудрые Каменные когти умеют договариваться с птицами и учат свой народ, как правильно приносить жертву, поэтому исчадия преисподней нас не трогают!

– Тут всё понятно, - вполголоса перевел Коваль. - Эти идиоты, из поколения в поколение, приманивают на человеческое мясо местных мутантов, вроде нашего Лапочки. Они прикормили целую стаю и теперь не знают, куда от нее деваться.

– Спроси его, что он знает о Великом посольстве? - гнул свою линию ксендз.

Борк нехотя обернулся к дикарю. Коваль понимал, что охотник с большим удовольствием оставил бы раненого поляка посреди пустыни.

– Коготь Проспер утверждает, что длинный караван прошел три года назад, но севернее, по Мокрой просеке. Многие воины предлагали на него напасть, но мудрый Каменный коготь Луи им не позволил. И он оказался прав, северные люди не поджигали лес и не лили дьявольскую воду. Они прошли мимо, провели свой скот и повозки. Нападать на них было опасно: больше тысячи огнестрельных ружей, злые собаки и даже пушки. Больше их не видели, - отпрапортовал пивовар.

– Тогда какого черта мы не пошли по этой сраной просеке? - Даляр встряхнул поляка за воротник. - Какого черта мы полезли на это бревно, если есть другой проход?

– Тот проход не для взвода, - неожиданно вступился за святошу немец. - Я сам подсказал кардиналу, где им лучше пройти. Нужна сотня косарей и лесорубов, чтобы расчищать Мокрую просеку, и еще сотня, чтобы обрубать корни, которые норуют утащить под землю. Издалека кажется, что там очень ровно и спокойно, но мы бы не справились. Трава растет быстрее, чем ее рубишь. Ходят слухи, что под просекой до Большой смерти проходила труба с нефтью. Она выходит на поверхность в развалинах нефтяного хранилища... И ты не потеряешь след посольства, святой отец. Потому что мы всё равно выйдем к развалинам.

– Спроси его, герр Борк, - поднялся Артур. - Почему они нам поверили, если никого не подпускают к гробницам?

Внезапно все заговорили разом, убеждая Ковалья не доверять сомнительным знакомствам.

– Тут ловушка, господин!

– Нас заманивают, чтобы поджарить!

– Врежем гранатой и пройдем сами! Подожжем этот чертов лес, и дело с концом!

– Башку открутить этому лысому червяку!

Артур ждал, пока Борк завершит последний раунд переговоров. Наконец, охотник повернулся и быстрым шепотом, чтобы не слышал дикарь, проговорил:

– Я сказал Железному Когтю, что могучий северный вождь Кузнец сам спал в хрустальном гробу, а когда проснулся, то подчинил себе белых котов, черных лошадей и летучих змей. Я сказал ему, что белый тигр заговорен от стрел и яда, и если Кузнеца разозлить, он направит гнев Проснувшихся демонов на народы Красного леса.

– Впечатляет, герр Борк, - согласился Коваль. - Но ты говорил, что нам поставили условие...

– Да, Когти привередливы, - уныло вздохнул пивовар. - Если ты, разбудив своих демонов, не прогонишь Железных птиц в преисподнюю, у тебя и твоих спутников вынут печень.

– А вас, малявок, выходит, что отпустят? - прищурился ксендз.

– Я охотно поменяюсь с тобой участью, - улыбнулся пивовар. Его треснувшая, заляпанная кровью маска косо висела на покато лбу. - В случае обмана моих сыновей отнесут в гнездо на съедение птенцам. Выбирай, что ты предпочитаешь, святой отец?

12. ПЕСНИ ХРУСТАЛЬНЫХ ГРОБНИЦ

Свет проникал сквозь рваные решетки в потолке. Этажом выше горели ритуальные костры Каменных когтей. Но на десятиметровой глубине всегда оставалось холодно и сыро.

Коваль несколько раз присел, помахал руками, чтобы немножко согреться. На самом деле человека, привыкшего спать в сугробе, мороз не пугал.

Парижское отделение института крионики находилось, к счастью или к несчастью, далеко за чертой города, в одном из очаровательных, уютных северных предместий. По крайней мере так было полторы сотни лет назад. Сейчас тут словно промчался селевой поток.

От большинства корпусов сохранились только скрюченные скелеты, до второго этажа занесенные пластами застывшей глины и обломками арматуры. Тут не было леса, но бурные побеги прокладывали себе путь в каждой трещинке, кроша в песок ошметки сохранившихся домов.

Последние километры дороги походили на исполинскую терку: пробираться приходилось между глубокими впадинами и остроконечными холмами. Ряды лощеных когда-то домиков, прилегавших к автобану, выглядели как обрывки мятой салфетки. От границы Красного леса лошадей вели в поводу, по тоннелям из сплетенных прутьев. Слишком низкие своды не позволяли проехать верхом даже на тех коротконогих клячах, которых путники получили взамен вороных жеребцов Кшиштофа. Плетеные арки, укрытые сверху густым слоем сухой листвы, тянулись непрерывной кишкой, взбегая на возвышенности и опускаясь в лощины. На пути возникали развилки. Однажды экспедиция почти полчаса шла по прорытой траншее, заваленной сверху бревнами. Борг шепнул спутникам, что дикари от подобных путей сообщения почти отказались, так как талая вода размывала траншеи. Коваль заметил, что за крытыми переходами следили, периодически подновляли опорные столбы. Во многих местах была привита виноградная лоза, дававшая такую густую тень, что, казалось, отряд двигался в глубоком ущелье.

Несомненно, что грандиозная система нор подчинялась единственной задаче - обороне от нападения с воздуха.

– Увидеть бы этих пташек! - злобно шипел Карапуз, в очередной раз натыкаясь макушкой на торчащие сучья. - Уж всяко не страшнее наших летунов!

Стреноженный Лапочка урчал сквозь намордник.

С вершины последнего холма открылся вид на столицу. Артур смотрел на город поэтов и живописцев - извечную мечту всех романтиков, но видел только размытое море грязи. Париж словно замазали серой краской. Ни единое светлое пятно не радовало глаз. Уцелевшие здания ближайших пригородов были сплошь изрыты кавернами и трещинами, а центр не просматривался даже в мощный бинокль.

Пока мудрый вождь Проспер продумывал оптимальный путь через завалы, Коваль усердно выискивал всемирно известный символ, и, наконец, нашел его. Творение Эйфеля запрокинулось набок, раскинув ноги, как раздувшаяся, мертвая корова. Некогда приветливые, умытые дворцы, помнившие Бонапарта и Гюго, съезжились под слоем пепла. Именно так Артур представлял себе Хиросиму после американской атаки.

Над пепелищем поднимались в утреннее небо сотни столбов дыма. В Париже снова селились люди. Как и раньше, они предпочитали чистым полям металл и камень.

Железного Когтя сопровождали двадцать пеших солдат. Они без устали бежали три часа рядом со всадниками, а на границе леса разделились на две части. Первые ушли далеко вперед и улаживали трения с заставами враждебных кланов, остальные окружали вождя. Артур полагал, что в самом научном центре им не встретится ни души, но оказалось, что на территории городка дикари селились наиболее плотно. Шатры и грубые деревянные хибары стояли в два круга. Десятки километров траншей, укрытых сверху подсобными материалами, соединяли эти жилища друг с другом, образуя настоящие катакомбы. Под навесами загонов теснились поджарые свиньи, блеяли козы, гоготала домашняя птица. Основной комплекс зданий располагался полукругом, и площадь перед ним использовалась дикарями в качестве

жертвенника.

Под площадью располагались лифтовые шахты, по которым можно было проникнуть в подземные помещения института. Но ни один человек со стороны не прошел бы сюда живым. На развалинах днём и ночью полыхали костры Когтей, а на подступах к лагерю неустанно дежурили караульные. Чужаков провожали сотни пристальных глаз. Артур спиной чувствовал повисшую в воздухе враждебность.

Центр площади, единственное место, которое убирали и поддерживали в некотором порядке, украшала грубая деревянная статуя, нависавшая прямо над покореженным входом в подвал. Три хищные птицы, соприкасаясь распахнутыми крыльями, склонили остроклювые головы, будто разглядывали что-то на земле. Резчики, наверняка, потратили немало сил и затупили десятки топоров, чтобы вырезать из крепкого дуба этих мрачных чудовищ. А каких усилий стоило притащить сюда многотонные заготовки, Коваль мог только догадываться.

Несмотря на ошибки в пропорциях, скульптура подавляла угрюмой, безжалостной мощью.

В стороне, по периметру площади, стояло еще с десятков статуй поменьше. Эти, судя по цвету, появились совсем недавно. Видимо, работы по улучшению капища не прекращались.

— И создали себе поганых идолищ... - чуть ли ни в экстазе прошептал Станислав, когда странников провели в квадратный шатер.

Там им вежливо предложили передохнуть на голых камнях, а Артура с переводчиком пригласили вниз. С самого начала предполагалось, что переводить станет Лева, но рана не позволила книжнику сопровождать командира. Свирский чуть не плакал, повторяя, что ради этого момента отважился на путешествие... И выбор, к счастью, пал на Борка. Всегда невозмутимого пивовара теперь трясло от возбуждения. Легенды, в которые до конца не верил никто, включая даже парижских мастеровых, внезапно оказались правдой. Охотник дюжину раз ходил через Красный лес в Париж, иногда, в годы гражданских войн, серьезно рисковал, когда Когти скармливали птицам очередного вождя, и внешняя политика терпела резкие колебания курса. Но он не мог представить, что попадет в святилище с Хрустальными гробницами.

Те, кому довелось повидать спящих демонов, уже не могли никому ничего рассказать. Ковалю и Борку велели разоружиться, но тщательно обыскивать не стали. Протискиваясь между крылатыми колоссами, охотник начал беззвучно шептать молитву. Но Артуру наибольшие опасения внушали не деревянные орлы. При приближении к статуям в ноздри делегации ударил душок гниющего мяса.

Посреди загаженного, засиженного мухами алтаря стояли в ряд три капсулы глубокого анабиоза. Коваль их сразу узнал, хотя видел только на страницах университетского журнала. Французы использовали позднейшую разработку. Крышка создавалась из полупрозрачного полимера, а в основании, под лежанкой, проходили пучки оптоволоконных кабелей, шланги высокого давления и ряд датчиков, одетых в сверхпрочный стеклянный корпус. В каком-то смысле вытянутую ладьеобразную капсулу можно было назвать хрустальным гробом.

Все три крышки были откинuty. В капсулах валялись груды человеческих костей. И было очевидно, что жертву отдавали на растерзание Железным птицам живьем; с бортов капсул свисали обрывки веревок. Бурый от крови бетон вокруг жертвенника покрывали рытвины и потертости, словно по нему таскали тяжелую мебель. Каждая капсула весила чуть меньше тонны. Артур не мог себе представить, сколько народу понадобилось, чтобы поднять на поверхность эти глыбы. А глубокие царапины на бортиках и крышках, несомненно от когтей, наводили на мысль, что статуи птиц недалеки от оригинала...

Кости валялись и снаружи. Над кучей оскаленных черепов тучами кружили блестящие мухи.

— Вождь говорит, что останки тел нельзя убирать двенадцать дней, - послушно перевел Борк разъяснения Проспера. - Вдруг Железные птицы вернутся и пересчитают мертвецов. Птицы должны видеть, что их не обманывают. Через двенадцать дней останки сжигают, а пепел относят в гробницы. Дальше я не очень понял, зачем Хрустальным когтям пепел...

– Птицы умеют считать? - стараясь дышать ртом, осведомился Артур. Он представил, какой крематорий ждет их внизу.

Проспер очень торопился поскорее пересечь открытое пространство, его бойцы с тревогой поглядывали в небо и нетерпеливо подталкивали парламентариев к жерлу шахты.

– Они нас не отпустят, - улучив минуту, шепнул Борк. - По преданию, никто, кроме Когтей, не должен видеть хрустальные гробы и слышать их пение.

– Пение?!

– Я сам не понимаю.

Только очутившись в широком темном коридоре с потрескавшимися стенами и рядом перекошенных окон, Артур понял, что изначально этаж не был подвальным. Просто верхнюю часть комплекса разметало, как карточный домик, а нижние три или четыре этажа провалились под землю.

Пол имел легкий уклон, нараставший по мере продвижения. В торце коридора, у занавешенного входа в освещенный зал прятались четверо татуированных карабинеров. Из кучи плотно набитых в боковую нишу мешков, выглядывал порыжевший ствол тяжелого пулемета.

Один из бойцов Проспера откинул запыленный полог, и Коваль оказался на верхней ступеньке небольшого амфитеатра. Через прорехи в разбитом куполе потолка сочилась вода. Сквозь трещины в гнилой штукатурке свисали засохшие корни и осыпались комки земли. Жаркий дым двух костров стелился вдоль прокопченных стен и нехотя выползал в потолочные дыры. Под самым куполом по кругу тянулся шаткий балкончик. Он местами провалился, и тонкие поручни свисали в зал. Всю мебель и ковровые покрытия давно употребили на растопку. У сцены, где в незапамятные времена заседал президиум ученых мужей, дикари поставили длинный стол из нержавеющей стали, вроде того, что используют в прозекторских.

Всю поверхность стола и сцену занимали сотни глиняных горшочков с прахом, между которыми чадилы плашки с грязными тряпичными фитилями. Воздух был сухой и раскаленный, как в сауне. На стенах, как ни странно, сохранились застекленные фотографии и отрывки почетных грамот, и даже горшки с мумиями кактусов.

Четверо древних косматых дедков колдовали вокруг квадратной столешницы, точно собирались "забить" партию в домино, а за ними, неодобрительно поджав губы, наблюдал мраморный бюст Пастера.

Проспер бухнулся на одно колено, дважды поклонился и забормотал приветствие.

– Каменные когти спрашивают, готов ли повелитель белых тигров стать пищей для птиц, если его постигнет такая же неудача, как негодяев, подосланных Карамаз-пашой, - скороговоркой переводил Борк. - Они говорят, что если человек по имени Кузнец не разбудит, а убьет еще одного из Хрустальных когтей, то больше в гробницу никто не будет допущен. Нас замуруют здесь вместе с Проспером...

– Тут побывали люди Карамаз-паши?! - опешил Артур. - Вот дьявол! Разумеется, никто не смог грамотно поднять давление и провести выход... Что отвечает наш друг?

– Проспер отвечает, что подлый пивовар, - это он обо мне - привел в Красный лес свирепых магов на огнедышащих конях, у которых когти вместо копыт. И главный маг, умеющий оборачиваться белым котом с человеческими руками, - это о вас - пообещал, что уничтожит всех жителей Красного леса, если его не пропустят к кормушке Железных птиц. Он обернулся гигантским котом, - это видели многие - и навсегда освободил от болезней семь десятков воинов из моего клана...

Старички заметно оживились. Коваль на всякий случай отодвинулся от дверного проема. Борк тоже предусмотрительно шагнул в сторону, чтобы не подставлять спину часовым, оставшимся в коридоре. Самый противный дедок, оформленный как реклама тату-салона, подманил к себе Проспера и зашамкал, брызгая слюной. Его жилистые руки до плеч были измазаны черной смолой, а голую спину, от затылка до свисавших штанов, покрывал густой слой приклеенных перьев. Старикан явно пытался походить на гордую

птицу, но слезящиеся, воспаленные глазки выдавали в нем пропойцу с большим стажем. Трое его соратников разглядывали Артура сквозь прорези в кожаных масках, покачивая приделанными поверх лбов, птичьими клювами.

– Герр Борк...

– Плохо понимаю, герр Кузнец. Кажется, двое из них склоняются к тому, чтобы дать вам попробовать. Тот, что слева, однорукий, говорит, что убитых нами воинов надо не хоронить, а скормить птицам вместе с нашими спутниками. Второй говорит, что пока повелитель белого кота находится в святилище, надо послать людей с ружьями и застрелить кота. Но старший, который Луи, против. Он... Не понимаю... Вроде, ругается. Говорит, что его прадед записал предание со слов своего отца, который помнил Хрустальных когтей живыми. Он считает, что нас еще рано освобождать от болезней. Но как только предназначение будет выполнено...

– Всё понятно. Герр Борк, вы прихватили что-нибудь?..

Охотник скосил глаза вниз и незаметно приподнял штанину. За отворотом сапога блеснула сталь.

– Отлично, - сказал Артур. - Вы не в курсе, у них тут нет культа святых мучеников? Потому что нам придется избавиться от них, пока они не приняли какого-нибудь глупого решения.

– Согласен. Но нам всё равно не уйти...

– Не будем отвлекаться на частности, герр охотник. Наш костистый друг возвращается, улыбайтесь. Я убью его и стражу за дверью, вы займитесь старичками. Оставьте мне в живых знатока преданий, идет?

– Нет проблем.

Пивовар молниеносно присел и тут же разогнулся, держа в каждом рукаве по короткому кинжалу. В следующую секунду, не дожидаясь команды, он прыгнул через три ступеньки вперед.

Проспер, окончив переговоры, чуть ли не в припрыжку поднимался навстречу по ступеням в сопровождении двух телохранителей. Парни несли топоры и ружья. Они с интересом проследили полет пивовара, но среагировали слишком медленно. Все трое развернулись вслед за Борком, подставив Ковалю затылки, а когда Железный коготь спохватился, было уже поздно.

Артур дважды шевельнул кистями, выпуская из рукавов клинки. Хрипящие бодигарды не успели коснуться затылками широких ступенек, а Проспер уже получил в переносицу кастетом из массивного нательного креста.

Борк спрыгнул на сцену, но Каменные когти проявили неожиданную прыть. Один из них, обладатель рыжей маски, проворно залез под стол и выкатился оттуда с короткоствольным автоматом. Он запутался в затворе, но этого оказалось достаточно. Коваль прыгнул вперед, выдернул нож из горла телохранителя и отправил его по назначению. Разобраться со спусковым механизмом старикан уже не сумел.

Борк перешел к активной обороне. Однорукий жрец, с раскрашенной, как у футбольного фана, рожей, достал длиннющий мачете и размахивал им с самым свирепым видом. Проспер хрипел, держась обеими руками за окровавленное лицо, и медленно катился вниз по облицованному мозаичной плиткой проходу.

Привлеченные шумом, в тоннеле зашевелились часовые.

Уловив краем глаза, что дед с автоматом уже валится назад, Артур выдернул из лежащего охранника другой нож и угодил в глаз любопытному карабинеру, что стоял на пороге.

Борк подхватил ближайший горшочек с прахом, сыпанул в глаза однорукому, легко ушел от удара мачете. После чего догнал и зарезал обладателя синей маски.

Старший жрец, теряя перья, исчез за полотняной занавеской, чтобы тут же появиться оттуда со штурмовой винтовкой наперевес.

"Если ублюдок пальнет - нам конец", - успел подумать Артур, закалывая очередного

любопытного часового. Он просто вытащил нож из глазницы предыдущего и воткнул его в шею следующему врагу. Еще один, разукрашенный перьями, храмовый служка сунулся в дверь, опрометчиво выставив саблю. Последнее, что он успел заметить, был ремешок с грузилом на конце. Ремешок намотался на кончик лезвия, сабля вырвалась из рук и воткнулась бедняге в живот.

Однорукий отплевывался от пепла, моргал и во все стороны махал мясницким тесаком. Ударом в основание затылка Борк освободил дедушку от болезней, и тут в грудь ему уперся ствол винтовки.

Если бы Каменный коготь стоял ближе хотя бы на пять метров, Коваль уверенно попал бы ему в руку. Но теперь прицеливаться было некогда. Оба ножа один за другим неглубоко воткнулись дикарю в правый бок.

– Не давай ему стрелять! - крикнул Коваль, вываливаясь в коридор, навстречу семерым спешащим охранникам. Четыре клинка оставались у Артура в правом рукаве и еще по три - в каждой штанине.

В зале не стреляли - это было хорошо. Наступавшие Когти сдергивали с плеч винтовки - это было плохо. Артур успел заметить, что за оружием они ухаживали отвратительно...

Шаг вправо, бросок. Закатившиеся глаза на оскаленной татуированной харе.

Шаг влево, низкий проход вперед, корпус вправо, бросок с обеих рук. Хриплый булькающий стон, и еще двое валятся, поливая пол кровью.

Ремень наматывается на чужой клинок, и - рывком на себя. Живой щит из нападающего, бросок...

Двое целятся, но им мешают товарищи, опрометчиво подобравшиеся слишком близко.

Из-за занавески тенью прошмыгнул пивовар. У Ковалья успела проскользнуть мысль, что следует взять на вооружение манеру Борка прятать кинжал за спиной. Если выберемся, решил Артур, непременно поговорю с Бердером...

Завладел чужой саблей, перехватил за гарду. Колющий удар с шагом назад, добавить локтем, слышен хруст сломанных ребер.

И сразу вправо, уходя от очередного лезвия. Дикари шумно топтались, мешая друг другу. Пивовар взмахнул секирой, отнятой у однорукого. Дикарь проворно отскочил назад, готовясь открыть огонь из автомата. Коротышка сделал широкий мах тесаком, а сам ударил с левой руки кинжалом под горло.

Последним вылез пулеметчик, проторчавший в подвале, наверное, уйму времени. От него за версту разило псиной, в колтуны на голове набились перья, а на щиколотке болталась ржавая цепь. Как выяснилось позже, все пять или шесть секунд почти бесшумного боя он безостановочно пытался жать на курок. Если бы не заклинивший от грязи и окаменевшего масла казенник, дикарь положил бы всех: и своих, и чужих...

– Я начинаю вас бояться, герр Кузнец, - почтительно произнес пивовар. - Но это еще не всё. Я начинаю верить, что мне удастся обнять жену.

Главный Каменный коготь был жив. Он часто дышал, при каждом вдохе шевелились торчащие в бок лезвия, а из беззубого рта вылетали капли слюны. Артур сразу увидел, что раны не угрожают жизни вождя, и старикан может выздороветь даже без операции. Ножи губернатор кидал вполсилы, очень уж хотелось послушать конец истории...

– Вы разбираете, что он там лопочет? - Артур сгребал в кучу оружие охранников. - Скажите ему, что повелитель белых котов спасет ему жизнь, если он подробнее расскажет о своем прадедушке.

– Он говорит... - Борк нагнулся к самому лицу раненого. - Он говорит, что отец его прадеда жил здесь еще в те времена, когда люди Парижа не освободились от болезней. Когда он жил здесь, земля еще не потекла, и Красный лес еще не вырос. Он родился задолго до того, как Хрустальные когти легли в гробницы. Он умел разбирать письма, которые теперь хранятся внизу, возле гробниц. Эти письма называют Преданием, но никто не умеет прочесть их.

Предание написано не для Когтей, а для спящих. В нем говорится, что в других местах,

на севере и востоке, также есть Хрустальные гробницы. И если Когти из этих гробов проснутся первыми, то они должны пойти и освободить прочих...

Жрец сипло закашлялся, Борк влил ему в рот несколько капель из протянутого Ковалем пузырька. Наркотик должен был на несколько минут облегчить мучения. Артур отыскал за следующей занавеской решетчатый люк в полу. Под отогнутым профилем виднелась шахта воздуховода.

— Спроси его, кто добавил в Предание сказки про Железные птиц? До Большой смерти никто не мог сочинить такое.

Глаза жреца в изумлении расширились, когда он услышал перевод.

— Он теперь окончательно поверил, что вы один из Хрустальных когтей. Железные птицы начали прилетать из южных болот позже, но об этом было известно только двум Каменным когтям, а написал о птицах прадедушка, когда его отца уже не было на свете.

Прадедушка был могущественный маг, он собрал под своей властью десятки мелких кланов. Он написал в Предании, что только Хрустальные когти могут спасти народы леса от вечно голодных птиц, и для того Когтям завещано охранять гробницы и не подпускать к ним чужаков. Только Каменные когти, мудрейшие, избираемые Костром Железных когтей, передают друг другу тайну, как заставить гробницы петь. Всякий раз, когда рождается месяц, Хрустальные гробницы поют и созывают своим пением птиц. Эти птицы - демоны ада, но Когти кормят их мясом врагов или тех из соплеменников, кто освободился от болезней. Птицы улетают сытые и не трогают женщин и детей...

— Погоди, - перебил Коваль. Ему показалось, что наверху раздался шорох... Нет, это ветер посвистывал в дырявой вентиляции. Никто из младших Когтей не отважился сунуть носа в святыню. - Тут какая-то несурязица. Очевидно, ребенок был сыном одного из ученых, работавших в институте, и проживал тут же, на территории. Если байку про птиц присочинили позже, то какого черта вы ждали меня? Да и вообще, какого черта вы охраняли столько лет эти гробы?

Подобного поворота не ожидал даже маленький пивовар. Он беспомощно захлопал белесыми ресницами, пытаясь вникнуть в логику вопроса.

— Переведи ему, - терпеливо продолжал Артур. - Наш Каменный приятель - достаточно продвинутый парень и наверняка меня поймет.

Налицо смешение двух базисных платформ в одну религиозную концепцию. Основа первая: они воздают хвалу крылатым мутантам, но тогда им ни к чему оберегать гробы и тратить столько сил на оборону этого места. Птиц они могли подкармливать и в лесу, на полянке. Основа вторая: в Предании есть указание на скрытые возможности спящих. Возможно, вместе с ними захоронены инструкции по управлению реактором на ближайшей электростанции или что-то в этом роде. Понимаете?

Артур старался говорить шепотом, чтобы услышать, если кто-то начнет спускаться. Но, кроме потрескивания костров, и протяжного посвиста вытяжки, в подвал не проникало ни единого звука.

Дикарь долго обдумывал слова таинственного Кузнеца, сверля чужаков водянистыми, пронзительными глазками. Борк вытащил из его подреберья один из ножей и замазал рану смолистой жвачкой. Второй нож сидел глубоко и при каждом вздохе доставлял раненому боль. Артур уже пожалел, что затеял этот допрос, но тут Коготь заговорил.

— Хрустальный коготь очень мудр... В первом Предании не было сказано о победе над Железными птицами. Об оружии, которым владеют спящие и которым можно победить всех. Но сказано непонятно, древними словами, их никто не знает... Мой отец приводил сюда из города пленных мудрецов и ведьм... Их потом отдавали птицам... Потому что никто не мог разобраться. В предании скрыта тайна, и Костер Каменных когтей раскрыл лишь часть ее. Если отодвинуть большие синие колеса, гробницы начинают петь...

И тут Коготь потерял сознание.

— Чтoб тебя! - выругался Коваль. - Какие еще колеса? Откуда у мирных лаборантов оружие? Ладно, герр Борк, привяжем его покрепче, и - вниз. Посветите мне...

Они отыскиали в углу целый склад факелов и через пролом в решетке спустились в черный зев шахты. Ниже вела вполне сносная, хотя и жутко скрипучая лестница. Артур уже представлял, что его ждет, и не ошибся. Три капсулы, которые превратились в жертвенники, вырвали из пола и подняли наверх на канатах. Во вместительном прохладном зале стояли еще шесть герметично закрытых лежанок, и подход к ним преграждали сотни горшков с человеческим прахом.

Напротив четырех капсул пульта слабо светились двумя глазками - красным и зеленым. Поверхность крышек, кресла и приборы были покрыты дремучим слоем пыли.

Свет от костров, горевших этажом выше, проникал сквозь многочисленные дыры. Дикари здорово постарались, раскурочивая кожуха сейсмотамбура. Тем более удивительно, что за столько лет открыть капсулы пытались лишь дважды... Артур не сомневался, что сумеет активизировать процесс выхода, но ему почему-то расхотелось спешить.

Один раз, в Москве, он уже поторопился с оживлением...

— Спящие демоны... - благоговейно шептал охотник, не решаясь двинуться с места. - Герр Кузнец, позвольте мне уйти! Я подожду вас снаружи.

— Бог мой, дружище, ни за что не поверю, что вас можно напугать парочкой гробов. Вы уйдете не раньше, чем мы откопаем то, что Когти называют Преданием.

— Я думаю, это там, в углу!.

Немец дрожащим пальцем указал на прямоугольную колонну, за которой замогильным светом мерцали несколько масляных светильников.

Борк оказался прав. За колонной пряталась двустворчатая раздвижная дверь, на треть ушедшая в землю. Бетон растрескался, прогнулся под колоссальным давлением породы, и шлюз навсегда заклинило в пазах. Артур мог только догадываться, какие сокровища похоронены за дверью, но сейчас он смотрел не туда.

Несколько стоек с диагностической аппаратурой были сдвинуты в угол, а над ними, на штативах, болтались съеденные временем фотографии улыбающихся молодых людей. Коваль поднес факел вплотную. Кроме улыбок и разглядывать было нечего. Десятьдвенадцать карточек крупного формата, пожелтевшие, рассыпающиеся в пыль. В центре - групповой снимок. Может быть, даже коллектив кафедры, где работал предок Луи. Стоят, обнявшись, и все в белых халатах. Карточки составляли подобие жуткого иконостаса, вокруг которого на ледяном полу в четыре ряда скапились черепа. На передвижных стойках, в залежах паутины, Артур узнал оборудование, которого так добивался для питерского отдела профессор Телешев. Томограф, аппарат УЗИ, дефибриллятор, рентгеновская установка. То, о чем они в Питере могли только мечтать, французы имели непосредственно в камере...

Между приборами в глиняных горшочках потрескивали догорающие фитильки. А на самом видном месте, под стеклянным колпаком, покоился заветный раритет - толстый альбомчик в кожаном потертom переплете...

Борк силился перевести канувшие в Лету слова, а Коваль выхватывал из обедневшего немецкого языка обрывки смысла.

"...управление резервным шлюзом на случай повреждения трапа сосредоточено... схема доступа под капсулой Моники... в качестве лестницы использовать магистральный воздуховод... голубые вентили вывернуть до упора... перед запуском двигателя изучите... полный комплект, включая запас дизельного топлива... инструкция для боевого расчета находится..."

Как только внятный текст сменился каракулями, воспевающими историческое призвание Когтей, Артур остановил чтеца.

— Одну секунду, герр Борк.

Артур обошел ошaleвшего охотника и посветил на почерневшую от копоти стену за стеллажами. Там располагался встроенный железный шкаф, оторванные дверцы которого валялись на полу.

— Голубые вентили, - повторил Коваль. - Или синие колеса.

Он тронул отполированный тысячами прикосновений массивный кран с голубой рисксой на шляпке. Винт пошел неожиданно легко. Несколько секунд ничего не происходило, а затем в толще стены зародился звук. Он нарастал, превращаясь из глухого свиста в протяжный, переливчатый вой. Борк незаметно крестился, не смея поднять глаз. Задняя стенка железного шкафа мелко вибрировала.

– Не пугайтесь, дружище, - сказал Артур, закручивая вентиль обратно. - Теперь мы знаем, что такое "песня гробниц". Всего лишь естественная приточная вентиляция, спроектированная на случай аварии. А местные святоши приучили птичек завтракать под аккомпанемент. Это называется "условный рефлекс" - никаких особых тайн. Очень легко внушить рядовым Когтям, что Хрустальные демоны сами призывают кару небесную. Думаю, нам придется этим воспользоваться... Кстати, всё недосуг было спросить. Вы сами видели этих коршунов? И если они железные, то на каком топливе летают?

– Только издалека, - помотал капюшоном пивовар. - Они гнездятся в болотах, на юге, и против них бессильны ружья. Дробь отскакивает, как от железа!

– Нет такой крепости, которую не взяли бы большевики, - поучительно заметил Коваль. - Герр Борк, не расслабляйтесь. Хлебните пивка, возьмите факел и посветите мне.

– Вы разве не собираетесь их будить? - Превозмогая страх, Борк потащился вслед за Ковалем вдоль третьей капсулы.

– Какого цвета бантик или ленточку вы повязываете новорожденной девочке? - вместо ответа переспросил Артур.

Пол был просто ледяным, а окаменевший слой золы, насыпавшейся из верхнего зала, приходилось отскабливать ножом.

– Ленточку? - тупо повторил охотник.

– Ну да. Вот я стираю грязь, и если посветить отсюда, то виден силуэт человека?

– Ви...вижу.

– Прекрасно. Но здесь нет окошек. Непонятно, мужчина лежит или женщина. А таблички давно сперли на самокрутки... Черт, а костей-то сколько!.. Но я всё же полагаю, что красненькая лилия на крышке означает женскую лежанку, вы не находите? У других значок синего цвета. Это так сентиментально и так похоже на французов.

– Эээ...

– Ну вот, что и требовалось доказать...

Коваль подцепил утопленное под основанием капсулы кольцо. Чтобы добраться до тайничка, пришлось лечь на пол и по самое плечо просунуть руку в щель между каучуковыми амортизаторами. Оттуда Артур выудил сложенный вчетверо лист жесткого картона.

– Теперь заглянем в схему, и молитесь богу, чтобы то, о чем я думаю, оказалось в сохранности...

– О чем вы думаете, герр Кузнец?

Но губернатор ответил не сразу. Он был слишком занят делом. Вымерял шагами зал, что-то бормотал себе под нос, расправлял в ладонях потрескавшийся лист. Сверяясь с планом, ставил крестики на шелушащейся, покрытой плесенью стене. Наконец, измерив всё, что только было возможно, он вспомнил об охотнике:

– Найдите что-нибудь потяжелее и долбите!

И, вооружившись ножкой от железного стола, сам принялся дубасить бетон. В проеме между балок побежали трещины, затем сырая штукатурка рассыпалась кусками, и за фальшивой стеной показался титановый каркас резервного шлюза. Между толстых профилей стояла, припорошенная известью, двухлитровая масленка. Коваль не мог не поразиться предусмотрительности западных коллег. Получив от Телешева схемы батарей, они позаботились даже о смазке для механизмов люка...

– Что там написано, герр охотник?

– Э-ээ... "Запасной выход в гараж. Осторожно, открывается внутрь!"

– Полейте с вашей стороны, сильнее! Теперь взялись вместе! - Артур навалился на

верньер замка, больше похожий на тележное колесо. - И взяли! Взяли! Берегись!

Дюймовой толщины упоры выскользнули из гнезд, люк качнулся и всей массой рухнул туда, где только что стояли отскочившие мужчины. Протяжное эхо еще несколько секунд металось в каменных кавернах.

— Что там, герр Кузнец? - к пивовару возвращался привычный деловитый тон.

Убедившись, что бросаться на него из гробов никто не собирается, Борк потерял интерес к капсулам. Он следил за пламенем факела в глубине гаража и одновременно держал под прицелом автомата лестницу наверх.

— То, что поможет нам вернуться домой! - отозвался Коваль. - Вот только не пойму, как выбраться. Выход засыпан...

— У вас же есть заряды и бомбы, - напомнил пивовар, протискиваясь в щель. Внутри гаража воздух был холодный и спертый, пахло, как в давно не открывавшемся холодильнике. - Боже, герр Кузнец! Вы сумеете оживить это чудовище?

— Не машите факелом, дружище, - посоветовал из мрака Артур. - Позади вас, в бочках, тонна солярки. И это совсем не чудовище. Игрушку, видимо, любезно оставили институту вояки в самый разгар Большой смерти. Или мои коллеги ее просто сперли...

В пыльном сумраке поблескивали фарами несколько легковушек, трехколесный мотороллер с брезентовым верхом и два малолитражных грузовичка с эмблемой Евросоюза. А напротив гражданской мелюзги, повернувшись флегматичной зеленой мордой к заваленным воротам, дремал армейский гусеничный бронетранспортер.

13. НА ШАШКУ С ГОЛОЙ ПЯТКОЙ

— Сначала споем песню, потом займемся гробами! - постановил Коваль. - Не то, бедняги, с перепугу опять уснут...

Борк протаскивал раненого и уже пришедшего в сознание Каменного когтя к стволу шахты. У старого алкаша была припрятана банка с бражкой местного разлива; опрокинув ее, он моментально воспрянул, озлился, и даже попытался давать указания. Пивовару пришлось легонько потаскать старца за бороду, прежде чем выходить наружу.

— Скажи ему, если переведет хоть слово неверно, отдадим его белому коту. Скажи, что тигр будет долго грызть его ноги: сначала пятки, затем колени. Возможно, захочет полакомиться ухом или носом...

Пока жрец надтреснутым голосом передавал подчиненным волю Хрустальных когтей, Даяр и Карапуз разбирались с бумажкой, которую им передал командир. Получалось, что выезд из гаража находился метрах в ста от внутренней линии траншей, в самом центре деревушки. Грамотно распределенного динамита должно было хватить, но среди подчиненных Ковалья не было ни одного минера.

— Хрустальные когти проснулись и готовы сразиться с посланцами ада! Одним взглядом они освободили от болезней всех преданных им воинов. Хрустальные когти были недовольны тем, что мы потревожили их сон...

Коваль и Борк придерживали речистого старичка за локти и сочувственно кивали. Со стороны могло показаться, что два любящих родственника помогают немощному инвалиду.

— Сейчас Хрустальный коготь Кузнец, не сходя с этого места заставит гробницу спеть песню! - фальцетом выкрикивал дед. - Но он повелел не давать Железным птицам свежего мяса, а оставить только наших воинов, освободившихся от болезней. До того, как начнется битва с птицами, мы все должны забрать скотину, женщин и уйти в лес!..

По развалинам пронесся недовольный гул. Никто не помнил, чтобы святыню покидали в такой спешке. Со всех сторон: из бойниц разбитых зданий, из укромных тайников, из окопов выглядывали угрожающие татуированные физиономии. Под шумок отряд губернатора покинул гостевой шатер, пересек площадь и спустился в подвал. Христофор и мама Рона поддерживали Левушку, ксендз скакал на одной ноге, опираясь на карабин. Клаус, прихрамывая, тащил на себе брата.

– Наш гость Кузнец приказал оставить сорок солдат, чтобы помочь Хрустальным когтям закопать трупы Железных птиц. Для того, чтобы кровожадные создания не вылезли обратно на свет, надо вырыть колодец. Он должен достигать той глубины, на которой злые духи жгут подземные костры. Хрустальные когти заставят землю течь, а нашим воинам останется только помогать...

– Их тут тысячи, командир, - сквозь зубы прошипел Карапуз, отдуваясь после второй ходки за динамитом.

– Герр Борк, отправляйтесь вниз и откройте оба синих крана, - не оборачиваясь, процедил Артур.

Он понимал, что остается на площади один на один с толпой, а без толмача туземец может всё перевернуть. Но выхода не было. Не отогнав дикую орду в Красный лес, они не выберутся из развалин института. Досчитав до ста пятидесяти, губернатор Петербурга величественно взмахнул рукой.

Из глубины земли полетели обрывки тряпок, зола и мелкий мусор. Тонкий свист перешел в низкий атональный вой, а под тяжестью Карапуза начала вибрировать лестница.

Хрустальные гробницы пели.

Коваль ощутил, как на затылке встают дыбом волосы, а руки покрываются мурашками. Даже представляя себе природу явления, он не мог побороть мистическое волнение.

Вой достиг высшей точки и разделился на несколько составляющих, точно старались перепеть друг друга трубы, нанизывая всё более и более низкие звуки на нить шаманской мелодии. Значительная часть увертюры, по-видимому, оставалась за гранью человеческого слуха: Артуру казалось, что у него во рту подпрыгивают все зубы.

Площадь стремительно пустела. Наверное, никогда еще гробница не давала столь долгих концертов. Охрана жертвенников - элитное подразделение палачей, побросав топоры и дубины, неслась прочь. Когти со всех ног удирали по траншеям, ловили кур, сбивали в отары овец. Где-то, перекрывая рев труб, истошно визжали женщины. В шатре исходили пеной привязанные лошади. Главный жрец рухнул в пыль, что-то завопил, указывая в зенит, но расслышать его было невозможно.

– Герр Кузнец, он говорит, что надо немедленно спрятаться! - перевел вернувшийся Борк. - И полковник просит передать, что готов взрывать.

– Пусть взрывает снаружи, по одной шашке! - склонившись к уху пивовара, прокричал Коваль. - Бери дикарей, копайте после каждого взрыва. Там два взвода. Один пусть заберет Карапуз. Пускай роют навстречу друг другу!

– Это не солдаты, герр Кузнец. Это пленники из других лесных кланов, я узнаю рисунки на черепах. Когти оставили нам самых хилых! И они уверены, что вы отдадите их птицам...

– Тем лучше! - подгонял Артур. - Пообещай им лошадей и свободу, и пусть копают после каждого взрыва. И скажи им: если успеют проделать дыру, чтобы наружу пролез... Жук-освободитель... да, так и скажи... то все останемся живы!

Он и не заметил, что главарь проводников начал выполнять его приказы, как наемник.

– Полковник Даляр будет взрывать снаружи, - доложил Борк. - Я пошлю к нему в помощь Клауса. А капитан Карапуз занят, они с Фердинандом отвинчивают то, что вы им поручили...

Коваль покивал, зажимая уши.

– Найдите Христофора, пусть принесет мне все оставшиеся гранаты и сворачивайте эту шарманку! Сил уже нет...

Коваль взглянул вверх, в лазурный треугольник между уродливыми головами склонившихся изваяний. Затем он загнал в ствол гранату, отпихнул путавшегося в ногах потомка Луи и нацелил бинокль на юг. Много с такой низкой точки он охватить не мог, мешали завалы из рухнувших зданий... Но кое-что всё же рассмотрел. Легкое облачко, чуть правее городских кварталов.

Коваль покрутил колесико; да, километрах в пятнадцати что-то будоражило

бесстрастную синеву. Если это птичья стая, то ведет себя как-то странно. Скорее похоже на гряды низких облаков, сложным узором затянувших кусок неба...

Позади, перекрывая стоны вентиляции, гроыхнул взрыв. Коваль запоздало вспомнил, что толчки могут повредить капсулам.

Снова взрыв. Маленькая фигурка в черном, закутанная в шарф до бровей, а по грудь - в дымовую завесу, размахивает руками на куче щебенки. За спиной Клауса взметнулся очередной фонтан из дыма, палок, черепков и прочих культурных наслоений. Полуголые дикари, растянувшись цепочкой, перекидывали друг другу обломки мусора. Вторая группа раскачивала стальную сваю, облепив ее, как колония муравьев.

Артур навел окуляры в сторону Красного леса. На северо-востоке, поверх пурпурных верхушек джунглей, извилистым лимонным ожерельем клубились ядовитые туманы. А на юге...

Черт подери, он никак не ожидал, что это окажется настолько серьезно! Он предполагал, что прилетят несколько ошипанных трупоедов возможно, очень крупных, таких, как драконы Прохора, пощелкают клювами - и отправятся восвояси. А люди за это время, либо освободят проезд для броневика, либо смоются в Париж на лошадках.

– Господин Кузнец, Карапуз пробил дыру наружу! - раздался голос Христофора.

Вот ведь, когда хочет, болтает безо всяких загадок...

– Отправляйтесь все к нему на помощь. Динамит больше не взрывать, а то станет хуже. Раскапывайте дыру, а самого капитана - ко мне!

"Интересно, как они меня назовут, если танк не заведется? - спросил себя губернатор. Скажут, копали, как идиоты... А если эти крылатые черти помешают нам выехать, то идиотом буду я".

– Капитан, тебе особое поручение, - поймал Митю Артур. - Доверяю, поскольку ты в механике понаторел изрядно. Свинтишь топливные баки, сольешь в сторонке, если что осталось... Бензин у нас и так есть. Промой как можно лучше, затем ставь на место.

– Шланги тоже? Хомуты снимать? Один не справлюсь.

– Клауса с братом возьми, они рукастые. Лучше снять всё, что снимается. И прочистить. Затем - контакты. Их отдраить песком. Помнишь, как мы трактора заводили? Здесь точно так же: трактор с пушкой. Отдельное внимание - форсункам...

Коваль задрал голову. Теперь это еще сильнее походило на край узорчатой скатерти, напоздавшей из-за горизонта. До сих пор невозможно было различить отдельных особей, но сомнения не осталось. То, что стремительно приближалось с юга, не имело к атмосферным явлениям никакого отношения. Оно состояло из множества живых организмов, но не рассеивалось на отдельные части. Птичий клин, но вывернутый задом наперед, летящий тремя слоями, непрерывно сдвигающимися друг относительно друга...

Бронетранспортер завелся лишь благодаря гению французских инженеров. Отвинтив люк, Артур обнаружил на сиденье подробную инструкцию с пометками и личными напутствиями от ушедших навсегда коллег. Переводивший текст Лева даже захлюпал носом. Друзья просили прощения у спящих за то, что без спроса сохранили им жизнь...

В проделанную Даляром дыру вливался солнечный свет. Вокруг толпы измученных, приготовившихся к смерти дикарей, водили хороводы столбы цементной пыли. Из двадцати с лишним человек лишь трое носили на груди маленькие когти, прочие были пленниками. Они разобрали завал и жались в сторонке, не решаясь ни убежать, ни приблизиться к Жуку-освободителю.

Закрепив "крокодилы" на надраенных клеммах, Коваль мысленно помолился и опустил на водительское место. Ему вдруг почудилось, что качнулись стрелки и моргнула лампа давления масла, но пыльные циферблаты хранили мертвецкую солидарность.

Он видел сквозь забрало водительского окошка своих людей. Товарищи стояли снаружи, возле горы снаряжения, и с надеждой смотрели на командира. В конце откопанного тоннеля отсвечивали ранние сумерки. Выезд из гаража находился в стороне от главного корпуса. Даляр сказал, что очень повезло... Артур понял, что боится. Он один знал о том, что

произойдет, если двигатель заработает. В ту же секунду выйдет из строя батарея, а в капсуле номер два, от которой запитали мотор, начнет подниматься давление. И через три часа голый испуганный человек окажется наедине с грудой черепов и крылатыми мутантами...

Артур повернул ключ, дизель рывкнул несколько раз, заполняя кабину дымом, заурчал еле слышно, а потом послушно затарахтел. Одичавшие соотечественники Вольтера и Руссо попадали ниц. Пивовары глядели на машину, как на чудо. Ксендз молился вслух, Христофор жевал. Мама Рона смеялась, встряхивая вороной с проседью челкой. Даже угрюмый Даляр не мог скрыть ухмылки. Карапуз склонился к полковнику и, перекрикивая рокот двигателя, обсуждал с ним броню и вооружение. От вони солярки у всех заслезились глаза.

Не успел Коваль освоиться с управлением, как в гараж, отпихнув книжника, ворвался забинтованный Клаус.

- Птицы! Кружат над нами, я еле успел спрыгнуть. Нам от них не уйти!
- Командир, может они не найдут свежих трупов и улетят?
- Отсидимся внизу, господин?
- Нехорошо как-то нарушать Предание, - губернатор потрогал ленты с густо смазанными снарядами для пушки. - Да и перед партизанами неудобно.
- Как-как? - Свирский старательно заносил речи губернатора в походный дневник.
- Да вот так...

Артур поманил за собой Леву и Клауса, показал им, что делать, если спящие очнутся раньше срока. Несмотря на мелкие конструктивные различия, Коваль без труда запустил программу повышения температуры. Датчики показывали, что старый Коготь ошибался: лишь в трех капсулах были живые люди.

Книжник нервничал, перелистывал словарь и повторял слова приветствия, которыми намеревался встретить французов. Клаус установил в центре зала распятие. С молитвой он подмел пол и натащил дров.

– Мы с офицерами выедем размяться. Всем остальным, - приказал Артур, - подняться этажом выше и ждать у костра!

Даляра и Карапуза не надо было упрашивать дважды, но Борк был готов лечь под колеса, лишь бы его взяли в разведку. Он всячески старался загладить свой суеверный страх перед спящими демонами.

Артур подвигал рычаги, привыкая к креслу. Два, а то и три горшка молотили вхолостую, большая часть прокладок пришла в полную негодность, салон заполняла гарь. Все движущиеся части были покрыты сантиметровым слоем масла, но всё равно требовали чистки и отладки. Однако пулемет и скорострельную пушечку Карапуз успел привести в порядок.

Сотрясая стены гаража, гусеничный монстр, как упрямый скарабей, взбирался по наклонному полу. В перекошенную щель гаражных ворот пролезли с трудом; металл звенел о камень, оборвало антенну, верхний прожектор и крепившийся на броне спасательный плот. Артур рассудил, что все эти приспособления на скорость не влияют, и на выезде дал газу. Машина энергично подпрыгнула, экипаж дружно ударился головами о низкий потолок, второй номер расчета выпал из башни на голову водителя, но в целом всё прошло неплохо.

По просьбе губернатора Клаус заранее вывел к саркофагам и застрелил самую безнадежную из лошадей. Произошло это не больше получаса назад, но от кобылы уже остался расчлененный на кости скелет.

- Клянусь святой Ксенией, - выругался Даляр. - Это не птицы, командир!
- Подберемся поближе, - предложил Коваль и, тренируя руки, направил вездеход обратно в сторону площади.

Он думал, что после встречи с роем удивиться ничему не сможет, но сильно ошибался.

...Некогда они были подвидом крупных пернатых хищников. А потом что-то случилось. Возможно, они пили какую-то особую воду или летали вблизи ракетных установок. Вокруг них начала меняться природа, и птицы тоже менялись. Каждый год Мертвые земли приносили новые испытания на прочность, и выжить могли лишь те, кто

приспособился. Возможно, им пришлось существовать в условиях очень плотных осадков. А может быть, с неба падали горячие угли и стальная стружка, доставленная ураганами из далеких стран. Птицам пришлось из поколения в поколение укреплять свою внешнюю оболочку. Их оперение превратилось в несгораемый каркас из намертво скрепленных пластин, лишь отдаленно напоминавших перышки собратьев. А глаза всё глубже прятались в складках кожи от хлорных дождей, пока не сделались совсем крохотными. Зато вместо глаз развились совсем другие органы чувств, воспринимающие мир намного острее. Они позволяли улавливать каждую теплокровную тварь на поверхности земли, даже если ее заслоняла листва. Но там, где гнездились птицы, начала светиться земля, и стало нечего жрать. Лишь множились невкусные крысы, и сами, в поисках червей, зарывались в землю, да еще рыбы вылезали из ручьев, опираясь на розовые, дрожащие плавники. И тогда птицам пришлось научиться добывать пищу из ручьев и даже из-под земли. Пришлось за несколько поколений так укрепить клюв, чтобы он не ломался, а под клювом отрастить два длинных гибких языка с тысячами загнутых крючков, которые могли проникать в любую норку. Птицам пришлось изменить стреловидность крыльев, отрастить зубы, а для драк с наземными врагами - когти. Как раз такие носил на шее безвременно ушедший Проспер.

А потом наступило время, когда в болотах, где они гнездовались, не осталось ни врагов, ни еды. Тогда птицы впервые отправились на север, где неожиданно выяснилось, что противостоять им никто не может. Мало того, глупые люди сами начали снабжать переселенцев человеческим мясом...

— Летающие бочки! - сострил Карапуз, но никто не засмеялся. Над площадью, и в самом деле, кружило несколько десятков гладких зеленоватых бочонков, размером с крупного грифа. Желтые когти были прижаты к раздутым брюшкам, точно сложенные манипуляторы батискафа. Артур отнесся к коготкам спокойно, но когда первая же безглазая тварь спикировала сверху и оторвала защитную решетку от фары, экипаж разом вскрикнул.

— Эдак она крышу сорвет, - предположил Митя.

— Легче дышаться будет! - успокоил Даляр, освоившись в гнезде пулеметчика.

Птицы кружили молча, пока под ними не появился движущийся объект. Очевидно, им было наплевать, на кого бросаться. Кусок жилистой конины проскочил, как легкая закуска. Стая была явно озадачена, какого черта их вызвали к пустому столу. Штук сорок "бочонков", как определил птичек Митя, одновременно выпустили воздух, сложили крылья и попадали вниз. Птицы не валились в одну кучу, каждая приземлялась в "своем" квадрате, создавая эффект "коврового" бомбометания. Артур не мог не восхититься тактике хищников; при таком поведении они не оставляли жертве не малейшего шанса в радиусе сотни метров: кто-то из стаи неминуемо попадал в цель.

— Башня, огонь!

Полковник бил короткими очередями, стараясь удержать на линии прицеливания сразу несколько нападавших, что, впрочем, не приносило ожидаемого результата: как только он сбивал одну из птиц, узорчатый строй моментально распадался. Подобная сообразительность Ковалю совсем не понравилась, но вступать в мирные переговоры было поздно.

— Второй номер, огонь!

Преодолев бруестр из останков забора, броневи́к выпрыгнул на площадь перед памятником. Когти ударились о крышу в четырех местах, одна из Железных птиц повисла на передке машины, норовя попасть клювом в водительское окно. Еще одна увлеченно пилила дуло пушки. Пулемет снова застрочил. Двух птичек сбило очередью. Мертвые тела рухнули на землю с металлическим стуком. Промазавшие мимо броневи́ка перестраивались, заходя на второй круг.

— Твою мать! - высказался Митя. - Ты глянь, у них даже коготка не оторвало!..

И правда. Казалось, что две подбитые птицы погибли от голода или от стыда. Никаких внешних повреждений не наблюдалось, ни капли крови, или жалобного крика...

Зеленые "туканы" атаковали молча. Ковалю это жутко нервировало. Он развернул машину на месте, снеся заодно две малые статуи (одна из них, зацепившись за что-то, с

грохотом поползла следом). Маневренность у броневика оказалась замечательная; двигатель, наконец-то, заработал в полную силу.

Борк просунул обрез в круглое окошко по левому борту и пальнул в птицу, сидевшую на крыле. Зверюгу швырнуло под гусеницу. Артуру показалось, что танк подпрыгнул на камне.

– Третий номер, огонь!

Карапуз только этого и ждал. Первым выстрелом из пушки он разорвал на части сразу трех хищников, кромсавших шатер, под которым бились лошади. Ковалю показалось, что он оглох: в пылу атаки он забыл про шлемы с наушниками. Борк и Даляр тоже трясли головами, пытаясь избавиться от звона в ушах.

– Ага! Не нравится, сучье племя?!

– Огонь! Огонь!!

Артур швырял бронетранспортер из стороны в сторону, пытаясь сбросить птицу, усевшуюся прямо перед окном. Похоже, ее не пугали ни выстрелы, ни рев мотора. Безглазый демон пропихнул здоровенный клюв в щель и орудовал им, как монтировкой. К ужасу Ковалья, бронированный щиток начинал гнуться.

– Герр охотник, стреляйте!

– Боюсь рикошета!

– Стреляйте, черт побери, не то она пролезет внутрь!

Машину сотряс сильнейший толчок. Артур не уследил и наскочил левой гусеницей на основание памятника. Деревянный колосс качнулся, с вершины полетел окаменевший помет. В задней части салона один из непрошенных гостей сосредоточенно обрабатывал замок люка.

Борк сунул обрез в окно и спустил курки прямо над головой Артура. Когда рассеялся дым, оторванное туловище птицы исчезло, но голова и шея продолжали висеть за окном.

– Не шевелитесь! Герр Кузнец, не шевелитесь!

Пивовар выхватил кинжал, свободной рукой схватил губернатора за воротник. Коваль бросил рычаги, инстинктивно дернулся, чуть не заколов пивовара, но в последнюю секунду замер.

Из разверстого черного клюва тянулись внутрь машины две толстые розовые ленты, усеянные мельчайшими крючками. Когда птица успела выпустить языки, Артур не заметил, но один из них уже накрепко обвился вокруг портупеи и располосовал куртку до самого тела. Второй тянулся к горлу, ему не хватило буквально каких-то сантиметров. Даже сейчас, покрытый мелкими капельками, розовый щетинистый кончик дрожал и извивался.

Охотник дважды полоснул ножом.

– Простите, герр Борк, вы спасли меня!

– Нет проблем, - пивовар кончиком кинжала отшвырнул кровоточащие обрубки.

Несколько секунд Артур восстанавливал дыхание. Давненько он не сталкивался с таким резвым противником.

– Митя, ты слышишь? Не приближай лицо к окошку!

– Я еще двоих угробил, командир!

Коваль с тревогой прикинул боезапас. "Расходуя снаряды такими темпами, - подумал он, - мы через десять минут будем вынуждены отбиваться голыми руками. Вот тебе и Предание, опозоримся на всю Францию..."

На корме и на крыше прыгал, казалось, целый выводок чертей. Что-то протяжно заскрипело, затем с лязгом покатилося по земле. Прямо перед глазами Артура маячил приоткрытый, набитый зубами клюв.

– Командир, они что-то сломали наверху!

– Ничего страшного, оторвали запасной бак для воды!

– Если выломают дверь, - заметил Даляр, оглядываясь на дрожащую от ударов крышку, - это вот, нам задница настанет! Штой-то они слишком умные...

– Есть еще одна! - увлеченно вопил сверху Карапуз.

Коваль дал разворот на сто восемьдесят градусов и тут же утопил педаль газа. Броневи́к воткнулся задней стенкой в деревянное крыло одной из скульптур. Атаки на люк прекратились.

– Двоих размазали! - не слишком оптимистично констатировал Даляр. - Ах, черт!

От удара задняя дверца соскочила с петли. Несколько секунд Артур не видел ничего, кроме пыли. А затем в образовавшуюся брешь просунулась зеленая голова. В хвостовой части машины находилось вращающееся кресло стрелка, сразу за ним начинался высокий порог, под которым прятались баки с горючим, а дальше, за бронированной переборкой, покоился боезапас. Правую сторону салона занимало низкое сиденье, на котором могли вплотную разместиться человек восемь. Птица ухватила когтями за обивку скамейки, с грохотом пропихнула внутрь острое крыло и коготками, расположенными на самом кончике оперенья, зацепилась за спинку сиденья пулеметчика.

– Командир, берегись!

– За ней еще одна!

Закрепившись, птица просунула в салон вторую лапу и зашипела. Артур очень близко увидел глянцевую поверхность зева, утыканную зубками, похожими на плоские перышки, и раздувающийся в глубине глотки клубок языков...

Заслоняя проем двери, в броневи́к одновременно пытались пролезть еще две клювастые товарки.

– Получай! - Даляр подхватил с пола тяжелый пулемет Карапуза, сдернул предохранитель, но птица сделала молниеносный выпад вперед и влево, словно догадалась о том, что ее ждет. Наверху, не подозревая, какая беда угрожает его голым пяткам, увлеченно палил из пушки Митя.

Пивовар шарахнул из обоих стволов, быстро поведя обрезом из стороны в сторону. Борк угодил в шею и лапу следующему "посетителю". Артур не мог поверить своим глазам. Пуля домашнего литья с визгом срикошетила от костяных пластин на горле птицы и ушла в сторону.

Коваль бросил рычаги и сунул ствол дробовика в глотку гигантскому стервятнику. Бугорчатую голову разнесло на части; одним взмахом лапы чудовище сорвало с металлической лавки дерматин и вырвало из пазов ящик с гранатами. Толстая металлическая крышка бокса скручивалась под когтями, как папиросная бумага. Коваль поневоле зажмурился, ожидая неминуемого конца. Рифленые болванки с глухим звоном раскатились по полу.

Даляр, матерясь на чем свет стоит, поднял двухпудовую игрушку Карапуза. От напряжения у него едва не лопались вены на лбу. Артур уже поднимал руку со вторым "ремингтоном", когда шесть стволов в мгновение ока очистили салон от непрошенных гостей.

Ни одна зеленая кусака больше не пыталась атаковать задний люк.

– Командир, ты только погляди...

Почерневший от копоти полковник уступил Ковалю место у пулемета. Губернатор получил возможность взглянуть вверх, и то, что он увидел, его не обрадовало. Над развалинами института, сцепившись длинными, острыми крыльями, в три слоя кружили зеленые фигурки.

– Уходят! Мать их так, уходят! - вопил Карапуз.

– Вряд ли они уйдут так просто, - отозвался проникательный пивовар. - Я слышал об их повадках от горожан. Они прекращают атаку, когда потери становятся слишком велики, но никогда не забывают, кто и где нанес им урон.

– О чем он, командир? - свесился довольный Карапуз, сверкая белками глаз на черной, от копоти, роже.

– Наш друг говорит, что птицы непременно вернутся, чтобы добить соперника по охоте...

Небо расчистилось. На подступах к гробнице Коваль насчитал тридцать шесть мертвых мутантов. Пока шло сражение, птицы растерзали трех лошадей. От огромного тряпичного

шатра остались ключья. Уцелевшие кобылки оборвали коновязь и разбежались по свалке.

– Что будем делать, командир?

Артур вылез на броню, жадно вдыхая чистый вечерний воздух. Он представил себе, как в чрево машины набьется толпа, и еле удержал подступившую тошноту. Снаружи броневику выглядел, как картофелина, побывавшая в электрической терке.

– Герр Свирский сообщает, что Хрустальные когти еще не проснулись, - доложил вернувшийся Борк. - Каменный коготь говорит, что птицы непременно вернуться. Скорее всего, после заката. Коготь кричит, что крылатых чертей нельзя было злить и убивать.

– Так он же сам просил?... - разинул рот Коваль.

– Он говорит, что Хрустальный коготь Кузнец обманул его людей. Он хочет похитить спящих, как черные люди с востока, но не может разом убить всех Железных птиц. Теперь они вернуться, и никто в лесу не сможет спать спокойно...

Борк прятал глаза, будто и сам поверил в могущество русского губернатора.

– Господин, так мы там все уместимся! - из шахты, щуря глаза, выбралась мама Рона. - Можем и до дому доехать?

– Никто на этой машине дальше песчаной стены не поедет, - отрубил Коваль. - От нее грязи больше, чем от угольной шахты. Не хватало мне еще в Питер Слабые метки притащить!

– А жаль, - любовно погладил пушку Карапуз. - Мне шибко приглянулось внутри кататься... Командир, а чего у нас таких нет?

– Потому что мы их зарываем в землю. И будем зарывать дальше.

– Куда это вы собрались? Как это "до дому"? - за плечом мамы Роны появилась бледная физиономия Станислава.

Ксендз очень страдал от ран, но его глаза метали молнии. Он почуял, что наверху готовится предательство, и на одной ноге взобрался по шаткой лестнице.

– Вы обещали мне найти Великое посольство! Пан Кузнец, не забывайте, что это я провел вас сюда!

– Как он мне надоел! - сплюнул Даляр.

– Мы не вправе вас больше ни о чем просить, - обратился Коваль к пивоварам. - Даже не знаю, как мне теперь с вами рассчитаться. Золото и оружие я вам оставлю, но Черных коней забрали дикари...

– Но и я не выполнил свою часть договора, - тихо сказал Борк. - Я ведь не могу вернуть вас назад, в мой город. На этой машине мы легко пройдем Мокрую просеку, но нас не пропустят Ползущие горы.

– Что вы там шепчетесь? - подпрыгивал возле гусеницы поляк.

– Мы обойдем Ползущие горы, пройдем вдоль границы леса, - предложил Коваль.

– Даже верхом там больше недели пути, - скривился Борк. - Пешком ваш путь растянется на месяц. На юге, кроме Когтей, обитают Песочные волки...

– Нет уж, с меня хватит и птиц, - взмолился Коваль.

– Это не то, что вы подумали, - слабо улыбнулся пивовар. - Так называют себя племена, живущие на границе леса и песка. Именно эти ребята откопали нам ворота в подземное гнездо Жука, - он похлопал по крышке люка. - Кстати, герр Кузнец, я знаю, где таких машин много... и много горячего... Но это так, к слову. Вы думаете, что освободили этих парней, и они благодарны, но... Они постоянно воюют с Когтями и остальными соседями, им плевать на условности. Вы здесь чужие. Если я пойду с вами, Песочные волки пропустят вас... И к тому же там несколько городов, где живут культурные люди, как я их называю...

– Пан Кузнец, вы издеваетесь надо мной? - снова подал голос ксендз.

– Боже меня упаси, - отозвался губернатор. - Ты минутку помолчи, я тебя очень прошу. Продолжайте вашу мысль, герр охотник. Вы сказали, что южнее, за лесом, есть города, где нам могут оказать помощь.

– Вот насчет помощи я как раз промолчу, - прокряхтел пивовар. - В иных случаях я предпочел бы иметь дело с лесными бандами, чем с некоторыми городами. Я же говорил

вам, герр Кузнец, что не хочу идти в Париж. Если вы там побываете, поймете, почему я так настроен. Они называют нас вампирами только потому, что мы не выносим солнечного света и привыкли пить сырую говяжью кровь. Однако только мы можем провести им через Красный лес некоторые товары и коров, поскольку с Когтями у них отношения хуже...

– В Париж вы с нами не пойдете, а назад проводите. Я верно понял?

Охотник кивнул.

– С вами отправится Клаус. Он был там дважды. Лучше бы было отпустить Фердинанда, но он еще слишком слаб. Клаус знает, где отыскать торговцев, которым безразлично, вампир ты или самый страшный черт. Заодно, он передаст от меня весточку. Не так часто мы пересекаем горы. А они и вовсе к нам не ходят.

Артур не мог не улыбнуться коммерческой жилке пивовара. Борк даже в боевых условиях не оставлял торгашеских замашек.

– Ваша цена, герр охотник?

– Она уже уплачена, герр бургомистр. - Коваль поднял брови.

– Очень просто, - улыбнулся Борк. - Завтра дикари, которых вы освободили, разнесут по Красному лесу весть о том, что Хрустальные когти проснулись и покинули развалины, не прогнав Железных птиц в преисподнюю. Они расскажут, что половина мудрых Каменных когтей подло убита. Мне сложно объяснить вам, герр Кузнец, тонкости местной политики, но пивоваров это устраивает. Примите как должное.

– Чужие войны часто бывают на руку, - согласился Коваль.

– Вы очень верно заметили, герр бургомистр, - хихикнул под шарфом охотник. - Чем дольше глупцы убивают друг друга, тем ниже ценится жизнь людей и скота и тем выше поднимается в цене железо для убийства и хмельное пиво. Так что вы расплатились сполна, герр Кузнец. Если позволите, я пойду вниз, солнце убивает меня.

Артур проводил взглядом крепыша, поправлявшего на ходу широкополую шляпу. Пивовар прошел между когтистых лап статуи и исчез в зеве шахты, а Коваль в миллионный раз повторил себе, что правда у каждого - своя.

– Я пойду в Париж один, - кипел от негодования ксендз. - Но всем расскажу, пан Кузнец, как ты меня бросил...

– Да не бросаю я тебя! - простонал Артур. - Полковник, оставайтесь прикрывать мирное население. В мое отсутствие, вы - старший. Капитан, займите место пулеметчика. Нет, бога ради, оставь в покое пушку, мы едем в Париж по делу! Господин Свирский, прошу на борт!

– Командир, вы надолго? - озабоченно спросил Даяр.

– Ни в коем случае. Только спросим, - и сразу назад.

Леве очень не хотелось покидать спящих и упустить момент пробуждения, но командир был непреклонен. В конце концов, Свирский убедил себя, что прогулка обещает быть интересной, проверил блокнот и втиснулся в люк.

– Господин, - сын Красной луны держал за клюв оторванную голову мертвой птицы. - Очень плохо, не надо ездить.

Как всегда в моменты плохих предчувствий, Христофор глядел в сторону. Лоб его покрылся мелкими капельками пота, а голос стал сухим, точно гортань засыпали песком.

– Мы не можем не ездить, - мягко ответил Артур. - Кому будет плохо, сын луны?

Он спросил на всякий случай, зная, что Христофор не ответит. Колдун помялся, ковыряясь в спутанной шевелюре. Из зубастой птичьей пасти сочились густые черные капли.

– Отпусти Лева. Лучше возьми меня. Леве плохо, мне хорошо.

Из люка высунулась взъерошенная голова Свирского.

– Что мне плохо, Христа?

– Командир, ваш колдунчик разговаривался. Не припомню, чтобы он решал, кому отправляться на тот свет, - напомнил Карапуз.

Как и всякий лесной житель, Митя был порядочным мистиком и верил каждому жесту Христофора.

– Да, он обычно не ошибается, - кивнул Артур и без слов дал отмашку книжнику

возвращаться в подвал.

По периметру площади бегали несколько Песочных волков. Они поливали маслом деревянных идолов. За ними, волоча ногу, бродил Фердинанд и подносил к статуям факел. Статуи вспыхивали, дикари оглашали окрестности неистовым ревом, потрясали кусками арматуры. Большая часть пленников уже скрылась, прихватив казенных лошадей. Оставались самые ярые ненавистники Когтей. Возможно, им было некуда идти.

Из провала выбрался помятый жрец. Он где-то потерял маску, половина перьев со спины осыпалась, седая бороденка свалилась в комок и покрылась грязью. Осмотревшись и привыкнув к свету, Костяной коготь заплакал. Он на четвереньках подполз к ближайшему птичьему трупу, затем переместился к следующему, поглаживая их по вывернутым крыльям. Слезы лились из его старческих глаз, голова тряслась, бинты на боку кровоточили все сильнее.

— Переживает, падаль, - почти ласково произнес Митя. - Без работы остался. Командир, можно я его прирежу?

— Для тебя-то что хорошего, сын Красной луны? - спросил Коваль.

— Там, где Лева потеряет одну жизнь, я найду две, - неожиданно покраснел Христофор.

— Как это? - выпучил глаза Карапуз, но Христофору надоел допрос.

— Всё равно очень плохо, - повторил он. - Кто-то теряет жизнь. А я стану дважды папой.

— Какой из тебя папа, ты и на баб-то не смотришь, - небрежно бросил Артур и тут же осекся.

А кто, собственно, сказал, что Христия не может быть папой? И кто сказал, что колдун должен найти себе женщину исключительно на берегах Невы?

— Кто-то из нас погибнет, - Артур посмотрел ксендзу в глаза. - Но одного я тебя не отпущу.

— Я буду молиться за всех нас, - серьезно пообещал святоша.

И впервые никто не улыбнулся.

14. ПАРИЖ СТОИТ МЕССЫ

Коваль смотрел на вывеску и не верил своим глазам.

— Как, ты сказал, зовут трактирщика? - переспросил он у пивовара.

— Портос, - просто ответил Клаус. - Он имеет сношения даже с городами западного побережья и, по слухам, водит дружбу с ведьмами. Но у жандармов руки коротки прикончить его.

— Я слышал об этом проходимце, - нахмурился Станислав, - но никогда не имел с ним дела. Ты привел нас в самое сердце греха, пивовар?

— Я привел вас туда, где знают моего отца. Здесь вы можете задавать вопросы, не опасаясь виселицы. Ищейки сюда и носа не суют.

— А нам не отрежут нос за лишнее любопытство? - спросил Карапуз.

Все взоры невольно обратились к Христофору. Сын луны потерял рыжую щетину на впалых щеках.

— Человек добрый и злой... Здесь очень опасно и очень спокойно. Нельзя отказаться от еды, но есть тоже нельзя.

— Ну и прекрасно, - Коваль откинул крышку люка, внимательно всматриваясь в затянутые разноцветными стеклышками глазницы окон. - Пошли знакомиться.

...Полчаса броневик пылил по окраинам, выбирая дорогу среди завалов. Артур держал курс, руководствуясь скупыми замечаниями Клауса. Постепенно смятая гармошкой земля начала распрямляться, кое-где в рыжих зарослях проглядывали почти неповрежденные особняки, сквозь кучи щебня густо прорастали трава и деревья. Красные стволы здесь соседствовали с зелеными, словно неподалеку проходила невидимая граница двух миров, - древнего и нового.

Пересекли широченную улицу. Коваль прочел: "Бульвар МакДональд". Он задумался, в

честь кого называли часть города, на которой перевернутые катера и понтоны соседствовали с обломками самолетов. Броневи́к проехал по крылу лежащего аэробуса, затем зацепил боком легкий катамаран. Большая часть обшивки с машин была сорвана, от этого они выглядели еще ужаснее. Коваль догадывался, откуда притащи́ло самолеты, он видел поваленный знак с указателем аэропорта. Но катера базировались явно не на Сене...

Потом гусеницы, как по маслу, заскользи́ли по ровной асфальтированной аллее, вдоль которой стояли низкие декоративные заборчики. Канавки перед ними заполняли желтокрасные сугробы перезревших яблок, слив и винограда; в тени дремучих палисадников прятались сказочные, почти игрушечные домики темного кирпича. Артур даже заметил столбики с изящными ящичками для почты и затейливые вензеля на засыпанных листвою крылечках.

Он остановил машину напротив засохшего пруда. На островке, к которому вел ажурный мостик, возвышалась увитая диким виноградом беседка в античном стиле. Тяжелые гроздья клонились к земле, всё дно было усыпано опавшими ягодами. Над улочкой плыл густой запах начинающегося брожения.

Дивный уголок каким-то чудом не подвергся разграблению.

– Обалдеть, - выразил общее мнение Карапуз.

Артур приоткрыл верхний люк. Клаус, отвечавший за противовоздушную оборону, решительно остановил губернатора:

– Не выходить. Очень опасно.

– Там, за домами, - Христофор наморщил лоб и пощелкал пальцами, не в силах объяснить природу своих опасений. - Мыши, но не мыши. Кроты, но не кроты. Много маленьких, много заразы.

– Здесь никто не живет, - подтвердил пивовар, сверкнув на Ковалья черными очками. - Наши друзья в городе говорят, что там, где яблоки зреют в январе и марте, не охотятся даже Железные птицы.

Прелестная пастораль рассыпалась в мгновение ока. Стиснув зубы, Артур дал газу и молчал до тех пор, пока броневи́к не вкатился в серую пелену. Зола проникала внутрь сквозь самые мелкие отверстия, жирным слоем ложилась на руки и одежду.

Когда экипаж с лязгом миновал Монмартр и покатил по бульвару Капуцинов, у Ковалья сжалось сердце. Многие дворцы сохранились неплохо, но новейшие здания и жилые новостройки превратились в сплошное цементное месиво. На месте рухнувших колоссов образовались воронки, заполненные стоячей водой. Среди густого бульона из мусора и нечистот покачивались дохлые рыбы и домашние животные.

– Огонь прошел недавно, - поджал губы пивовар. - Не нравится мне это. И я не вижу стражу возле оперы! Баррикада какая-то...

Коваль не разглядел не только стражи, но и самого здания оперы. Он следил только за тем, чтобы тяжелая машина не свалилась в одну из глубоких воронок, всё чаще возникающих на пути. То ли прошло несколько мощных паводков, то ли сыграло роль землетрясение.

К неудовольствию поляка, Клаус опять велел сворачивать. Ксендз настаивал, что надо ехать в самый центр: к Елисейскому дворцу, где обитала местная верхушка, или к Инвалидам. По его словам, там жили и отправляли службы местные святоши, и кто лучше их мог быть осведомлен о судьбе посольства? Но Коваль склонен был доверять маленькому пивовару. Клаус сказал, что их давно уже должны были перехватить жандармы. Якобы, грубые ребята, но не дикари, самоходных повозок не боятся. Клаус припомнил, что не так давно у местных лидеров еще водились похожие пушки на колесах, но потом сломались, одна за другой. Чинить их никто не умел, и всё постепенно заржавело. А отец Борка рассказывал, как до наводнения в городе носились грузовики и мотоциклы. После высокой волны, прокатившейся с океана, техника неделями плавала в соленой воде и пришла в негодность...

– Нет людей, - повторял Клаус, - непонятно. Поедем на корабль, в трактир. В центре

нельзя, нас слышно.

В трактир, так в трактир, кивнул Артур, обрушивая бронированным передком облупившуюся колоннаду с ангелочками и грифонами. Его тоже всё сильнее раздражало безлюдье и безмолвие. Нападение дикарей в Красном лесу было делом предсказуемым. А бесконечные пустые кварталы, напоминавшие о прежней роскоши, наводили суеверный ужас даже на воинствующего атеиста. За пятнадцать лет, проведенных в мире, пережившем Большую смерть, Артур приобрел немало новых, крайне ценных привычек.

Одна из них - остерегаться населенных пунктов, где жители не показываются сразу. Лучше пусть нападут, но не скрываются. За подобным поведением наверняка стоит какая-то гадость...

— Сдается мне, хрен тут кто с нами базарить будет! - резюмировал Карапуз, сидевший выше всех. - Штук пять придурков я засек, сиганули в трубу. Как, командир? Может сбегать, изловить?

— Не лезь, куда не просят, - сказал Артур. - И стрелять только по команде.

Экспедиция выкатилась на широкий проспект, уставленный фешенебельными постройками. Даже ужасные катаклизмы не стерли с улицы налета утонченного лоска. Но чем дальше Коваль вглядывался, тем отчетливее понимал, что Парижский центр обманывает его. Вокруг стояли не замки богачей, а их стершиеся тени, не универмаги, а проеденные молю муляжи.

Справа от трехэтажного особняка остались лишь роскошные колонны с капителями, на которых болтался дюралевый плакат. Выцветшие буквы предлагали посетить пасхальную распродажу в торговом доме.

По левую руку стремились ввысь аркады крытого пассажа, от которого на самом деле осталась лишь фасадная стена. За шестью этажами осыпавшейся лепнины скрывались обугленные залы и ржавые ребра лестниц. Нижние витрины, сотню лет назад лишенные стекол, надрывались в беззвучном крике. Над сгоревшими стеллажами жалобно щурились имена великих дизайнеров и кутюрье. Эти неживые буквы казались Артуру чем-то вроде шумерской клинописи. Карден, Гуччи, Армани, Шанель, Ямомото...

Они свернули к площади Республики, но бульвар был настолько разрыт, что пришлось пробираться дворами. Пробившись сквозь кустарник, внезапно попали в жилой центр. Дома обрели крыши из досок, черепицы и обломков строительной рухляди. Нижние этажи и подвалы были заселены, беспорядочно и бестолково. На месте стекол развевались тряпки; на балконах росли овощи; из канализации тянуло дымом. Несколько детских голов высунулись из-за угла и снова попрятались. На террасе полуразрушенного дворца истошно орал грудной ребенок. Старуха с хворостиной погоняла коз; увидев броневику, шмыгнула в пролом. Над огромным очагом в котле варилась мясная похлебка, ее охранял безногий мужчина с топором.

Люди или спрятались, или дружно выехали на пикник. Спустя минут пять Артур окончательно склонился ко второй версии, поскольку увидел греющихся на лавочке дряхлых старичков.

Они курили длинные трубки и представляли собой довольно живописное зрелище. Конечно, до туалетов Когтей им было далеко, но при взгляде на дедушек Артур тут же вспомнил семнадцатилетнего Людовика. Как тот робел перед папой Рубенсом, как пытался произвести впечатление на всех женщин Зимнего дворца и окрестностей. Бил витрины, копался в царском гардеробе, цеплял на себя самые чудовищные сочетания одежды прежних эпох...

Примерно так смотрелись теперешние парижские инвалиды. Они не разбежались, когда вышедший на разведку Клаус направился к ним. Двое оказались совершеннейшими маразматиками, а третий прошамкал, что население собралось к мессе. Сначала, заметив Железных птиц, дважды били в колокола воздушную тревогу. Когда прозвонили отбой, побежали молиться. На саму мессу большинству наплевать, зато после будут казнить ведьм и воров, а на это стоит поглазеть.

– Плохо понимаю язык, - пожаловался Ковалю вернувшийся пивовар. - Они говорят, что казни идут уже неделю. Кто-то отравил скот в одной из деревень или что-то вроде этого. А теперь еще появилась зараза, на юге выкашивает целыми семьями...

– Только этого нам не хватало, - сплюнул Митя.

– Воду здешнюю не пить, ничего не есть, близко к местным не подходить, - скомандовал Коваль, спрыгивая в теплую пыль.

Золы тут было меньше, пожарище осталось позади, но изыщества пейзажу это не добавило. Над культурным центром Европы витал дух обреченности. Броневику снаружи покрылся толстым слоем пепла. Проехать вперед, не переломав доморощенной системы воздушной маскировки, не представлялось возможным. Между руинами домов, над кривыми улочками, были натянуты веревки или перекинуты бревна. Поверх самодельных каркасов жители накидали всё, что попало под руку. В тени перекрытий жевали чахлаю траву привязанные козы. Коваль заметил в развалинах здания, похожего на кинотеатр, несколько коров. Коровы были самые обыкновенные, по крайней мере, к чужакам враждебности не проявили.

А вот их пища губернатору сразу не понравилась. Стадо топталось в лишенном крыши круглом фойе бывшего кинотеатра, со всех сторон облицованном зеркалами. Поверх пузырящихся зеркал со стен лохмотьями свисали почерневшие постеры с улыбающимися киногероями. Артур сумел даже прочесть несколько незнакомых фамилий. Все эти кумиры выросли и достигли расцвета, пока он прохлаждался в анабиозе. Буренки всюду уплетали грибы. Полы и лестницы кинотеатра густым слоем покрывали пузырчатые белесые образования, похожие на помесь цветной капусты с пенопластом. Волокнистые клубни скрипели под копытами коров и липли мелкими крошками к влажным черным губам.

Артур подумал о вкусе молока, и его чуть не вырвало.

Но гораздо хуже коров выглядели собаки. Стайка шавок выринула из дренажной трубы, робко подрагивая облезлыми хвостами и не решаясь приблизиться к людям. По боевым качествам этим псам было так же далеко до питерских булей, как слепому котенку до амурского тигра. Старшая из собак, бредовая помесь далматинца и тибетского терьера, уставилась на Артура подслеповатыми глазками и жалобно тявкнула. Все псы были потомками породистых животных, у всех напрочь отсутствовали зубы, а десны покрывала корка ороговевшей ткани, вроде сплошного протеза. Но не это показалось губернатору самым интересным. Он мысленно подозвал одну из псин, чтобы разглядеть получше. Позади что-то гнусаво прокаркал старичок с трубкой.

– Он говорит, - перевел Клаус, - чтобы вы к ним не прикасались. Собак отстреливают, они разносят язву.

– Я не прикасаюсь, - ответил Коваль, задумчиво рассматривая бока и спину несчастного животного.

Шерсть сползала клочьями, но к медицине это не имело никакого отношения. Собака отрачивала защиту от Железных птиц и, судя по состоянию сосков, собиралась передать закрепившиеся признаки следующему поколению. Вместо нежной короткой шерстки появлялся твердый панцирь, больше приличествующий броненосцу. Вдоль хребта панцирь утолщался, словно второй позвоночник, и выпускал наружу короткие острые шипы. На брюхе латы еще только появлялись, отдельные фрагменты панциря перемежались участками незащищенной кожи.

Коваль внимательно изучил собак, затем отдал им мысленный приказ бежать в лес и повернулся к коровам. Христофор и Митя непонимающе следили за ним из прорезей в люках. Клаус отступил в тень и нервно натирал руки мазью. Мотор броневика ровно урчал, готовясь к старту.

Пять поколений или десять?

Подойдя вплотную к воротам загона, Артур понял, что оправдались худшие предположения. Спины и головы животных обрастали непробиваемой коркой, состоящей на сей раз из множества наложенных друг на друга пластин. Сверху пластины покрывал

привычный пятнистый рисунок. Заметить изменения можно было, только подойдя вплотную.

Но свежая мутация этим не ограничивалась. Минуту Коваль тупо глядел на хвост ближайшего теленка, недоумевая, что же ему так сильно напоминает этот кожаный мешочек вместо кисточки на конце. Затем он подманил теленка и, невзирая на предостерегающие вопли аборигена, развязал тесемки.

Итак, подытожил Коваль, местный рогатый скот обзаводится ядовитыми шипами на хвостах, вроде карельских летунов. Собаки покрываются панцирем, крысы роют ходы, как кроты. И все эти перемены происходят с тех пор, как в окрестностях города поселились Железные птицы. А питерские жители, стало быть, тешатся мыслью о том, что мир успокоился...

Успокоился, да как видно, не везде. Ходили слухи, что и за Уралом появляются новые виды. Качальщики, те тоже подливали масла в огонь. Но лесные колдуны занимались направленными мутациями; крылатые змеи, тигры и прочая искусственная нечисть не имела потомства, поколения этих животных считались условно.

Здесь, за песчаной стеной, в самом центре Мертвых земель, мир продолжал изменяться. Наверное, именно это имел в виду друг и наставник губернатора Бердер. Тот говорил, что русские Хранители научились уничтожать Слабые метки, и это хорошо. Но никто не знает, что происходит на территории, где Звонящий узел сработал в полную силу. Ибо те Звонящие узлы, что взорвались в первые годы после Большой смерти, оставили после себя либо языки Вечных пожаров, либо километры Желтых болот. Они взорвались, и теперь остается уповать на то, что мать-земля зализает свои раны. В лучшем случае, можно посадить вдоль пожаров сотню-другую деревьев. Или пустить в реку головастики. Даже Хранители, сами плоды мутаций, были бессильны спасти Мертвые земли.

Но страшнее, говорил Бердер, не та Мертвая земля, что осталась после пожара. Ходят слухи, что за песчаной стеной лежат Мертвые земли, которые не желают успокаиваться.

"Как это, - удивился тогда Артур. - Постоянные землетрясения, или вулканы бьют?" "Может, и землетрясения, - пожал плечами наставник. - Но дело не в земле. Дело в том, что там всё продолжает изменяться и никак не может успокоиться. К той гадости, что живет в наших болотах, люди давно притерпелись, лупцуют ее потихоньку, глядишь, и сведут на нет. Взять тех же самых булей, для примера. Лет двадцать назад никому проходу не давали, среди бела дня на людей кидались, а теперь, где они? Грызут потихоньку лягушек в камышах. Передохли бы всё давно, если бы хитрый питерский губернатор лично не подкармливал... Неужели непонятно, что раз не успокаиваются твари, значит, меняется и человек? Только он меняется медленнее: мы помрем и не заметим, а лет через пятьдесят попрет такое, что не остановишь, никакой ворожкой". "Что же делать?" - испугался Коваль. "А что тут сделаешь, - пожал плечами учитель. - Качальщики уже давненько собираются. Думают да гадают, да к Хранительнице Книги наведываются. Всё ищут, спрашивают себя, всё ли правильно по Книге понимают, какие еще толкования можно применить. Потому как, есть одно подозрение..." - Тут Бердер замолчал, словно решил, что сболтнул лишнего, такого, что не стоит обсуждать даже с лучшим Клинком, другом и губернатором. А может быть, Бердер только сделал вид, что сомневается. Он ведь хитрющий стратег... "Такое вот подозрение, - промямлил Бердер, - что тут замешана не только древняя грязь. Будто кто-то... Ты когда полетишь, держи ухо востро, ладно?" И больше ничего не сказал, ловко так сменил тему.

...Губернатор очнулся от забытья. Беззубые собаки, ядовитые коровы... И с козами, наверняка, не всё ладно...

— Не только древняя грязь, - неслышно повторил Артур, отмывая руки после знакомства с телячьим хвостом.

Не обращая внимания на мольбы Станислава, он подошел к трем старичкам на завалинке. Старички выглядели так, словно дошли с императором до Москвы и обратно. У одного не хватало верхней губы, наполовину заросло веко, а вместо пальцев имелось подобие сросшейся клешни.

Второй дед был дауном. Он гордо носил расшитую серебром дырявую мантию, а больную щеку подвязал шелковым шарфиком. С его одутловатого лица капали одновременно слюни, сопли и слезы. В немытых пальцах он мял хлебную горбушку. Артур обратил внимание на аккуратно зашитый рукав.

"Кто-то ухаживает... - машинально отметил губернатор. - Любящее потомство. Интересно, кого же они нарожали?" Третий дедушка, тот самый, что пытался уберечь Коваль от собак, казался самым разумным. К числу явных недостатков можно было отнести пятнистую кожу, - видимо, следствие перенесенного лишая, сросшиеся с головой ушные раковины и не заросший на макушке родничок. Дед прикрывал голову бравой треуголкой с воткнутыми сверху перьями Железной птицы, но периодически снимал ее, чтобы поймать вошь.

- Клаус, спроси его, как проходит болезнь?

- Он говорит, что болезней много, но черную язву наслали ведьмы и колдуны, живущие особняком за старым кладбищем. Сначала всё болит - всё тело. И жар, страшный жар. Потом опухает лицо и живот, язык не помещается во рту. Проходят два дня - и на шее, в подмышках появляются камни, что ли...

- Можно не продолжать, - хмуро кивнул Коваль. - И кто придумал, что чуму наслали ведьмы?

- Его преосвященство благословил генерала Авая на святое дело, на аресты мерзких пособников дьявола! - из беззубого рта полетели брызги слюны, так что гости невольно отпрянули. - Уже поймали многих, доберутся и до тех, кто насылал порчу... А ты, я тебя видел, - вдруг захихикал он, наставив кривой палец в грудь пивовару. - Ты один из тех, кто приходит через Ползущие горы, верно? Вы все там тоже колдуны... Ха-ха! Никто не может пройти через лес Когтей и горы, кроме колдунов. Может, ты тоже пришел, чтобы заразить коров моего сына или наслать на нас черную язву? Вот я скажу жандармам, они живо посадят тебя на кол или вздернут!

- Пойдемте, герр Кузнец, - в отчаянии сплюнул Клаус. - Вот поэтому мой отец не любит ходить в город. Он имеет дело только с торговцами из корабля.

- Из какого корабля?

Артур захлопнул за собой люк, а с улицы всё неслись проклятия старика.

- Корабль, его принесла волна, - засмеялся пивовар. - Да вы увидите, там много кораблей.

- Вы спросили их насчет посольства? - в нетерпении набросился Станислав.

- С ним тяжело говорить, - отмахнулся Коваль. Он думал о коровах и Железных птицах. - Всё разумное население поперлось слушать святош. У них месса по радостному поводу. Собираются поджарить очередную партию ни в чем не виновных женщин.

- Откуда ты знаешь? - замер поляк.

- Как откуда? Этот динозавр сам сказал. Все ушли на фронт.

- Нет, с чего ты взял, что казнят невиновных? - взгляд ксендза отражал крайнее неодобрение. - Уж не считаешь ли ты, пан Кузнец, что пастырями верующих выступают кровожадные злодеи? Я немного лучше знаю здешних людей, я бывал тут. Конечно, многие горожане грубы и невежественны, многие страдают болезнями, но ты же судишь, ни о чем не спросив! Им тяжело, им приходится отбиваться от дикарей и голодного зверья, но большинство верит в святой Крест и чтит бога. Ты ведь не знаешь, с какой радостью эти простые бедные люди согласились участвовать в Великом посольстве! Их епископ, конечно, не столь изощрен в науках, как твои книжники... Но он простой и честный человек и не терпит во дворце и в городе всякую нечисть...

- Эка тебя разобрало, - задумчиво сказал Карапуз. - Чисто молока с соленым огурцом нажрался, так и поносит беднягу.

- Слушай, пан Станислав! - Артур медленно сдавал задом, стараясь не сшибить хлипкие постройки горожан. - Насчет нечисти во дворце, - это ты по Христофору проехался, или мне показалось?

Святоша, надувшись, демонстративно глядел в сторону. Клаус, не понимая, из-за чего перепалка, озадачено вертел шеей.

– Я обещал тебе найти концы вашего посольства и делаю, что могу, - Коваль старался говорить спокойно. - Мне тоже не нравится, когда пропадают две тысячи человек. Только мне безразлично, в кого они при этом верят. Мы искали и продолжаем искать, но дальше Парижа не пойдем. Это мое первое слово. А вот второе. Как учтиво заметил господин капитан, если ты, пан Станислав, упаси господь, запьешь соленые огурчики или кислую капустку молочком, с тобой что будет? Вот именно, конфуз случится. Так скажи мне, святой отец, у тебя никогда в жизни поноса не было?

– Не понимаю, причем тут месса и решения его преосвященства?! Ты богохульствуешь, пан губернатор! Не к лицу...

– Ни намека на святое, - уперся Коваль. - Я только хотел спросить, пан Станислав, ты кого бьешь, когда у тебя понос? Может, ты собаку соседскую убиваешь или самого соседа поджечь готов? Ну, да... сосед больно здоровый, может и сдачи дать. Ты, небось, бегаешь в соседнюю деревню. Там бабка старая живет, заступиться за нее некому. Зато, чуть кто обоссался, сразу к бабке - по репе ей сапогом! Верно я говорю? Просто и без напряжения, да, пан Станислав? И не нужны расходы на ремонт канализации, согласись?... А тут не один человек, тут целый город огурцов натрескался. Ты посмотри, что у них творится: вода гниет, трупы по реке плывут. Конечно, прав местный монсеньер, самое время парочку соседских бабок повесить! Глядишь, поносить перестанем? Как думаешь, пан Станислав?

– Я хочу, чтобы вы меня выпустили, - ксендз играл желваками. - Я один схожу к Дому инвалидов и всё выясню.

– Слушай, а ведь здесь живет гораздо больше народу, чем было в посольстве. Тысяч тридцать, если навскидку.

– Ну и что?

– Как что? Ведь у них беда. Вот мне некогда. Совершенно некогда, надо вывозить людей на большую землю, а я волнуюсь, ищу, чем бы помочь этим охламонам. Ты, конечно, если настаиваешь, можешь топать, - Артур застопорил машину, откинул люк. - Никто тебя не держит. Но мне всё же кажется, надо сначала понять, что творится в городе, а потом лезть с вопросами. Один местный житель, религиозный, кстати, человек, как-то сказал, что Париж стоит мессы. Так что потерпи, святой отец!

15. СВИНЬЯ СО СВИСТУЛЬКОЙ

– Значит, трактирщика зовут Портос? - уточнил Артур, оглядывая корабль. - Интересно, остальные трое тоже тут?

– О чем вы, герр Кузнец? - удивился Клаус.

– Нет, нет, это я так, к слову...

Избитая рыболовецкая шхуна выросла в дно канала, зажата горами мусора, как раз между бульварами Бурдон и Бастилии, в трех шагах от одноименной площади.

Райончик отдавал явным блатным душком. Местные законы здесь были не в почете. Многие жители хлопотали по хозяйству, не уделяя внимания гражданским обязанностям. Ни на мессу, ни на казнь пойти никто и не подумал. Если доселе Артур встречал опустевшие сарайчики, остывшие очаги и беспризорных детей, то за площадью Бастилии обстановка резко изменилась.

За броневином неслась ватага подростков, один другого страшнее и чумазее. Сначала они боялись приближаться и крались дворами, но заметив в люке ухмыляющуюся рожу Карапуза, осмелели, и последние триста метров пути Коваль вез на броне небольшую армию. Он вглядывался в хохочущие, визжащие рожицы, отыскивая в них следы деградации, но видел лишь самых обычных детей. Голодных, оборванных и до невозможности довольных неслыханным приключением. Взрослые тоже интересовались, некоторые бросали занятия и спешили вслед стальному чуду.

– Это не французы, - шепнул Клаус. - Они живут здесь давно, но пришли из Испании. Там, на юге, их когда-то выгнали из города, не знаю, почему. А когда они хотели вернуться назад, Мертвые земли уже расплзлись, и им пришлось остаться. Отец любит вести с ними дела, но говорит, что Бумажникам скоро придется несладко. Очень давно генералы выделили им кусок земли возле кладбищ, а теперь хотят отнять назад.

– Как ты их назвал? - Коваль наблюдал, как Христофор раздает кудрявым детям куски сахара.

– Бумажники, герр Кузнец. Это потому, что на дверных косяках у них висят маленькие бумажки. У них очень смешной обычай трогать обрывок всякий раз, когда проходишь в дверь. Но отец говорит, что их вера не мешает торговле...

Шлагбаум перегораживал улочку скорее для проформы, потому что сразу за бревном начиналась глубокая канава, на дне которой, что удивительно, почти не водилось грязи. Возле подъемного мостика покуривали двое благообразных дядечек в черных длиннополох шинелях и равнодушно поглядывали на пришельцев.

Не прошло и минуты, как к ним присоединились еще по меньшей мере пятнадцать мужчин. Они держались настороже, скрываясь за изгородью из толстых кольев. Только увидев пивовара, Бумажники расслабились и согласились опустить мост.

Коваль велел Карапузу сидеть в бронетранспортере: заглушить мотор означало остаться без машины. Но черноглазый морщинистый стражник, упакованный в пыльный жилет и черное пальто, передал через Клауса, что пройти к Портосу могут все, а мотор можно выключить, потому что имеется аккумулятор. У Артура на языке крутились сотни вопросов, но он предпочел промолчать.

Канава, пересекающая улочку, не прерывалась, а убегала вдаль в обе стороны. Словно хищный червь, она вгрызалась в особняки и остатки величественных стен, ограждая кварталы Бумажников от внешнего мира. Русские без конца вертели головами, Станислав хмурился и всем видом изображал покорное недовольство. Теперь у губернатора не осталось сомнений относительно публики, расселившейся вдоль канала. В центре парижский люд обстраивался с помощью самых неожиданных подсобных материалов, подвалы топились по-черному, и ни разу Коваль не услышал стука топоров или визга пилы. Лишь немногим счастливицам удалось захватить устоявшие, под напором стихий гранитные монолиты, но большинство жителей влачило самое убогое существование.

Поселение Бумажников не просто резко отличалось от центра города, их благополучие резало глаза. Упитанных коз и овец держали здесь в огороженных загонах, чтобы глупая скотинка не могла добраться до берега Сены, превратившейся в вонючую клоаку. В примитивных клетках копошились кролики, а на распаханых полосках облагороженной илистой набережной суеилось множество людей с мотыгами и лопатами. На тачках и телегах подвозили целый кирпич, крепили леса, по которым бегали полуголые мастеровые с отвесами. В укрепленные опалубкой ямы заливали раствор, в сторонке человек пять подростков, закатав штаны, ногами вымешивали глину. Шло строительство какого-то значительного сооружения.

Чуть дальше Артур с удовлетворением заметил ряды новеньких, крепких домов с каменными основаниями и добротно притертыми венцами из красных бревен. В чисто выметенных двориках дымили коптильни, пахло хлебом и стружкой. Две лошадки, напрягая спины, ходили вокруг глубокой ямы, вращая подъемный механизм. В кожаных мешках рабочие поднимали со дна тонны грязи, а женщины в черных шляпах подкатывали кольца для будущего колодца, вырезанные из дуба.

Возле шхуны разгружали сразу две длинные подводы. Грузчики вкатывали на борт бочки и волокли упиравшихся бычков. Несколько человек с уханьем разворачивали вручную кран, готовясь опустить в кузов грузовика нечто обвязанное тряпками, и по форме подозрительно напоминавшее артиллерийское орудие.

Самым забавным оказался кораблик. Невесть когда принесенный катаклизмами и нашедший здесь свою вечную стоянку, он продолжал служить людям. Дно проржавело,

верхушки согнутых винтов тонули в лопухах, но на мачтах сушилось белье. По палубе деловито сновали люди самой пиратской наружности.

Клаус сказал, что надо подождать, и один поднялся по трапу. Молчаливая толпа любопытных рассосалась, остались только несколько самых мелких мальчишек, одетых, как и взрослые, в душные черные пиджачки.

Потом в одном из иллюминаторов дрогнула занавеска. Наследник мушкетерских традиций приглашал гостей к столу.

Внутри шхуны было оторвано и отрезано всё, что мешало размещению грузов и посетителей. Если сначала Артур принял местного заправилу за ненормального, то теперь был вынужден согласиться, что лучшее место для точки общепита подобрать было трудно. Приличные, имеющие крышу здания в этом квартале отсутствовали. Городское начальство позволило каравану беглых Бумажников обосноваться здесь почти тридцать лет назад, но выделило общине самую разрушенную площадку. И два кое-как сохранившихся каменных строения были отведены под школу и молельню.

Шхуна же имела мощный несгораемый каркас, защищенные трюма, и множество укромных уголков. Благодаря подведенным с обеих сторон канала дорожкам, грузы можно было одновременно принимать и отпускать. Как раз сейчас на противоположном берегу проворные полуголые ребята хлыстами охаживали быков, чтобы подать свою платформу вплотную к люку. Повозка прогибалась под тяжестью мешков.

Нет, определенно, здесь занимались не только разливом вина...

Поднявшись наверх, губернатор отметил еще кое-какие забавные детали. На крыше палубной надстройки отирались трое дюжих молодцев. Из рубки высывались длинные стволы, тщательно укрытые тряпками. Отсюда, в высоты третьего этажа, открывался вид на всю колонию Бумажников. Еще выше, над рубкой, красовалась круглая будочка со стершейся полицейской символикой. В будочке, вращаясь вместе с табуретом, сидел карлик и безотрывно глядел в окуляры морского бинокля. Седобородый коротышка во фраке и серой накрахмаленной рубаше проводил гостей внутрь по узкому скрипучему коридору. В тупичке подпирал стену чернокожий с длинной седой косицей и серьгами в обоих ушах. На локте черный держал самострел с натянутой тетивой, а в ногах у него скалилась овчарка. Охранник даже не подумал отвернуть оружие от вошедших. Карлик пропустил всех внутрь коридора и шустро запер за собой люк.

За дощатой перегородкой гудела таверна. На уровне глаз тянулись щели, и Артуру мигом почудилось, будто он провалился в сказочную нору. Из капитанского коридорчика можно было наблюдать за гуляющей публикой. А на публику взглянуть стоило...

За столом из цельного куска дерева метал карты рыжебородый длинноухий субъект, обремененный зобом и убийственно похожий на бородатого осла. Грудь его стягивала полинявшая тельняшка, а на плече сидел белый крысенок. В передних лапках крысенок держал орех, а две задние пары лап цепко держались за плечо хозяина.

Напротив сатира посасывал изогнутую трубку кальяна безглазый. В буквальном смысле: у этого человека вообще не было глаз. Под тонкой бледной кожей, стягивающей дыню черепа, пульсировали сосуды. Из бугристого лба торчал боксерский сплюснутый нос. Пунцовые губки перекатывали мундштук кальяна. Глаз не было. Коваль успел подумать, как же чудак играет, но загадка скоро разрешилась. За спиной безглазого стоял тощий мальчишка в коричневой францисканской рясе. За плечами у ребенка болтался рюкзачок. Артур увидел личико пацана, и справедливый гнев на инвалида-эксплуататора пропал.

Этого ребенка не взяли бы даже в цирк. Из-за жуткого прикуса его нижние зубы почти касались ноздрей, а верхние расползлись и торчали в разные стороны, как иглы дикобраза. Лицо мальчика покрывали глубокие старческие морщины, и всё же, это был ребенок. Он держал на груди и поглаживал еще одного шестилапного крысенка.

Третьим партнером по игре выступала очень смуглая, могучая, похожая на индианку, женщина в коротком парике и ярком, цветастом платье. Время от времени она прикладывалась усатым ртом к пивной кружке и с хохотом колотила по столу увесистым

кулаком.

В общем зале также гуляла пестрая компания. Несколько бородатых мужиков в черных сюртуках гоготали и свистели, помогая пьяному оркестру. Музыканты играли весело, но каждый - свое. В центре зала безрукий инвалид в женской дубленке орудовал стаканчиком с игральными костями. Все манипуляции он проводил пальцами ног. В игре участвовали трое меднолицых парней, одетых как крестьяне, в короткие штаны и деревянные башмаки. Старуха самого демонического вида в рокерской куртке гадала на картах двоим загорелым субъектам в тирольских шляпах и черных очках. Ядреная девица в белом парике и засаленной атласной безрукавке от Рудольфо Валентино сцеживала из бочки пиво. Ей помогал горбатый юноша, руки которого едва не волочились по полу. Ухватив друг друга за талию, змейкой отплясывали несколько синюшных девиц. В глубине зала Коваль померещилась даже стайка цыган, но в эту секунду отворилась внутренняя дверь в капитанскую каюту, и паноптикум остался позади.

Портосу было лет сорок, но могучая внешность и раздвоенная борода старили его как минимум на четверть. От висков по щекам сбегали тонкие завитушки темно-русых волос, влажные карие глаза смотрели внимательно, не отпуская собеседника ни на секунду. Над заправленными в начищенные сапоги бриджами красовалась невероятного размера белая жилетка. С жилетки свисали шнурки, из кармашка торчала лупа и две пары очков. Возле Мити Карапуза трактирщик казался недорослем, но в плечах чингису не уступал. Как уважающие силу противники, оба великана бережно пожали друг другу руки. Казалось, Портос удивился, что у пришлых верховодит в отряде человек самого обычного телосложения.

В каюте было тихо, пахло ваксой, сладким вином и удивительно ароматным табаком с цветочными обертонами в букете. Хозяин усадил гостей на лавку, укрытую шерстяными циновками, и приказал принести еды. Чем дольше Коваль присматривался к обстановке, тем сильнее его охватывало чувство неестественности происходящего. Через тонкую переборку слышались удары пивных кружек, отголоски божбы, хохот, топот и удары топора по свежим бочонкам с горячительным. Несколько нестройных голосов гнусавили песню. А над головой без усталости таскали грузы...

Коваль начал подозревать, что трактир, скорее всего, вовсе не трактир, а некая смесь перевалочной базы и игорного притона. И очень может быть, что именно здесь могут рассказать о Великом посольстве.

Переборки каюты покрывала изящная драпировка из простой, но чистой ткани. Иллюминаторы были плотно зашторены, и помещение освещалось керосиновыми лампами. Тепло обеспечивал портативный камин, возле которого негромко тикали напольные часы красного дерева с вензелями королевской фамилии. Над комингсом притаилась мезуза со святыми словами, а на богато инкрустированном угловом столике стояла внушительная клетка, укрытая одеялом. Кто-то там шевелился под одеялом, животное или птица. Коваль чувствовал энергетику обитателя клетки и не мог подобрать верного определения. Существо откликалось на призыв почти так же, как домашняя собака, но добиться устойчивой связи Артур не смог. Пленник был как будто гораздо умнее, чем хотел казаться, и, отвечая на волевой призыв человека, дурачился, изображая скудоумие.

Напротив иллюминатора, на полированном ореховом бюро, отсвечивала бронзой старинная менора с самодельными свечами. Рабочий стол трактирщика представлял собой нечто среднее между штурманской рубкой, слесарной мастерской и уголком философствующего аристократа. Навигационные приборы, тиски и коловороты соседствовали с распахнутым томом энциклопедии. Остальные книги двумя стопками подпирали подлок. Там же Артур заметил пожелтевший альбом с репродукциями Веласкеса и Ветхий завет на испанском, несколько французских изданий Стендаля, Дюма и даже угоревший томик Сименона.

Противоположную переборку занимали карты Парижа и Франции. Старая часть города изобиловала разноцветными значками, а на крупномасштабной карте страны делалась

попытка отобразить положение песчаной стены и прочих природных препятствий. Под картами, на коврике, стояли в ряд несколько старинных пищалей, а на крышке ведущего в трюм люка дремал мохнатый пес размером с крупного волка.

– Это вы стреляли по птицам? - глубоким, бархатным голосом спросил хозяин, обращаясь к Артуру.

Коваль кивнул. Клаус заранее предупредил, что неприлично начинать беседу первыми, зато теперь наступала очередь гостя задать следующий вопрос.

– Вы не поможете нашему другу найти Великое посольство?

– Помогу, - легко согласился Портос.

Он повернулся к бюро и сказал в одну из переговорных трубок, торчавших наподобие труб маленького органа, несколько слов на испанском. Трактирщику кто-то ответил, а затем сухопарый, чахоточного вида парень в пыльном лапсердаке, принес вино и мясо.

Артур помнил предупреждение Христофора, что есть ничего не следует, но хозяин и не настаивал. Он почти радостно кивнул, когда все отказались, сославшись на недавний обед. Наверное, здесь было не принято уговаривать.

– Вы убили всех Каменных когтей?

Пивовар, с согласия Ковалья, быстро рассказал о последних событиях. Трактирщик слушал, не отводя пристального взора от русского губернатора. Узнав о разгроме гробниц, он надул щеки, но так ничего и не сказал.

– Мы принесли небольшой подарок от пивовара Борка, - спохватился Митя, выкладывая на стол кулек с последними запасами соли и ящик с двумя смазанными "магнумами".

Оружие и идея принадлежали Ковалю, но в действие вступили неписанные ритуалы знакомства. Нельзя главному гостю преподносить сувенир, тем более от собственного имени: подарок может прийти не ко двору.

Трактирщик оценил подношение, опытной рукой крутанул барабаны, кинул взгляд на ящичек с патронами. Соль немедленно пересыпал в сундучок.

– Что случилось с людьми кардинала Жмыховича? - поляк был напряжен, как струна.

– Предполагаю, что все они погибли. - Портос помолчал, меряясь взглядом с Карапузом, потом, видимо, счел, что был недостаточно вежлив. - Когда караван пришел в город, тут было не до них. Огонь захватил всю северную часть и край леса. Насколько мне известно, святоши слишком долго простояли лагерем возле нефтяной трубы. Слишком долго, возможно две недели. Тем, кто родился по ту сторону Ползущих гор, нельзя больше трех дней дышать воздухом леса или пить его воду. Так же, как нам опасно уходить к песочной стене...

Ксендз уже раскрыл рот для следующего вопроса, но Христофор наступил ему на здоровую ногу.

– А куда направлялись эти люди? - неожиданно спросил трактирщик. - Я слышал, что здешний епископ собрал тогда в поход больше тысячи человек. Помнится, они скупили у нас весь запас овощей и даже просили уступить им всех коров...

До Ковалья вдруг дошло, что хозяин насмехается над поляком. Портос был прекрасно осведомлен о целях похода, раз уж его сородичей принуждали к продаже мяса. Почти наверняка Бумажники неплохо заработали на провианте, хотя знали, что здешние продукты иноземцам надо есть с большой осторожностью...

Коваль решил перехватить инициативу у ксендза, чтобы не превращать переговоры в ссору. Клаус переводил с явным напряжением, он гораздо хуже папаши освоил местный диалект.

– Вечный город? - как бы про себя проговорил трактирщик. - Ах, ну да, конечно. Дикари не скажут вам правды, хотя бы потому, что изрядно потрепали Великое посольство, как вы его называете. Они врут, что не было стычек. Посольство потеряло больше сотни человек в песках и около двух сотен - в Красном лесу. Многие хотели бы повернуть назад, но понимали, что самостоятельно не выберутся... Жильбер?

В дверь просунулась кудрявая, остроносовая голова. Портос поднялся и, заслоня собеседника широкой спиной, быстро заговорил.

– Он послал людей к Хрустальным гробницам, – сквозь зубы сообщил Клаус. – Бумажники очень хитрые, они предпочитают все новости узнавать первыми.

Коваль в расторопности Бумажников несколько не сомневался.

– Переведи уважаемому Портосу, чтобы его люди ни в коем случае, не пытались проникнуть в шахты. Там твой папа и Даляр – люди нервные...

Бумажник остановил немигающий взгляд на Артуре, затем кивнул и что-то сказал охраннику за дверью. Тот кинулся догонять Жильбера.

– Герр Портос благодарит вас за заботу, – переводил Клаус. – Он говорит, что надо быть отчаянными людьми, либо владеть грозным колдовством, чтобы осмелиться напасть на святыни Когтей. Герр Портос говорит, что никто из горожан не приближался к гробницам. Дикари убивали всякого, кто проявлял любопытство. Он не спрашивает, какие сокровища вы там искали, и что нашли, но очень плохо, что убиты Каменные когти. Очень плохо для всех.

Этой новостью Коваль счел необходимым поделиться с подчиненными.

– Вот те аюшки! – ошарашено поднял брови чингис. – Мы, выходит, рвали зад, чтобы енту пакость поубавить, а выходит, зазря?!

Портос задумчиво пощипал бороду. "Этот человек, – подумал Коваль, – такой же трактирщик, как я – оперная прима..."

– Мой младший брат и два двоюродных брата держат трактиры в восточной и южной части города. У нас есть бумага от предыдущего епископа, который лично предоставил нам право делать пиво и вино на продажу. Только мы делаем вино в городе. Вот уже двадцать семь лет. Но как только случается что-нибудь плохое, в первую очередь обвиняют нас. И поджигают наши трактиры.

Только наши коровы дают чистое молоко, годное на сыр. Наши отцы привели их из испанских гор, где не падали Желтые дожди. Мой дядя делает лучший сыр и меняет его, даже возит в Нанси и Гавр... Нет, в Гавр уже не возит, там опять светится земля, дороги отрезаны... Когда в городе было спокойно, за нашим молоком приезжали отовсюду. В очередь стояли! А за теленка давали трех лошадей! Но когда у них неурожай или падеж, они забывают о честной торговле. Они сразу начинают кричать, что надо пощипать жирных Бумажников, что мы хитростью заставляем их пропивать урожай в трактирах... Дело доходит до поножовщины и убийства детей.

Пять лет назад жить тут стало совсем непросто, многие уважаемые люди из моей общины еще тогда предлагали переселиться. В тот год земля рождала гниль вместо колосьев, а с востока налетела саранча. Никогда раньше не водилось такой напасти. Потом начались болезни. Как вы думаете, кто оказался виноват? Мой друг, пивовар, говорит, что вы хозяин в большом городе. Мне даже не представить, как это может быть, чтобы рядом жили сотни тысяч человек. Если бы наши дети могли перенести такой дальний поход, я бы встал сейчас на колени и просил позволить нам переселиться. Потому что вы принесли нам очередную беду...

Но выжить за песчаной стеной... – в голосе Портоса вдруг послышалась страшная усталость. – Когда в городе всё в порядке, жандармам плевать на наши обряды. Они охотно позволяют нам лечить людей, приводят сыновей, чтобы те научились плавить металл и выжигать кирпич. Они даже заставляют своих детей подглядывать, как мы добываем чистую воду. Но когда в городе становится плохо, а здесь это часто, отношение к нам резко меняется. Вы слышали, что на юге свирепствует чума?

Коваль вздрогнул. Маленький пивовар обрадовался, вспомнив, как звучит слово на немецком.

– Нам говорили, что епископ арестовал кучу народу по подозрению в колдовстве.

– Само собой, – мрачно кивнул хозяин. – Я допускаю, что без волшебства не обошлось, хотя в жизни не встречал ни одного настоящего колдуна. Те, кого я видел, могли убить комара или наслать икоту, но никто не умел отогнать ядовитые дожди или убить Железных

птиц. А такой заразы, как чума, не припомнят даже старики. Тут, в трактире, иногда встречаются любопытные личности...

— Мы заметили.

— Что вы заметили? - остро глянул Бумажник. - В отличие от барышников, которые лижут зад жандармерии, я приглашал и буду приглашать под свой кров тех, кого сочту нужным. Если человек держит слово и ни разу не дал повода усомниться в своей чести, то остальное неважно. Вы понимаете, что я говорю? Или у вас, на севере, калек тоже закапывают в землю живьем?

Коваль не нашелся, что ответить.

— Да, не удивляйтесь. Как только рождаются уроды у них... Я имею в виду тех местных, кто родился здесь после Большой смерти. Они нянчатся с ними или суют в зубы кусок хлеба и пинком отправляют на большую дорогу. Если, конечно, от калеки нет пользы в хозяйстве. А стоит появиться уродам в семьях пришлых, как поднимается крик. Я не говорю о дураках. Достаточно, чтобы не хватало пары пальцев.

— И часто не хватает пары пальцев? - тихо спросил Коваль.

— Часто, - понурился Портос. - Я слышал, что женщины за песком потеряли способность к материнству, но, может быть, это лучше, чем пять раз подряд рожать калек, которых после нельзя... - от Коваля не укрылось, что трактирщик скользнул взглядом по двери. Артур с ужасом представил себе ситуацию: каждый день видеть родных уродцев, прятать их в чреве корабля, годами не выпускать на улицу... - И тогда матери лучше самой убить своего ребенка, чем видеть, что сделает толпа, - закончил великан.

— А что же епископ? - побелевшими губами спросил Станислав. - Разве он не может остановить варваров?

— Его преосвященство? - наигранно удивился Бумажник. - Монсеньер Андре в этом вопросе целиком на стороне генерала. Они оба гордятся тем, что ведут род от ученых знахарей, живших в городе до Большой смерти. И оба цитируют книги, в которых сказано, что уничтожать калек абсолютно необходимо, иначе они расплодятся и погубят род людской. Поскольку население безграмотно, проверить генерала никто не может. Раз в месяц епископ читает проповеди, после которых его приспешники ходят с горящими крестами и проверяют всех родившихся младенцев.

Станислав сидел, как громом пораженный.

— Так я о чем? - как ни в чем не бывало, продолжал трактирщик. - Ко мне заезжают рыбаки с восточного побережья. Они порой доходят до Италии. Так вот, рыбаки говорят, что в Италии настоящий ад. Многие годы там было тихо и даже почти перестали рождаться уроды. Но в последние пять лет земля опять движется. Пить воду из рек нельзя, деревни вымирают целыми улицами... Поневоле поверишь в колдовство, я даже не пытаюсь никого переубеждать.

Но нам не легче от того, что плохо другим. Жандармы похватали женщин, живущих за кладбищами Большой смерти, и обвинили их в потраве. Человек пятнадцать уже сожгли, но чума стала только сильнее. Тогда кто-то донес епископу, что в общине Бумажников умирают намного реже, чем вокруг Лувра. Потом я имел разговор с жандармом. Он занят тем, что собирает куриный налог. Мы в хороших отношениях, если это можно так назвать, потому что каждый месяц вместо одной курицы, я сдаю ему две. Этот служака по большому секрету сообщил мне, что святые отцы подговаривают людей напасть на общину.

— Они заметили, что вы стали слишком богаты? - перебил Артур. - А они не утверждают, что вы воруете у христиан новорожденных детей и cedите из них кровь во время молитвы? И что именно поэтому чума не уходит из Парижа?

Не успел Клаус перевести, как на лице хозяина отразилось крайнее недоумение. Впервые богатырь был явно сбит с толку и смотрел на Коваля, как на пришельца с того света.

— Откуда вы знаете? - выдавил он.

— Приходилось слышать, - уклончиво ответил губернатор. - Но при чем тут Железные

птицы?

— Очень просто, - вздохнул трактирщик. - Если вы слышали эту чушь насчет детей, то можете понять, в каком напряжении мы живем. Мы сутками ожидаем нападения полудиких крестьян, которые не могут повторить за священником слова молитвы, но хорошо знают, где можно пожить. А теперь вы убили Каменных когтей. Это были старейшины основных кланов, насколько я представляю их иерархию. Кто будет кормить птиц человечесиной? Пройдут месяцы, пока Когти восстановят жертвенник. Кто научит гробницы петь, если тайна утеряна?

— Никакой тайны нет, - сказал Артур и поведал страшную правду о вентиляции.

Хозяин "Свиньи со свистулькой" оторопел.

— Это серьезно? Значит, подманить птиц может любой ребенок? Это великое счастье...

— Да почему счастье?

— Потому что птицы с незапамятных времен не охотились в городе. Они привыкли, что их призывает песня, которая слышна вокруг на три дня пути. Они привыкли, что горожане умело прячутся. А теперь им будет негде пожить. Конечно, они найдут себе пропитание в лесах, потому что очень скоро там появится много трупов: среди Когтей начнутся драки. Но птицам гораздо проще начать воровать детей прямо с улиц. Как вы думаете, кого обвинит епископ в новой напасти? Ведь горожане не умеют отбиваться от птиц, а их великое множество.

Хозяин корчмы встал и, цепляя макушкой потолок, прошелся вдоль каюты. Коваль отметил, как по-хозяйски Портос назвал общину своей. Он украдкой взглянул на часы.

— Я плохо представляю, что творится на севере, - сказал трактирщик, возвращаясь за стол, - но добраться до Рима посольство могло более коротким и безопасным путем. Их об этом предупреждали...

— Кто предупреждал? - не сдержался поляк.

— Мы предупреждали, - не моргнув глазом, ответил трактирщик. - И другие, кто ходит на восток... Но епископ, как мне помнится, посмотрел на дело иначе. Этот... человек никогда не выезжал за пределы города и понятия не имеет, что творится вокруг. Он не только не дал посольству обещанное подкрепление, он отправил поляков еще южнее, в Испанию. Он убедил кардинала, что местные верующие присоединятся к ним на обратном пути, а за это время соберут пожитки и получше подготовятся к переезду в Вечный город...

Затаив дыхание, Коваль слушал запинаящийся тенорок пивовара. Христофор сидел, полностью погруженный в себя, Карапуз пытался заигрывать с вяло рычащей собакой. Понимал Портоса только Станислав, который, судя по всему, был близок к истерике.

— Итак, он отправил их в Испанию, снабдив проводниками и провиантом. Насколько мне известно, с этим самым Жмыховичем пошли десятка два монахов из местного ордена. Что касается Бумажников, предлагавших за скромную плату проводить караван до Милана, епископ порекомендовал кардиналу не иметь с нами никаких дел. Жмыхович ожидал, что в Испании и на юге Франции он соберет еще тысячу сторонников или около того. Этого человека, скажу я вам, было непросто в чем-то переубедить.

— Сторонников чего? - переспросил Артур. - Ведь для избрания папы им совсем не нужна такая толпа, хватило бы нескольких сотен священников.

— А кто собирался избирать папу? - в глазах Портоса сверкнули злобные искры. - Насколько я понимаю, епископа Андре волновали гораздо более приземленные и благородные цели. Я хочу сказать, что ваши земляки, - трактирщик кивнул Станиславу, - действительно собирались отбить святой престол у язычников и выбрать божьего наместника. Но Андре смотрел и смотрит на дело иначе. Он и сам был бы не против стать наместником и кем-то вроде бога на Земле. Он отправил Жмыховича в самый центр Желтых болот. Там, конечно, есть тропы, и я несколько не сомневаюсь, что монахи сумели бы обойти опасность. Более того, я не сомневаюсь, что в поисках лучшей доли к кардиналу присоединились бы крестьяне из Северной сьерры. Там очень непросто жить, знаете ли. Еще тяжелее, чем здесь.

Но монахи привыкли ходить по трое, а не вести за собой тысячную армию. Бумажники предлагали помощь, но епископ Андре сказал кардиналу, что нам нет доверия. Караван простоял две недели, многие заболели от воды, затем сменился ветер. Дым от горящего города понесло в сторону лагеря, и кардинал решил выступать на Мадрид. По крайней мере, мне так донесли. Он предположил, что наберет там новых солдат, и тогда будет проще разговаривать с местными властями. Они ушли. Судьба этой кампании меня больше не интересует. Портос тяжелой ладонью прихлопнул по столу, давая понять, что тема исчерпана. Но оставалось еще кое-что, о чем не забыл Коваль.

— Вы сказали, что можете нам помочь. Назовите цену. Я так понял, что деньги здесь не ходят, но у нас есть оружие, лекарства...

— Я не отказываюсь от своих слов, - заявил трактирщик. - Если святой отец хочет найти остатки посольства или их могилы, вы должны сделать две вещи. Для начала, надо помочь избрать новых Каменных когтей, таких, чтобы их слушались все кланы и чтобы песня гробниц продолжала звучать.

— А второе? - спросил Коваль, словно студент, прилежно заносящий в конспект слова профессора.

Портос не показал, что удивлен столь легким согласием.

— Есть два человека из нашей общины, которые три года назад ушли с кардиналом в Испанию. Позже они вернулись; их возвращение иначе, как чудом, не назовешь. - Портос помедлил. - Они бросили общину не только из-за родственников... Это долгая история: споры с родителями, любовь... Главное другое. Их действительно увлекла эта затея. Они поверили, как поверили многие в городе, что если наместник бога сядет на святой престол, небеса простят человечество, и вернется рай. Чтобы уйти с поляками, они вышли из нашей общины и поклонились кресту.

— Эти люди живы?

— Пока да, - предводитель Бумажников смотрел на Артура так, словно взвешивал, стоит ли доверить ему решающий пенальти в офтайме. - Поскольку в свое время брат и сестра покинули нашу общину сознательно, вернувшись, они поселились за кладбищами. Святоши Парижа всё равно не признали их своими. Здесь не так много народу, чтобы спрятаться...

Коваль начал понимать, куда клонит бородатый контрабандист.

— Их обвинили в колдовстве неделю назад, когда умерли их соседи. Видимо, кого-то заело, что оба живы. И кстати, была жива скотина, которую кому-то захотелось прибрать к рукам. Во время проповеди у дворца Бурбонов кто-то выкрикнул в толпе, что нашу бывшую сестру видели ночью в крови. На кладбище. Именно то, о чем вы упомянули... насчет младенцев.

— Они оба выжили, потому что мылись и пили кипяченую воду, - сказал Коваль.

— Они выжили потому, что их хранил тот, кто хранит всех нас, - очень серьезно произнес Портос. - Поймите правильно. Мне не должно быть дела до отщепенцев, предавших веру и собственных родителей. Но иногда я думаю, что обоих ослепила юность. Когда они поклонились кресту, брату было семнадцать, а сестре - девятнадцать. Возможно, их казнят завтра или послезавтра, если к тому времени не заразят чумой прямо в тюрьме. Кроме вас, вытащить их некому. Сумеете справиться с жандармами - они оба ваши. Насколько я слышал, дети дошли с посольством до сьерры, так что разговорить их имеет смысл.

— Разве вы не можете их вызволить? - набросился на Портоса ксендз. - У вас есть люди и оружие. Переведи ему, - повернулся Станислав к пивовару, - переведи, что я один. Эти люди добыли в гробницах что хотели и больше не станут рисковать...

— Мои люди тоже не станут рисковать, - холодно произнес трактирщик. - Если мы ринемся спасать преступников, это немедленно станет известно, и общину сожгут ближайшей ночью.

— То есть, вы снова пострадаете?

— Да, но на сей раз дело не ограничится дракой и поджогами. Они придут с ножами, как

это было раньше...

Трактирщик прикусил язык, но Артур уже понял, что имелось в виду. Рано или поздно они всегда приходят с ножами и факелами...

– Хорошо, - сказал Коваль. - Допустим, мы нападём на тюрьму. Но нам нужен проводник, мы ведь не знаем, кого искать.

Станислав удивленно переводил взгляд с одного на другого. Он никак не мог поверить, что русский губернатор собирается влезть ради него в очередную аферу.

– Только после того, как я поверю, что песня гробниц не прервется, - холодно парировал Портос.

– Это самое легкое, - улыбнулся Артур.

Он велел Клаусу остаться, а остальным идти вместе с Карапузом заводить мотор. На самом деле, ему необходимо было избавиться от Станислава. Поляк это понял и вышел, как всегда, надутый.

По мере того, как губернатор излагал свой план, Бумажник всё хуже справлялся с беспокойством.

Он вскакивал и бродил по каюте, сотрясая палубу ударами подкованных сапожищ. Он трогал занавески, беспричинно выглядывал наружу и снова мерил комнату шагами. Коваль его прекрасно понимал: этому человеку предлагалось поставить на карту слишком многое. Но другой такой возможности, убеждал Артур, может еще сто лет не представиться. Да, это не совсем честно, а вернее сказать, совсем нечестно, но едва ли об этом кто-нибудь узнает, а если и узнает, большой беды не будет.

С другой стороны, всем огромнейшая польза. Если Когтей прищучить, то германским караванам в лесу откроется зеленый свет, а с мелкими бандами управиться станет несложно. Пивовары будут ходить через леса беспопытно. Когти перестанут грызться между собой, поскольку у них теперь будут не несколько Каменных мудрецов, а полное единоначалие. И для города польза. Набеги будут контролироваться. А уж как внушить дикарям культуру и привить вкус к честной торговле, тут Бумажников учить не нужно...

– Мне надо посоветоваться, - рассеянно обронил трактирщик, но Коваль уже видел, что грандиозная перспектива захватила Портоса. - Можно вопрос?

Бумажник вдруг застеснялся, словно говорил с врачом о ночных фантазиях...

До уха Артура донеслось знакомое тарахтенье дизеля. Завели ведь, черти, с восхищением подумал он. Вокруг пашут на коровах, ночуют в канализации, а тут такие самородки...

– Вопрос в обмен на вопрос, - предложил Артур.

– Хорошо. Вы не сказали главного. В Хрустальных гробах были живые демоны или нет?

Артур переглянулся с Клаусом. Врать не имело смысла.

– Завтра на рассвете, - пообещал он. - Как договорились, я вам всё покажу и расскажу, и даже дам попробовать. Если они живы, вы сами пожмете им руки.

Он заметил, как трактирщик непроизвольно отряхнул ладонь.

– Теперь мой вопрос, - улыбнулся Артур. - Ваше настоящее имя ведь звучит иначе?

– С чего вы взяли?

– Эту книгу я читал в детстве.

– А я вот так и не прочел, - виновато улыбнулся Бумажник. - Так предложил мой отец. Это он основал трактир. Он считал, что я чем-то похож на героя со шпагой и мушкетом. Нас было пятеро у отца. Три сына и две дочери. Теперь остались двое: я и Атос... - Бумажник заметно помрачнел. - Настоящие имена вам знать ни к чему.

Когда Артур уже спускался по сходням, в иллюминатор высунулась носатая физиономия:

– Если вы читали книжку, скажите, чем закончились беды для моего героя? Он погиб?

– О, нет, - утешил Коваль. - Насколько я помню, он растолстел, женился на богатой вдове и стрелял уток в собственном имении.

От хохота великана дернулись лошади, мирно жевавшие сено у коновязи.

– Ну надо же! - неслось вслед. - Растолстел! Богатая вдова! Чтоб всем моим врагам так жить, как я толстею!..

16. МЕРТВЫЕ ПРОСТЯТ ЖИВЫХ

Из тех, кто проснулся, выжили двое. Моника Арро, двадцать девять лет, Сорбонна, биохимик, диссертация и ряд статей по обмену веществ в условиях холода, разработки прикладного, чисто медицинского направления. Ознакомившись с ее послужным списком, Коваль чуть не запрыгал от радостного возбуждения. Великим счастьем было то, что женщина не досталась всяким карамазам и прочим неприятным личностям. Губернатор уже ворошил в голове карты районов Петербурга, подыскивая подходящее помещение под новый институт.

От небрежных рассказов Моника захватывало дух. До прихода в институт, мадемуазель Арро успела поработать в фармации и вполне представляла себе основы синтеза антибиотиков и гормональных препаратов. На вопросы Артура, касающиеся производства лекарств, она отвечала, что при наличии необходимой литературы и оборудования возможно всё. А потом скромно сообщила губернатору, что и производство взрывчатки - не проблема... Теперь на Артура наваливалась новая забота: перелопатить по возвращении в Питер архивы библиотек и озадачить мастеровых...

Вторым был Орландо, который позабыл в капсуле даже собственную фамилию, не говоря уж о профессии и происхождении. Поначалу он мог только икать и морщил лоб, не в силах припомнить, где получал образование, но к вечеру немного отошел и начал изъясняться внятно. Выяснилось, что его отец итальянец, а сам он сносно говорит на английском, имеет докторскую степень и страдает миопией. Артур пообещал Орландо справиться очки в Петербурге и просто возликовал, когда узнал его специальность. Впервые за долгие годы город получал в свое распоряжение настоящего инженера-электромеханика, а не самоучек, путавшихся в словах древних книг. Впервые забрезжила надежда восстановить холодильные камеры, перевести на электротягу подземку, и, чем черт не шутит, вернуть в эксплуатацию трамваи...

Оба проснувшихся были в шоке. И самым страшным для них оказалась болезненная смерть товарища. Впоследствии, проверяя злополучную капсулу вместе с Моникой, Коваль убедился, что его вины в трагедии не было. У парня из первой капсулы началась необратимая кристаллизация крови, слишком быстро упало давление. И выжить он мог только, если бы рядом дежурила бригада реаниматоров.

Мама Рона весь день провела в обнимку с девушкой, баюкала ее, нашептывая тот десяток ласковых французских слов, что успела выучить за время пути. Взырошенный, необычайно грязный Свирский прыгал, как раненый воробей, от одного Проснувшегося к другому и пугал их своей грамматикой.

В отличие от незабвенных супругов Дробиченко, которых Артур вернул к жизни в Москве, эти двое были людьми совершенно иной формации. Французы потянулись к Артуру, как новорожденные цыплята к наседке, и совсем не собирались оставаться на родине. Особенно после того, как вышли наружу...

Артур предупреждал их, что наверху они увидят руины, мутировавшую растительность и трупы Железных птиц. Он попытался описать это в самых ярких тонах и познакомил Проснувшихся со своей командой, предупредив Карапуза, чтобы тот не вздумал щипать или нюхать новую спутницу. Потом он показал ученым Лапочку. При виде тигра зеленые глаза Моника распахнулись так широко, словно решили выкатиться наружу.

Когда французов вывели на поверхность, Моника всё равно стошнило, а Орландо от неожиданности даже икать перестал. Артур только порадовался, что по слепоте своей итальянец не увидел гору человеческих черепов.

"Им еще всё это предстоит, - сквозь дрему думал Коваль у костра. - Им предстоит не

сломаться, не сойти с ума, предстоит найти себя среди людей, а главное - уразуметь, что люди не стали ни лучше, ни хуже. И если они не сдадутся, им будет поручено столько дел, что хватит на десятилетия..."

С этой мыслью губернатор заснул, а очнулся, когда Христофор потрогал его за плечо. Над дубовыми истуканами догорали последние звезды. Красный лес шумел, как океанский прибой; с запада, оттуда, где красный цвет сменялся зеленью, ветер доносил отходную молитву волков по усопшим. Серые хищники издалека чуяли нетронутую мертвечину и угадывали временное поражение летучего соперника... Моника и Орlando спали под грудой одеял. Парень постанывал, скрипел зубами; девушка часто просыпалась и от болей в животе не могла разогнуться. Свирский заваривал в котелке бодрящий травяной чай. Даляр уже проснулся и чистил пулемет. Карапуз ожесточенно скреб подбородок тупой бритвой. Мама Рона латала ему разорванный кафтан. Христофор, уставившись в огонь, отрешенно жевал сухофрукты. Борк со старшим сыном тихонько судачили, справится ли Бумажник Портос с поставленной задачей, и какие выгоды это принесет пивоварам.

– Я благодарен тебе, пан Кузнец, - к Артуру подсел поляк. - Я благодарен вам всем. Я знал многих, кто пытался найти Великое посольство, но все они потерпели неудачу.

– Мы тоже пока никого не нашли, - Артур подкинул дров в костер. - Мы не нашли, и, возможно, ты не найдешь.

– Я мог бы отправиться к генералу или к его преосвященству и попросить о разговоре с этими, детьми, - не очень уверенно заявил Станислав.

– Иди, - разрешил Коваль. - Только дай нам сначала уехать. Я не хочу видеть, как тебе отрубят башку.

– Нет... Ты прав, мне никто не ответит, - понурился поляк. - Я пойду с вами. Но что вы будете делать дальше?

– Это комплимент? - усмехнулся Коваль. - Намекаешь на то, что взять тюрьму в чужом городе, для нас - что орех расколоть, да? Но мы же не спецназ, мы всего лишь этнографы...

Станислав захлопал глазами, переваривая незнакомые слова.

– Лучше думай, что будешь ты делать дальше. С нами всё ясно: дай бог, чтобы не заглох железный конь, и поскорее до Кшиштофа добраться.

— Ты не хочешь вернуть своих коней?

– Не хочу. Вообще не хочу больше драться... Сегодняшнего утра это меня не касается. Мы доведем забаву до конца. Считай, что это последняя часть нашего контракта. Если те двое ведьмаков, которых ждет костер, ничего не знают, я умываю руки.

— А если они что-то знают?

– В любом случае мы отчаливаем. Если хочешь, у меня осталось верхнее, боковое, у туалета. Не устраивает - оставайся тут.

– Не обижайся на меня, пан Кузнец, - неожиданно робко заговорил ксендз. - Я только хотел попросить совета, как мне поступить. Ведь на моих глазах свершилось великое чудо...

– Чего енто с ним? - к костру подошел сонный Карапуз. - Эка его мнет, бедолагу, аж с лица спал!

– Ты о каком чуде толкуешь, мил человек? - спросил полковник.

– Как это? - Станислав обескуражено обвел глазами собеседников. - Пан Кузнец разбудил могучих книжников, чтобы те принесли нам светлое знание... Неужели они ничем не помогут мне, пан Кузнец? Неужели они не знают, как спасти святой престол?

– Только этого мне не хватало, - скривился Артур. - Это люди, обычные люди, они ничем тебе не помогут.

– Тогда я не понимаю! - окончательно растерялся ксендз. - Ты идешь на смерть и хоронишь лучших воинов ради книжников?

– Выходит, что так.

– Извини, пан губернатор, но это неразумно. Нет, это просто безумие, или ты смеешься надо мной! Оплакивать одних, чтобы воскресли другие?!

– Я сам об этом всё время думаю, - признался Артур. - Почему мы жертвуем одними

близкими ради других? Я думаю, вот почему. Семен и Лю простили бы меня за такие слова. Они были смелые и добрые ребята, возможно, гораздо лучше нас с тобой. Но они не могли превзойти самих себя, понимаешь? А ученые, которые спали в гробницах... Очень может быть, что они спасут жизни сотен наших детей или помогут запустить электростанцию.

Ксендз надолго замолчал, обдумывая последние слова. Он искал подвох и не находил его. Артуру даже стало его немножко жалко; у поляка словно отобрали детскую мечту.

– Я не знаю, что такое электро...станция, - угрюмо произнес святоша, - но я всегда полагал, что господь помогает тем, кто искренне предан ему. Иначе он бы не спас горстку преданных в страшные годы Большой смерти. Я пошел с вами, потому что глубоко уважаю Хранителя Кшиштофа. Этот человек, хоть и не носит Крест, в душе честен и справедлив. И он сказал мне, что я могу доверять тебе. Но ты взял на себя тяжкую ношу, пан губернатор.

– Я несу ее давно. Не беспокойся, пан Станислав, я знаю, что ты хочешь сказать, - тихонько засмеялся Артур. - Гордыня пытается меня обуздать, непрерывно пытается. Но у нее ничего не выходит: я слишком сгорблен под своей ношей...

Ксендз еле заметно покраснел.

– Если ты не рассчитываешь на их тайное волшебство, как же ты собираешься воевать в одиночку против целой армии? Я бывал тут и даже дрался с жандармами. Это совсем не глупые Когти, у жандармов есть ружья и пистолеты, а еще собаки...

– Слышь, братка, ну не зря ты в попы пошел! - не выдержал чингис. - Ты что, взад нас отговаривать решил?

Артур нахмурился. Ему совсем не хотелось принародно обсуждать планы сепаратных сделок с Бумажниками. В случае успеха, русская дипломатия неожиданно приобретала вес в самом центре Мертвых земель... с совершенно непредсказуемыми последствиями.

– Пойдем-ка, лучше, пан Станислав, расскажу тебе сказку под названием "землявоздух". Слышал о таких игрушках?

– Командир, а может, я? - почти жалобно проблеял Карапуз. Ему никогда еще не удавалось пострелять настоящими ракетами.

– Нет, капитан, ты ее понесешь.

Коваль демонстрировал поляку особенности древней военной техники, а сам думал о Христофоре, который никогда не говорил лишнего и никогда не ошибался.

Им предстояли еще одни похороны.

17. НАСЛЕДНИКИ ЗОРРО

Выступили задолго до рассвета. Благодаря Борку, поймавшему лошадь, удалось избавиться от самой тяжелой поклажи. Бронетранспортер наделал много шума, так что и думать было нечего опять переться на нем в столицу. Наверняка, город всё еще мусолил вчерашнюю стрельбу.

Шли молча. Впереди Клаус, как самый зоркий, за ним Станислав и Артур с Христофором. Карапуз плелся замыкающим. Впервые за долгие недели похода губернатору пришлось выдержать дисциплинарную баталию. Сначала Даляр не пожелал оставаться в лагере. Затем Борк заявил, что пойдет на штурм тюрьмы вместе с сыном. Ковалю еле-еле удалось убедить старшего пивовара, что в случае неудачи лишь он один сможет вывести Проснувшихся к песчаной стене, поскольку Фердинанд еще не оправился после контузии. Отдельную проблему представлял Христофор. В качестве боевой единицы толку от него было мало, но отказать сыну Красной луны у губернатора язык не повернулся. За невнятными предсказаниями колдуна Артур чувствовал нечто важное, определенно касающееся всего отряда. Брала верх выработанная годами привычка доверять неуловимым приметам. Неясное слово, изменившийся цвет облаков, рябь на воде - всё играло роль в мире, где равновесие оставалось болезненно хрупким.

Они могли вернуться, но упрямо шли вперед. Древняя столица Европы ждала свою жертву.

Передвигались походным шагом, почти не скрываясь, но нападать никто и не собирался. Несколько раз Клаус замирал, подняв руку, Митя хватался за секиру, но всё обходилось. Кто-то пересекал отряду дорогу и растворялся в развалинах. Стайка ночных зверей попыталась однажды преследовать боевиков: лошадка занервничала, чуя хищников. Артуру пришлось остановиться и зарычать. Стая мгновенно отвязалась, и никто так и не узнал, собаки это были, волки или кто-то другой...

Когда впереди заискрились первые костры предместий, луна уже добралась до вершины и катилась вниз по протоптанной молочной борозде. Из кустов негромко свистнули, и на бульвар шагнули две тени. Жильбер, курьер трактирщика, словно созданный для тайных делишек (Коваль узнал его по кудрявой голове), и Мендель, один из невыездных жителей шхуны. Карлик был одет как дирижер симфонического оркестра; во мраке поблескивали латунные пуговицы его обрезанного фрака.

— Пошли, - сказал карлик и провалился под землю.

Следующий час пробирались в колонну по одному. Казалось, что гном кружит нарочно, выбирая самые гнусные трупы. Из-под ног с писком разбегаются крысы. С просевших, покосившихся арок капала за шиворот вода. Пока потоки грязи не забили жерло трубы, шли по канализации; затем выбрались наружу, в тылу патрулей. Жильбер посадил Менделя на плечи. Карлик цепко сжимал в волосатой ручонке крошечный арбалет, а второй указывал дорогу. Дважды бегом пересекали открытое пространство. Крались под мостами, по колено в стоячей, насыщенной гнилью, почти горячей воде. Каждый вздох отдавался под сводами гулким, многократным эхом. По команде малыша перешли вброд реку. На мостах и на противоположном берегу прогуливались ночные сторожа с собаками...

— Здесь, - Мендель дыхнул чесночной отрыжкой, в туманном свете луны показались пенки гнилых зубов. Жильбер присел, опуская карлика на землю.

Это была не земля, а узкий каменный парапет под сводом скользкой опоры моста. А выше парапета Коваль скорее почувствовал, чем увидел пустоту. Мрак тут стоял кромешный, воняло так, что дышать можно было только ртом. Под толстой подушкой мха зияла неровная, заросшая водорослями дыра вентиляционного колодца. Края трубы осыпались, из щелей торчали ржавые прутья решетки, изнутри тянуло затхлым запахом подземелий. Артур напрягал зрение, но не видел ничего, кроме прогнувшихся крюков со свисающими пучками кабеля.

— Держаться правой стены, - прошептал карлик. - Свет не зажигать. Будет темно, пока не попадете в разлом. Там светлее, а под ногами бесконечные железные бревна, это называлось метро. Пойдете на юг по правому ряду бревен. Факелы не зажигайте: наверху полно дыр, и вас могут заметить. Упретесь в машину с железными колесами, она ездил по бревнам. Там поднимитесь наверх. На стене должно быть написано "Станция "Веренна", ты поймешь, - Мендель кивнул Клаусу. - Как выйдете, наверху будет стража, ее придется зарезать, а иначе не пройти. Я бы прошел, Жильбер бы прошел. Вы не пройдете.

— А дальше?

— Ищите Западный вход в Собор Инвалидов, туда генерал привозит воров и ведьм. Тех, кого вы ищете, зовут Огюст и Ева.

— Насколько я помню, там раньше был музей старинных доспехов? - спросил Коваль.

— Там стоят пушки, - кивнул Жильбер. - А на стенах всякие надписи про войны, которые были в древности. Еще там есть смешные игрушки для детей. Всё, как настоящее, только очень маленькое.

— Сколько там людей?

— Сотни три примерно ночует в Южном крыле. Это "долговые" люди, и жандармы. Но сейчас большинство налоги по деревням собирает.

— Что такое "долговые"?

— Крестьяне, которые не расплатились с церковью или генералом, нанимаются драться с Когтями за харчи.

— Вам пора, - озабоченно сказал карлик. - Портос обещал вам лошадей, мы будем ждать

возле аэропорта.

– Там, где лежат машины с крыльями, - уточнил Жильбер.

– Мы уйдем, когда солнце коснется крыши собора, - обнадежил Мендель.

– И никому не скажем, что видели вас.

– И уведем лошадей.

– Мне тоже было приятно познакомиться, - поклонился губернатор и первым нырнул в дыру.

В метро они немного заблудились, вылезли наверх через другую станцию. Но громаду Дома Инвалидов невозможно было спутать ни с чем. Дисциплина стражи оставляла желать лучшего. Карапузу даже не пришлось никого убивать, он подставил плечо и по одному протолкнул "десантников" в разбитое окно. В темных, закопченных анфиладах пахло сырым деревом и мышами, но в привычную атмосферу заброшенного музея вторгалась тяжелая вонь паленой плоти. Потолкавшись в коридорах среди крошева витрин и обрывков штандартов, войско Ковалю выбралось к окнам внутреннего двора. И сразу же стало ясно, почему западный вход не охраняется. Только любители мертвечины могли составить компанию сотням воронов на месте казней.

После короткого совещания Артур и Клаус, уже не опасаясь тревоги, поднялись этажом выше. Остальные бесшумно разбежались в ожидании приказа.

Посередине квадратного плаца дожидались своих жертв эшафот и три столба. Ковалю казалось, что запах аутодафе навсегда пропитал творение французских зодчих. Теперь стало заметно, что комплекс пострадал гораздо сильнее, чем казалось вначале. Купол собора отсутствовал, оставшаяся часть походила на гигантский сломанный клык. Большая часть галерей Южного крыла обрушилась, сквозь проломы музейных окон виднелись шатры и слабые огоньки костров. Видимо, церковное начальство, несмотря на множество свободных помещений, не пропускало крестьян на постой.

Теперь, когда рассвет окончательно вступил в права, Артур позволил себе прилечь спиной к окну и осмотреть парадные покои французской истории. Смотреть было почти не на что. Под потолком, вдоль барельефов с батальными сценами, висели огрызки вымпелов, принадлежавших славным полкам империи. От роскошных паркетов осталось несколько щепок по углам. Лишившиеся рам холсты догнивали возле крысиных нор. Под ногами хрустел крысиный помет, в углах гроздьями висели ласточкины гнезда. Снаружи донесся дробный цокот и пьяные смешки; конный патруль объезжал территорию. По крышам разгуливали часовые. Коваль насчитал четверых, и еще как минимум двое, находились где-то выше. В тюремном подвале, по словам Жильбера должны были сторожить собаки, а часовые имели инструкцию стрелять при малейшем намеке на вторжение. Поскольку воры не раз пытались выручить товарищей, была придумана оригинальная схема защиты. В случае опасности тюрьму перекрывали решеткой и затапливали... Так что разумнее было подождать. Со вторым криком петухов двор начал заполняться людьми. Десятка три молодых парней, в плисовых штанах и кожаных, шнурованных безрукавках, оцепили помост перед внутренними воротами. Огнестрельного оружия у них не имелось, но алебарды и сабли выглядели устрашающе. Другая партия жандармов катила пучки толстых, заостренных кольев, похожих на противотанковые ежи. Их вбила в землю широким полукругом и растянули между ними колючую проволоку, окончательно отделив лобное место от зрителей.

Зрители появились скоро: нужно было успеть занять самые выгодные места возле сцены. Грохоча лысой резиной, во двор, один за другим, вкатывались экипажи. На козлах сидели усадые дядьки в шляпах с перьями, но босиком. Из окон карет, с важным видом, выглядывали женщины, спрятавшие волосы под самыми диковинными головными уборами. Кто-то повязал лоб платком, кто-то носил чепчик, но встречались и дамы в мужских беретах.

Многие посетители проникали во двор не через ворота, а сквозь две колоссальные пробоины. Половина южного крыла давно превратилась в гору обломков. Прямо на собор когда-то свалился самолет и снес треть дворцового комплекса. Останки хвостовой части до

сих пор торчали над землей...

Артур всё острее ощущал себя попавшим в эпоху ранних Бурбонов; очевидно, на площадь, оттеснив простой люд, съезжалась местная аристократия. Первой каретой был строительный вагончик, довольно искусно разрисованный оскалившимися львами. Следом вкатилась платформа от тягача с привязанным сверху трейлером. На крыше трейлера, жеманно обмахиваясь платками, восседали две девицы, наряды которых придавали им отчетливое сходство со светофорами. Третьим показался прогнивший, но ловко залатанный "геленваген" на колесах от грузовика. Еще одна пара коней, надрываясь, тащила за собой кабину полуприцепа "рено". Глава семейства держал вожжи прямо сквозь раму лобового стекла, его супруга величественно сидела рядом, а на платформе, в креслах, попивали утренний кофе еще четверо благородных дам.

Артур чуть не забыл, зачем пришел, настолько интересно оказалось следить за проявлениями возрождающегося снобизма.

Пропустив кареты, во двор въехали всадники на лошадях и ослах, а за ними хлынула толпа оборванцев. До этого момента у Артура еще теплилась мысль, что простолюдинов на такие спектакли загоняют насильно...

Реальность оказалась потрясюще далека от иллюзий. Сотни и тысячи горожан со всех сторон обтекали площадку, обозначенную цепью часовых, норовили забраться повыше, расставляли принесенные с собой скамейки. Десятки пацанов карабкались по карнизам на второй этаж. Артур уже начал бояться, что и к ним в окно кто-нибудь запрыгнет. Поток людей через западные ворота не прекращался. Легкий шелест разговоров постепенно перешел в неумолчный гул, и вот уже стало казаться, что сам воздух дрожит от безостановочного рева тысяч глоток. Внизу ругались и целовались, дрались и играли в кости, в окулярах бинокля выплывали то перекошенные разбойничьи рожи, то миловидные румяные личики девушек.

Внизу топталась и шумела возбужденная масса. Очень скоро должен был появиться тот, кто дергает здесь за ниточки. Брызгая слюной и обличая, он заставит людей раскачиваться в едином порыве, пока люди не исчезнут, и не останется один страшный зверь, ищущий жертву...

— Идиоты, - сказал Коваль. - Странно, что при такой скученности они еще не передохли. Впрочем, у нас не намного лучше...

Он замолк, вспомнив три большие эпидемии, которые городу пришлось пережить уже во время его правления. И ничто: ни заставы на дорогах, ни карантины - не могло остановить болезнь, пока заразу не убивала зима. И никакими увещеваниями нельзя было заставить жителей правого берега Невы не пить воду оттуда, где купают лошадей...

На помосте появились мальчишки в сутанах. Одни держали скатанный ковер, другие растягивали подпорки балдахина. Пока служки оформляли место для иерарха, открылись ворота в северной части, и "из-за кулис" к столбам подкатилась телега, доверху груженная хворостом. По толпе прошел возбужденный, радостный шумок, от которого Артура слегка передернуло. Пейзане убедились, что сегодня утром предстоит развлечение, кого-то заживо сожгут, а это гораздо интереснее виселицы и топора.

— Мы у себя, на севере, ничем не лучше, - повторял себе губернатор, обшаривая биноклем сотни голов. - У нас так же веселятся при виде чужого горя и общественных наказаний ждут, как праздника. А стоит мне заикнуться, что негоже раздуть инстинкты, как обрушиваются со всех сторон: и книжники, и собор, и гвардия. Все считают, что чем нагляднее для народа, тем лучше...

— Смотрите, это генерал, - толкнул Коваль в бок пивовар.

— Неплохо смотрится, - одобрил Коваль. - И сам большой, и конь красивый, только с рожей что-то не в порядке.

— Говорят, его в детстве порвала Железная птица, но мальчик сумел от нее отбиться ножом. Мне не достать его из обреза, герр Кузнец, слишком далеко...

— Боже тебя упаси, - подпрыгнул Коваль. - Мы договорились боевых действий не

затевать. Кроме того, я обещал Портосу, что не буду убивать местное начальство. Одних прикончишь, придут другие, еще более голодные и злые. Жди сигнала и думай о том, как будем ноги уносить!

Внезапно первые ряды зашевелились, подтягиваясь поближе. Под овации толпы, на помосте возник полный, обрюзгший человек в нарочито грубом одеянии. На фоне мешковины, изображающей мантию, ярким пятном вспыхивал на солнце золотой крест. За спиной епископа двое юношей в капюшонах установили двухметровое распятие и подняли белый тент. Легкий ветерок шевелил истлевшее золото бахромы и тяжелые, волочащиеся по доскам помоста, кисти.

— Что он говорит? - Артур грудью навалился на скрипучий подоконник, чтобы увидеть, что происходит внизу. А внизу, на травке, расположились десятки припоздавших семейств. Не особенно прислушиваясь к проповеди, они балагурили, передавали друг другу бутылки и куски копченого мяса. Некоторые, тут же, среди пасущихся лошадей, развалились спать. Все ждали, когда начнется самое интересное.

— Епископ Андре говорит, что господь послал нам тяжкие испытания и болезни, чтобы проверить веру. Так было раньше, и так будет впредь. Не каждому будет дарована жизнь, но лишь тем, кто внимлет гласу небесному и поступает так, как того требует законы, установленные властью... Так, это не понимаю... Он говорит, что ему было предзнаменование. Чума закончится, и Железные птицы покинут город, если мы сумеем изгнать из своих сердец злые мысли, а из города изгнать бесов, притворяющихся людьми... Тогда наступит общее покаяние.

В передних рядах, не видимых из-за стоящих вплотную повозок, начали всхлипывать женщины. Его преосвященство умел быть убедительным.

— Он говорит, что всякий, в эти тяжкие дни, должен покаяться и внести свою лепту в укрепление власти божеской и земной. Он благословляет храбрых жандармов генерала Авалья, с честью держащих на своих плечах все заботы о безопасности нашей прекрасной столицы...

В эту секунду снизу раздался шум драки. С риском быть замеченным, Коваль еще раз заглянул вниз. Двое молодцев в безрукавках и одинаковых шапочках с околышами, пинками поднимали уснувших крестьян и заставляли их идти к помосту. Забытые в сутолоке дети черпали ладошками воду из лужи и жадно пили.

Артур перевел бинокль на северные ворота. Из темного зева подвала, жандармы выволокли троих мужчин, со связанными руками и мешками на головах. Все трое за шеи были связаны между собой другой веревкой.

— А вдруг это они? - разволновался Клаус.

— Не они. Ведьмаков жечь положено, а у них и костры-то не готовы, - уверенно заявил Коваль, и тут же, чуть не поперхнулся, когда стражники стянули мешок с головы крайнего арестанта. Это оказалась женщина, но не та, которую они искали. Преступнице на вид можно было дать лет сорок, длинные спутанные космы закрывали кровоподтеки под обоими глазами, губа была тоже разбита.

Жандармы втащили арестантов на помост, в стороне от ковра, освободили их от мешков и поставили на колени. Епископ продолжал говорить, его поставленный, оперный баритон окреп, поднимался всё выше над притихшей площадью. В первых рядах уже не всхлипывали, а плакали, зажимая рты руками. Артур видел, как забилась старуха в руках у молодых родственников. Потом, левее, без сил упала девушка, сдавленная толпой. Солнечные лучи падали всё отвеснее, казалось, что от людской массы поднимается жаркая волна. Запах вчерашних мертвецов перебил ароматами конского пота, кислого вина и множества, давно не мытых, человеческих тел. В гуще толпы начиналось медленное брожение, словно пустила первые пузыри закваска гнева, брошенная рукой соборника.

— ...Тереза и Антуан, жили подаянием... но вели себя как благочестивые прихожане, пока дьявол не соблазнил их... Антуан подбил брата на мерзкое дело... Ах, спаси нас, Лютер!

– Да что они натворили, в конце-то концов? - Коваль шарил биноклем по ряду окон в противоположном, восточном крыле, отыскивая Станислава. Там было намного оживленнее, отовсюду высывались головы любопытных, даже на крыше, среди зияющих прорех, сидели группками вояки и заворожено слушали пастыря.

– Он говорит, герр Кузнец, что эти трое спугались с разбойниками-уродами из Нанси, проиграли им в карты свое слово и собирались идти с разбойничьим караваном.

– Разве караван может быть разбойничьим? - ксендза Коваль так и не нашел, но это лишь означало, что тот ловко спрятался. Зато нашелся Карапуз, невозмутимо сидевший на коньке крыши, там, где минуту назад несли вахту двое часовых.

– Я не слишком понимаю, герр Кузнец, - повинулся пивовар, - но, по-моему, речь идет о том, что Бумажники ведут дела с уродами, а епископ это давно запретил. Я слышал от отца, что весь вред от уродов состоит в том, что они не платят пошлин генералу. А тех, кто соглашается платить, уродами и разбойниками уже не называют. Их называют братьями, преданными друзьями, и позволяют торговать на площади перед Лувром. Только с такими купцами мало кто меняется, потому что после уплаты каждой четвертины у них всё становится слишком дорого. Остальных, кто платит десятину за торговлю Просперу, тех обзывают разбойниками.

Эти трое несчастных проигрались в карты в одном из трактиров Бумажников. Сначала они проиграли скот, затем пожитки, семена, и, наконец, свое слово. Тогда они, вместо того, чтобы отработать у разбойников, побежали жаловаться жандармам. Но сначала, они, как бы, согласились, и парни из Нанси провели их за город, где прятался караван.

Эти трое выдали жандармам караван, разбойникам удалось скрыться, но часть скота люди генерала отбили. В результате Тереза и ее дружок, вместе с братом, сами угодили в тюрьму, потому что указали на своих проигранных коров. Они попались из-за собственной жадности, потому что на коровах стояло клеймо монастыря.

– То есть ребята сами их украли, еще раньше? - в тишине, прерываемой лишь выкриками епископа, Коваль отчетливо услышал далекий гул. Пока еще очень слабый, но отсюда и не должно быть слышно сильнее. Гул означал, что старина Борк открыл синий кран.

– Точно, сами и украли, - усмехнулся Клаус, - но не заметили клейма.

– Думаешь, их казнят?

– Монсеньер Андре спрашивает прихожан, как же ему поступить с теми, кто покусился на имущество монастырской братии. Он спрашивает, что уготовано на том свете псам, трижды пренебрегшим милостями отца нашего. Они замахнулись на скромное имущество братьев, кто днем и ночью молил у всевышнего в их защиту. Кстати, герр Кузнец, мой отец говорит, что монастырь богаче всех горожан, вместе взятых, потому что после казни каждого отлученного им отходит всё имущество.

– Я даже не сомневаюсь! - Артур подтащил мешок и начал бережно выкладывать на пол содержимое. Внизу забеспокоились лошади. Скоро и люди почувствуют неладное, просто все слишком увлечены...

– Теперь епископ кричит, что среди честных прихожан развелось много иноверцев, которые обманом втягивают братьев и сестер в свои подлые делишки. Эти три заблудшие души, что стоят сейчас перед нами, они должны были угнать в Нанси лучшую скотину, а что получили бы наши раздетые и разутые детки взамен? Кто разбогател бы, как всегда, за счет нашего кровавого пота? Кто захватывает наши лучшие земли, кто разоряет соседей и наводит порчу на нашу скотину?!

Тысячи людей внизу уже не молчали. Головы наклонялись друг к другу, перешептывались, слышались отдельные выкрики. Затем в троицу, стоящую на коленях под виселицей, полетели гнилые овощи.

– И третье преступление состоит в том, что негодяи, даже после того, как им стало стыдно, и они сами изобличили разбойников, всё же пытались отвертеться от праведного суда и получить назад ворованное имущество...

Ни Артур, ни Клаус так и не узнали, какой приговор ждал воров, потому что в эту секунду часовые на колокольнях собора ударили в набат. Им немедленно ответили звоном другие церкви, над крышами поднялись тучи ворон, и людская масса пришла в неистовое движение.

Над городом заметили Железных птиц.

Коваль немножко опасался, что после трепки, которую получили мутанты в развалинах, они не придут на зов, но голод, видимо, оказался сильнее благоразумия.

Люди стремительно разбегались, в центре началась давка, кто-то орал дурным голосом. Стоявшие крайними полезли в окна первых этажей, но в северном и восточном крыле проемы были заколочены. Но приученные к налетам горожане оказались хитрее, чем ожидал губернатор. В дальнем углу двора, за коновязью, вдруг обнаружились широкие железные щиты. Жандармы скинули с верхних этажей цепи, потянули, и в земле открылись достаточно глубокие землянки. Народ посыпался в ямы, как горох в мешки. Богатеи залезали под собственные повозки, лошадей заставляли ложиться и накрывали плотными попонами.

Епископ и генерал с охраной исчезли, на помосте остался вытертый ковер, балдахин и потемневший крест с распятой фигуркой. Артур поднял бинокль в небо. Под ним, на первом этаже, крестьяне продолжали забираться в окна, а в противоположном конце двора жандарм волок под помост троицу преступников.

– Пора! - сказал Коваль и выпустил гранату, целясь в северные ворота, откуда привели неудачливых картежников. На площади еще оставалось не меньше двух тысяч человек, не успевших спрятаться, застрявших между колючей проволокой ограждения и стоящими вплотную экипажами буржуазии. Тамошняя публика делилась на две категории. Это были самые ловкие любители зрелищ, прорвавшиеся в первые ряды, а также религиозные фанаты, исступленно встречавшие каждое слово епископа.

Накануне Коваль долго пытался у Когтя Луи насчет повадок птиц, также проконсультировался у подопечных Портоса, и знал наверняка, что в семь утра нападения на город исключены.

Такого не случалось очень давно и поэтому вызвало панику. Но паника должна будет очень скоро закончиться, как только посты на башнях поймут, что клин опять прошел стороной.

Очень мало времени...

Клаус уже скользнул вниз, по веревке, и мчался навстречу бегущей толпе, уворачиваясь от обезумевших женщин. Граната Артура попала не в ворота, а в проем между окнами первого этажа. Тоже неплохо, похвалил себя Коваль, наблюдая, как в дыре мечутся фигурки жандармов.

С восточной крыши ахнула ракетная установка Станислава. Здоровенный помост, площадью в двести квадратов, поднялся в воздух и вернулся на землю в виде горячей трухи. Одну из виселиц, взрывом, переломило на три части; падая, они зашибли запряженную в фургон лошадь. Три другие лошади, плюнув на попоны, рванули с места, и тяжеленная повозка врезалась в самую гущу толпы, оставляя после себя дорожку из раздавленных тел.

– Ах, дьявол! - сорвалось с губ Ковалья, но больше он произнести ничего не успел, потому что последовал эффектный выход Карапуза. Митю, наконец, заметили на крыше и попытались взять в плен. Всякий, кто пытался взять в плен Карапуза, совершал большую ошибку, но когда наступало раскаяние, уже бывало слишком поздно. Дело в том, что чингис располагал к тому, чтобы его хотелось скрутить, связать и притащить к начальству. Он был слишком большой и аппетитной добычей, к тому же, издали казался толстым и неповоротливым.

Никто не предупредил жандармов, что они имеют дело с парнем, способным поднять лошадь, и пройти с ней через Дворцовую площадь.

Митя столкнулся с крыши четверых, затем еще двоих. Чингису мешало снаряжение, поэтому он слегка замешкался, проталкивая туловище в дыру. В чердачном помещении его тоже ждали, и снова сделали ошибку, не прикончив издали. Коваль через всю площадь

наблюдал, как Митя спускается вниз по лестнице. То есть, самого капитана он не видел, просто из окон вылетали люди, всё ниже и ниже, по мере того, как Карапуз достиг первого этажа. Потом бабахнула граната, за ней еще одна, и в здании начался пожар.

Митя любил пожары и устраивал их везде, где только мог. Ему нравилось смотреть на огонь, потому что огонь был сильным и никому не подчинялся. Теперь солдаты прыгали из окон без Митиной помощи, просто внутри становилось жарко.

Коваль с трудом нащупал среди беснующихся горожан черное пятнышко: Клаус пробрался через ежи и юркнул под длинную телегу с дровами, заготовленными для костра.

Вторично ударила ракетница Станислава, и с противоположного края, ей ответили три мощные разрыва. Это затесавшийся в толпе Христофор закидывал ручные бомбы в окна первого этажа. Внимание растерявшихся жандармов, кое-как сохранявших видимость оцепления, мигом переключилось на колдуна. Захлопали выстрелы, но парень уже скрылся в трещине, проделанной когда-то носом аэробуса. Ракета ксендза угодила прямехонько в дверь, куда изволил отчалить его преосвященство. За дверью, крайне некстати, пряталось человек пятнадцать. Все они ждали птиц и смотрели на небо сквозь провал в крыше. Когда кусок перекрытия встал на ребро, вывернув несущие балки, будто они были из пластилина, Артур успел заметить горстку лиц, закинутых вверх. Люди так и не поняли, откуда пришла смерть. Часовые на крыше не знали, в кого стрелять. Многие побросали оружие и проворно спускались вниз. Станислав прятался в одной из сотен комнат, отыскать его было совсем не просто, тем более что с двух сторон комплекс затягивало дымом, плюс по центру, в основании собора, рвались бомбы. Там гулял расшалившийся Карапуз. Коваль подождал, пока повозка с трейлером и двумя пляжными зонтами наполовину проедет в ворота и, стараясь метить в колеса, пустил гранату. Удалось как нельзя лучше. Судя по визгам, барышни внутри остались невредимы, а транспорт мягко завалился на бок, преградив путь вражеской коннице, квартирующей в поле. Теперь можно было вплотную заняться поисками Евы и ее братца.

Клаус ждал под повозкой с дровами, пока поляк выпустит третью ракету. По полю металось еще сотни три народа, но колокола уже лупили отбой. Северные ворота выскочили из стен вместе с косяком, на столбе пламени, пронеслись метров десять и врезались в телегу с ветками. Пивовар едва успел откатиться в сторону. В образовавшийся проем шагнул, черный от копоти, Христофор с ракетницей на плече, за ним семенил поляк. Клаус прыгнул к ним, и в мгновение ока, все трое исчезли в клубах дыма.

Молодчина Христофор, восхищенно подумал Артур, нашел поляка и подобрался с обратной стороны! Вот так балласт, а ведь до этого пистолета в руки не брал...

Митя где-то застрял, но он был жив. Коваль слышал, как твякает автомат. Подобрал с пола пожитки, Артур, что было сил, припустил по коридору. За поворотом наткнулся на людей; завидев черта, увешанного ножами, отважные защитники собора, голоса, прыснули в стороны.

Еще поворот, и снова люди. На сей раз, вооружены, и на пути самая настоящая баррикада. Артур краем глаза косил в пролетающие окна, он уже одолел половину квадрата, оставалось совсем немного, чтобы присоединиться к ребятам.

Успел заметить, как вскидывают ружья, что-то у них в руках было невероятно древнее; с такими стволами впору на слона ходить! Привалившись спиной к косяку, зарядил гранату. В сумке осталось две штуки, и ствол можно выбрасывать. Развернулся, выстрелил. Пока они думали, за завалом из бревен, отошел в сторонку. Подождал чуток, обошел параллельным коридором. Даже не коридором, а сквозь дырку в стене. От баррикады мало что осталось, а вокруг, истекая кровью, лежали четверо мальчишек. Совсем пацаны, старшему было примерно, как...

"Примерно, как Николаю", - заставил себя выговорить Коваль. Он только что, ни за что убил такого же подростка, как его собственный сын. Только его сына охраняет гвардия, а этот испуганный крестьянский мальчик, наверняка отданный на службу за недоимки, так и не успел в жизни ничего повидать. Артур прислушался. Где-то, совсем близко продолжалась

канонада, но в ближайших залах никого в живых не было. Карапуз отвлекал главные силы от подвалов северного крыла, где орудовали Христофор с Клаусом.

Артур опустил на корточки и перевернул трясущегося мальчишку. Троим уже ничем нельзя было помочь, и этот умрет в ближайшее время. Долговики, как называют их здесь, наверняка не нюхали пороха, и поставлены охранять коридор против таких же сопляков с ножами и гладкоствольной рухлядью...

Коваль не ошибся. Мальчику вряд ли стукнуло пятнадцать. Крупный осколок пробил ему штаны и засел глубоко в бедре, а несколько мелких превратили грудь в кровавую кашу. Только по закатанным рукавам рубахи можно было догадаться об ее истинном, голубом цвете. Из-под прилипших ко лбу мокрых волос на губернатора таращились огромные голубые глаза. Парень силился что-то сказать, его пальцы цеплялись за цевье двустволки, из которой он так и не успел выстрелить.

— Будь оно всё проклято, - сказал Коваль, и не удержался, поправил умирающему пшеничную челку. - Прости, братишка. Будь оно всё проклято...

Потом он поднялся и зашагал туда, где чувствовал присутствие своих и, слава богу, живых, подчиненных.

— Куда теперь, господин? - на нижней площадке лестницы покачивался Христофор, держа на руках обмякшее женское тело. Спина к спине к нему, стоял ксендз, и водил, из стороны в сторону, автоматом. Одежда на обоих была изодрана в клочья.

— Ты уверен, что это она?

— Да, - кивнул сын луны. - Она жива, просто придавило...

— А брат? Должен быть еще брат!

— Он умер.

— Уходим, господин! - Христофор пошевелил локтем, и тут, из-под его руки, волной хлынул рыжий водопад. От такого огненного цвета волос хотелось зажмуриться, Артур непроизвольно сморгнул. - Там не пройдем, Митя их пока держит, но можно взять со двора лошадей!

В ту секунду, когда Коваль резал постромки на первой попавшейся лошади, ветер донес с севера рокотание пушки. Борк угощал свинцовым обедом Железных птиц.

Из оконного проема второго этажа, дрыгая ногами, вылетели двое жандармов в шапочках, а вслед высунулась оскаленная рожа Карапуза.

— Командир, давай сюды! С той стороны кони добрые!

— Где Клаус? - до Артура внезапно дошло. - Эй, где наш малыш?

Станислав отвел глаза, Христофор прижимал к себе потерявшую сознание девушку, их рыжие гривы перепутались между собой.

— Где пивовар? Ты видел его? - Коваль схватил поляка за плечо. Они вернулись в здание и бежали вдоль горы трупов. Навстречу, вращая над головой секирой, спускался Карапуз. Его левая рука была сломана, ухо болталось на лоскутке кожи, а в спине застряло три ножа. К счастью, кожаная рубаха и кольчуга не пропустили лезвия глубоко.

— Он не успел, он остался за решеткой, - выдавил ксендз, указывая куда-то вниз. Артур прислушался и похолодел. Сквозь крики людей на площади и треск горящих досок, он ступнями ощутил ровный монотонный гул. Подвалы заливала вода.

Париж получил свою жертву.

17. РЫЖАЯ ВЕДЬМА

...Первую линию ядовитых болот караваны Великого посольства прошли достаточно легко. Зная о повадках Железных птиц, нарочно переждали в лесу, когда стая отобедает в святилище дикарей, а затем дали сильный крюк на запад, чтобы обойти места гнездовий.

Неделю двигались по безлюдной местности и растянулись на несколько километров, потому что темп задавали неповоротливые быки. Затем снова начались прерывистые полосы Желтых туманов, между которыми приходилось лавировать, как между рядами мокрых

простынь, развешенных для просушки.

Когда впереди уже засияли снежными шапками вершины сьерры, святые отцы провели большой праздничный молебен. Были забыты интриги в Варшаве, и даже натянутое гостеприимство парижской верхушки. Прошли несколько малых поселений, где жители, чуть ли не со слезами радости, встретили посольство и выразили желание непременно присоединиться к нему на пути в Рим. К тому же всю неделю стояла прекрасная солнечная погода, и даже языки пожарищ не казались такими отвратительными.

Окрыленный успехом, презрев мрачные предсказания язычников, Жмыхович воспрянул и с удвоенной энергией кинул народ на штурм Пиренеев. Дорог там давно не осталось. Тщательно выстроенные серпантины и продолбленные в горах тоннели снесло оползнями и завалило камнями. Было решено не разбрасываться по мелочам, а сразу идти в сторону бывшей столицы, благо дорогу парижские монахи обещали более-менее ровную.

Правда, первые же встреченные испанцы оказались неприветливыми и горячо советовали пришлым убраться восвояси. Некоторые даже осмеливались болтать, что в Мадриде настали новые времена, и посланцев Креста никто не ждет.

Голоса этих глупцов заглушил радостный барабанный бой.

От долгого битья в барабаны немножко оглохли и не сразу заметили, что горы подозрительно трясутся. Но подавляющее большинство караванщиков гор не видели и в помине, потому двинулись по самому дну ущелья. Камни сыпались сверху всё сильнее: сначала маленькие, затем настоящие глыбы.

Караван не останавливался, потому что был приказ выйти до темноты к городу Сарагосе. Первые отряды уже миновали ущелье, и самый страшный удар принял на себя растянувшийся обоз.

Лавина закопала живьем почти полста человек. Погибло бы гораздо больше, если бы несколько смелых командиров не решились нарушить приказ и не повели отставшую часть посольства в обход. Путь вышел долгим, и командиры получили разнос от кардинала...

Вскоре посольство добралось до города Сарагосы. Вояки разбежались знакомиться с достопримечательностями, в том числе с местными красавицами. Набрали водички, от которой разом прихватило животы у нескольких сотен человек. Пока армия находилась в небоеспособном состоянии, начальники решили выслать вперед разведку.

Разведка ушла и не вернулась.

Местные жители, язык которых понимали немногие, талдычили какую-то ерунду. На юге-де многие сменили веру, поскольку с моря приплыли богатые люди на кораблях и предложили выбор: либо присоединяться к ним (тогда и почести, и деньги, и штаны новые), либо ждать горячих парней (тогда секир-башка). Относительно новых порядков возникали самые разные домыслы, но в одном очевидцы были едины. Иноверцы, правившие бал в Барселоне и других приморских городах, поощряли многоженство, и вообще, держали бестолковых женщин в узде.

Кардинал повелел в корне пресекать паникерские настроения, обозвал слухи происками рогатого и в назидание провел серию показательных казней среди вредоносных элементов. Кое-как оклемавшись и похоронив сорок человек, чересчур налегавших на колодезную воду, Великое посольство двинулось дальше.

Но далеко не ушло. Не успел караван перейти через мелкую, безобидную речушку, как вдруг раздался грохот, и ущелье, в которое вступил передовой конный отряд, на глазах начало сужаться. Грандиозная трещина, по которой водопадами бежала вода, зашевелилась, захрипела, точно под землей ворочался недовольный кит, и обрушилась острыми камнями прямо на людей. Склоны трещины растрескались, обвалились, а речушка вдруг пересохла. Когда спасли из завалов выживших, подсчитали потери да пустили по колоннам команду двигаться дальше, сверху раздался непонятный глухой рокот. Вода, накопившаяся в запруде, пробила возникшую дамбу и хлынула вниз.

В тот день погибло еще восемьдесят человек. Многие начали шептать, что земля качается, не хочет пропускать посольство, и заступничество святых отцов не поможет,

поскольку слишком много грешили на пути своем...

Нечего и говорить, что неприятный шепот побегал впереди каравана, и самые дальновидные из "послов" не очень удивились, когда, вслед за первым, исчез и второй отряд разведчиков.

Днем позже начался падеж скота. Пришлось расстаться со значительной частью мяса, но, общими молитвами, напали на следы дичи и настреляли горных козлов.

Позже выяснилось, что козлы были не дикими, а деревенскими. Отдавать мясо, которое уже копилось, Жмыхович не стал, вместо этого предложил темным пастухам помощь в реставрации часовни и одну из ценных икон. На столь заманчивое предложение дикари ответили неинтеллигентно и даже грубо. Про святой образ выразились, что у них у самих такого добра навалом, и добавили, что ежели им не возместят убытки от потери стада, то смеяться будет тот, у кого больше друзей.

Консенсуса не достигли.

Следующей ночью подлый враг поджег телеги с фуражом. А среди людей разгулялась почесуха. Причину скоро обнаружили: диверсанты раскидали среди шатров мешочки с мелкими клещами. Взрослые прижигали клещей железом, но несколько детей умерло от паралича. Отныне каждый день приносил новые гадости. Кардиналу непрерывно поступали новые сведения о проблемах, ожидающих посольство в Мадриде. Как минимум шесть раз ему доносили, что в южных портовых городах рыбаки поклоняются Месяцу и, мало того, записываются в добровольческий корпус, чтобы воевать с "неверными". В какую сторону собирался выступить сводный отряд рыболовов, толком никто не знал.

Когда до Мадрида было рукой подать, офицеры, опрокинув для храбрости бражки, явились к кардиналу и доложили о нескольких удручающих фактах. В еженощных перестрелках с язычниками погибло больше ста сорока человек, и примерно столько же ковыляют ранеными или едут в лежачем положении, создавая проблемы в тесных экипажах. Несколько мелких национальных формирований отстали или потерялись. В частности, никто не знает, куда задевались две сотни германских поселенцев. С вечера были - чистенькие такие, дисциплинированные, как всегда. Даже отбились по звуку рожка, - а утром и след простыл.

Но Жмыхович и десятка три фанатично преданных ему святош выслушали офицеров и уперлись. Они не желали понимать, что лезут в самое пекло чужой гражданской войны. Они продолжали уверять и себя, и других, что в Мадриде их ждут с духовым оркестром и транспарантами.

Следующей ночью разразилась гроза, закончившаяся столь сильным ливнем, что плохо закрепленные палатки смыло, а колеса телег к утру оказались по ступицу затянутыми в жидкую грязь. Дождь продолжался весь день и к вечеру так и не стих. Никто уже не верил в то, что это просто погодное недоразумение. Промокшие насквозь гадалыщицы раскидывали кости, и выпадало, всякий раз, страшное...

Гибель посольству выпадала.

В разгар второй дождливой ночи так и произошло. Селевой поток - яростная, бушующая волна из глины, камней, кусков дерева и обломков скал - скатился с гор и, не останавливаясь, ринулся к стоянке каравана. По всем правилам земного тяготения, сель должен был остановиться, но, вобрав в себя мелкую гальку долин, он ринулся вверх, уничтожил больше сорока повозок. Погибли кухни, рыба в бочках, почти всё зерно, и, по закону подлости, все парижские монахи, знавшие дорогу...

Ева и Огюст, со слов девушки, бежали вместе с колонной отчаянных ирландцев. Их командир, чуть ли не на коленях, умолял святого отца повернуть оглобли или, по крайней мере, не втравливать детей. В ответ на пьяную болтовню бородатого потомка кельтов кардинал важно заявил, что матери сами будут рады пронести детей в первых рядах. Это лишь придаст веры и освободит от сомнений тех из местных горожан, кто ослаб духом и колеблется, не зная, чью сторону принять. Если лукавый искушает их, потрясал мокрыми кулаками отважный миссионер, то теперь, встретив невинных верующих младенцев, он

будет вынужден отступить в преисподнюю.

Брат и сестра неважно разбирались в тонкостях политики, но получили неопровержимые доказательства, что колония испанских Бумажников, в предместье Мадрида, разгромлена до основания. За время пути они успели разочароваться в кардинале и его способах управления коллективом и отдали бы всё, чтобы вернуться на родину. Две недели кружили козими тропами, отстреливались от недружелюбных горцев, и страдали от нехватки питьевой воды.

Зато кончились дожди, оползни и наводнения. Под приветливым солнышком заснеженные вершины мирно дремали, подпирая небесный свод...

Наступил день, когда снова послышалась французская речь. В каком-то, забытом всеми богами селении, удалось обменять умирающих лошадей на более выносливых осликов. Там же встретили небольшую группу завшивевших монахов, счастливо избежавших мясорубки в испанской столице. По их словам, посольство угодило в окружение. Неведомые враги с закрытыми лицами отсекали обозы, а женщин с младенцами, которых Жмыхович превратил в живой буфер, угнали в неволю...

Чем дальше Коваль слушал монотонный перевод пивовара, тем больше поражался человеческой слепоте, мешающей видеть мир дальше соседского забора. Брат и сестра вернулись больше двух лет назад и сразу оказались изгоями. Их презирали свои и недолюбливали чужие. И не нашлось никого, кто спросил бы: ну, как там наши святоши, когда назад намерены?

Станислав за полчаса постарел на несколько лет. Борк, не отрываясь, глядел в одну точку. Рассказа о Великом посольстве он, похоже, даже не слышал. Из его красных, глубоко посаженных глаз катились слезы. Они стекали ручейками по мучнисто-белым щекам, по безволосому подбородку и падали на лысую макушку Фердинанда. Младший сын пивовара тоже надолго замер, положив голову на колени отца. Потом он встал, запахнул шарф и, придерживаясь о стену, отправился нести дежурство.

Христофор сидел по-турецки, не отходя ни на шаг от спасенной рыжей ведьмы. Они так и не разомкнули рук, с тех пор как встретились. Одежда на бывшей узнице почти просохла, но, несмотря на близость к костру, ее бил озноб. Девушка сидела, нахохлившись, плотно обхватив локтями колени, правым боком вжавшись в Христофора. Невозможно было понять, мерзнет она или просто боится потерять своего спасителя.

Мама Рона прощупала тощие ребра и позвоночник девушки и сказала, что всё цело, только следует немножко потерпеть. Коваль для себя перевел такой диагноз, как последствия шока. Любой бы, на месте этой рыжей Евы, пришел в негодность. Целую неделю она дожидалась казни в мокром каземате среди воров и убийц, прикованная цепью к железной лавке. И дождалась в конце концов - наводнения...

От ксендза Артур узнал, что когда Станислав с Христофором ворвались в подвал, половина арестантов уже захлебнулась. Трупы качались под водой, как субмарины на якорях. Только держали их не якорные цепи, а кандалы.

Девчонку спас брат, который до последнего подталкивал ее вверх, где выше уровня прибывающей воды оставалась ниша с воздушным пузырем. Христофор повел себя удивительно. Он не выкрикивал имена и даже не огляделся. Он просто сиганул со ступенек навстречу грязному водовороту и, пока ксендз держал факел, трижды выстрелил в цепь. Стрелял из дамского револьвера, подаренного губернатором. Под водой. С риском пробить девушке лодыжку.

— Это чудо, - тихо повторял Станислав Артуру, осторожно оглядываясь на бледного, неподвижного Христофора. - Господь не оставил нас, он снова явил нам чудо, пан Кузнец... Мои молитвы дошли до него, значит, эта заблудшая душа, и впрямь, послана нам!

— Боюсь, она послана не нам, а кое-кому из нас, - проницательно заметил Лева, когда святоша в очередной раз собрался помолиться.

После того как девушка разговорилась, Станислав больше не упоминал о чудесах. Он нахохлился, как больной голубь, и впал в прострацию. Механически поднимался, если его

просили помочь или что-нибудь принести, а затем снова проваливался в глубокую задумчивость...

Сбросив с прозекторского стола горшки, туда общими усилиями водрузили Карапуза. Чингису, на протяжении всего спешного отступления, удалось не потерять сознания. Последние километры Коваль и Станислав скакали с ним рядом, не давая упасть. Лева резал на капитане одежду, мама Рона фиксировала сломанную руку, а Коваль смешивал в горшочках целебные снадобья. На теле Карапуза насчитали одиннадцать ран, последний час он даже не стонал, а лишь неровно дышал, когда горячие травы причиняли острую боль.

– Командир, ты хочешь взять с собой и ее? - хмуро осведомился Даляр, кивая на закутанную в шкуру девчонку. Из солидарности с пивоварами, полковник сидел у костра очень тихо и, похоже, считал ведьму причиной всех бед.

– Еще не решил, - неопределенно ответил губернатор, гадая, куда же запропастились Бумажники.

– Убили вашего друга? - Артура за рукав потрогал Орландо. - Месье Свирский нам сказал, что белоголовый погиб, спасая эту девицу?

В суете Коваль совершенно позабыл про главную цель похода. Он даже не сразу узнал пробужденных. Ученые отмылись от защитного консерванта и облачились в непривычную для них грубую одежду, а Моника даже соорудила на бритом темечке нечто вроде тюрбана. Артура особо порадовало, что истекающего кровью чингиса и прочие неприятности ребята встретили без паники. Пусть оба не были практикующими врачами, но за время работы в институте, наверняка, насмотрелись всякого.

– Возможно, он спас одну, - ответил Артур. - Но, может статься, благодаря ему выживут тысячи.

– Мы можем чем-нибудь помочь? - запинаясь, спросила женщина. - Я так понимаю, что ни рентгена, ни УЗИ сделать негде? Ну, конечно, извините... Просто, у девушки большие синяки по всему телу, не мешало бы проверить.

– Если хотите помочь, займитесь оборудованием, - Артур кивнул на лестницу, ведущую в камеру. - Всё, что вы сочтете нужным, мы постараемся взять с собой. Про рентген можете сразу забыть, а остальное пригодится.

– Я... я боюсь туда спускаться, - помрачнела Моника.

Орландо толкнул ее в бок.

– Нет, нет, я не то хотела сказать, - сразу поправилась она. - Просто поймите, Мишель умер так неожиданно, и мы ничего не могли сделать... То есть, я хочу сказать, что, конечно, пойду...

– Не оправдывайтесь, - Коваль потрепал коллегу по плечу. - Всем нам было непросто, и никто вас не упрекает. Вам придется понять одно. Здесь нет ни профсоюзов, ни больничных касс. Если вам делают предложение работать головой, лучше согласиться, иначе придется остаток дней вкалывать руками. Ваши ручки, мадам, очень быстро превратятся в рачьи клешни.

Он вздохнул и хотел уйти; на споры уже не оставалось сил.

– Месье Кузнец, - окликнул Орландо. - Простите нас, мы... Мы вам обязаны жизнью. Мы будем работать и сейчас пойдем вниз.

– Вот и прекрасно, - сказал Коваль, - но прежде я попрошу подняться наверх. Кое-кто очень хотел с вами познакомиться.

По еле уловимому звуку он определил, что к институту галопом приближается не менее десятка всадников.

18. СВАДЬБА НА ПОМИНКАХ

Моника и Орландо щурились от яркого света. Мама Рона, из страха, что новенькие попадут в переделку, ни разу не выпустила их на улицу.

Всадники затормозили у края площади. Ветер развеивал черные полы их сюртуков и

раздвоенные бороды мужчин; лошади нервничали, чуя запах крови. Коваль узнал Жильбера, карлика и толстую женщину, что в таверне играла в карты со слепым. Всего приехало девять человек, и все отчаянно храбрились, но двое стариков нашептывали молитвы.

– Переведите им, что они могут не бояться птиц, - губернатор повернулся к Орландо. - Тут одни трупы.

– Если бы я не видел вас раньше, то сказал бы, что перепил вина, - на лице Портоса отражалась невероятная гамма чувств - от недоверия, до священного ужаса. - Не могу поверить. Я только что дотронулся до живых Хрустальных когтей...

– Мне тоже кажется, что я не могу проснуться, - шепотом добавил другой Бумажник, высокий старик, со шрамом поперек лба. - Немного я знавал людей, кто видел птиц так близко, и смог об этом рассказать.

Он потрогал шрам.

– Мне было крайне нелегко убедить друзей, что вам можно доверять, - сказал Портос.

– А я им и не доверяю, - вмешалась краснолицая толстуха.

– Поступайте как вам угодно, - согласился Коваль. - Мы ни на чем не настаиваем. Я всего лишь предложил вам способ уберечь общину от погромов.

Бумажники спешили, но оставить коней не решились. Мелкими шажками, вздрагивая и оглядываясь, они обступили дубовых великанов. Лошади фыркали на гору черепов. Над изодранными саркофагами жужжали блестящие мухи. Из ближайшей капсулы торчала обглоданная до блеска человеческая кисть; вокруг суетились вороны.

Узколицый Жильбер, сверкая глазками, вплотную подошел к Монике и погладил ее по щеке. Потом быстро произнес несколько фраз, сжав рот на сторону и обращаясь, скорее к Портосу.

– Я не понимаю половины того, что он говорит, - пожаловалась Артуру Моника. - Боже, во что они превратили французский язык!

– Он спрашивает этого громилу, почему тебя нельзя купить, если ты не настоящая ведьма? - вполголоса перевел на английский Орландо.

– Никто вас не продаст, - успокоил Коваль и обернулся к маячившей в тени фигурке Фердинанда. - Проследи, чтобы Станислав нас не видел, пусть его мама Рона отвлечет на перевязку! И попроси, пожалуйста, Христофора, пусть приведет свою пассию.

Жильбер начал что-то втолковывать Портосу. Он ухитрялся говорить одновременно нагло и угодливо. Коваль подумал, что не хотел бы такому типу подставить спину, но главный Бумажник, похоже, не был настроен на обсуждение темы. Он сказал что-то очень тихо, не поворачивая головы.

Жильбер не отставал, косился на Моника, щерился цыганским оскалом и что-то вкрадчиво объяснял начальнику.

То ли Портосу надоели препирательства, то ли стало стыдно перед чужими, но так или иначе, он сгреб парня в охапку и уволок за постамент. Минуту спустя оба вернулись как ни в чем не бывало, но Жильбер держался за глаз, а с губы его капала кровь. Остальные Бумажники словно ничего не заметили. Артур благоразумно сделал вид, что его беспокоят царапины на ноге.

Христофор вышел из подземелья в обнимку с девушкой. Разобрав, кто стоит перед ней, спасенная чуть вторично не грохнулась в обморок. Наконец-то Коваль сумел ее как следует рассмотреть. Ева не отличалась большой красотой и когда-то была намного толще. Возможно, ее даже дразнили в отрочестве пышечкой или как-нибудь в этом роде. Однако сейчас девушка походила на выжатый лимон, по фактуре и цвету. Коваль с тревогой заметил то, что пропустила мама Рона. Девчонка или перенесла желтуху, или собиралась ею наградить каждого встречного. И была пугающе худой. В прорехи шерстяной хламиды просвечивали незагорелые ноги и тонкие руки в синих ниточках вен. Скуластую физиономию покрывала сеть царапин, на щеке вздувался синяк, а зеленые глаза чуть не вываливались наружу от страха. Единственным ее достоинством были уникальные рыжие локоны.

Артур сразу заметил, как ведьмочка прижалась к сыну луны и не отходила от него на протяжении всей беседы. Из ямы, спрятав горе за черными очками, вылез старший пивовар, и с ходу начал переводить.

– Ева, ты не можешь остаться в общине, - полувопросительно сказал Портос. При этом он явно избегал встречаться с рыжей глазами. - Ты уйдешь с этими людьми?

– Я могу уйти в Нанси, и буду ждать там...

– Чего ты будешь ждать? - со злобой спросил один из незнакомых Ковалью Бумажников. - Будешь ждать, пока нас всех повесят? Едва пройдет слух, что ты спаслась, Андре мигом обвинит нас в колдовстве!

– Буду ждать, пока соберутся купцы в Севилью, - девица отвечала очень тихо, уставившись в землю.

Христофор, не понимая чужой речи, метался взглядом с одного пришельца на другого. Следя за ним, Коваль с поразительной остротой вспомнил себя... Как он бежал сквозь проливной дождь за каретой Качальщиков, увозивших в уральские предгорья молоденькую мамочку, Надю ван Гог; как подставлял спину, выталкивая колеса из раскисшей грязи, а потом, на ночевках, смотрел на Надю сквозь искры костра. Он готов был тогда бежать еще сотню километров и плюнуть на весь белый свет, лишь бы не разлучаться с маленькой, ясноглазой хохотушкой. Сейчас у сына луны был точно такой же иступленный взгляд самца, который подозревает всех и каждого в посягательствах на свою половину...

– Ты дура, хочешь погубить нас всех? - пробасила толстуха. - Мало того, что ты плюнула на отца и на законы предков, теперь хочешь, чтобы бесноватый Аваль сжег всю общину? Ты им поверила - и чем тебе отплатили?

– Мы не позволим тебе вернуться, - подтвердил седобородый старик. - Твой дружок епископ, которому ты целовала ручки, поджарит нас всех!

– Я... я не хочу уходить, как прокаженная, - прошептала девушка. В следующую секунду ее глаза округлились еще сильнее, ноги подкосились, и если бы не Христофор, то ведьмочка повалилась бы на изгаженную птицами землю.

– Отец...

Такого поворота Коваль не ожидал. Из-за спины Портоса, часто моргая, выступил Мендель. В руках он бессознательно мял свою пыльную черную шляпу.

– Господи, - не удержалась Моника. - Так это ее?..

– Тсс! - Орландо быстро отодвинул коллегу назад.

На несколько секунд все замерли. Стало слышно, как в трубах подвывает ветер, а на костях дерутся вороны. Карлик нетвердыми шагами подошел к дочери. Она выпуталась из объятий Христофора и опустилась на колени. Мгновение крохотный Бумажник помедлил, потом не выдержал и раскрыл корявые объятия. Толстая тетка всхлипнула, двое стариков отвернулись, пряча лица. В глазах у Моника стояли слезы.

– Ева, если ты уйдешь с этим мужчиной за песочную стену, - четко произнес карлик, - мы уже не увидимся.

– Отец, я не хочу...

– Он спас тебя в тюрьме. Он ждал встречи с тобой. Если ты попытаешься вернуться в Париж, тебя убьют, и всех нас убьют.

– Я виновата, - плечи дочери сотрясали рыдания, Мендель шмыгал своим крючковатым носом. - Я не хочу уходить без...

Тут Орландо замешкался, не в силах подобрать для Артура нужное слово, но и так было понятно, что речь идет о просьбе, благословить на дорогу.

– Ты не спрашивала нас, когда сбежала с поляками, - Мендель говорил глухо, продолжая тыкаться носом в плечо дочери.

Коваль взял Христофора за руку и чуть ли не силой оттащил в сторону; колдун словно приклеился к своей суженой и никак не желал отходить от нее ни на шаг. Семейная сцена заставила его окончательно растеряться. Артур не помнил, чтобы сын луны пребывал в такой панике. Похоже, парень уверил себя, что девушку пытаются отобрать у него.

– Почему вы мне не сказали? - спросил Коваль у трактирщика.

– Вы бы тогда мне не поверили, - Портос смущенно подергал себя за бороду. - Это выглядело бы так, будто Мендель, вашими руками, спасает от костра своего ребенка. Но с поляками в Мадрид, действительно, ходили лишь эти двое!

– Мы ее уже выслушали. Ее брат погиб, - сказал Коваль. - И, спасая ее, погиб сын охотника Борка.

Портос обернулся к пивовару:

– Я соболезную вам, герр охотник, я в неоплатном долгу перед вами.

– Не будем об этом, - чуть осипнув, ответил пивовар. - Мои дети заключили сделку, получили оплату и знали, чем рискуют.

– Что я могу для вас сделать, герр охотник? - склонился к Борку Портос. Артур подумал, что даже встав на колени, трактирщик будет выше немца, как минимум, в два раза.

– Несмотря на все измены, он любит ее... - казалось, Борк не расслышал вопроса. Он следил, как Ева шепчется с отцом. В глазах у обоих стояли слезы.

– Конечно, - подтвердил Портос. - Мендель не перемолвился с ней ни словом с той поры, как она вернулась. Он вычеркнул из памяти и ее, и сына. Ни разу не навестил их. Но теперь, - Бумажник хихикнул, - если она хочет, чтобы старик ее простил, нельзя убежать снова.

Минут десять все убеждали рыжую, что в испанские горы ее не загоняют. Еще столько же времени она упиралась, внезапно сделав вид, будто не понимает, о чем речь. Коваль уже начал подозревать, что Христофор отхватил себе форменную дуру, и не лучше ли, правда, по совету Даляра, посадить ее в городке пивоваров. А если Христофору нравится, может остаться с ней, будут на пару пасти длинноногих кабанов и гоняться по болотам за ахарами.

А потом Мендель окончательно рассвирепел и замахнулся на дочку плеткой. Слабак Христофор полез ее защищать, Борк монотонно бубнил что-то потухшим голосом, Моника визжала, а толстуха пыталась ухватить Еву за рыжие патлы...

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы в дело не вмешался Коваль. Он сам не знал, откуда вдруг взялось вдохновение, но ложь вышла убедительная. Губернатор на ходу сочинил легенду, будто по законам русской земли, паре достаточно выразить согласие, - и невеста мигом становится женой. А коли уж она жена, никто ее не смеет обижать, но ей за мужем надо последовать непременно, хоть на каторгу.

Бумажники от такого поворота дел опешили, а девица прекратила орать и снова чуть не свалилась в обморок. Пивовар спросил, что такое каторга.

Пришлось ему объяснять. Когда до Моника и Орландо дошел смысл пререканий, они чуть не угробили серьезный момент истерическим смехом.

Самое интересное, что рыжая согласилась. А стоило ей дать согласие, как Артур велел поскорее привести ксендза и - для солидности - маму Рону.

– Мне кажется, я попал в водевиль, - шепнул губернатору Орландо. - Никак не могу избавиться от чувства, что вокруг меня сплошные актеры, и сам я на сцене.

– У меня это чувство не проходит уже пятнадцать лет, - краем рта улыбнулся Артур. - Но я не видел свадьбы серьезнее, чем эта.

Церемония получилась не просто серьезной. Она напоминала скорее трагедию. В поисках соответствующего антуража спустились в амфитеатр, тем более что ксендз категорически отказался читать молитвы подле незахороненных мертвецов.

Бумажники чувствовали себя явно не в своей тарелке. Артур попытался поставить себя на их место. Десятки лет над городом витала крылатая смерть, разбуженная воем страшных гробов. И наверняка десятки лет матери прижимали к себе плачущих детей, поскольку каждый знал, чем питаются птицы. При редких мирных встречах жители Красного леса и не скрывали, чем кормят своих подопечных...

А нынче руины в одночасье перешли в собственность общины.

Христофор стал белым, как мел, новобрачная выглядела не лучше, и Левушка был вынужден поддерживать молодых сзади. Трактирщик шикнул на своих подопечных, все

мигом стали очень сосредоточенные. Коваль не уставал поражаться эмоциональной неустойчивости гостей со стороны невесты. За пять минут они успели наораться друг на друга, перессориться, помириться и поплакать. Затем вдоволь нахохотались и снова устроили перебранку.

На сей раз по поводу церемониальных традиций. Артур, как лицо официальное, согласился быть шафером и предложил компромиссный вариант. Сначала Бумажники, на правах хозяев, отбарабанят свое, потом подключится Станислав, а завершит обряд официальная роспись в походной тетрадке книжника.

Мама Рона выделила ради такого случая кусок белого полотна, на фату невесте. Жильбер одолжил Христофору пиджак и даже сам сходил в руины за цветочком. С оранжевым цветком в кармане сын луны смотрелся как настоящий жених. Менделя поставили на стол, и пока старичок-Бумажник заунывно бубнил слова ритуала, он возвышался над всеми, точно строгий, неподкупный судья.

Коваль вспоминал, как несколько часов назад этот человек, с ножом в зубах и арбалетом, провожал их к Дому Инвалидов. Должно быть, ему безумно хотелось отправиться вместе с ними, но, не желая подвергать опасности всю общину, он не сказал ни слова. Ведь на площади не должны были заметить даже следа Бумажников. А теперь, узнав, что сын утонул, а дочь, потерянная и найденная, снова уезжает, он, наверное, проклинал себя за то, что не пошел вместе с иноверцами на штурм тюрьмы и не выручил сына...

— Значит, так теперь играют свадьбы? - спросила у Ковалю Моника.

— Если мы сумеем вернуться домой, я с удовольствием поручу вам разработать официальный ритуал, - улыбнулся губернатор. - Но дело ведь не в ритуале. Теперь папаша уверен, что мы цивилизованные люди и его дочь не пойдет по рукам.

— Как это всё внезапно...

— Еще час назад и я понятия не имел, что попаду на свадьбу, - почесал затылок губернатор, - а теперь надо придумать, что подарить молодым.

— Так подарки не отменяются? Господи, но у нас с Орландо ничего нет!

— Неправда, вы можете пообещать ей, что научите своей профессии. Если у девочки достанет ума, она получит все шансы стать заместителем директора вашей будущей клиники. Это царский подарок; вот мне - гораздо труднее...

Моника слушала Ковалю, открыв рот.

— Вы смеетесь надо мной? Какая клиника? Какой заместитель? Вы полагаете, кому-то понадобится моя диссертация? Я только что сняла с себя двух вшей, а вы говорите...

— А я говорю, готовьтесь принять место директора, а профиль заведения мы сформулируем позже. Только не надейтесь, что я создам для вас чисто академическое учреждение. Будет всё вместе: научная база, клиника и курсы. Думайте, а я пошел искать подарок...

Оставив притихшую Моникю переваривать новость, Коваль погрузился в содержимое своих мешков. Ничего умнее, чем гроздь золотых колец, нанизанных на проволоку, не нашлось. Артур испытывал некоторую неловкость, преподнося именно эти кольца, поскольку они были получены от Ростовского атамана в уплату за рождение ребенка. Последняя из дочек Артура, мать которой он видел дважды и уже накрепко забыл, давно уехала с няньками в Нижний и принесла ему, по меркам этого рынка, баснословную прибыль. Потому что все дети Проснувшегося демона рождались здоровыми и способными к воспроизводству...

Каждый год находилось немало желающих заиметь ребенка от Проснувшегося демона, но губернатор Петербурга, в отличие от жены, мало внимания уделял ценовой политике. В результате получалось так, что когда у Ковалю кончалось жалование, а происходило это довольно часто, он стеснялся залезать в казну, а предпочитал пошуровать в сундучке у супруги...

Мама Рона оставила невесте в подарок белую простынь, Левушка преподнес жениху орден Александра Невского, который носил на шее вместо талисмана. Очнувшийся Карапуз

переживал, что не может встать и пощупать жену Христофора, но сказал, что у него есть подарок на двоих - от себя и от Даляра. Отбиваясь от жандармов, он прихватил в соборе трофей - серебряную поварешку и крышку от супницы. Ксендз, невзирая на ропот Бумажников, вручил невесте ладанку, а Христофору повязал расшитый сафьяновый пояс.

Пивовары пошептались, затем развязали мешок и оказались самыми щедрыми гостями. За время вынужденного бездействия Борк пробежался по округе, без стеснения заглядывая в брошенные землянки Когтей. Он надел на Христофора вышитую золотыми нитями перевязь со старинной саблей, инкрустированной десятками драгоценных камней. А Еве досталась прялка и несколько килограммов шерсти.

Борк честно признал, что все эти богатства предназначались жене, но теперь она не примет от него подарков...

Портос вышел наверх и, вернувшись, принес нечто длинное, завернутое в потертую замшу.

— Я хотел подарить его губернатору, - смущенно начал он, - но в подобных обстоятельствах...

Гости ахнули.

— Императорский жезл, - пробормотал Орландо. - Я помню, эта штука лежала в бархате, под бронированным стеклом.

— Он тебе ни к чему, - тихонько шепнул Коваль, обнимая новобрачного. - Как доедем, сдашь под расписку в Зимний. Я тебе вместо него квартиру дам или корову подарю.

— Да, господин, - Христофор смеялся, целовался и сам, похоже, не вполне понимал, на каком небе находится.

По случаю свадьбы Артур разрешил откупорить бутылку с первосортным самогоном, а сам уединился с Орландо, Портосом и двумя подопечными главного Бумажника, которые ожидались наверху.

— Люди надежные? Никто не проболтается?

Великан только улыбнулся, и улыбка эта вдруг показалась Ковалю удивительно знакомой. Он вдруг увидел Портоса другими глазами. Будто сменили свет на театральной сцене, или оператор взял иной ракурс, убрав всё наносное, зловещее, внешнее и поймав ту глубокую, тысячелетнюю суть, которую хранили в себе лица всех Бумажников.

— Вот эти? - Коваль оглядел двоих поджарых, гладко выбритых мужчин не первой молодости. - Ну, пошли!

Он показал им капсулы и вентиляционные краны. Показал выход через резервный шлюз и гараж. Показал двери во внутренние лаборатории, где, наверняка, хранились настоящие богатства. Показал, как можно обезопасить лифтовые шахты от непрошенных гостей и придать коридорам таинственность для приглашенных. Всё это можно было расчистить и привести в порядок. Можно было даже создать условия для жизни...

Бумажники, несомненно, робели, но внешне это никак не проявлялось.

— Может быть, лучше от него избавиться? - Портос смотрел сквозь распахнутую дверь кладовки на растрепанный комок перьев, который совсем недавно был могущественным Каменным когтем. Тот подслеповато щурился, заслоняя рукой от света, но видел только темные силуэты.

— Ни в коем случае, - разволновался Артур. - Если он достаточно умен, то всё поймет и сделает, как надо. А если дурак, то его прирежут свои, и очень быстро. Главное - разукрасьте ваших людей поубедительнее, чтобы никто не сомневался в их хрустальном происхождении, а затем выпускайте Каменного друга на волю. Ему достаточно привести сюда десяток сторонников и в нужный момент вызвать птиц, как прежнее его влияние восстановится очень быстро. Только спуску ему не давайте. И в первую очередь, скормите птицам трупы старичков. При свидетелях, чтобы все видели гневную натуру Хрустальных когтей...

— Мы всё поняли, - извиняющимся жестом прервал губернатора Портос. - Мы сделаем как надо, и если Когти поверят, постараемся в ближайшую неделю перевести сюда всю общину. Но люди не станут здесь долго жить...

– Это невозможно, - вставил Бумажник, которому надлежало сыграть Орландо. - Наши братья не станут совмещать истинную веру и поклонение идолам.

– Но выбор есть всегда! - Орландо неожиданно быстро вник в ситуацию. - Вы, на время эпидемии, спасете общину от погромов. Затем изучите повадки птиц и придумаете, как их извести. Ну, не знаю, замедленным ядом, электричеством... А может быть, вы примете решение подружиться с ними? Это ведь птицы, а не механизмы, их можно приручить! Если вы найдете способ раздобыть птенцов, то настанет черед генерала трястись от страха! А дикари из леса обеспечат вам защиту; вы даже можете научить их читать...

Этот смуглый, близорукий человек нравился Ковалю всё больше. Он не впал в истерию, почти примирился с возвращением в первобытный строй и, прежде чем высказываться, глазами просил разрешения у начальства. Мужик наверняка прошел хорошую школу и привык работать в команде. Так и должно быть в серьезном исследовательском комплексе, рассуждал Артур. Одиночки хороши в среде теоретиков, а этот обещает стать сильным командным игроком. Лишь бы будущему главному инженеру города не вскружила голову слава...

– Перед тем, как вы уйдете... - Портос замялся. - Я хотел спросить...

– Для вас всегда найдется место в Питере, - очень серьезно сказал Артур. - Жаль, не могу вам оставить голубя, он не долетит сквозь песок.

– Спасибо, - трактирщик прислушался. - Но я сомневаюсь, что мы выживем за песком. Я знал людей, которые ушли. Никто из них не вернулся.

– А если я заберу вас на корабле, по морю? Возможно, тогда вы легче адаптируетесь?

– Не понимаю, - поморщился Портос.

– Ну, привыкнете легче!

– Нас почти полторы тысячи. Нет такого корабля, на котором можно вывезти столько людей. А дома, а скотина? - Он горестно махнул рукой.

Этажом выше, в аудитории, Бумажники нестройно затянули песню. Раздавался стук железных кружек и визгливый женский смех. "Вот черти, - подумал Коваль, - надо бы разозлиться. Как пить дать, вторую бутылку приговорили! Невеста, небось, с ума сходит. От поминок к свадьбе, - и один черт, попойка..."

– Думаю, я найду подходящий корабль, - подмигнул Артур. - Поместятся все желающие.

– Зачем вы все это делаете? - не выдержал Бумажник. - Вы отправились громить резиденцию епископа и чуть не погибли ради одной глупой девицы. Вы могли ничего не говорить нам про птиц и не приводить меня сюда. Я чувствую себя должником, а я не люблю быть в долгу. Ведь вы не нашли посольство?..

– Я его и не искал, - честно признался Артур. - Это по части нашего польского друга. Но, помимо настоящих Когтей, - он указал на улыбающегося в тридцать два зуба Орландо, - я обнаружил, как мне кажется, одного старинного знакомого, и это открытие стоит всех остальных, вместе взятых.

– Этот знакомый... он вас пугает?

– Несомненно. Лучше бы я ошибался, но боюсь, ошибки тут нет.

– Я могу узнать имя человека, которого надлежит отправить в иной мир?

– Боже вас упаси столкнуться с ним, - предостерег Артур. - Раньше этот человек носил другое имя и служил другим богам. Теперь его зовут Карамаз-паша.

ЧАСТЬ 2.

КОНЕЦ КРАСНОЙ ЛУНЫ

19. ПРАВО СИЛЬНОГО

– Итак, ты привез в Петербург девчонку из Мертвых земель, и она не умерла, - Хранительница Книги пожевала беззубыми деснами.

– Да, госпожа. Сначала, пока мы ехали по Германии, ей было очень плохо, но потом она поправилась.

– Вот как... - без выражения подтвердила мама Рита. - И молодой колдун, из Озерников, которого ты держишь приживалкой во дворце, решил взять ее в жены?

– Да, госпожа, - недоумеая, ответил Коваль. Он никак не мог взять в толк, при чем тут Христофор. - Но мы не обижаем его, и не называем Озерником. Он родился под Красной луной, владеет даром ловить время, чует врага, но никогда не пытался уйти к колдунам. Они уже живут вместе, госпожа. Парень очень любит девочку и обещал родить двойню.

– Что ты сказал? - подался вперед Хранитель Кристиан. Сполохи огня из огромного очага играли на его морщинистом лице, превращая нестарого еще мужчину в дряхлого идола. - Родить двойню? Разве твой Христофор может быть папой? Ха, вы слышали?

Хранители памяти переглянулись. Лицо Бердера было непроницаемо.

– Оставим это, - качнула рукой мама Рита. - Мы должны проверить. Иногда Книга допускает несколько толкований.

– Да, мама...

– Простите, госпожа...

Хранители немножко успокоились, но продолжали перешептываться. Артур не понимал, что их так зацепило.

– Ты забрал обоих Проснувшихся из Парижа, но не пошел в два других города. Ты испугался, оставшись без крылатых змеев?

– Нет, госпожа. Я не боюсь ходить пешком, я испугался другого. Наставник Бердер предупреждал меня, что в южных странах нечисто, но я не поверил. Я принял решение сохранить жизни оставшихся людей, госпожа. Мы не могли больше воевать с самой землей.

– С землей? - усмехнулась Хранительница. - Ты так хорошо запомнил сказки, которыми тебя кормили в дороге?

– Если честно, я уже не знаю, чему верить, - признался Артур. - Мы были измотаны, госпожа. На обратном пути переболели лихорадкой, несколько раз отбивались от диких племен...

– А германцы? - спросил самый пожилой Хранитель.

– По эту сторону песчаной стены нас встречали радушно. Нам оказывали помощь, и даже бесплатно дали телегу, для женщин. В северной Германии жизнь мирная и сытная. А в двух больших городах я договорился о приеме наших товаров на местные ярмарки, - тут Артур выдержал суровый взгляд Анны Первой. - Но перед этим мы две недели пробирались на юг, вдоль границы Ползущих гор, пока не кончились пески. За ними военная машина древних застряла, и нам пришлось ее бросить. К великому счастью, люди, которых называют Бумажники, дали нам несколько лошадей...

– Ты считаешь, что пивовары наплели тебе небылиц? - в лоб спросил третий Хранитель, квадратный мужик, с изрытым оспой лицом.

– Слишком много легенд бродит по земле, - осторожно сказал Коваль. - Я могу верить или не верить, но губернатор должен опираться на твердые знания.

– Грош цена твоим знаниям, - мама Рита пошевелила беззубым ртом, - коли ты до главного дойти не можешь. Зарос там, закопался в бумажках-то да в волоките. А хоть раз подумал, с чего бы это старая карга мается, да и прочие... Ты глянь на них, не мальчишки давно, скоро самих вперед ногами понесут.

Артур ждал. Что-то от него хотели, и все эти туманные намеки, насчет загадочного Братства и походов на юг, начинали его здорово нервировать. Он вспомнил, как точно так же сгущались тучи и накалялась обстановка, когда Качальщики послали его заразить кровью Вечного пожарища несколько деревьев в центре Москвы.

Они опять что-то задумали, в самый неподходящий момент. В то время, когда он,

наконец, отважился собрать Думу, когда он привез из Парижа настоящих спецов, когда шла речь о пуске паровика до Новгорода и Ярославля...

– Ты стал скрытным, Клинок, - упрекнула мама Рита, но нельзя было понять, говорит она с укоризной или, напротив, одобрительно. - Расскажи ему, Кристиан.

– Ты слишком закопался в своем городе, губернатор, - Кристиан неторопливо засыпал в трубку табак, потянулся за угольком. - Мы ждали тебя, потому что получили дурные вести. Очень дурные. Никто из твоих доносчиков не доложит об этом, они всего лишь насекомые. На юге, впервые, земля качается не сама. И не может остановиться.

Лето жаркое, очень жаркое. Почти не идут дожди. Вниз, по Волге, плывет мертвый осетр. В Астрахани в сети вообще не попадает живая рыба. В Ростове начался мор, люди и скотина гибнут за шесть дней. В Воронеже черная язва унесла уже тринадцать тысяч человек...

– Мне известно об этом, - перебил Коваль. - Мы выставили кордоны и отправляем обратно всех, кто идет оттуда.

– А ты знаешь, что творится в Крыму? Ты знаешь, что в море нельзя опустить даже руку: она тут же покрывается пузырями и гноится несколько дней? Ты знаешь, что на берегу Черного моря рыбаки жгут костры из выловленной рыбы, потому что рыба стала отравой? Ты знаешь, что произошло в Симферополе?

Служители Месяца затеяли драку с теми, кто верит в Крест. Они заявили, что неверным, из-за которых случилась Большая смерть, на полуострове не место. Мэр города не смог их остановить. Сгорела половина деревянных домов и несколько храмов. Потом служители Креста ушли из города, но их преследуют до сих пор. И люди окрестных городков уступили тем, кто показал больше злобы и бесстрашия...

Коваль выждал паузу, но Кристиан и не думал продолжать. Попыхивая трубкой, насмешливо покачивал бровями. Опять предстояло найти верное слово, не опозориться, и оправдать какие-то тайные надежды! Да сколько же будут продолжаться эти игры, этот вечный кролик в шляпе, с тоской подумал Артур.

– Если ты будешь продолжать делать вид, что ничего не понимаешь, мы подумаем, что у губернатора Кузнеця в голове завелся червяк, - сухо обронил Бердер.

– Ладно, скажу прямо! - рубанул ладонью Артур. - Я навидался всякого, и готов поверить, что на юге орудуют банды, снабженные древним знанием. Очень похоже, что двое москвичей, которых я когда-то вытащил... Будь проклят этот день! Очень похоже на то, что они выселили вибрион холеры. Также, судя по всему, они поднимались на борт военных кораблей. В Средиземном море чудом не затонула часть американской эскадры. Наверное, эта парочка пыталась оживить механизмы, но у них получилось лишь снять несколько торпед и взорвать у итальянского берега пару снарядов...

– Почему они это делают, Клинок? - подняла высохшую руку Хранительница. - Почему они не вернулись в Петербург, когда растворилась Москва?

– Что ты хочешь услышать от меня, госпожа? Что я ошибся в людях? Да, это так. Но я не только в них ошибся. Десятки и сотни людей готовы продать мать родную ради славы и богатства. Наверное, при дворе Карамаз-паши эти двое получили то, что не могли им дать мы...

– Слишком просто у тебя получается, - вставил Кристиан. - Эти двое французов тоже сбегут, или ты посадишь их в клетку?

– Не сбегут!.. Надеюсь, что не сбегут, - поправился Коваль. Ему вдруг пришло в голову, что Качальщики могут потребовать смерти для французских спецов. - Они не такие! Орlando, например, день и ночь не вылезает с верфей, мужик прямо горит на работе. Обещает мне, к следующей весне, пустить в строй рыболовецкий траулер...

– Хорошо, когда много рыбы, - многозначительно протянула Хранительница, - но плохо, когда каждый начинает коптить ее только для себя.

– Ты упрекаешь меня, госпожа, что я думаю только о своем городе? Но я не могу решать за всю Россию! Тем более что единого государства просто не существует... - добавил

он, вспомнив, с каким небрежением относится мама к политическим терминам. - Не понимаю, к чему вы клоните? Ростов, Астрахань... От нас туда даже самые удалые купцы не ходят - нереально добраться. И товар сгниет, и охране жратвы не напасешься. Мы про южные города только от торгашей из Нижнего знаем. А что касается Симферополя, так это вообще Украина, бывшая, правда... Нам-то какое до них дело? У меня и в Питере забот по горло, воды порой хлебнуть некогда!

— Раньше ты говорил иначе, Клинок, - скривила губы Хранительница. - Раньше ты понимал, почему Качальщики думают обо всех, а не только о своей деревне. Когда ты это понимал, ты рисковал жизнью и отправился в Москву. В то время ты сделал очень много для равновесия, даже больше, чем предсказано в Книге. А теперь притворяешься, что самое главное - залатать старое корыто и наловить в Неве побольше корюшки. И ради этого ты покинул город и улетел в Мертвые земли?

На несколько секунд в избе повисло молчание. У Ковалю внезапно сильно запершило в горле, словно он наглотался жареных семечек. Ему стало всё понятно, вопросов больше не осталось, нужно было только дать согласие. Он ожидал предложения поучаствовать в любой локальной аванюре, возможно, растворить еще пару городов или казнить французов, но Хранители замахивались на задачу, явно непосильную. Самое обидное, что озвучить идею Хранительница, как всегда, предоставила гостю. Такая уж у нее была манера излагать истины Книги.

Книга... Господи, только этого не хватало! Коваль прошиб холодный пот. Коли старуха вдолбила себе в голову, что Хранители памяти правы, переубедить ее будет невозможно. Чертовы сморчки, нажевавшись коры у себя в дебрях, знать не желают, каково это, когда от тебя зависят судьбы сотен тысяч людей!..

— Если даже Карамаз-паша - это действительно бывший духовник президента Ивана и советник бывшего губернатора, - глухо сказал Артур, - если этот человек действительно Карин, в чем я пока не убедился, это не повод выступать в поход на Стамбул. У казны не хватит средств оснастить большое войско, а войско нужно громадное. Громадное войско завязнет; мы не знаем, что творится на берегу Черного моря. И что я скажу людям? Одно дело - гвардия, наемники, им в радость саблех помахать. А с какой радости матери отпустят сыновей, обычных рекрутов, за несколько тысяч миль? Одно Великое посольство уже сходило на юг. Пусть Карин творит там, в Италии и Греции, всё что хочет! Я даже предвижу, чем закончатся его похождения. Рано или поздно появится другой паша. Или сам придет, или полковники втихую прирежут своего начальничка. Так всегда и бывало, можете полистать книжки про царские династии. Сегодня пан - завтра пропал; чем острее штыки, тем сложнее на них сидеть. Наступит конец, там народ горячий.

Надо отдать должное, мужик талантливый... Такую уйму народищу обмануть, сначала в Питере, а теперь вон где. Но я думаю, ему просто жутко повезло, попал со своими бандюганами на момент безвластия. И очень грамотно подвел религиозный базис. Люди темные, от цунами никак не оправятся, с моря дрянь всякая летит - и тут приходит к ним избавитель. Натё, получите нового пророка! Наверняка, на белом коне гарцевал, чудеса показывал, вроде магниевои вспышки...

А что нищим гопникам надо? Да полную ерунду! Заявить, что все беды от неверных, и что богу только в радость, если мы всех собак, вместе с их крестами, перережем. Товары, верблюдов и баб можно не резать, и так сгодятся. Каждый услышал то, что ему больше по вкусу... Нет, госпожа, не может быть, чтобы Карамаз продержался долго. Тем более если это мой приятель Карин, то он уже старый человек. Помрет, - и после него вся эта зачаточная империя самостоятельно развалится и до России никак не дойдет... Я не вижу смысла подставлять своих солдат!

Он постарался произнести последнюю фразу возможно более твердо и покосился на Бердера. Хранитель силы, как ни странно, улыбался, словно Артур не молнии метал, а угощал гостей анекдотами.

— Если я не соберу Думу этим летом, начнется бунт, - заявил Коваль. - Слишком много

недовольных, приходится держать удвоенные гарнизоны. Мне надоело быть козлом отпущения... В казне постоянно нет денег: для оросительных проектов, для починки мостов, - и выходит, что губернатор, гад такой, ненасытный, обирает собственных подданных... Не хватало мне еще войну развязать! И так на Новгород постоянно кивают: мол, у них и повинностей вполтину меньше, и в рекруты не бреют, и монастыри жируют... Никому нет дела, что в Новгороде народу в десять раз меньше. До того докатились, что и полковники, которых сам назначал, по углам ворчать начали. Им тоже вольностей мало, подавай лавку в Думе! Для чего им власть, и сами толком не знают, будто от этого командовать лучше начнут... Только стрельбы на улицах не хватало.

- А если Дума сама попросит тебя отправиться на юг? - как бы невзначай спросил Кристиан.

- Чего?! - на короткий миг Артур решил, что над ним попросту издеваются. - Как бы мне из Питера драпать не пришлось после выборов!

Но оракул глядел - серьезнее некуда.

- Ты ведь врешь нам, Клинок, - спокойно произнесла Анна, и старая Хранительница, подтверждая, кивнула будущей сменщице. - Ты врешь нам, что в городе развал и смута. На самом деле, там покой, и люди молятся на тебя, особенно беднота.

- Не беднота держит масть, не ей решать. Ковбои захотят - и в городе не будет хлеба! - огрызнулся Артур, но почувствовал, что краснеет.

- Ну, так повесишь ковбоев, - раздраженно произнесла мама Рита, будто удивляясь тупости градоначальника. - Если Дума тебя выберет и попросит возглавить поход на юг, ты откажешься?

- Это невозможно представить...

- Я задала тебе вопрос, Клинок. Не заставляй меня думать, что ты превратился в святошу, отвечай прямо!

- Да черт с вами! - выпалил Коваль. - Если в Книге уже всё решено, так о чем меня спрашивать?! Я так понял, что выбора нет?

- Выбор всегда есть, - рокотала Хранительница. - Шестеро Хранителей памяти, с разных концов земли нашей, называют эту осень лучшим временем для тебя и для страны...

- Для страны? - растерянно повторил Коваль. - Но страны нет...

- Для страны и... для государства, - Хранительница произнесла ненавистное слово с заметным усилием. - Никто не заставляет тебя воевать с Турцией. Честно сказать, наши мужики толком не поймут, где этот город с башнями находится... Ты хотя бы до Астрахани дойди...

Старуха умолкла, жадно припав к ковшику с отваром.

- Ну, а потом? - робко вставил Коваль. - С кем там воевать-то, в этой Астрахани?

- Потом... - хихикнула Анна. - Потом на восток, верно, мама?

- Верно, - кивнула та. - Надо бы на восток, все сибирские города собрать...

- Пока поздно не стало, - сказал Кристиан.

- Пока мы еще можем помочь, - сказал крючконосый старичок.

- Пока Озерники в силу не вошли, - хмуро бросил третий Хранитель.

- Ну, кое-где они давно при власти, - саркастически заметила Анна.

Господи, взмолился про себя Коваль, сделай так, чтобы эту языкастую бабу понос пробрал! А вслух сказал:

- Христофор от рождения живет в Эрмитаже. Его трижды пытались выкупить и раз восемь хотели украсть, пока он был мальчишкой. Он спасал меня от смерти и показал себя настоящим мужчиной в походах. Я не пойму, чем он вам так не нравится? Вы его даже не видели ни разу!

- Он нам нравится, - очень тихо сказал Бердер. - Вопрос в том, понравится ли он Озерникам? Как ты думаешь, он пойдет ради тебя на Ладогу?

- У Чудских он был, - промямлил Коваль, - тогда они вместе с Мишей к старому Рубенсу ездили, навещали. Вы хотите, чтобы я его шпионить заслал?

– Чудские Озерники не в счет, - отмахнулась мама. - Они траву варят, да на жабах гадают - вот и все их хитрости. А у ладожских совсем иной покррой.

– Их много, по всей стране, - вставил старичок. - Раньше тихо себя вели, детишек у дикарей воровали, да поклоны козлу клали.

– А нынче пошаливать принялись, - почесал бородку Кристиан. - То детишек чужих в скитах воспитывали, или жрали их, людоеды хреновы, а теперь в народ пошли. А к скитам ихним на змее уже не подлетишь, воротит змея-то!..

– Отовсюду весточки летят, - сказала Хранительница. - Насекомые, конечно, как всегда, слепые. У них, пока не загорится, не почешутся. Да и ты, Клинок, чего греха таить, сам есть такой же, ни хрена не чувствуешь!..

– Весточки летят, - закивал старичок. - Видели наши верные братья мальцов в русских городах. Вроде и мальцы: усы еще не растут, и голосом не окрепли - а глядят точно волки. И стараются-то под простых рядиться: в худой одеже, да чунях деревянных, а то и на бересте... Да не всех провести они могут!

– Одного мы взяли, - сказал Бердер. - Под Орлом. Повезло нам, честно признаюсь. В город нам не войти, сам знаешь, глаза от грязи слезятся. А тут донес верный человек, что покушали касатики у него, в дорожной корчме, и дальше поскакали. Двое вроде нормальные, а третий - не совсем. Взгляд худой у парня. Еще когда от коновязи шли, кошка под крыльцо забила. Хозяин первым делом перекрестился, а потом сынка-то до нашей деревеньки и послал. Еле перехватить успели, но успели...

– Ну и что? - удивился Артур. - Если он Озерник, так что теперь, душить его? Вас-то тоже не особо жалуют!

– А его и не душили, - отозвался Бердер. - Так, приложили к ноздрям тряпицу с гремучим рассолом, он сам всё и рассказал. Хочешь узнать, губернатор, что у тебя под носом творится?

– Мне надо выпить, - чуть не жалобно протянул Коваль.

Мужики охотно плеснули ему можжевелевой настойки, понимающе выжидали, пока Артур придет в себя. Когда огненная жидкость докатилась до желудка и бурлящей волной ударила в виски, Коваль почувствовал себя увереннее.

– В Ладожских скитах заправляют четыре Деда, - монотонно твердил Бердер. - В других общинах то же самое, по всей стране. Четыре Деда, кличут себя учениками рогатого. И тринадцать апостолов при них. Тринадцатый, он для смеха, баба блудливая, мужиком переодетая. Так они мыслят: для развлечения, дюжине блудница нужна... Потом Отцы идут, и Сыны. Много их, но сколько, парнишечка не знал. Каждый год они детишек забирают... Мы-то, дурни, думали, раз людишки не жалуются, стало быть, детей больше не воруют. Оказалось, что и воровать не надо. Нищие сами к ним приносят, за мерку серебра. Детей-то, год от года, всё больше рождается, вот и не заметно, что пропадают. Девочек нетронутых опять же крадут, или у цыган перекупают. Издалече везут, чтобы народ не волновать, чтобы пропажу на утопление да на зверя дикого списали... А девки им не только для забавы нужны. Тут малек ничего толком не сказал, забился, словно в падучей. Видать, сильное заклятие наложено, запечатан роток у него. А нынче мальцы, которых лет пятнадцать назад украли, подросли. У озер... Раньше бы, в скитах остались, а теперь Деды послали их в народ. Вот так вот...

– И какой от них вред? - отважился Коваль.

– А покамест никакого, - несколько оживился наставник. - Но малец этот, он волчонок, самый настоящий, нелюдь... Под рассольником признался, что велено всюду по Орловщине ездить да выведывать. Где люди воду берут, где скотину моют, где хлеба хранятся, а главное - как оборону держать думают, если вдруг напасть какая. Посмеялся он даже, даром что в беспамятстве лежал: мол, скоро всех вас землю жрать заставим!

– Бред какой-то! - усомнился Артур. - Сотню лет они вокруг Ладоги обитаются...

– Не ты ли нам рассказывал, со слов пивовара, как Карамаз-паша, с каким-то Озерником, на юге, встречался? - спросил рябой Хранитель.

– Было дело, - согласился Артур. - Но озер по России тысячи, и нечисти вокруг них еще больше. Мне что, все леса вокруг Ладоги вырубить? Кто будет такого губернатора терпеть, который за первое подозрение на людей кидается?

– Ну-ка, милая, полистай назад Книгу! - скомандовала девушке мама. - А знаешь, Клинок, как Белого Деда на вашей Ладоге в миру зовут? Гри-го-рий! Гришка, Риша... Что замолк, будто язык прикусил? Не тот ли Гриша, что у Карамазы водицу ядовитую просил? Что, Клинок, коломутно?

– И малек, - Бердер тяжело вздохнул, - малек признался, что Гришку по всей Руси уважают, потому как он, по слухам, паломство на юг совершил, и уж лет пять, как от могучих магов помощь получает. Всё, что захочет, то и получает. И золото, и оружие всякое, и коней. Живут, мол, в скитах, как цари: всё у них есть. И за подарки эти одну лишь повинность на себя взяли. Для них и не повинность, а в радость, считай. Как и прежде, мальчишек подбирать да в детей луны обращать. Воинство нечистое готовить. А у мальцов - страх перед погибелью Деда ловко отшибают. Оно и худо, Клинок. Мы с этим сопляком говорили, так он твердил, что нет слаще отрады, как принять от нас, собак, смерть тяжелую. Чем, мол, гибель страшнее придет, тем его, за крышкой гроба, краше примут...

И ни увидеть их нельзя, ни проследить. Своих узнают по тайным знакам, а чужих сразу режут. Потому и мы не можем заслать к ним никого: нас-то за версту раскусят. Ждут ироды только знака, что пора на православных ополчиться...

– Пивовар мог ошибаться, - прошептал Артур, уже понимая, что отбиваться от правды нет смысла. Всё сходилось в точку. Карин встречался в Хорватии, или Швейцарии, с одним из Ладожских колдунов!..

– Какая Дедам радость от Карина? - только и спросил он. - Неужели только золото?

– А разве этого мало? - усмехнулась Анна. - Прежний губернатор, до тебя, задумал было общины их сжечь - все до одной. Карин тогда, по слухам, вступился; вот дружба и пошла... Ты не смей нас, Клинок, немало ведь уже пожил, и древний мир застал. Сам не знаешь: когда золото в глазах горит, для иных нет разницы, кому поклониться? Вчера был Крест, сегодня - козел, а завтра к Месяцу ущербному припадут...

– Он создает лагеря боевиков, - Артур чувствовал, как крепкая настойка расходится по венам, и приносит, такую желанную сейчас, расслабленность. - Ладно, я понял, госпожа. Я поговорю с Христофором... Но Дума не поддержит войну...

Хранители хором крикнули и, вернувшись к столу, загремели кружками.

– Не будет войны, Клинок, коли всё сделаешь по уму, - строго произнесла мама Рита. - Шепнешь дьяконам послушным, что мы готовы принять Крест.

Артур не сразу оценил слова полуживой старухи. Своей системой верований и скупой обрядностью Качальщики напоминали ему древних китайцев. Любое действие, и даже эмоция, обращенная к небу, сопровождалась у них чисто практическим значением. Например, с сосной требовалось обращаться, ни в коем случае, как с куском будущей мебели, а вода в таежной речке была не просто неким объемом холодной воды. Вода давала жизнь тысячам и миллионам личностей, с каждой из которых можно было войти в контакт... Впрочем, встречались люди самые разные, а в Польше, в деревне Кшиштофа, Коваль познакомился даже с ярыми католиками. Не так давно у большинства горожан одно лишь слово "Качальщик" вызывало истерию и ужас. Деревенские как-то с ними мирились, но тоже недолюбливали. Кто же любит соседей, если они значительно умнее?..

– Ты с митрополитом не в ладах? - утвердительно спросила Хранительница. - Тем более не стоит его радовать эдаким винтом. Навестишь дьяконов, архимонахов всяких, я в их званиях не шибко понимаю, и намекнешь им, что мы не возражаем. Но два условия. Митрополита на Соборе они скинут, пушай срочный созывают! Чтобы старикашки этого вреднючего и близко не было. Вот Василий, к примеру, супруги твоей духовник... До меня слухи доходят, что человек дельный, толковый, честный...

– Не по чину ему, - откликнулся Коваль, лихорадочно обдумывая новый, свалившийся на него, прожект. - Василий, на самом деле, толковый и честный, но ступенек церковных не

прошел, не выберут его!

– Кха! А ты сделай так, чтобы выбрали! - Хранительница надолго закашлялась. - Коли поймут дьяки-то, что золото и овцы новые к рукам идут, так и сговоритесь. Пусть открывают приходы хоть во всех наших деревнях. Пусть проповедуют, но насильно детей к попам никто не поведет. Теперь слушай дальше, это соборникам особо понравится.

Скажешь, что мы берем на себя переезды, постройку часовен, церквей и жалование всех служителей, которых Собор пошлет в леса. Это будет... человек сорок по России. Кроме того, намекни, что мы нарежем у деревень всем пастырям лучшие земли. И готовы починить... ммм! Ну, пусть будет три, для начала! Да, мы три монастыря построим. Или починим. В знак добровольного перехода к Собору. Но это еще не всё.

Дашь святошам время обдумать такую мысль. Не ухватятся за нее - смело можешь гнать их из города! Скажешь, мол, Хранители слух по всей... России пустят, что истинная власть только у Питерского митрополита. Потому, дескать, и поддержали его...

– Гениально! - восхитился Коваль, пока мама глотала отвар.

– Опять мудреные слова говоришь? - беззлобно укорила его старуха. - Еще такое добавишь. Дикари, мол, от Ярославля и до Мурманска, тоже просят митрополита взять их под свою опеку. И кроме пастыря хотят помощь лекарскую, и грамоте у попов обучаться... Такое дело. И пусть не робеют, а собирают к осени российский Собор. Не надо тянуть до следующего лета; чем меньше народа будет, тем лучше. Быстренько патриарха выберите, а кто не подчинится, того к ногтю, а имущество - твоим гвардейцам да церкви...

– Эээ... - Артуру пришло в голову, что мама употребляет не целебную настойку, а втихую заправляется бражкой. Кинуть соборникам такую кость - это было слишком круто. Можно сказать, после такого пассажа успех на выборах обеспечен! Но... - Извините, госпожа, но при чем здесь солдаты? Ведь не могу же я послать людей, ну, скажем, в ту же Астрахань, чтобы помочь соборникам скинуть тамошних попов?

– Именно солдат и пошлешь, - закутываясь в одеяло, подтвердила Хранительница Книги. - Но не сейчас, понятное дело, попозже маленько...

– Когда это, попозже? - окончательно сбился с мысли Артур.

– Слушай, Бердер! - мама деловито повернула незрячие глаза к Хранителю силы. - Ты там, пока учил этого обалдуя кулаками-то махать, репку ему поленом не повредил? Или ты на Неве от сырости отупел, а, губернатор? - переключилась она на Ковалю. - "Попозже" наступит, когда соберешь в кулак Россию. Только не спрашивай, почему именно ты, иначе запущу бутылкой!

20. ЮБИЛЕЙНЫЕ ИГРЫ

Это была их давнишняя игра, которую они начали пятнадцать лет назад. Пятнадцать лет подряд почти каждая их встреча превращалась в новый медовый месяц: они успевали отвыкнуть друг от друга.

Но чем больше Артур отвыкал от нее, тем сильнее натягивался невидимый, упругий канат, бросавший его с неистовой силой в объятия жены. Порой он испытывал необъяснимое, почти мазохистское удовольствие, нарочно задерживаясь в Питере или в дальних поездках по области, когда дел уже не было, и почти не оставалось сил терпеть.

И всякий раз, натягивая канат до предела, он с радостным удивлением убеждался: не рвется!

Не рвется - и всё тут.

С Надей было всегда не так, как с другими женщинами. Другие женщины были его работой, дополнительным заработком, а Надя Ван Гог...

Надю он просто...

Артур постоянно корил себя за то, что никак не может выговорить таких простых слов. Всего лишь три слова, и выговорить их проще некуда. Наверное, он не мог их произнести, потому что Надя никогда не просила об этом. Другие просили. Даже те, которых привозили

исключительно в коммерческих целях. Они приезжали и порой неделями томились в Эрмитаже, ожидая, когда полуживой губернатор появится из бесконечных разъездов, выпится и исполнит долг папы.

Даже тогда, во время работы, они говорили о любви. Потом служба мамы Роны выносила вердикт о благополучном зачатии, и они уезжали. А семейство Кузнецов получало очередную партию зерна или свиней...

Артур никогда не брал золотом, даже после того как рубль понемногу стабилизировался, и на Монетном дворе научились чеканить сложные деньги, из сплава двух металлов, недоступные фальшивомонетчикам. Он брал только натурой и сразу делил заработок на три части. Треть шла в казну - и это стало обязательным налогом для всех пап в городе, треть он добровольно передавал в особый фонд помощи начинающим ковбоям, а остаток отправлялся в личное имение, где управляющим сидел двоюродный брат Миши Рубенса-младшего.

Коваль не сумел бы точно ответить, сколько земли принадлежит ему лично. Кадастр только начал составляться, и на этом этапе всю шла борьба с самозахватами. Точно так же он не знал доходности четырех мастерских разного профиля, бойни и нескольких свинных и птичьих дворов.

Всё это хорошо знала Надя Ван Гог, ухитряясь две трети года проводить в уральском имении, в кругу жен Качальщиков. Она прибывала с ревизией и тихим, но твердым голосом добивалась от управляющих полного отчета. Она не отмахивалась, как ее муж, от мелочей, и никуда не торопилась. Хозяйственники бегали перед ней, взмыленные. Положа руку на сердце, Коваль признавал, что они стали богаты благодаря супруге...

Надя не мозолила мужу глаза, не позволяла вырастать пересудам и сплетням. Она родила ему четверых, но пятого собиралась родить для казанского хана.

Может быть, именно поэтому она так упорно противилась переезду в Петербург. Наступал момент, когда мысль о созыве Думы витала на каждом углу, когда весь город, вплоть до самых отсталых дикарей, начал вспоминать о прежнем губернаторе, арестованном и сосланном на Урал. Говорили, что Кузнец уже трижды обещался назначить выборы, но до сих пор не сдержал слово...

Народ, отвыкший от плетки, потихоньку закипал. Коваль прекрасно понимал, что достаточно вернуть казни по политическим убеждениям, и всё мигом успокоится. Наступит тишь да благодать, и никто не посмеет намекать, что жена губернатора, сама здоровая мамка, не рождает на продажу.

А коли она не рождает на продажу, так может, и наши бабы скоро воспротивятся, резонно спрашивали друг друга папы. В реальности, ни один здравомыслящий муж не мог запретить своей жене родить "на сторону"; во-первых, это приносило больше денег, чем самые доходные промыслы, потому что на свет непременно появлялись всё новые мамы и папы. А во-вторых...

А во-вторых, обычаю было уже почти сто сорок лет, и даже церковь помалкивала, не находя доводов для истребления греха.

Но Надя Ван Гог даже лучше мужа понимала, что после думских выборов последуют выборы нового губернатора, уже совсем с другими, урезанными правами. Поэтому следовало сделать решительный, но малоприятный для супруга шаг именно теперь, чтобы все видели, как супруга градоначальника болеет за воспроизводство.

Скрепя сердце, Коваль согласился с кандидатурой казанского правителя. По крайней мере не урод, вежливый, и изо рта не воняет. И богатый, очень богатый, что тоже неплохо. Хотя, по неписанным правилам, жена могла ни о чем с ним не советоваться. А могла вообще за попытку притеснения возвать к народу и развестись в одностороннем порядке. И каких-то пятнадцать лет назад, при папе Рубенсе, народ бы ее поддержал.

И сейчас бы поддержал, но втихомолку, что обернулось бы очередным гуттаперчевым противостоянием. Как было с соборниками, как было с колдунами и выборгскими ковбоями.

Но Надя Ван Гог не взывала к народу. Она ухитрилась даже в столь щекотливом деле

проявить завидную мудрость и выбрала казанского руководителя из трех дюжин кандидатов. В Казани давно наблюдалось некоторое двоевластие - то рулили слуги Месяца, то, на плечах нового дворянства, в кремль врывался очередной светский правитель, но торговля от этого не очень страдала. Лишь последние три года наметился явный перевес в сторону традиционных ценностей, и замелькало такое загадочное, и одновременно близкое слово "хан".

Надя Ван Гог самостоятельно решила, что мужу не повредит более близкое родство с человеком, от которого зависело, чтобы тридцать тысяч русских жили спокойно под сенью минаретов...

Теперь жена возвратилась из Казани в Питер, и он немного тревожился, получится ли у них всё, как раньше.

Надя никогда не упоминала о чувствах. Ни разу, за пятнадцать лет, не отказала мужу в медовом месяце.

— Ну зачем тебе, чтобы я постоянно торчала перед глазами? - смеялась она, откидывая со лба копну светло-русых волос. - Пускай тебе дикарки твои надоедают, что спину мнут!

— Я не сплю с ними! - заводился Артур, а сам в эти минуты сгорал от ревности.

А вдруг у нее кто-то есть? Ведь проверить почти невозможно! С младшими детьми сидят няньки, Николай давно в Питере, Белочку тоже забрал в школу. Надежда, девчонка по-прежнему видная, стала для мужиков еще притягательнее в своем материнстве. Да и всего-то ей тридцать четыре стукнуло - самый возраст для гульбы...

— Поэтому мне лучше оставаться пока там, - шептала она мужу, обнимая его под одеялом. - Там, далеко, я знаю, что ты меня помнишь, а здесь я быстро надоем.

— Но до сих пор ведь не надоела? - понарошку обижался он, и прихватывал ее зубами за ухо...

В этом году они играли в юбилейную игру. Пятнадцать лет вместе и не меньше сотни медовых месяцев позади. И каждый раз Артур вспоминал, как Качальщики привезли их в крошащуюся от сырости гостиницу, посреди леса, и как любил ее, девятнадцатилетнюю, на полу, на шубах...

— Можно, я погреюсь у тебя?

Вязаный халат, волосы хвостом и ни тени улыбки. Пугливая девушка, изучающая нового мужчину.

— Погрейся, - Артур придвинул кресло. - Тут тебе будет удобнее.

Она забралась с ногами, сверкнув из-под халата голыми пятками, и уставилась на огонь. Он так любил наблюдать, когда Надя следит за пляской пламени. Зрачки сужались и расширялись, крылья носа чуточку расходились в стороны, и всё ее лицо, округлое и немного простоватое, приобретало вдруг кошачьи черты. Она относилась к огню как к хтоническому чуду, как к живому воплощению темного божества, и Артуру казалось, что ее пальцы вот-вот начнут скрестить по обшивке кресла, превращаясь в кошачью лапу...

— Хочешь, я укурю тебя одеялом?

Она чуть сдвинула брови, изобразив легкое недовольство, но потом кивнула. Он принес пуховую перину и, стараясь не прикоснуться ненароком к телу своей гостьи, закутал ее до подбородка. Игра шла своим чередом, но всякий раз окрашивалась новыми вариациями.

— Ты хочешь, чтобы я уснула, да, демон? Надеешься, что сонная, я буду сговорчивей?

— Почему ты называешь меня демоном, женщина? - Артур плеснул в бокал сливовой наливки.

— Потому что ты хитрый, как демон. - Она задумчиво посмотрела на бокал в его руке. - Ты думаешь, что если накрыл меня, то я не уйду? Вот возьму и уйду, прямо сейчас!

Он прошел за ее спиной и закрыл дверь на ключ. Ключ положил в вазочку на каминной полке. Затем подумал и привязал к поясу. Хозяина спальни прикрывало совсем немного одежды: льняная рубаша с открытым воротом и короткие штаны из замши самой лучшей выделки.

Надя следила за его манипуляциями, как застигнутый врасплох зверек. Артур постоял,

покачиваясь, подкидывая на ладони тяжелый бронзовый ключ, затем отогнул пояс и спрятал ключ под штаны.

– Ты не уйдешь. Тебе для этого придется открыть дверь. Для этого тебе придется самой достать ключ.

Надя вздрогнула, и чуть порозовела.

– Ты хочешь напоить меня? Я слышала о твоих уловках. Ты всегда стремишься напоить женщин, которые ненадолго заходят к тебе, чтобы погреться у огня?

– Я отвечу тебе, если ты выпьешь со мной.

– С какой стати мне пить с тобой? - Она пригубила наливку. Коваль очень любил смотреть, как она пьет. После глотка, она всегда проводила языком по губе, точно собирала оставшиеся кристаллики сахара.

– Если ты со мной выпьешь, я скажу тебе нечто важное. Очень важное для нас обоих.

– Так я и поверила! - Она опустошила бокал. - Ну вот, теперь говори, ты обещал.

– Да, теперь я скажу, - проходя мимо, он подлил ей напитка. Томная, рубиновая струя слегка пенилась. - Я приготовил для тебя подарок. Он лежит здесь, в этой комнате, очень дорогой и красивый подарок. Но ты должна угадать, в каком из пакетов он спрятан.

Подыскивая сувениры, Коваль всякий раз невероятно мучился. В этом мире не существовало магазинов косметики и художественных промыслов, да и саму идею дарить супруге безделушки мало кто разделял. Тем приятнее было Артуру ловить печать азарта на загорелом лице жены и наблюдать, как подрагивают в предвкушении ее такие детские, пухлые губы. В полумраке губернаторской спальни, на коврах и медвежьих шкурах, были разбросаны штук десять туго набитых мешочков и пакетов.

– Так я встану и найду!

Надя следила за ним, кося хитрым взглядом. Артур видел, как на ее напряженной шее, там, где бронза загара сменялась молочной белизной, ритмично пульсирует венка.

– Если ты встанешь, я не отдам тебе ключ. Тебе придется провести ночь со мной.

Он подлил еще вина в ее бокал.

– Размечтался! А как же мне тогда отыскать подарок? А что там такое? Вдруг ты меня просто обманываешь?

– Тебе жарко под одеялом, отдай мне свой халат.

– Еще чего захотел! - Надя закопошилась под пуховой периной.

– Я прошу тебя. Всего лишь сними халат, ничего больше!

– А у меня, кроме него, ничего и нет. Я сниму, а ты отнимешь у меня одеяло?

– Ни в коем случае. Я обещаю, что верну его обратно!

Коваль терпеливо ждал, подставив руку. Наконец мягкая, горячая верблюжья шерсть, несущая запах ее тела, легла ему в ладонь.

– Теперь давай мне подарок, - капризно сказала она.

– Встань и найди его.

– Ага! Теперь, когда я совсем-совсем раздетая...

– Да, теперь, когда ты раздетая.

– Ты обманул меня! А я тогда завернусь в одеяло и так пойду!

Она поднялась с кресла и, придерживая перину подбородком, принялась наматывать ее вокруг себя. Коваль, устроившись в соседнем кресле, с улыбкой следил за ней. Желу поджидал новый трюк: стоило ей сделать несколько мелких шагов по мохнатому ковру, как от одеяла с треском отвалился изрядный кусок.

– Ах ты, негодяй! Ты подсунил мне ворох подушек! - Она пыталась удержать расплывающиеся фрагменты, но тут, под собственной тяжестью, отвалился второй кусок. Ее голые ноги стали видны до колен.

Взвизгнув, Надя юркнула обратно в кресло.

– Очень дорогой и красивый подарок, - вкрадчиво соблазнял Артур, любуясь на ее блестящие, крепкие лодыжки.

В свое время, лет десять назад, он выдержал настоящий бой, преподавая своей жене

основы эпиляции. Единственным приемлемым методом оставался огонь, и Надя, тогда, помнится, кричала, что муж хочет подпалить ее, как курицу...

А потом привыкла и втянулась. И, в отличие от тысяч сверстниц, привыкла выщипывать брови, удалять лишние волосы и каждый вечер принимать душ. Она многое ловила на лету, подлаживаясь под представления мужа о красоте, чистоте и безопасности...

– Подарок только один, а пакетов много, - сообщил Артур, подкидывая в камин березовое полено. - Ты всё равно не успеешь их просмотреть, нитки разорвутся. Но попробуй!

– А что там, внутри?

– Там одна ценная вещь, которую я привез для самой дорогой женщины из Мертвых земель.

– И кто же эта самая дорогая? - обидчиво вспыхнула она.

– Та, которая не поленится проверить все мешки.

– Не постесняется, ты это хочешь сказать, демон? А вот и не пойду!

– Тогда я не отдам тебе ключ и отберу халат. Сюда придут гвардейцы и будут смеяться над тобой. Может быть, даже захотят потрогать, насколько ты крепкая, под одеялом...

– Ты гадкий и подлый!

Она решительно поднялась, стараясь удержать одеяло, хотя бы на груди. Но тяжелые подушки, стянутые буквально тремя стежками, расплзлись в руках. Надя нагнулась над первым пакетом. Он оказался набит старыми тряпками. Чертыхнувшись, она засеменила к следующему, Артур повернулся вместе с креслом и смотрел на ее ноги. Одеяло она придерживала на талии локтями, волосы рассыпались, укрывая спину.

Перед тем, как прийти к нему, она нанесла на тело ту самую, жирную мазь, по которой так легко скользят пальцы. Артур чувствовал этот тонкий, чуть отдающий медом и горечью аромат, слившийся с ароматом ее тела. Всякий раз Надя привозила с собой из леса что-то новое: сбор из трав, любовную настойку, крем, изобретенный Качальщицами...

Сегодня ее плечи и лодыжки переливались. Когда она присела на корточки, чтобы получше разглядеть пустой кувшин, Артур увидел, что зеркально сияет и всё остальное. Она села на корточки, повернувшись к нему спиной, и как будто случайно, выронила одеяло. Артур смотрел на рюмочный изгиб ее тела, на котором, если она прогнется еще чуть-чуть вперед, можно удержать несколько крупных монет...

– Здесь ничего нет!

– Хочешь, я подскажу, где лежит твой подарок?

– Хочу!

– Тогда подними руки.

Сквозь хрустальную вязь бокала, Артур следил за удивительной, почти африканской пластикой ее тела.

– А ты не начнешь меня лапать?

– Ни в коем случае.

– Ну, ладно, только ненадолго.

"Пятнадцать лет, - восхищенно думал Коваль, впиваясь взглядом в ее наготу. - Пятнадцать лет - и она всё так же краснеет, сжимает коленки и невольно тянется прикрыть грудь..."

Он поднялся, запалил от огня лучину и медленно пошел к ней, на ходу зажигая свечи. С каждым шагом хозяина зала становилась всё светлее. Шитье гобеленов на окнах мерцало от света десятков свечей, из камина тянулись к паркету жаркие, багровые языки, отражаясь в бронзовом блеске подсвечников. С потолка улыбались мудрые купидоны, а тритоны волокли в глубину зазевавшихся русалок.

– Ну что, насмотрелся? - сварливо спросила Надя Ван Гог, не делая попыток поднять с ковра одеяло. Артур остановился у нее за спиной, вдыхая аромат притираний. - Только не вздумай ко мне прикасаться.

Ее тело стало еще желаннее, чем прежде. Чуть раздались бедра, немного опустились

соски, стали тяжелее ягодицы, но натертая травами кожа, как и раньше, отливала перламутром, и оставался почти плоским живот. Настолько плоским, что, замерев у нее за плечом и глядя вниз, в ложбинку, где прилип маленький крестик, он видел то место, куда так стремились его руки.

Женщина резко отодвинулась, преодолевая желание откинуться назад.

– Я не вижу тебя. Перестань закрывать грудь, и убери волосы наверх.

– Скажи уж честно, чего ты не видишь, – Наде потихоньку начинало передаваться его волнение, она дышала уже не так ровно, как прежде. Сейчас наступал самый ответственный момент игры, важно было не поддаться слабости и не рухнуть, обнявшись, в густой ворс... – Скажи, не то не уберу.

– Я не вижу твоей задницы.

– Ха! А чужие – глаза еще не намозолили? Ну, так и быть, а теперь говори, где мой подарок.

– Твой подарок вон там.

Он указал в угол спальни, где сохранилось одно из немногих больших зеркал дворца, оправленное в толстую раму. Рама изображала переплетение виноградных кистей и пшеничных колосьев, а на самом ее верху, метрах в двух с половиной от пола, красовалась потускневшая, многолучевая звезда. Со звезды свешивался холщовый мешок.

– Как я его достану? Ой, не дыши мне в затылок.

– Мне нравится твой затылок.

Он коснулся кончиком языка того места в основании черепа, где трепетала пушистая ложбинка. Надя вздрогнула всем телом, словно через нее пропустили электрический заряд. Жена была намного ниже его, и когда они обнимались, легко пряталась у Коваля под мышкой.

Артур вложил ей в ладонь веревочку.

– Завяжи волосы. Ты можешь залезть на банкетку, оттуда дотянешься.

Теперь она стояла лицом к зеркалу, в двух шагах от его серебряной поверхности, отражаясь с головы до пяток. Ловко закрутила хвост вокруг макушки, воткнула в волосы несколько заколок и слегка наклонила голову, ожидая его первого поцелуя. Крохотные огненные зайчики света прыгали по напряженным мускулам ее спины и прятались в тени сжатых бедер.

– Мне неприятно, как ты на меня уставился, демон.

– А мне неприятно, что ты так крепко сжимаешь колени, словно боишься меня. Мы договорились, что я увижу тебя всю, а ты не выполняешь условий.

– Вот еще! – фыркнула она. – Чего мне тебя бояться?

Он подвинул банкетку к зеркалу. Это была одна из уцелевших мебельных реликвий восемнадцатого века, на позолоченных, гнутых ножках.

Надя медленно, словно пробуя воду, подняла ногу и окунула пальцы в горностаевый мех, укрывавший бархат обивки. Потом, так же медленно, встала на колени и плавным движением раздвинула ноги.

– Так тебе видно, демон?

Он взял ее за локти, и потянул назад, любуясь в зеркале, как поднимаются ее груди. Теперь они скрестили взгляды, и зрачки ее стали огромными, как маслины.

– Какой у тебя большой ключ...

– Ты можешь достать его.

Артур перехватил ее за кисти и развернул к себе лицом. Надя отодвинулась назад, почти вплотную к поверхности зеркала, и потянулась ртом к прорези на брюках. Сначала она зубами достала ключ, потом Артур ослабил пояс и отошел на шаг, удерживая ее руки. Он едва не застонал, когда она добралась до его раскаленного тела. Какое-то время он стоял, прикрыв глаза и ощущая лишь влажные губы жены, потом поднял затуманенный взгляд и увидел в отражении самую лучшую картину, которую мысленно рисовал себе все эти недели долгого ожидания. Он повел руками вдоль намащенной спины – вниз и вверх. Чувствуя, как

она глубже выгибается под его ладонями, Артур не спешил окунаться пальцами в заветный полумрак. Он закусывал язык и возвращал ладони назад, проходя теперь вдоль дрожащих, налитых бедер и изогнутого позвоночника, заставляя ее зябнуть от нестерпимого желания. Наконец мозоли его ладоней царапнули два твердых соска.

Теперь он чувствовал не только ее полные губы, но и острые кончики зубов; чувствовал, как ее ногти оставляют под рубахой царапины. А потом ее руки поползли дальше, обнимая его целиком, окончательно освобождая от брюк, и сомкнулись сзади...

От внезапной, мучительно-сладкой боли он вскрикнул, и этот крик словно прозвучал для жены сигналом. Надя уже не слышала его просьб остановиться, она опускала голову всё ниже. Волосы рассыпались по плечам; несмотря на его несильные рывки, она не разжимала рук, заключив мужа в пышущий пламенем капкан. Артур, уже не сдерживаясь, опрокинул ее на бок и склонился над ней, давая ей возможность опуститься еще ниже, ласкать его так, как умела она одна... Его пальцы уже скользили там, где расцветал горячий бутон ее плоти. И уже не жалея ее, облизал три пальца, хотя мог бы этого не делать, так легко в ней было скользить...

Делать два дела сразу Надя боялась, она вырвалась, растрепанная, покрасневшая, и совсем близко Артур увидел ее безумные, и такие счастливые глаза...

Но игра еще не закончилась. Не пытаясь освободиться от мужской руки, она, наоборот, приблизилась, терлась грудью о его рубашку, и постепенно раздвигала ноги, опускаясь, всё ниже на пятки, пока не закусила губу от боли... Свободной кистью Артур держал ее за шею, проводя губами по ее набухшим губам, впитывая запах ее срывающегося дыхания...

– Ты... ты обманщик... Я же достала ключ...

– Так возьми... подарок...

Он неторопливо начал двигаться вокруг нее и вокруг тахты, отпустил ее шею, оставляя три пальца в прежнем положении... Потом нежно погладил ее спину, дал ей облизнуть большой палец другой руки... Надя дернулась, в зеркале он видел, как сокращаются и трепещут, в ожидании, две бронзовые дыни.. Поймал губами ее рот, навалился сверху, не давая приподняться, и вошел второй рукой...

Женщина зарычала, пытаясь освободиться, но он уже поймал ее с двух сторон, изошренно и бережно играя на самых тонких и чувствительных струнах, зная, что спустя несколько секунд она взорвется, сильнее, чем взрывалась прежде... С каждым годом она ждала от него всё более грубых ласк и взрывалась всё отчаяннее и громче, на пределе сил, истекая потом, билась между его рук...

Он не ошибся, она стала еще требовательнее; если раньше Надя вспыхивала от боли, сегодня она только бессильно повисла, закинув руку ему за шею, зрачки ее закатились, ртом она терлась о его ключицу, оставляя мокрые дорожки, прихватывая зубами волоски на груди, а второй рукой сама удерживала его внутри...

Потом она кричала долгим, протяжным криком, и уже ничего не соображала, и исцарапала ему шею, и сердце ее колотилось, как кузнечный молот... А Коваль сжимал зубы и, не отрываясь, смотрел в зеркало на эту агонию, на ручьи пота, стекающие с ее лопаток, что бились, как связанные крылья...

Потом он ее отпустил, и ждал.

Надю всегда приходилось ждать, и для него это было самое сладкое ожидание на свете. И отодвинуться при этом тоже было нельзя, потому что, падая на бок, поджимая колени и сворачиваясь калачиком, она дрожала крупной дрожью, точно попала голая на мороз... Но при этом, не открывая глаз, протягивала руку, и притягивала его ко рту, так что Артуру приходилось брать ее лохматую голову между колен, и застывать... А едва он пытался пошевелиться, она, недовольно ворча, как потревоженный со сна медвежонок, прихватывала его плоть зубами... Или опускалась чуть ниже и ощупью, не открывая глаз, дотягивалась зубами до самого нежного, самого чувствительного и нервного места, и втягивала губами, как втягивают из раковин устриц, или берут с висящей грозди виноград...

Артур прикладывал к лицу уставшие ладони и вдыхал, вдыхал, до изнеможения, и чуть

шевелинув бедрами, двигался ей навстречу, давая понять, что и сам не может больше терпеть... Тогда она, не открывая глаз, с удивительным выражением целомудрия на взмокшем лице откидывала назад волосы и забиралась ртом всё глубже, раздвигая его колени... И уже переворачивалась на живот, не забывая приподнять и поиграть лоснящимися половинками, потому что помнила, как муж любит на нее смотреть, помогала себе обеими руками... И снова, не давая опомниться, невероятно изогнувшись, оказывалась на спине, и Артур, качаясь от изнеможения, видел лишь ее напряженное горло, и подбородок...

И в конечном усилии, теряя остатки воли, одну пятерню клал жене на шею сверху, а другой придерживал снизу, запрокидывая ей голову до предела, путаясь в ее роскошных волосах, и ощупью находил ее рот... А она, упираясь пятками в зеркало, вцепившись в горностаевое покрывало, толчками прижимала к нему, пока он не взвился с рыком и не свалился на нее, всей тяжестью, ощущая низом живота, как сокращается ее горло...

– Боже мой, какая красивая штучка! Что это такое?

– Я думаю, это бриллиантовая диадема.

– Ди-а-де-ма... - по слогам повторила она, пока Коваль защелкивал ей на шее застёжку.

- Какое смешное и трудное слово. Откуда она у тебя?

– Подарили, в Париже... добрые люди. Можешь гордиться, ее носили французские королевы.

– А можно, я буду гордиться тобой?

– А раньше ты мной не гордилась? - Кончиком языка он собирал капли пота с ее спины.

– Очень странно, - надулась Надя. - Почему это мне никто, кроме тебя, ничего не дарит, а тебе какие-то люди, непонятно за что, приносят красивые камни. Они что, дороже золота?

– Мне ее подарили, потому что знали, что у нас с тобой юбилей.

– Кто у нас?!

– Пятнадцать лет.

– Ой, молчи! - Надя шлепнула его по губам, затем упала на спину, сладко потянувшись, и притянула мужа к себе. - Я ужасно старая, да?

– Ты самая молодая и самая красивая!

– Я толстая и беззубая. Вот, видишь? - Она продемонстрировала мужу очередную дырку в десне. - А у тебя стало еще больше седины...

– Теперь ты уйдешь от меня к хану? Он молодой и черноволосый.

– Я подумаю, как поступить, - хихикнула Надя. - Ой, да ты ревнуешь меня, Кузнец? Ой, как весело!

– Нет ничего веселого. И вовсе я не ревную, просто уж больно ты там задержалась, - он старался говорить небрежно, но что-то его выдавало.

– Кузнец, ты остался таким же дурачком, как пятнадцать лет назад, - Надя приподнялась на локте и водила пальчиком по его губам. - Ты знаешь, что к хану приезжали посланцы Карамаза?

21. В ОЖИДАНИИ ОСЕНИ

– Что?! - Коваль чуть не свалился с банкетки. - Ты там, в постели, шпионила или детей делала, я не пойму? Откуда ты знаешь про Карамаза? Кто тебе назвал это имя? Халитов не настолько глуп, чтобы раскрывать рот в присутствии моей жены!

– Хан совсем не глуп, - задумчиво откликнулась Надя. - Он мне, как бы, ничего не говорил. Всё получилось очень странно... На второй день он пригласил меня на охоту, с ловчими птицами, потом мы ужинали в поле, жарили мясо. Меня охраняли, кроме твоих ребят, еще человек десять, ты не представляешь...

– Прекрасно представляю, - Коваль подумал, какую охрану выделил бы он, если бы к нему приехала ханская жена. У Халитова было три жены, и Артуру говорили, что все три появлялись на людях с закрытыми лицами. Слава богу, мамой была лишь одна, и чтобы забеременеть помощь питерского губернатора ей не требовалась. И так всё время на сносях

ходила. Точнее, изредка выезжала в закрытой машине...

— И когда мы покушали, Эльсур даже предложил мне вина, хотя ему самому пить нельзя. Потом он играл в нарды с твоим полковником, и еще были его генералы...

— У всех генералы, - тяжело вздохнул Коваль. - А у меня, народу больше всех, а генерал всего один...

— Они говорили о волнениях на юге, а потом Халитов сказал, что Уфа решила выйти из Пакта...

— Напугали ежа одним местом!

— Халитов сказал, что Уфа выходит из Пакта, потому что не хочет разногласий с Качальщиками. Качальщики требуют, чтобы горожане не запускали старые заводы, и башкирские муллы с ними согласны. Они тоже говорят, что все беды оттого, что русским нейдет. Муллы говорят, что надо жить по Книге сур. Надо чтить бога, соблюдать посты и не хлестать водку, тогда и земля не будет качаться. А еще надо прекратить учить женщин грамоте, запретить неверным торговать на рынках...

— А при чем тут мы? Мы с ними, практически, не общаемся.

— Ты знаешь, мне показалось, что Эльсур рассказывал всё это не только для мужчин, но и для меня. Даже, скорее для меня.

— То есть, для меня? - уточнил Артур.

"Это становится занятным, - подумал он, разглядывая пышнотелых ангелов на потолке. - Хан что-то задумал. Прямо говорить не хочет, а на дружбу намекает. Интриги, интриги... С другой стороны, нам с Казанью делить нечего: и друг от друга далеко, и дел общих почти нет. Тут вон с Таллинном цапаемся, новгородские буянят, купцов давеча поколотили, короче, со своими бед по горло..."

— Твои ребята стали хану возражать, - вполголоса продолжала Надя, водя указательным пальцем по мужниной груди, - убеждали его, что Качальщики вовсе не против заводов, если не сливать грязь в реки, и высаживать деревья, и всё такое... Они разбуянились, тебя защищали. Рассказывали ему, сколько ты в Питере мастерских запустил, и про свет на улицах, и про паровики, и про биржу. Хан слушал, слушал... Знаешь, как он слушает: глазки прикроет, сам кругленький, вот и кажется, что добренький. Так он их слушал, пока не выдохлись, а после сказал, что и сам всё это знает.

Сказал, что в Питере полно татар и что сам он у нас на бирже деньги оборачивает, и даже казанские рубли готов нашими заменить. И вообще, про губернатора Кузнецца он слышал много хорошего, но жить теперь они будут своим умом.

Тут он опять, вроде как погромче заговорил, чтобы я слышала. Он сказал, что жить надо так, как завещали деды. Тогда все сытые будут, и раздоры кончатся. И тут такое на нас погнало... И про то, что в Питере гуляющие девки в кабаках нагишом пляшут. И про то, что ты такие кабаки со спальнями разрешил, и налоги с них в казну берешь. И про то, что у нас девкам и бабам курить на улицах не запрещают. И про то, что у нас тех мужиков, кто с другими мужиками милоются, не топят, как у них, и причиндалы им не режут... Вот, говорит, приезжали гости с юга, там всё строго, потому и народ не балует. Гулящих палками да камнями бьют, и школы только при мечетях оставили, потому что от школ самый большой вред идет.

И мы, говорит, скоро у себя так сделаем, дайте срок. А иначе, сказал он, вернутся времена Большой смерти. Тут стало так тихо... Сам знаешь, всеу Большую смерть поминать негоже.

"Это с чего, такие страсти? - спросили наши. - Лет десять, почитай, уже масок никто не носит, а дети так и не помнят, откуда Большая смерть взялась".

"Это и плохо, - сказал Халитов, - что не помнят. Большая смерть пришла к людям, когда они на бога плюнули, и стали жить как скоты. Я слышал, - говорит он, - что у вас, в Петербурге, в школах до того дошли, что лекарихи девок без стыда учат, как с мужчинами ложиться. А еще я знаю, что у вас не трогают тех, кто жует траву и курит зелье, и вместо того, чтобы бить их насмерть палками, отправляют к Хранителям, на лечение. И что на такое

грязное дело лекарей сам губернатор подбил. А с того, мол, началась Большая смерть, что стыд потеряли".

— Черт возьми! - вскипел Коваль. - Что же он валит всё в одну кучу? Я пытаюсь возродить половую гигиену, при чем тут бордели и анаша?

— Ну, наши так и сказали, что мол, против срамных болезней учат, чтобы детки здоровые были. Мамочек-то всё больше становится, тьфу-тьфу... А хан отвечает, что от такого учения весь вред и пошел. Что жили их предки в святости, и дочерей своих в узде держали, пока с запада такая вот гниль не поперла. Приезжали к нему-де люди от Карамаза. Книжки древние показывали да газеты. Там так и написано, что... Сейчас вспомню, как же это? Что, мол, духовники Востока призывали людей вернуться к тра-ди-ци-ям, а власти их не слушали и раздавали бабам резину, чтобы детей лишних не было. И про мужеложцев написано было, и про девок кабацких. Будто имамы говорили, что таких надо плетками бить и из городов гнать, тогда зараза бы не пришла в дома к правоверным. Но имамов не слушали, потому что деньги были у злодеев...

— Н-да, старая песня... Но я же общался с Эльсуром, он не был таким отродоксом...

— Не знаю уж, кем он не был, но мне там не понравилось. И в городе не понравилось, а в деревне и подавно. У них и так мало кто древние книжки разбирает, а теперь девчонок вовсе по домам сидеть заставили, им только хозяйством заниматься позволено! Слушай, Артур, я потом гуляла по городу, по базарам... Да не беспокойся ты, не одна же, с охраной. Я с женщинами говорить пыталась. Они дикие все, забитые, как чингиски, ничего не понимают. Сидят девчонки молоденькие, картошку или рыбу продают, половины слов не выговаривают. Сначала я думала, что это у них крестьянки такие, в лесу живут, потому что... А потом во дворце с женами Эльсура познакомилась, и с другими женами, начальников всяких... Развлекать меня пытались, люди-то добрые, ничего не скажешь, но они совсем...

— Хочешь сказать - глупые?

— Нет, почему глупые? Но я вот как думаю, Артур, ведь женщин примерно половина. И у русских половина, и у чухни, у норвегов, и у татар, у всех... под лавкой держать. Чтобы со двора ни ногой, и самим с ребятами знакомиться нельзя, и грамоте нельзя, даже считать не учат...

— Наденька, им виднее, как у себя жить. Мы не можем их ни заставить, ни переделать.

— Так ведь, эти самые девочки, кто сейчас под лавкой рыбу чистит и с чужим парнем словом не может перекинуться, потому что палками забьют, они же потом мамочками станут. Они же дикие совсем. Чему они детишек-то научат, ежели половина народа в дикости застрянет? Как они сыновей поднимать будут?

— Хороший вопрос, - хмыкнул Коваль. - Глядишь в корень... Так и поднимут. Такими же, всесторонне развитыми, членами общества... Слушай, наши там не передрались? - озабоченно спросил он. - И почему мне не доложили, что обратно захватили переселенцев?

— А что тут докладывать? - удивилась Надя. - Ничего такого нового. Наши караванщики, всякий раз, как оттуда идут, человек двадцать русских в Питер прихватывают. Много оттуда народу уехало, бояться стали. Но полковнику-то чего драться? Наоборот, на охоту съездили, отоспались...

— Ты считаешь, Халитов не прочь со мной встретиться?

— Он странно себя вел. И когда мы с ним...

— Да ладно уж, не стесняйся!

— Когда мы с ним вдвоем остались, - запнувшись, выговорила Надя, - мне показалось, он передать тебе что-то хотел. Да, видать, через бабу зазорно ему было...

— Так ведь мог и с мужиками передать.

— Вот и я так подумала сперва. А потом смекнула. Стесняется он. Не хочет показать им, что напуган.

— Напуган? Что-то я запутался...

— Мне кажется, тебе стоит съездить в Казань, Артур, - Надя произнесла это без нажима,

как бы вскользь, но Коваль слишком хорошо знал жену. Она крайне редко выбирала именно такой тон, только когда хотела донести что-то исключительно важное. - Я прожила во дворце, у Эльсура, две недели и немножко научилась его понимать. Хан слишком умен, чтобы доверять гадалкам, и не занял бы Золотой трон, если бы был трусом. Тебе стоит съездить туда, пока не собралась Дума.

— Опасаешься, что меня выгонят в отставку?

— Ты же сам говорил, что надо устроить выборы, пока богатеи не начали решать без тебя. А как они решат, никто не знает, особенно те, с правого берега Невы. Сахарные заводчики, их еще зовут Королями свеклы, на своих сборищах кричат, что пора сделать вече, как в Новгороде, потому что, мол, городом заправляют не те, кто добился положения своим умом, а те, кто губернатору пятки лижет. А ковбои-скотники? Заводы построили, разжирили, по сотне дикарей в батраках держат. А заборы какие вокруг хат подняли, колья в смоле, выше сосенок поднимаются. За заборами псы, а то и коты ручные. И сами, как псы, в щелочки пялятся...

— Погоди-ка, - перебил Артур. - Ты что же, предлагаешь всё забрать и поделить? Вот уж от кого не ожидал...

— Да они, которые из первых ковбоев, спят и видят, как тебя столкнуть. Столько лет при старых властях жили припеваючи. Никто с них налогов не брал, цены они для города ломили, какие хотели, еще и в батраки к ним все нанимались. За мешок гнилой свеклы по месяцу батрачили. Я-то про это не просто наслышана, мой папка сам под ковбоями ходил, шею на них гнул...

И с кем они заодно, про это тоже всем известно. Как стал над городом губернатор Кузнец, пришел конец вольностям. В казну платят, караванные стражи выставляют без всяких отступных, и сыновья их теперь в войске отслужить обязаны. Детей в школы чуть не насильно уводить пришлось. Или ты забыл, сколько крику было, сколько твой Абашидзе усадеб пожег, прежде чем ковбои согласились девочек в город, на учебу отпускать? А подушный налог? А поземельный? Помнишь, как они выкручивались, будто неурожаи каждый год и сами будто бы солому жрут, а бабы их, кто рожать может, по семеро детей как-то ведь кормят? Пока ты подушно не обложил и землю не разграничил, чтобы с худой земли меньше платить, чем с жирной...

"Она права, - думал Коваль, чувствуя горячее дыхание жены у себя на ключице. Как всегда, она права, хотя у нее нет штата доносчиков и своры экономистов. Ковбои превратились в бояр и по-прежнему живут богаче, чем ремесленники и фабриканты. И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не введем новые формы земледелия, точнее, пока мы не вернемся к нормальной механизации. Немцы, вон, уже давно возвратились. У них опять один человек сотню кормит. И эстонцы, и литва, а у нас всё никак. Оттого и нос задирают, ландскнехты хреновы. Им предлагаешь выкупить у мастеровых плуга новые, и трактора паровые предлагали, так нет ведь. Им дешевле нищих дикарей на сезон набрать, и прямо на поле, в шалашах поселить..."

— Все знают, что соборники заодно с ковбоями. Не все, конечно. Троицкий и Никольский соборы за тебя, но митрополит и Лавра стоят за ковбоев. Ты зря улыбаешься, - тормошила мужа Надя. - Мало тебе, что я чуть не померла, когда в тебя стреляли? Раз стреляли, два...

— Но не убили же?

— Типун тебе на одно место! Серго скажи спасибо. Только соборники-то не успокоятся, потому что народ им верит. Чуть что - Большую смерть поминают, чуть что - намекают на тебя. А люди слушают. Прямо, конечно, не говорят, боятся, но ведь если прямо заговорят, поздно будет Думу собирать. Они ведь на что злые-то? Ты сначала народ из дворцов повыгонял, когда коммуны распускали, а потом и с квартир повыгонял, кто без бумаги гербовой вселился. Они ведь, как коренные жители, хотели лучшее подмять, а ты лучшее новым служивым раздавать начал. Детей ты им по книжкам церковным учить не даешь, монастырь в городе открывать не разрешил, земельные угодья отводить им не стал. Сколько

раз они к тебе за земелькой обращались?

– Да я уж и со счету сбился. Только ты не путай, Лавра у меня не землю просит, а полученные на нее дарственные узаконить хочет.

– То-то и оно, узаконить! Кто дарит-то? Те же ковбои, да фабричные, которым Земельная палата нарезала лесов для порубок. Я тебе скажу, что они сделают, если ты в Думу ихпустишь. Вся эта голытьба, которая тебя на руках носит, Старшин толковых выбрать не сумеет. Пролезут те, у кого денег больше, кто народу на площадях вино бочками выставит, да медь в толпу раскидывать станет. Пролезут, и такой кулак соберут, что закачаешься. Уже бродят слухи... Вон, внучок у Прохора, что у тебя в Эрмитаже живет, на побывку приезжал, так даже пацан - и то наслушался...

И про то, что Кузнец собор от городской власти отделил настрого; и что девок крестьянских насильно в школы сгоняешь, а там супостаты гадости богопротивные рассказывают; и что французов нарочно из Мертвых земель привез, деток смущать. Про то, что новую железку для паровиков до Таллинна починить задумал, и две тысячи шептунов нанял, а для того всех, у кого больше двух коней на подворье, непомерным налогом обложил. И про то, что иноверцам золота от казны выделил, чтобы свои храмы чинили, да новые строили; про древние корабли, которые за казенные деньги чинить начали. Говорят, что ежели один такой корабль на промысел выйдет, сотни рыбацких артелей разорятся. А уж про иноземцев, тобой обласканных - германцев, чухню, да прибалтов, кого ты на Васькином острове, в хоромаш селишь, - и говорить нечего...

– Так ты тоже считаешь, что от них один вред? Ты же, вроде, к причастию ходишь, всякую тварь любить должна?

– Про меня слова нет, я жена твоя. И Василий, духовник, хоть ты его и недолюбливаешь, худого слова про тебя не скажет. Наоборот, он говорит, что от иноземцев-то процветание в городе и пошло. И это он меня, если хочешь знать, первый предупредил, что после выборов кровь пролиться может.

– Он всё еще в опале у митрополита?

– Я так думаю, за то и в опале, что со мной нянчится, да Качальщиков защищает. Поначалу, когда он приход на Урале открыть решился, его благословляли. Подвижником называли, с древними святыми сравнивали... которых к голодным львам бросали...

– Это кто же голодные львы? Хранители, или семейка Арины Рубенс?

– Вот, оттого Василий и печалится, - вздохнула Надя. - У него раскол-то, с митрополитом, из-за дочки Рубенса вышел. Приход ему где назначили? Да как раз на том хуторе, куда ты ссыльных поселил. Там, почитай, полторы сотни живет, расплодились. Вот, чтобы без слова божьего не остались и Крест не забывали, Собор его и отправил. А Василий с Качальщиками сдружился и остался у нас в деревне. Сруб ему поставили. К Арине и прочим ссыльным за двадцать верст шастает. Ему больше нравится среди Хранителей проповедовать, говорит, что в благодатную почву зерна падают.

– И что Хранители? Не обижают его?

На самом деле Коваль был прекрасно осведомлен о положении первого христианского миссионера. Его появление в деревне санкционировала Хранительница рода, после того как Качальщики приняли решение не путаться больше в доктринах и не запутывать детей, растущих в Питере.

– Его даже любят, детки особенно, - рассмеялась Надя. - Девчонки даже плачут, когда он им про святых угодников и страсти всякие рассказывает. А к питерским ходит неохотно, сам признавался и митрополиту каялся, что тяжело. Недобрые, говорит, люди, злопамятные, тяжело к их сердцам пробиваться...

– Ну, еще бы, - заметил Артур. - Им есть на кого зло держать.

– Василий их и так, и эдак умасливал, чтобы хоть в детках ненависти к Качальщикам, не стало. Ведь живут рядом, а словно враги какие... А заодно, чтобы тебя, Артур, не проклинали. Ведь дела прошлые, кто в лесу выросли, те и не помнят ничего... Митрополит на Василия сначала за змея напустился. Василия назад на крылатом змее Хранители

подвезли. Прознал кто-то и донес. Мол, змей - он не божья тварь, а бесовское создание, на черной крови возвращенное. Потом ему попало за то, что учит грамоте детей Качальщиков, а не ссыльных. Василий тогда соборникам и сказал, что никак не может заставить поселенцев отпускать детей учиться вместе с язычниками. А по раздельности он учить не будет, ибо для него все одинаковые.

Накипело у него, видать, раз поделился со мной, как его там ругали, в Лавре-то... Соборники намекали, что этой осенью губернатор слезами умоется. Мол, слишком много недовольных, дела в городе несправедливо вершатся. Новый заговор зреет, среди мелких торгашей. Их, почитай, с семьями сотни три по миру пошло, когда ты Гостиный двор отстроил и оптовые товары там, от казенных складов, задешево пустил. А крупные караванщики, в свой черед, тоже недовольны. С прошлого-то года, всякому каравану торговый налог вперед уплатить надо. Раньше прибыль утаивали, сходят куда подальше, хотя бы в Тамбов, и жалобят клерков, что ничего не поимели. А теперь прибыль, не прибыль, а вперед отсыпь...

А в тюрьмах сколько? Василий встречался с батюшкой в Никольском храме. У того сын за поджог третий год воду из подземки качает. Помнишь, рынок пожгли на Сенной, где усаые, в халатах, торговали? Этот вот батюшка, даром, что человек умный, прошений в Судебную палату не подавал, потому что сына не одобряет. Но всё равно ропщет, говорит, что раньше такого не было. Такой, мол, губернатор кодекс сочинил, что честным людям, впору в лес бежать. Тысячи человек посадил. Раньше убийца или вора схватят, и никто за него гроша бы не дал. Топили без разговоров, или вешали, и никаких тюрем не надо было. Зато ежели мелочь какую по глупости натворят, так на то и молодость, чтобы шалить! Подумаешь, ну пару ларей черномазым подожгли - экая беда! Чтобы не повадно было цены сбивать, да на девок наших заглядываться. И маются теперь наши же русские парни в подземке, вшами заросли, свету белого не видят, всё потому что губернатор усаых больше любит, чем православных...

Мол, кто у Кузнеца на задних лапках бегают, тому и усадьбы, и дворцы целые. Простые служаки, кого по дворам в рекруты забрили, в сараях живут, а гвардия - чуть не в сметане купается. Ведь самый подлый люд набрал в гвардию, даже иноземцев черных...

— А они что хотели, чтобы я гвардию вшам скормил? На кого тогда опираться?

— Вот про то Василий и сказывал. Есть такие, кто золота не пожалеет, лишь бы на сотню думских лавок недовольных посадить. Чтобы из тюрем, да из ссылок вернуть тех, кого Кузнец обидел, да ковбоям богатым честные поборы вернуть, да фабричным позволить строиться и селиться там, где пожелают. А ежели клич кинуть, чтобы Качальщиков из города долой, так тут любой дикарь рад будет...

— А что сам Василий думает?

— Я много раз спрашивала. Он хитрый, говорит, что он тут ни при чем. Не в его правах, дескать, кесарям путь указывать, пусть другие, кого гордыня обуяла, у трона ползают, да нашенствуют.

— А ты ему говорила, что едешь к хану?

— А что он скажет? Благословил. Что он сказать может? В Библии, говорит, нигде не сказано, чтобы такое непотребство церковь одобряла, но иначе после Большой смерти и не выжили бы. Он думает, что раз мамочек всё больше, значит, господь услышал молитвы... А митрополит, на следующем Соборе, хочет анафеме предать всех, кто от иноверцев детей рожал.

— Совсем старик чокнулся! Как мы тогда генофонд сохраним? Ладно, милая, - он чмокнул жену в ухо. - Всё это невесело, но Думу собирать придется, иначе пойдут бунты. Я устал с ними воевать, пусть сами выберут себе власть и сами с ней сражаются.

— А вдруг они не выберут тебя губернатором?

— Тогда мы уедем на Урал или, наоборот, в Варшаву, чтобы новый губернатор не думал, будто я под него копаю. Обидно, конечно, столько сделано...

Он замолчал. Вспомнил три последних года, когда управлять становилось всё труднее,

а мощные группировки буквально хватали за горло, требуя власти. Он разрывался между преданными ему братьями Абашидзе и Судебной палатой, а в судах сидели честные, но примитивные крестьяне, которые никак не могли понять, почему приговор должен соответствовать закону, а не порыву души...

Нет, избрания другого градоначальника допускать никак нельзя. Надо добиться своего во что бы то ни стало... Иначе, как частное лицо, он никогда не соберет средств на Второе посольство, как называл грандиозную затею Хранителей Левушка Свирский. И никогда не получит благословения у Собора, и никогда не сдвинет с места тысячи оседлых крестьян, которым дела нет до государства...

– Придется опять проявить большевистские качества, - сказал он жене и укусил ее за ухо.

– Это как?

– Телеграф, мосты и банки, - Коваль перевернул супругу на спину и скользнул ладонью вниз по ее животу. - Очень хочется, чтобы всё было по-честному, но действовать придется по обстановке.

– Ты съездишь к хану, Артур? - Надя на полпути перехватила его ладонь. - Он совсем не трус и хочет добра своему народу.

– Неужто его напугали страшным Карамазом, который живет за тридевять земель?

– Нет, Артур. Мне кажется, он не хочет войны с тобой. И он что-то узнал. Что-то понастоящему страшное...

21. СКАЗКИ ОЗЕРНОГО КРАЯ

В этих краях свет никогда не добирался до поверхности земли.

Здесь деревья росли так густо, что солнечные лучи путались в переплетении ветвей и задыхались, как беспомощные мушки, в тенетах паука.

Вокруг поляны вековые стволы поднимались настолько плотным частоколом, что ни один охотник не сумел бы сюда пробиться без топора. Но ни охотнику, ни лесорубу не пришлось бы в голову штурмовать вязкую, гнилую трясину. А чтобы пробраться даже на край трясины, городским пришлось бы долго уламывать проводников из ближних поселений. Пришлось бы двое суток продираться через ельник, спускаться в лощины, оставшиеся после затонувших поселков, подниматься на курганы из скрипучего песка, под которыми стонали, рассыпаясь на части, древние заводы. Пришлось бы всё время быть начеку, чтобы не проморгать ядовитых летунов, и мазаться пахучей смолой, чтобы отогнать клеща. А еще рыси, и шатуны, невесть откуда взявшиеся в сытом лесу...

Тот, кто преодолев чащобы и несчетное количество троп и дорожек, выходил к мурманской трассе, вдоль которой, в сухие дни, ветер гоняет рыжие смерчи ржавчины. А обочина, на двадцать шагов в обе стороны, превратилась в черную корку от слежавшейся автомобильной резины и золы сгоревших машин. Утюжили трассу, видать, на грейдерах не день и не два, скидывали в канавы авто обезумевших дачников, норовивших скрыться от Большой смерти в курятниках своих...

За левую обочину и заступать-то не хотелось. Болото стелется на десятки километров, словно вырастая из озера, выбрасывая впереди себя смрадные плевки стоялых луж, подтягиваясь на покрытых слизью корягах и обволакивая редкие сухие островки звоном остервеневшего гнуса.

Звон стоял на два дня пути, почти до Петрозаводска, хотелось в ухе потрясти и зубами пощелкать, вымести изо рта гадкий звук. И ни черта было не видать сквозь кочки, да чахлые, пожухлые стволики. Только громада темная проступала вдали. Ясно, что лес вдоль воды, а не подберешься. Даже в светлые деньки, самые зоркие охотники терялись и терли глаза. Парило, парило над поясом прибрежного леса, и клубился над щетиной голых сучьев сумрак, мешая солнцу осушить трясину.

Иногда, впрочем, темень слегка расступалась, и на дальних опушках проглядывали

древние строения, трубы или даже колокольни. Убегали влево от шоссе дорожки, а коегде и на столбах бетонная развилка выгибалась, но все они, точно больничные швы, рассасывались в зеленовато-желтых холмиках и в пузырящихся лужах. И не подобраться никак к приозерным скитам... Ни посуху, ни по воде.

Колышущимся полукольцом, шириной в пяток километров, охватывала берег полоса водной зелени, вплотную примыкающая к суше. Даже самый опытный рыбак не решился бы провести лодку по лабиринтам узких протоков, среди завалов из гниющих бревен, за которыми, точно согнанные в одну кучу метлой, доживали свой век брошенные суда. Сквозь металл и пластик проросли болотные травы, камыш, и совсем уж непонятные водоросли проросли. Вымахали, словно тропический лес. Были раньше обалдуи, что и поджигать пробовали, из озорства.

Не горит травка озерная. Вымахали камыши в рост человека, шумят, стонут, вроде бормочут что-то. Далеко их слышно, так далеко, что поневоле перекреститься хочется...

Никто не подходил к восточному берегу Ладоги с этой стороны... Кое-где наметанный глаз мог бы различить остатки дорог и тропинок, убегающих в самый центр запретной земли, но в позабытых колеях осока и волчья травы поднимались еще выше, чем по обочинам. А обочины покрывала обманчивая, мягкая мурава, в которой за минуту мог бесследно исчезнуть бык или телега вместе с лошастью.

На десятки километров вокруг не горят огоньки усадеб, и не пляшут в небе ароматные дымки очагов. Не любит озерный край переселенцев.

А там, где буйная растительность спускалась к воде, не оставалось даже узкой тропки, по которой можно было бы прийти сюда, вдоль мелководья. В верховьях Невы шустро разрастались рыбацьи да охотничьи поселения. Ниже по течению их становилось больше, там и сплавщики уже всюду орудовали. Пилы визжали, топоры бухали, звон колокольный разливался, хороводы в лугах игрались...

А на Ладоге - тишина заповедная. Бывалые мореходы охотно забрасывали сети в озеро, но к восточному берегу ходили только, если что ценное водой унесет. Молодые, бесшабашные парни иногда подбирались ближе. Наводили бинокли на мгlistую, зеленую завесу и клялись потом, что видели, как стелется черный дым.

Такие подвиги были верхом смелости.

Не то было на других озерах, взять хотя бы Чудское море. Там, после ряда мелких стычек, взаимных поджогов и разделения земель вполне мирно уживались общины лесорубов, рыбаков и тех, кого привыкли называть Озерными колдунами. Колдунов остерегались, обходили их поселки за версту, но всякий мореход знал, что под Гдовом проживает бывший большой начальник из Питера. Знали, что тот прекрасно ладит с соседями. Знали также, что в Гдов наведываются за советами шишки из Петербурга, а сын этого самого Рубенса выбился в службы к самому губернатору.

И с южными озерниками предпочитали не воевать. Детей они воровали, как и прежде, но довольствовались теперь дикарями, коих водилось по мелким речкам великое множество. Деревенских детишек, после того как губернатор спалил у колдунов целую деревеньку, на ворожбу больше трогать не смели. А ежели кого, с особым даром, находили, так норовили выкупить за любые деньги. Помнутся родители, погорюют, да и продадут дитяtko. Всё лучше, чем остаток дней за него бояться... И существовали Озерники как бы сами по себе, и торговали с городскими лишь в случае крайней нужды.

На Чудском море давно забыли о резне, а на Ладоге ее никогда и не было.

Потому что на восточном берегу людей как будто и не водилось. Спроси любого в рыбацких деревнях, почему на сорок километров боятся пристать к берегу - не ответят. Отведут глаза, промямлят что-то про дурной запах и дохлую рыбу и замнут разговор. Невские рыбаки хорошо знали главную заповедь, - не поминай лихо, пока тихо...

И было тихо, много лет было тихо. Болтали, вестимо, всякое, особенно в городских кабаках, когда пропивали выручку от продажи улова. Многие и прихвастнуть могли, но люди, посланные губернатором, чтобы слушать да запоминать, свое дело знали крепко.

Смекали, когда дурак попусту треплется, а когда правдивое словечко с уст сорвется.

И уж если сорвалось, старались ни за что дорогого гостя не выпустить. Подливали винца за счет казны, подначивали да подтрунивали. Раскраснеется дедок от бражки крепленой - и давай рассказывать...

— ...Те, кто по мирной-то гати на гуся и прочую дичь ходил, в шалашах, бывало, по несколько ночек ночует. Всякого навидались. Например, бывают ночи... Вдруг, безо всякого ветра, налетит облако зябкое. Брызги мелкие, ледяные, а не дождь; вроде тучки, а не тучка. И луна тогда, из цвету голубого, в пурпур уходит, в багровый глаз обращается... А уж коли случилось такое, в лесу остаться, тут молись не молись - не поможет. И бежать тоже никуда не след, еще хуже обернется.

Под Красной луной появлялись из бурелома неясные фигуры. Брели по гиблой воде легко, как посуху, до самого шоссе. А там собирались стайкой, перешагивали обочину и в обычном, сухом бору растворялись. Ищи - свищи! А если хватило храбрости пойти по следу, всё равно не разглядишь... Словно морок какой наведут, а то и вовсе заставят человека на одном месте кружить до беспамятства, до полной потери сил...

И обратное видели. Как возвращаются колдуны под Красной луной. Легко скользят, неслышно, хоть и с мешками. Будь ты самым разудалым охотником, а не найдешь и следочка, не услышишь, как веточка, или листик, хрустнет... И упредить их, или заранее подловить, как из бору покажутся, ни у кого не получалось. Собаки у охотников, даром, что на всякую дичь натасканные, а не тявкнут. Словно ни запаха, ни звука не чувят. Страх, да и только. Но, с другой стороны, для местных и опасности особой нет. Пронесут колдуны свои мешки - и канут бесследно, только рогатины замшелые вослед качаются...

Но кое-что всё же подбирали, отыскивались дотошные.

То колечко женское, то туфельку, то сапожок детский, а когда и крестик в сырой земле блеснет. Не с пустыми руками озерные чародеи возвращались в свои берлоги. Вот только, где они эту добычу находили, никто так и не дознался. Никто не слышал, чтобы взрослые или дети пропадали.

Видать, много дальше забирались Озерники, а "своих", местных не трогали, чтобы шума не поднимать. Может, в Петрозаводске озоровали? Тамошние сказывали, что за прошлый год, пятеро детей сгинули, но не докажешь, чьих рук дело. Мелкие ведь: и утопнуть могли, и свинье достаться...

Вспоминали, конечно, бывалые люди, и совсем другие происшествия, но за давностью лет случаи такие уже вроде как сказками стали. Например, говорили, что еще лет двадцать назад Озерники с Онеги и Чудского собирались вместе, не таясь, приходили к ладожским в гости. То есть как, "не таясь"? Всё едино ночью, да по самым темным закоулкам. Но утром с воды далеко было видать, как от их костров дымы поднимаются, да и не прятались они нарочно...

А еще раньше, лет тридцать назад, кто-то из молодых дураков озоровать пытался. Тогда по области еще много открытых бункеров с древней химией оставалось. Это позже, еще у прежнего губернатора, появился советник Карин и целый год только и делал, что бункера засыпал, да награды раздавал тем, кто про оружие донесет. А до Карина этого добра было - завались. Вот и выкопали откуда-то бочку по пьяни. На лодке привезли, не поленились, а потом волоком до самой границы колдовских владений тащили. Границу никому указывать не надо, и так видно. Туда даже летуны шипастые, и то не залетают. Дотащили, стало быть, бочку, дно проломили, и в болото столкнули. С песнями, да с хохотом.

— Убирайтесь! - кричали пьянчужки. - Туточки наш лес, и озеро тоже наше! Расплодились тут, всех повыведем, чертей...

Ну, море-то по колено, дело известное.

А буквально на следующий день - заштормило. И такие волны пошли, что ни одна сеть не держится. И так целую неделю баркасы не могут от берега отойти. Те, кто в озеро ушел, все семь дней не могли вернуться. Ну, тут и последние дураки поняли, что жратвато

кончается, а еще Восьмой дивизии надо окуньков подкинуть! Это коммуна раньше такая была, город охраняли, их после губернатор Кузнец разогнал...

Послали стрелков.

Буря - это полдела, а что началось, когда стрелки пустые вернулись. Вот тут-то беда и пришла. Ведь отродясь такого не было, чтобы выйти на день в гать и не набить мешок дичи! Уж и совсем далече забрались, и по кругу просквозили - а нет ни хрена. Пустые леса стоят, и это в самый сезон, когда у зверья игры любовные, и всё должно кишеть животинкой. Притом исчез не только добрый зверь, даже нечисть испарилась: и летуны всех сортов, и ночные выдры, и чернильные рыбы...

Собрались тогда старейшины с четырех деревень. Думали-гадали, а всё одно, исправлять надо дело... И велели добрым молодцам, что бочку в лужу опрокинули, назад ее вычерпывать, собирать на телегу и везти, откуда взяли. По воде никак: шторм, будто в окияне, лодку мигом в щепу разнесет! Стало быть, запрягай и волоки в обход, чай дороги не заросли. Ну, добро, что в той бочке не жидкая грязь оказалась, а такая крупка белая, вроде мелких горошин. И не раскатилась почти, собирать удобно, и не утоп никто, пока по кочкам лазили. Всё до крупинки собрали, следа не осталось от заразы. И охальники, кто крупу собирал, не померли, вот только кожа маленько с рук посходила, да слезы из глаз лились.

И той же ночью стала стихать буря на Ладоге. Те, что ушли на промысел раньше, сумели наконец к бабам своим вернуться. Половина седыми стали. Сказывали, видят, мол, берег, а пристать никак не могут, и сквозь ветер словно хохочет кто-то...

Вот такие дела-делишки! Да много еще чудного, если так-то призадуматься, в озерном краю, происходило. Всё ведь не упомнишь, а грамотных нет, чтобы записывать...

Вот скажем, случаются ночи, опять же, перед самой Красной луной, когда от восточного берега ползет туман. Там и так-то, днем, километров двадцать можно плыть, и сплошной кисель молочный по правую руку стоит. И какой бы дурак или пьяный ни был, ни за что туды не полезет, пусть хоть метровые рыбы ему сами в лодку кидаться станут!

А ночами не так маленько, туман тихо катится, ну точно перину пуховую кто разминает. Глядь-поглядь, зазевался, а уже ни звезд, ни неба, весь в киселе, и куда плыть, неведомо. Потому что как раз в этот самый момент даже те, кого из люльки в море отцы забирали, напрочь стороны света теряли и становились точно заплутавшие овцы.

Всё бы ничего, но туман-то не из прозрачной водицы.

Красная морось-то, ночью...

И были такие, кому видеть довелось. Ну, тут уж дело хозяйское, верить, али в бороду хихикать. Да только не хотишь, так и не слушай, а коли слушаешь, то рожу не криви!

Кое-кому довелось повстречать Озерную свадьбу.

Хотя, толкуют, что это и не свадьба вовсе. Какая же свадьба ночью, да без огней, да с такой песней, будто хоронят кого? Огни-то, правда, видали... только под водой. А над ними лодки идут. След в след, и так быстро, будто на моторах. Только нет никаких моторов, и веслами тоже никто не машет. Скользят лодки, и волна за ними не поднимается, а в лодках и не разберешь, кто стоит: с головы до ног укутанные... Встанут ладьи в круг - а из круга плеск да стоны. Стало быть, в озеро кого скидывают, да потонуть не дают. А может, наоборот, из-под воды кого выудили? Поют женские голоса тихо, ласково, но от песни той мороз по коже дерет, мочи нету ее слушать...

Кто Озерную свадьбу встретил, тот прежним домой не возвертался. Либо седой приплывал, либо на голову тронутый. Замирать начинал, мог час простоять, в угол глядячи; одно словно, не работник...

Коли не заботься, а слова попробовать разбирать, то чудное выходит. Вроде как, молитвы наши, православные, только наизнанку вывернуты, слова задом наперед поют. А когда слова всклад, тогда промеж них всякое непотребство вставлено, и повторить-то срамно...

Городские-то, дурареи, наслушаются страхов и давай приступать, - чего ж не уходите? Чего ж там живете, рядом с нечистым? А где жить-то, когда тут земля своя, и грех

жаловаться. Да и куда бежать, когда еще деды тут жили? Рыбы полно, и солим, и коптим, и дичь в город подводами уходит. Не сунешься к восточным берегам, так лиха и не будет, а детей-то они давно не воруют. С Чудского, те-то, конечно, за то и биты бывали, но на что им младенцы, так и не прознал никто. Зато чудские да онежские, они при новом губернаторе в Питер стали вхожи, даже им солдат дают, чтоб народ не поколотил. А нынче, поговаривают, губернатор Думу собирать станет, так он чародеев, прям как ковбоев или честных рыбаков, позвал.

Оно конечно, кому такая радость нужна, чтобы с тварями мерзкими вместе суд вершить да за одним столом сидеть? Хотя сказывают, крест у них под одежей навыворот висит. Перевернутый, стало быть...

Верить подобным бредням или не верить, решали наверху, а служивые люди губернатора знай себе на ус наматывали. И доносили в Тайную палату Трибунала.

Так и катилась в деревнях жизнь своим чередом. Пока в Питере шум да стройки, на Ладоге тишина. Недаром сказано: не тронь, оно и вонять не будет... И не трогали... пока губернатор Кузнец из Парижу мертвяков живых не привез. Старцы на хуторах дальних так сразу и завыли, что не к добру, и колокол на церкви треснул, и рыба снова гадкая пошла - с плешью, да без глаз...

Недоброе, ох, недоброе лето начиналось...

22. В ГОСТЯХ У САТАНЫ

В ту ночь, никем не замеченный, пролетел вверх по течению Невы громадный крылатый змей. Мужчина, управлявший змеем, удерживал его на предельно возможной для полета высоте и снизился лишь, когда небо впереди слилось с агатовой скатертью воды, а в глазадохнул морской ветер.

Промелькнули внизу последние, редкие огоньки остров с древней крепостью, костры на маяках - и пропали. Дракон махал крыльями в глубине бездонного колодца, где не было ни верха, ни низа, лишь ударяла в лицо противная морось, и свист стоял нестерпимый.

Ладога распахнула свои неприветливые объятия.

Восточный берег, заросший камышом и пресноводной зеленью, не приманивал даже перелетных птиц. Не дотянув и мили до границы невидимого камыша, змей занервничал, принялся рыскать по сторонам, выгибать шею, и погонщику стало всё труднее удерживать его на курсе. Наконец человек решил, что достиг нужного места,

Дракон, распахнув крылья, спланировал вдоль границы естественных запруд. Он пронесся, молотя когтистыми лапами, по цветущей воде, вдоль многолетних илистых отложений, запутавшихся в тине бревен, буйков, останков малого флота, и прочих обломков цивилизации. В кромешной тьме свистнули коротко, будто пташка малая беспокоилась. На свист ответило хриплое кряканье нырка, и к раскаленной чешуе ящера пристала плоская, длинная, как пирога, лодка. Крылатый тяжело дышал, отфыркивался, поднимая лапами и хвостом кругую волну. Из седельных штанов спустились несколько фигур. Лодка просела под их тяжестью. Со спины змея передали что-то, завернутое в мешковину, а последними прыгнули, сверкнув клыками, уж совсем не человечьи, две гибкие тени...

Неумолчный шорох камышей заглушал все звуки, а когда, спустя минуту, погонщик змея дернул поводья и стал отгребать назад, низкая ладья уже исчезла, растворилась в лабиринте протоков. За крылатым великаном из зарослей потянулись щупальца тумана, обхватили его влажную позолоту, но не удержались и отползли назад.

Люди, что лежали на дне лодки, укрывшись брезентом, ориентировались по едва заметным знакам, отыскивали узкие проходы в частоколе камыша. Они не гребли, а отталкивались руками от мокрых, колышущихся стен. Иногда лодка застревала, и тогда человек, сидящий на самом носу, расчищал путь ударами длинного ножа. Он ложился на живот, свешивался вперед и рубил так, как рубят капусту - наотмашь, со всхлипами. Кроме впередсмотрящего в лодке был еще один человек, который не лежал, а стоял, напряженно

вглядываясь в полутемный, извилистый тоннель. Он был единственный, кто примерно представлял, как достичь берега в нужном месте, но всё равно несколько раз ошибался, указывая неверное направление. В таких случаях плоскодонка врезалась в завал из гниющих бревен или упиралась в непроходимую, шуршащую стену.

При каждой ошибке человек ощутимо нервничал, оглядывался назад, приседал, и, извиняясь, разводил руками. Но его никто не ругал.

Никто вообще не произносил ни слова.

Даже тогда, когда на них в первый раз напали.

На узком участке, разворачиваясь между килем перевернутого буксира и вросшим в дно прогнившим баллоном катамарана, лодка рывком остановилась, точно напоролась на мель. Но мели под ними не было, люди прекрасно чувствовали глубину. Оставалось еще воды больше человеческого роста, правда, под слоем взвихренного ила угадывался следующий провал, вроде как щель, уходящая под каркас затонувшего буксира...

Оттуда беззвучно поднялись две узкие, подвижные тени, извиваясь как угри, и ухватились с обеих сторон за борта суденышка. Люди, лежавшие на дне лодки, затаили дыхание, зато кормчий откинул капюшон и что-то напевно произнес. Ответом ему был тонкий свист воздуха.

Кормчий, присев на корточки, запустил руку в мешок и кинул подводным сторожам по куску мяса. Клацнули челюсти, и снова стало тихо. Человек опять обратился к подводным тварям - сначала с мольбой, затем с угрозой, но, видимо, безрезультатно.

Один из затаившихся под брезентовой попоной мужчин, приоткрыл глаза и увидел рядом то, что когда-то было плавником, а теперь приобрело гибкость и распалось на три длинных, колющих пальца, сантиметров по пятнадцать каждый. Казалось, что на пальцах совсем неросло кожи, но костяные пластины, связанные жесткой мембраной, вцепились в деревянный борт с такой силой, что старая доска начала крошиться.

Мужчина толкнул товарища, указав ему за корму, и продемонстрировал во мраке три пальца. Товарищ, не произнося ни звука, показал движением ресниц, что слышит и понимает. Третий мужчина, лежащий ногами в другую сторону, коснулся плеч своих товарищей и вложил себе в губы два тонких отполированных лезвия.

— Нет, не поможет, - покачал головой самый пожилой, и продемонстрировал спутникам скромный деревянный пузырек с плотно притертой пробкой.

В ногах у четвертого мужчины, что лежал на носу и раньше рубил водоросли, кто-то тихо вздохнул и лизнул хозяина за пятку.

Кормчий продолжал напевать. Наверное, он был очень раздосадован, он не понимал, почему щуки не слушаются, и подозревал, чего от них можно ожидать. Либо они повиновались сразу, либо немедленно убивали. Так их приучили, их хозяевам не нужны были пленные. Их хозяевам было важно, чтобы никто не пробрался к берегу. Видимо, провожатый допустил какую-то оплошность, он командовал рыбами первый раз, хотя вкус его крови стражам был знаком...

А может быть, они учуяли врагов, несмотря на все предосторожности, и смрад от вытяжки летуна не перешиб запах чужой крови...

Второй плавник ухватился за корму. Двое мужчин на дне лодки, резко подались в стороны, и мгновение спустя что-то ударило в дно со страшной силой. Кормчий не удержался и упал на одно колено, ухватившись рукой за обшитый металлом бортик.

Второй удар сотряс лодку. На сей раз толчок был такой силы, что одна из досок ощутимо хрустнула. Сквозь образовавшуюся щель, тонкой струйкой, начала просачиваться вода.

Упавший на колени человек хотел подняться, но его кисть, как капкан, обвили костяные пальцы. В следующий миг из воды показалась вытянутая морда, безгубая, с задранными плоскими ноздрями. В толстой корке чешуи вращались широко поставленные глазницы, без зрачков. Щука двигалась необычайно проворно, глубокая пасть открылась так

широко, словно в челюсти не было костей, и упавший человек остался бы без руки, если бы не его товарищ, который уже был на ногах.

Полог откинулся, из-под брезента разом выскочили четверо мужчин. Мужчина в белом свободном балахоне произвел несколько скупых, но очень быстрых движений. Со стороны это выглядело так, будто он косит траву. Лапа подводного монстра продолжала цепляться за запястье, вторая царапала кольцо уключины, и покрытая наростами, лоснящаяся голова плавала на поверхности. Но туловище, выталкивая кровь, уже опускалось в глубину.

Поджарый, юркий старичок, с подвязанными седыми косичками, выплеснул в воду два флакончика, туда же отправил пустую тару и рукавицы. Третий мужчина сгреб неудачливого парламентария в охапку и уложил на дно. Тот скрипел зубами и зажимал раны на запястье. Четвертый мужик, самый крупный, без замаха ударил по плавнику другой рыбы и тут же, подкинув лезвие в воздух, небрежно перехватил вертящуюся саблю двумя руками и резким толчком, ввинтился в пасть противнику.

Щука сомкнула зубы, и сабля переломилась. После этого кошмарное создание подтянулось на уцелевшем плавнике и запрыгнуло в лодку. Это спасло его от немедленной смерти. Три подружки уже покачивались брюхом кверху, втянув жабрами токсин. Помимо стражей, в радиусе двадцати метров на глазах погибало всё живое. Туман скрывал картину удушающей смерти, но старик с косичками обладал очень хорошим зрением. Он видел, как забили и издохли несколько щучьих детенышей, прятаящихся под рулем утонувшего буксира, как всплыло десятка три самых разных рыб, несчетное количество лягушек и насекомых, и даже птицы, которым не посчастливилось свить поблизости гнездо. Старик знал, что почернеют и скукожатся даже водоросли...

Плевки Сатаны не щадили никого, ни на суше, ни на море.

Сиганувшая в лодку рыба проявила невероятную живучесть, оказалось, что ее хвостовые плавники тоже имеют захваты, которыми она вырвала из борта изрядный кусок. Гигант в сером балахоне от толчка плюхнулся на задницу; лодка качнулась, зачерпнув стоялой воды. Люди в лодке повидали немало, и сами любили эксперименты, но здешние креатуры удивили всех.

Полутораметровая тварь, не обращая внимания на отрубленную конечность, сложилась кольцом и сделала молниеносный выпад, целясь в ногу обидчику. Ее веретенообразное тело представляло собой сплошной комок мускулов, укрытый тремя рядами костяных наростов, как у маленького стегозавра. Далекий зубастый предок, обедавший пескарями и забивавшийся под корягу, слышав моторную лодку, мог бы только мечтать о таком вооружении...

Гигант в сером балахоне явно растерялся, разглядывая недоеденный обломок своей сабли, но остальные были начеку. Мужчина, убивший кинжалом другую рыбу, перехватил монстра в полете. Он уже понял, что бить ножом по спине бесполезно, поскольку челюсти всё равно сомкнутся, и прыгнул, всей массой тела толкнув рыбу вбок.

Хищница промахнулась и вместо ноги откусила шмат деревянного сиденья. Двухдюймовую доску она переломила, как спичку, и тут же выплюнула. Еще не закончив с лавкой, она ухитрилась развернуться в воздухе, словно была не рыбой, а бультерьером и, толкнувшись хвостом о дно, вторично ринулась в атаку. Мужчина в белом, столкнувшись плечом с телом врага, изодрал рубаху и отлетел к другому борту. В последний момент, не давая выпасть, его подхватил один из товарищей.

Судно снова качнулось, ударившись носом о ржавый затонувший понтон. На носу, под мешками, кто-то низко заворчал, затем брезент изнутри разорвали на части, и высунулись две белые тигриные морды на длинных шеях.

Но тигры не успели принять участия в драке. В этот раз гигант оказался проворнее щуки, он отшвырнул огрызок сабли и вытянул из-под лавки полуметровую секиру, на древке размером с оглоблю.

Когда великан взмахнул своим оружием, остальные подельники были вынуждены попадать под лавки. Зубы обитателя камышей с визгом проехали по закаленной стали, и

это оказался первый громкий звук за время схватки.

И последний звук тоже. Потому что обладатель секиры попал рыбе в рот и разрубил ее вдоль, почти пополам. Теперь он мучился, не в силах выдернуть железный полумесяц обратно.

Некоторое время мужчины успокаивались, восстанавливая дыхание и обшаривая окрестности.

Живых врагов поблизости не было, из затонов никто больше не приплыл. Красный диск луны равнодушно освещал шуршащие поля камыша. Потом люди собрались вокруг трупа врага. Кровь толчками билась в горле чудовища и, бурля, выплескивалась на дно лодки.

Конечно, это была не совсем рыба. Или совсем не рыба, и уж тем более, совсем не щука. Щуки вырастают до громадных размеров, но при этом их хвостовой плавник не может совершать хватательные движения. Голова, с неправильным прикусом, была размером с голову теленка. А в пасти, раскрытой как у кобры, мог легко поместиться арбуз-рекордсмен. На грудных плавниках всюду шло формирование кистей, но локти пока не отросли. Всё туловище хищника покрывали три ряда острых, как иглы, шипов, а погасшие глаза смотрели с ненавистью, совершенно не присущей снулому взгляду холонокровных.

Кормчий, тот, что пытался разговаривать с рыбами, поднялся со дна, потирая колено, и кинулся помогать старику. Вместе они разрезали белый балахон на мужчине, толкнувшем рыбину в бок, остановили кровь и залепили ранки клеем.

Сквозь мутную сыворотку тумана, сквозь колтуны мокрых стеблей над головой, поднимался багровеющий зрачок ночного светила. Красная луна не вошла еще в полную силу, не набралась еще яростной, демонической мощи, которой пугалось всё живое, но в лодке заворочались и зарычали беззвучно укрытые попонами пассажиры...

...Пни на поляне давно выкорчевали, а голую землю, как видно, неоднократно выжигали, так что теперь здесь расстилалась ровная полукруглая площадка. Ни единого цветка, ни зеленой травинки.

Глаз самого внимательного горожанина не различил бы в буреломе несколько скрытых троп, умело замаскированных колючим кустарником и воткнутыми в землю засохшими ветками.

Там, где на берег с тихим плеском накатывались серые холодные волны, был закопан ряд камней, а между ними вбиты железные кольца для швартовки лодок. Со стороны озера прогалину смог бы заметить лишь очень опытный глаз, поскольку на сотню метров вдоль береговой линии вода заросла высоченной осокой. Ниже камыша и осоки, в три яруса, разбухали водоросли, превращая воду в густые зеленые щи, куда не рискнул бы опустить весло ни один рыбак. Помимо водорослей, широким полукругом, невидимым со стороны, поляну окружали залежи полузатопленных бревен.

Самые чуткие пассажиры в лодке волновались, прислушивались и приныкивались к древесной гнили, давая понять остальным, что не только мирные лягушки прячутся в раске. Но люди не боялись.

Люди, ступившие на восточный берег, мало чего боялись в жизни. Одной угрозой больше, одной меньше, не играло серьезной роли, когда на карте стояло равновесие мира. Плоскодонка ткнулась носом в камень, и впередсмотрящий шустро накинул на колышек канатную петлю. Он тоже видел в темноте, не хуже кошки.

Кормчий вышел на берег первым. Он скинул плащ и остался почти голым, в одних коротких, засаленных штанах и меховой безрукавке. В свете луны блеснули четыре ряда бус и медный браслет на шее. Под ошейником болталось перевернутое распятие, на котором вместо погибшего бога извивалась и хохотала виртуозно вырезанная из дерева фигурка беса. Двумя хвостами бесенок обвивал поперечины крестов, а в крошечных глазницах поблескивали рубины. Отросшие рыжие патлы человека были густо смазаны жиром, расчесаны на две стороны, а в проборе оставила след полоса белой, светящейся краски. Такая же краска светилась у него вокруг рта и на кистях, создавая ощущение голых костяных

фаланг.

– Это я, Христофор! - сказал кормчий, демонстрируя темноте пустые ладони. - Привез деду свежую женщину.

Из мрака выступили двое крепких мужчин. Один наставил Христофору в кадык длинную заточенную пику, второй вприпрыжку побежал к лодке.

– Привез? - радостным шепотом спросил он, пиная объемистый мешок. Из мешка донеслось жалобное женское всхлипывание.

– А ну, дай взглянуть! - сторож убрал пику и побежал к товарищу. Вдвоем они вытащили мешок на камни. В багровом свете луны сверкнул нож. - Слышь, малек, не вздумай деду брякнуть, что мы лазили. Мы только пощупаем - и всё.

– А вякнешь - к щукам отправим! - хохотнул другой, сражаясь с синтетической веревкой. - Мы любой товар должны проверить, прежде чем дед оприходует, верно, малек? Слышь, а в том мешке у тебя что?!

– В том мешке - я! - ответил Карапуз, беря любознательного Озерника своей клешней за горло.

Второй колдун схватился за нож, сунул в рот свисток, но тут мешок, который его так интересовал, сам развязался, оттуда выскочило лезвие и до основания воткнулось ему в подбородок. Из мешка, кряхтя, выбрался Прохор Второй. Старый Качальщик забрал лезвие, шлепнул по морде любопытного тигра и, кряхтя, размял кости. Прохор не вылезал из уральской деревни уже шесть лет и неважно чувствовал себя в Невском климате; он убеждал всех, что только желание опробовать в деле новые живые изобретения выгнало его из дома.

Но причина заключалась в другом, и Коваль это знал. Замшелый генетик был другом старших Семенов - отца и деда того, кто погиб в песках...

По сигналу чингиса за кормой, из воды, вылезли прочие непрошенные гости. Все они выглядели куда скромнее, чем раскрашенный сын Красной луны. Под промокшими серыми одеждами крепилась кожаная упряжь с притороченным оружием. Сойдя на сушу, люди моментально рассыпались по поляне, сливаясь с темнотой. Две огромные кошки, повинувшись беззвучному окрику, заспешили вслед за хозяином.

Но далеко они не ушли.

Окружая пришельцев, на поляну вышла волчья стая. Коваль насчитал пятерых матерых волков в первой шеренге и троих малолеток в кустах. Руки непроизвольно потянулись к оружию, а мозг уже проваливался в колодец, нащупывая нити единения, когда Артур понял, что его опередили. Опередил всех, естественно, Прохор, который разговаривал с волками лучше, чем с людьми.

Ближайший самец, огромный, как теленок, в подпалинах и лишаях, качнулся в сторону, точно пьяный, затем его лапы подкосились, и вожак мягко свалился в сырую золу. С остальными его соплеменниками было покончено за минуту. Артур думал, что можно идти дальше, но Прохор вдруг схватился за сердце. Когда старик очухался, на нем не было лица. Глаза вываливались из орбит, задыхающимся ртом он хватал прохладный воздух, руки тряслись, как в падучей. Прохор ничего не сказал, лишь подал мимолетный знак Бердеру.

Хранитель силы вытащил клинки. Сталь отскочила от шкуры. На помощь Бердеру пришел Карапуз, но убить волков они смогли, лишь протыкая их чеканом в глаз...

– Обязательно их убивать? - Коваль был потрясен. Никогда еще он не видел, чтобы Прохор, самый большой любитель фауны, отдал приказ резать беззащитных созданий.

– Не удержу... - одними губами прошептал старик. - Их не растили в дружбе с человеком. Опомнятся, пойдут по следу...

И снова застыла потревоженная вода, и могильное безмолвие опустилось на поляну.

Христофор ступал первым, уверенно пробираясь по тайной, извилистой тропе. Иногда он останавливался и дул в глиняный свисток, но человеческое ухо не воспринимало столь высокий звук. С ветки, навстречу светящемуся пробору колдуна, свешивалась треугольная, зубастая мордочка со вздрагивающими мышинными ушами. Летун узнавал человека, получал кусочек сырого мяса и убирался наверх, чтобы в следующую секунду свалиться замертво.

Бердер, идущий по следу проводника, подхватывал парализованную тушку, не давая коснуться земли, и коротким ударом вспарывал летуну горло.

Деревья кончились внезапно, на кромке обрыва.

Тропа оборвалась обширным прямоугольным котлованом с остатками фундамента и лабиринтами подвального этажа. Из ледяной глубины пахло сырой землей и густым, приторно-сладким ароматом. Словно мачты затонувших фрегатов, из пропасти торчали пики бетонных свай. Над котлованом была натянута плотная сеть, по веревкам которой тянулись бесчисленные нити плюща, создавая плотный, непроглядный полог. На далеком бетонном дне рукотворного оврага разноцветными огнями полыхали три костра. Один костер дымил черным, другой - белым, а от третьего поднимался красный дым.

Древние строители успели заложить обноску и загнать между опорных колонн секции двух подземных уровней. Возможно, здесь должен был находиться двухъярусный гараж. Теперь по сторонам от центральной голой площадки, словно соты, теснились темные кельи, заложенные сверху бревнами, и присыпанные землей. Получился настоящий храмовый ансамбль, скопище квартир без окон, в которых копошились неясные тени.

На самом дне, там, где почва рвала на части цемент и гравийную подушку, возвышалось угловатое сооружение, похожее на юрту. Из круглой дыры в крыше поднимался столб прозрачных благовоний, а напротив застегнутого полога дремали два болотных кота. Хищники были сытые, рядом валялась недоеденный лосиный окорок. С высоты огибающей котлован тропы оба казались игрушечными котятками...

Спуститься в яму можно было только по двум самодельным каменным лесенкам. Наверху, напротив обеих лестниц, располагались мощные решетчатые клетки, где, звякая цепями, бродили волки. Любог, кто отваживался спуститься вниз, должен был вначале отворить калитку и войти в клеть.

Почувяв чужой запах, волки в ближайшем загоне поднялись и с сиплым рычанием повернулись к лесу. Самый крупный самец, встав на задние лапы, был на голову выше взрослого мужчины. Хищники были слишком умны, чтобы зря таякать и грызть железные прутья, однако Христофор знал, что Белому Деду достаточно одного движения рукой, чтобы выдернуть штырь из кольца и выпустить стаю на волю. Белый Дед ждал невест этой ночью, и если бы летуны успели сообщить ему об опасности, волки были бы уже выпущены...

Пробить ножом их шкуру невозможно. Совсем маленьких волчат брили наголо и обрабатывали кожу специальным дубящим составом. Их обмазывали снова и снова, опускали в тлеющие угли и кидали в ледяную крошку. Те, кто выживал, примерно каждый седьмой, принимались в стаю озерных волков. Так называл их Красный Дед, занимавшийся воспитанием животных и птиц. Собственно, воспитание только начиналось; предстояло еще слишком многое, чтобы научиться вселять ужас.

Но сын Красной луны пробыл в скитах Озерников недостаточно долго, чтобы разведать все тайны. Когда губернатор увидел его, после месячной разлуки, то всерьез испугался за душевное здоровье своего безобидного советчика. Христофора никто не заставлял, он молча выслушал предложение Артура, провел ночь с молодой женой, а в шесть утра уже собрался в дорогу.

Озерники поверили, что Христофор бежал, избитый губернатором. В этих целях в Зимнем был даже разыгран настоящий спектакль на случай вражеского шпионажа, но проблема заключалась в другом.

Сыну луны пришлось пройти несколько инициации и принять участие не в самых приятных ритуалах. Коваль мог только догадываться, что творили Черный и Красный Деда, если для ритуала Белого понадобилось сразу три девственницы...

Христофору поручили раздобыть одну, с непременным условием украсть девушку не ближе, чем за пятьдесят километров. Белого Деда устраивал любой возраст, можно было приволочь даже двенадцатилетнего подростка. Христия, с риском для жизни, вышел на лодке, добрался до фактории, где всё это время, под видом скупщика дичи, отирался Карапуз. Христофор назвал ему дату очередной "свадьбы" Белого и передал несколько слов для

губернатора.

Просьба сводилась к тому, что если его не заберут из Озерных скитов в указанный день, то дальше он не выдержит...

Коваль сообщил Бердеру, что нужна девственница, желательно побойчее. Внешность - не главное, был бы человек хороший...

Сейчас к сгорбленному под тяжестью мешка Христофору подошли двое с факелами. Снизу из мешка торчали ноги, обутые в женские, дорогой кожи, сапожки. Один из встречавших, сутулый, тоже раскрашенный светящимися линиями, обогнул гостя и быстро осмотрел всё вокруг, втягивая ноздрями воздух.

– Мне не нравится, чем от тебя несет, Христофор, - проворчал он, возвращаясь.

– Это от нее, - тихо ответил парень, половчее перехватывая на плече мешок.

– Что-то не так... - сутулый продолжал сверлить глазами тропу. - Ты ни с кем не повстречался?

– Ага... Больно уж тихо, да, Отец? - заволновался второй колдун, низенький толстяк, с отвисшим зобом и выпученными глазами. На нем была черная сутана, украшенная искусной вышивкой. На спине красовалась голая женщина, запикивающая в себя сучковатый, деревянный член, а на груди совокуплялись два скелета.

– Мокрогуб там, и Красивый, - ответил Христофор, и добавил жалобно. - Бабу у меня отнять хотели...

– Что-о?! - мигом переключился сутулый.

– И Деду говорить не велели. Дай, говорят, нам пощупать. Ей, мол, всё едино, подыхать...

– Вот сучье племя! - зло сплюнул сутулый. - Обоих отправлю поганки собирать! А ты молодец, малек. Так и надо! Если что заметишь среди братии, сразу ко мне, понял?

– Ты уж им-то не выдавай, Отец!

– Не бойсь, не продам. Давай, неси свою целку вниз! Белый ждет уже...

– Они там бражку пьют, Отец, - угодливо добавил Христофор.

– Вот козлиное отродье! - рявкнул сутулый и, велев толстому следовать за ним, помчался к заставе.

Сын луны проводил их недобрый взглядом и шагнул к клетке с волками. Хищники заволновались, почуяв незнакомый запах. Их никогда не кормили досыта, кроме того, звери отлично чувствовали, когда их боятся. Одним из тяжелых испытаний для Христофора было каждый раз проходить сквозь клетку. Прыгнуть вниз, на бетонные плиты, с пятнадцатиметровой высоты, он бы не решился, тем более с живой ношей на спине.

Но прыгать не пришлось. Минуту спустя из леса вместо троицы колдунов вышел Прохор и, осмотревшись, первым пролез в калитку. За старичком беззвучно просочились остальные. Волки во второй клетке, на другом конце котлована, ничего не заметили. Они были слишком заняты состоянием своих желудков. Бердер кинул им сальные шарики со скрученной проволокой...

Чем выше вокруг вырастали замшелые бетонные колонны, тем сильнее охватывало Артура чувство даже не страха, а скорее омерзения. Он никогда не думал, что доведется побывать в местах, где люди выбрали смыслом жизни кривое, перевернутое зеркало.

Путь издевательской насмешки над всем, что считали святым для себя остальные.

Путь бесцельной веры в зло, которого нет, но которое можно возродить, если вовремя бросить семя.

На уровне первого подземного яруса Артур понял, что сооружение имело промышленное назначение. По обеим сторонам от каменной лестницы сохранились остатки направляющих для грузовых лифтов и даже площадка с проржавевшим двигателем. Еще ниже, под перекрытием, укрепленным стальными швеллерами, по всей длине этажа располагалось нечто вроде аттика, уставленного примитивными скульптурами. Перекрытие было очень толстым и выдерживало, очевидно, вес станков... Во всяком случае, в боковых нишах Артур заметил ямы для пружин и амортизационных подушек. Отряд спускался без

света, но в пламени костров скульптуры показались Ковалю похожими на горгулий. Помимо них поперечные балки опоясывал бесконечный ряд фресок, в которых без труда угадывались библейские сюжеты и сцены Страшного суда. Рисовали неплохо, художник работал в манере Шагала, но в каждом изображении сквозила как будто издевка. У ангелков проклевывались маленькие рожки, волхвы ухмылялись младенцу карминовыми ртами, из которых высовывались раздвоенные языки. Святой не попирает змея пикой, а нес на ней гирлянду черепов...

Из проемов подвальных каморок, забранных сеткой, смотрели дети. Коваль насчитал человек двенадцать, разного возраста, от трех до десяти лет. Среди них было всего две девочки, остальные - мальчишки, с одинаковыми, хмурыми и напряженными лицами. В каморках, за их спинами, горели лампадки, валялись одеяла и примитивные игрушки. Ковалю сначала показалось, что дети находятся в тюрьме, но скоро он понял, что это временное пристанище, а клетка защищает их от болотных котов.

Малышей приводили сюда для участия в обрядах; скорее всего, ритуалы были частью местного образовательного процесса, после которого психика маленького человечка менялась необратимо. Лет тридцать назад детей было бы, скорее всего, гораздо больше, а теперь люди уходили в города и дети Красной луны рождались всё реже. Человечество выздоравливало...

"Ни хрена оно не выздоравливает, - поправил себя Артур, - всё идет по кругу. Всегда найдутся те, кто поставит беса на алтарь, и заставит несмышленишей поклоняться ему".

Он присмотрелся к убранству подвальных "камер" повнимательнее. Там, в уголках, действительно светили лампадки, но за ними висели перевернутые, измазанные чем-то красным образа. К ликам святых были подрисованы рога, а в глазах прожжены дыры.

Шел активный воспитательный процесс...

Еще десяток ступеней вниз, и открылся следующий ярус. Здесь не было детей, но экспедицию ждало новое неприятное открытие. Среди частокола забитых в землю свай стояли гробы. Сколоченные из крепких сосновых досок, одни очень старые, а другие выструганные совсем недавно, они не лежали, а именно стояли, вдоль стен. В крышке гробов имелись узкие дверцы, с окошками, затянутыми черной тканью. Каждую дверцу запирала массивная щеколда.

Словно те, кто находились внутри, могли неожиданно вырваться...

Опустившись на самое дно, он понял, почему ни один ребенок не поднял шум. На Озерников никто не нападал; в самом сердце святилища просто не могли ожидать атаки извне. Артур вздрогнул, представив себе, что было бы, если бы он отправился на штурм с обычными гвардейцами и без помощи Христофора...

Очевидно, это был фундамент заводского цеха или судоремонтного ангара. Дальние края стройплощадки терялись во мгле, а небо на огромной высоте закрывала плотная сеть. Три костра, изрыгая разноцветный дым, окрашивали стены стоящей по центру юрты радужными сполохами. Дремавшие у входа коты что-то почуяли и выскочили навстречу, топорща шерсть.

Проход махнул ладонью, подманивая животных к себе. Коты пошли, но крайне неохотно, словно их тянуло назад резиновым канатом. Карапуз поднял ствол пулемета. Коваль вытащил ножи, заслоняя Христофора. У старого Хранителя с висков бежали струйки пота и подрагивали от напряжения колени.

Теперь стало слышно пение, доносящееся из шатра. Кошки зашипели, царапая когтями цементную крошку. Бердер присел на колено и с обеих рук метнул отравленные клинки. Когда звери издохли, Проход вытер лицо рукавом и покачал головой, показывая Бердеру следы на рубашке. Из носа у него шла кровь.

Артур в последний раз оглядел бетонное сооружение и только сейчас заметил, насколько тут холодно. Несмотря на три пылающие пирамиды, изо рта вырывалась струйка пара. Они находились на глубине пятнадцати метров, в гигантском склепе, набитом покойниками.

Коваль остановился напротив занавешенного дублеными шкурами входа в шатер. Вблизи шатер оказался очень большим, метров двадцать в поперечнике. Изнутри тонкими струйками проникал неясный свет, слышались ритмичные удары, неясная возня и мужское пение по нисходящей, будто хор разучивал гаммы.

– "Отче наш", - прошептал Христофор. - Они поют "Отче наш" наоборот...

– Сколько их там?

– Почти все, кроме некоторых Сынов, что остались в верхних скитах. Четыре Деда и тринадцать апостолов. Отцов - человек двадцать. Еще могут быть Сыны и кликуны, они неопасны.

– А кто опасен? - очень серьезно спросил Бердер.

– Апостолов лучше убить сразу, - отрывисто произнес сын луны.

На его горле дергался кадык. Коваль подумал, что парень находится на грани, еще немного - и выронит мешок. Артур решительно отдернул в сторону тяжелую шкуру. Изнутри хлынули клубы сладкого дыма.

– Ну, привет, Гриня! - прошептал губернатор, заходя внутрь.

23. КОНЕЦ КРАСНОЙ ЛУНЫ

Примерно так Артур себе это и представлял, однако действительность превзошла самые мрачные прогнозы. Служба была в самом разгаре, и спасти первую невесту они уже не успевали.

Внутри оказалось очень много людей, но Коваль не ощутил их, как отдельных личностей. Бурлящая масса скорее напоминала сгустки протоплазмы, многоголовую гидру, в процессе бездумного пожирания пищи. Многоликое чудище не просто воняло, оно купалось в приторных миазмах курильниц, оно вдыхало собственные выделения и сатанело от них.

А еще, гидра дергалась вместе со стуком барабанов...

Шатер освещался несколькими сотнями свечей из черного воска, и, несмотря на мрачную расцветку стен, казался изнутри больше, чем снаружи. Возможно потому, что он был натянут как раз над местом, где недоставало куска фундамента, и в довершение всего, по центру выкопали порядочное углубление. Ковалю мгновенно пришло на ум верное слово - "анти"! Да, здесь всё было задумано и сделано наоборот.

Там, где за подобием золотых ворот предполагался алтарь, присутствовала яма, клирос находился еще глубже, почти в траншее, а в железных мисках, похожих на стоматологические плевательницы, явно плескалась не святая вода. Изнутри стены покрывали драпировки из полуистлевших тканей веселеньких расцветок, но рисунки почти пропали под слоем жирного, свечного нагара.

Обвисшие стены поддерживали два ряда столбов, с крестовинами поверху. В центре, на круге из грубо отесанных камней, полыхал очаг, над которым дымилась жаровня размером с уличную мантышницу. Возле огня копошились несколько отвратительных, бесполок созданий, небрежно завернутых в белую материю. На спине у каждого раскачивался, пристроченный нитками, перевернутый железный крест. Карлики, или сгорбленные инвалиды, занимались тем, что подкидывали в угли ароматический порошок, а двое сморщенных микроцефалов, с птичьими головками, раскачивали люльку. У лилипутов не было кистей на руках, они вставляли на цыпочки и толкали тяжелую качель мозолистыми локтями, с риском свалиться в огонь. Кто-то там спал, укрытый ветошью, в деревянной колыбельке...

Люлька когда-то, несомненно, исполняла роль роскошно украшенной купели. На ее грязных, заляпанных боках, сквозь жир и нечистоты, проглядывала голубая краска и даже ошметки золоченых кистей. Две ржавые цепи, перекинутые через потолочную балку, повизгивали при каждом ударе культей, а дно купели обуглилось, от постоянной близости к огню.

Впрочем, визг железа доносился в те редкие мгновения, когда стихал хор и "оркестр"...

За каменным кругом, еще ниже в яме, поднималось наклонное, перевернутое распятие. Обтесанный, гладко отполированный сосновый ствол, не меньше трех метров в длину, с грубой поперечиной почти у самого пола. Вершиной он крепился к одному из опорных столбов. Сосновая колонна стояла не на глине, а внутри плоского железного таза, куда стекала... кровь. На кресте, вверх ногами, висела, обмазанная мелом, совсем молоденькая девушка. Лодыжки обвивали веревки, закрепленные на крюке, запястья были прикручены к перекладине, а пряди распущенных кос плавали в крови.

Вторая невеста Белого Деда, с заткнутым ртом и связанными позади локтями, корчилась перед самым входом на низкой деревянной столешнице, целиком вырезанной из огромного пня. Ее горло охватывала тугая скользящая петля, конец веревки проходил сквозь железное кольцо и заканчивался в кулаке высокого "монаха". Вместо нормального головного убора на нем была волчья маска, а рясу служитель местного божества носил на голое тело, оставляя открытым покрашенный в белое стоящий член.

Положив девушку на бок, ее одновременно насиловали двое других мужчин в масках, а когда она начинала особенно сильно вырываться, "волк" дергал за веревку, пережимая жертве горло. Еще человек шесть лжемонахов стояли в очереди вокруг стола и отрывистыми движениями хлестали голое тело невесты плетками. Все они, не отрываясь, как замороженные, следили за конвульсиями жертвы.

Обе девицы были вымазаны с ног до головы в белой краске, но у той, что еще была жива, лицо закрывало что-то черное. Артуру даже показалось вначале, что с девушки сняли скальп, но когда Отец ослабил удавку, удалось разглядеть получше. Вокруг запрокинутого, посиневшего от крика лба невесты струились черные кружева фаты. Вторая девушка на кресте уже умерла. До смерти ее тоже лупили, но доконало несчастную не это. Артур пригляделся и еле сдержал подступившую рвоту.

В беднягу затолкали неимоверной длины искусственный фаллос. Он и сейчас торчал из нее на добрых десять дюймов, с широкой поперечиной на конце. Видимо, сначала ее разорвали внутри этой штукой, а потом стянули ноги вместе и подвесили на крюк.

В стрекот барабанов вплелись гнусавые звуки баяна, десятки голосов заблеяли скачущую, неистовую песню, а подножие креста заслонил лес черных фигур. У Коваля сложилось ощущение, что он навечно прирос к полу, не в силах пройти внутрь, хотя, на самом деле, не прошло и трех секунд...

Теперь Артур заметил еще кое-что. За крестом, вдоль дальней стены располагались обломки сразу нескольких иконостасов и потемневшие от копоти картины с русскими святыми в полный рост. На причинном месте в досках картин зияли отверстия, и оттуда торчали такие же, зашкуренные, метровые члены. Черный, красный и покрытый прозрачным лаком...

Сегодня была очередь Белого Деда.

Гостей заметили не сразу. Помимо бригады насильников, целая толпа в размалеванных рясах обступила распятие, а десятка два заросших гривами мужиков стояли на коленях на приступке импровизированного клироса. Полностью голые, но в масках, раскачивались и заунывно распевали молитвы. Несмотря на тоскливое звучание, они трясли бородами и кулаками отбивали ритм вслед за барабаном. Их тела так густо покрывала известка, что хор походил на сборище забинтованных манекенов.

Певчими руководила обрюзгшая старуха в засаленном клобуке, резиновом мясницком переднике и шелковых шароварах. Она отбивала такт на большом оркестровом барабане. Подле нее, на еловых ветках, притулился безногий инвалид с провалившимся носом и беспорядочно раздувал меха гармоники. Еще один престарелый персонаж Хичкока колотил палкой по ритм-барабанам; лишь половина его тела дышала здоровьем, обе же левые конечности висели, как проколотые воздушные шары, левый глаз выкатывался из орбиты, и рот не закрывался. От этого казалось, что оборванец задорно подмигивает окружающим.

У противоположной стенки, под заплеванной иконой Богородицы, колотились в падучей несколько пожилых женщин, закутанных в лохмотья, а поодаль, за низенькой

загородкой, на коленях стояли мальчишки. Такие же мелкие, как те, что в клетках снаружи. Дети были одеты, как маленькие капуцины, в рясы огненно-красного цвета, но на лице и на впалой груди у каждого светились три шестерки. Все мальчишки, распахнув глаза, раскачивались в такт барабану.

В жаровне, помимо ароматических веществ, несомненно плавился наркотик. Едва зайдя внутрь, Коваль ощутил гнетущую, сладкую духоту, сердце забилося быстрее, и в глазах защипало. А еще спустя мгновение, он с ужасом ощутил, как помимо его воли наступает половое возбуждение. Хор стонал, гармонь протяжно ревела, старуха отбивала шаманскую мелодию, из-под волчьих масок колдунов, смывая краску, градом катился пот.

В спину Артуру уткнулся Митя. Глаза великана заволакивало туманом, грудь судорожно вздымалась, ноздри хищно втягивали дурман. Нужно было действовать немедленно, пока оставались силы бороться с наркотиком.

– Белого брать живьем! - Артур ощутимо пихнул Карапуза в грудь и скользнул к жаровне.

Бердер в два прыжка достиг стола и прикончил троих насильников. Не успели их тела шмякнуться наземь, он уже был возле "хора". Даже в этот страшный момент Артур невольно залюбовался тем, как порхает учитель. При внешней обманчивой сложности - ни одного лишнего движения. Всё продумано так, чтобы одновременно вести рукопашный бой и мешать целиться удаленному противнику. Вот правая рука пошла от бедра вперед с зажатым клинком, спина прогнулась в стойке "сажающейся на воду цапли". Один из белых манекенов схватился за горло.

Вот неуловимый взмах ногой, вращение на носке, а из сандалии торчат сразу два лезвия, по четыре дюйма каждое, и валятся, обливаясь кровью, еще двое. А пока правая рука тянет с пояса следующий нож, делается взмах левой, по ходу движения, и замолкает барабанный бой. Старуха, с клинком в глазу, поливает кровью свой инструмент. Часть голых певчих успела выкатиться за пределы юрты, но ничего, их там встретит Прохор...

Коваль опрокинул жаровню, перемахнул тлеющие угли и врезался в самую гущу Сынов, пытаясь определить Белого деда. К нему повернулись лица с утонувшими зрачками, из распахнутых ртов капала слюна, десятки босых ног отбивали ирландскую чечетку...

Он бил их, и они падали, бесконечно долго, поскольку все рефлексy были притушены, и даже смертельные раны не могли остановить танца.

Замолчали ритм-барабаны, справа и позади, как бешеный слон, трубил Карапуз, и хрустели чьи-то челюсти под его кулаками. Затем дикий вой принесся снаружи, сорвал с места шкуры, вырвал часть деревянных кольев, держащих свод. Это Прохор запустил Плевok Сатаны...

Кто-то вцепился в запястье Коваля зубами, не давая дальше рубить. Кто-то повис у него сзади на шее, но тут же, хрюкнув, осел наземь; а Бердер, метнув клинок, уже смотрел в другую сторону. По диагонали, сбив в полете люльку, пролетел мужик, с топором в вывернутой руке; видимо, он здорово надоел чингису... Артур вытащил кинжал из очередного живота, добил того типа, что пытался перегрызть кольчужный браслет, и вдруг, оставшись без противников, провалился в пустоту...

Сынов больше не было: все или погибли, или валялись раненые. Он сделал всё так быстро, что Отцы не успели переключить внимание. Они все сегодня были замазаны белой краской, соответственно цвету праздника, и все крайне увлечены.

Более десятка мужчин, запрокинув оскаленные маски, мастурбировали на тело мертвой девушки. Судя по ярким поясам, шароварам и торчащим волчьим ушам, это и были апостолы. Дальше, по ту сторону распятия, в два ряда, преклонив колени, располагались "священники" рангом пониже, разукрашенные так же, как Христофор. Не вставая с колен, они раскачивались, сцепившись локтями, подпевали хору и вызванивали мелодию железными браслетами.

Не участвовали в общем веселье пятеро. Спинай к тазу и распятию, внутри круга

послушников, развернувшись каждый в свою сторону света, молились Деды. Понастоящему старыми были двое, Черный и Красный. Краска так густо покрывала их черты, что оба походили на пресловутых цветных демонов из японского фольклора. Водяной и Белый выглядели значительно моложе, лет по шестьдесят пять. Все обзавелись парадными белыми ризами православных патриархов и поддерживали их в приличном состоянии. Все размахивали кадилами, источавшими жуткое серное зловоние, вперемешку со сладкими медовыми оттенками. Белый дед, гладколицый, плотный, сидел верхом на нагом женоподобном отроке, изображавшем козла.

Когда Карапуз, со всего маху, врезался в толпу послушников, налево и направо молотя секирой, парень под Белым Дедом вдруг открыл глаза, и Артур с отвращением увидел, что перед ним вовсе не маска. Юноша начал приподниматься, но не по-человечески, а словно жвачное животное, спугнутое на лежке. Облезлая шерсть на жирных боках оказалась не покрывалом, задние конечности заканчивались копытами, а с поясицы свисал волочащийся, в комьях навоза, хвост. На рогатой маске, прикрывавшей верхнюю половину лица, раздувались черные ноздри, обезумевшие глаза ворочались в орбитах, а человеческим оставался только рот и подбородок с завитой мелкими кудряшками бородкой. Парень подтянул под себя слишком длинные руки, заросшие серым волосом; большие пальцы у него приросли к ладоням, постепенно превращаясь в копытца.

Дальше всё завертелось с такой скоростью, что впоследствии Коваль восстанавливал события по частям.

Карапуз перебил хребты четверым, когда апостолы его заметили и оторвались от своего увлекательного занятия. Они не стали вынимать ножи, но трое выставили перед собой пустые ладони, и капитана швырнуло на брусья, поддерживающие кожаный свод. Митя с лету вписался спиной в обструганный ствол и рухнул на еловые ветки.

Артур не успевал ничего сделать. Козлоногий монстр разогнул спину, поднимая над собой Белого Деда; тот очнулся от транса и смотрел почти осмысленно.

Команда мальцов, гнувших спины в самом темном углу, под иконами, сбилась с ритма. Они растерянно мяукали, но ни один не поднимался с колен. Из-за громады креста Коваль плохо видел, что там происходит.

Снаружи юрты грянули два мощных взрыва, Прохор разошелся не на шутку. Крыша горела в трех местах, распространяя зловоние гниющей шерсти. Кто-то там катался по бетонному полу и истошно визжал.

Барабан замолк, хор с воплями разбежался. Кликуши голосили еще громче, покрывая своим визгом шум схватки. Распята на дубовом столе, истошно орала вторая невеста, погребенная под трупами своих мучителей. Как раз в эту секунду Христофор укладывал мешок с третьей невестой под стол, чтобы ее ненароком не зацепили.

Толпа уцелевших чернецов рванула к выходу, но там их уже встретил Прохор и плюнул навстречу. Плевков Сатаны в закрытом пространстве произвел оглушительный эффект. Голубое пламя рванулось к потолку, визжащие беленые фигуры превратились в факелы. Стены шатра мигом охватил огонь.

Три секунды спустя Прохор, с опаленными бровями, стоял совсем один перед кругом черной окалины и посылал следующий Плевков вдогонку тем, кто успел прорваться под стелющимися складками шкур позади "алтаря".

Артур слышал, что Озерники вели собственные изыскания, пытаясь овладеть секретом Плевков Сатаны, но пока у них получалось не очень. Самой большой трудностью при обработке растений, собранных на пожарищах, было добиться такого соотношения частей, чтобы Плевков замыкался в локальном пространстве и затухал, не вызывая пожаров на километры вокруг. Из поколения в поколение Хранители передавали секрет сложнейшего синтеза вещества, горевшего очень короткое время, но с температурой, превышающей точку горения напалма. Малейшая ошибка в компонентах приводила к самым удручающим последствиям.

Но самое главное, чего Озерники, да и никто другой, не смогли бы повторить, была

врожденная, уникальная рецептура слюны. Даже среди Качальщиков крайне нечасто рождались люди, одаренные способностями Прохора. Люди, способные провоцировать скоростные мутации в других организмах и способные бессознательно задавать нужный состав слюны, без смешения с которой Плевок терял силу. Кроме Прохора, дочери Анны и старичка Семена, Артур знал всего троих, кому были даны подобные штуки, и Прохор грустно признавал, что таких Хранителей скоро совсем не останется...

Второй Плевок грохнул снаружи, и шатер, лишенный трети опор, начал со зловещим скрипом заваливаться набок. Волчьи морды апостолов повернулись к Ковалю. Их возбужденные гениталии раскачивались, как дубины...

Бердер, прыгая на руках от балясины к балясине, точно серая обезьяна, каждым взмахом ног отправлял на тот свет одного, а то и двоих послушников. Потом что-то длинное настигло его сзади, руки Качальщика, сжимавшие поперечину, разжались, и он полетел вниз, в самую гущу противника.

Теперь Артур убедился окончательно в том, чему никак не мог поверить мозг. Элементарное здравомыслие мешало ему осознать и принять истину: Озерники перерождались. Наверное, эти превращения достались по праву лишь служителям высшего круга, апостолам, и, наверное, они были обратимыми. Христофор уверял Артура, что между праздниками, большинство возвращало себе нормальный облик, но, опять же, не все. Коваль тогда пропустил эти домыслы мимо ушей: парень немало натерпелся за месяц, могло и почудиться всякое...

Непочудилось. Артур не представлял себе, каким образом можно добиться такого слияния, но сомневаться не приходилось. Пока Качальщики выращивали умных тигров, медведей и ящеров, Озерники сразу принялись за людей. Возможно, первые из них, кто выжил после Большой смерти, случайно заметили свои способности. Возможно, эти недостроенные доки, в которых они проводили свои кошмарные мистерии, хранили гораздо больше древних тайн, чем казалось на первый взгляд. Возможно, что когда-то, больше сотни лет назад, обезумевшие от отсутствия женской ласки, аборигены активно начали грешить с козами...

И у коз, впервые в истории мира, попирая законы старины Дарвина, родилось потомство? И оценив это потомство, Озерники поступили наоборот, принесли местному козлу местную же девственницу...

И рано или поздно, от бесконечного числа бесплодных скрещиваний, они получили существа, воспетые древними греками. Тупоголовые копытные создания, способные передвигаться на задних конечностях, похотливые и злобные...

Но время шло, а от сатиров не было никакой пользы, разве что пугать дикарей в окрестных лесах. И тогда, чтобы сохранить власть, первые Деда начинают эксперименты с волками. Работать с волками оказалось гораздо интереснее, и сразу же пошла отдача. Волк гораздо умнее, волк признает вожака, слушается и приручается, хотя и не так, как собака. Волку можно поручить воровать детей, которых так трудно добыть естественным путем...

"А может быть, всё совсем иначе", - поправил себя Коваль, пятясь под натиском десятка распахнутых глоток. Он выхватил из-за плеча катану, но не успел даже сделать замах. Чуть не вывернув ему пальцы, сабля вырвалась из рук. Метательные клинки постигла та же участь. С ладони потекла кровь. Нож, будто живой, выпрыгнул из кулака.

До мужчин с волчьими головами оставалось не больше полутора метров, за их спинами поспешно улепетывали в запасную дверцу Деда, а Коваль так и не успел разглядеть оружия врага...

Прохор протяжно свистнул, у людей-волков разом встопорщились уши. В шатер ворвалась серебряная молния, Лапочка в шестом поколении. Тигры удались на славу, семь лет работы не прошли даром: из-под шерсти, по всей длине корпуса, торчком поднимались шипы, грудь и морду прикрывали подкожные костяные пластины, выдерживающие прямое попадание ружейной пули, а передние лапы Прохор утяжелил вдвое против задних.

Отцы попятились. Тигр шел напролом сквозь толпу, как горячий нож сквозь масло. Не

успевшие увернуться кликуши так и остались лежать бесформенной грудой. Христофор разрезал веревки и тащил к выходу из юрты потерявшую сознание невесту. Зеленые еловые лапы под ногами у Артура хлюпали, как резиновый коврик, насквозь пропитавшись кровью.

Карапуз, кряхтя, поднялся на колени, словно нехотя смахнул с себя груды обезумевших Сынов, молотящих хилыми кулачками. Лицо чингиса заливала кровь, чей-то нож располосовал ему щеку; сосновая свая, на которую он налетел, треснула пополам.

Коваль почувствовал, как его поднимает в воздух и толкает в грудь. Впечатление было такое, словно он на полном ходу вылетел под снегоочиститель несущегося паровоза. Теряя сознание, успел поджать подбородок к груди и расслабить мышцы, но удар о землю всё равно получился нешуточный. Дикая боль пронзила позвоночник, а затем Артур увидел, как на него летит потолок. Две ближние подпорки треснули и начали заваливаться.

Сцепив зубы, он перекатился влево и разглядел, обо что стукнулся. Это была оторванная голова гармониста. Половина шатра обрушилась, погребая под горящими шкурами раненых. Тонко вопили сгорающие заживо мальчишки.

– Железо! - кричал из дыма Бердер. - Сбрось железо!

И тут Коваль озарило.

Магнит! Ну конечно, магнит! Эти мерзавцы каким-то образом создавали перед собой сильнейшее магнитное поле...

"Но это же невозможно", - пробормотал он, пытаясь подняться на дрожащих руках. Боль в спине заставила его снова упасть на колено. Из-за густого дыма Артур ничего не различал в двух шагах. Он слышал, как беснуется Лапочка и рычит снаружи, на лестнице, второй тигр. Он слышал, как матерится чингис и пытается избавиться от кольчуги. Потом он увидел огромные глаза Христофора; парень скрючился в три погибели, укрываясь под тяжелым столом, в обнимку со связанной невестой...

– Белого не упустите! - заорал губернатор, надрывая связки. Дым набивался в глотку, не давая вздохнуть. - Христия, давай к Прохору, Белого Деда держите!

Слева, из кучи тел, волчком выскочил Бердер, за ним тянулось облако кровавых брызг. От серой хламы остались одни клочья. Хранитель силы вращался на пределе скорости, нанося удары всеми четырьмя конечностями; со стороны это выглядело как торнадо, вооруженное четырьмя клинками. Половина волков-апостолов бросили Артура и кинулись на помощь своим молодым братьям.

Треснули и обвалились еще несколько перекосяков, от раскатившихся по полу свечей занялись ветки. В шатре становилось нечем дышать. Красный Дед бежал, Водяной валялся на полу, запихивая в распоротое брюхо синие кишки.

Коваль поднялся на ноги, перед глазамиплыли оранжевые круги. Он лихорадочно освобождался от кольчуги и сдвоенной портупей, увешанной металлическим оружием. Не успел самую малость; ремень, точно живой, рванулся в сторону, увлекая за собой хозяина. Падая, Коваль с "мясом" выдернул пряжку, перекувырнулся, спиной чувствуя летящее костяное копьё.

Когда он обернулся, всё было кончено, по крайней мере, внутри "церкви". Ошалевший от крови, почти неуправляемый, Лапочка рвал на части нечто, смутно напоминавшее человеческую фигуру.

Бердера тошнило; Хранитель силы стоял на коленях; в спине у него наискосок раскачивался костяной дротик. Рядом громоздилась батарея трупов. Митю Артур заметил не сразу. Чингис был жив, но буквально похоронен под горой Отцов с волчьими лицами. Ему требовалась срочная перевязка, как минимум, в шести местах. Над Карапузом стоял Прохор и деловито махал шашкой.

Он отрубал головы. Несколько человеко-волков так и умерли, не разжав челюстей, вгрызаясь в плоть врага...

Потом они втроем выволокли полумертвого чингиса наружу, на ледяной бетон, и Прохор занялся его ранами. Бердер самостоятельно умел останавливать кровь, но получил сильнейшее сотрясение мозга, и периодически его заваливало набок.

Артур вяло удивился, как много вокруг трупов. Оказалось, что сверху спустились, на свою голову, еще человек двадцать. Прибежали из скитов, привлеченные шумом драки, совсем мальчишки и не испугались одинокого, безобидного старичка, прогуливающегося по дну дока, среди мертвых тел. А когда они толпой, выкрикивая угрозы, скатились вниз, стало уже поздно, потому что за спинами очутилась белая рысь, не уступающая в размерах самому крупному волку. А скромный дедок с косичками покатал что-то во рту, словно не мог проглотить горячее, затем выкатил на язык коричневый комок, и плюнул...

Снаружи горело всё, что Прохор успел поджечь. Горели гробы с мертвецами, горели клетки, в которых заживо поджаривались хищники. А наверху, за границей котлована, разгоралось ослепительное зарево. Полыхал вековой лес, вся непроходимая чаща, зажата между болотами и берегом озера. В чащобе горели скиты, и даже сквозь нарастающий гул было слышно, как с треском лопаются коробочки заветного снадобья, Кислого мака, щедро засеянного по всем окрестным лесам.

Артур оглянулся. В сторонке, привязанный к свае, косил горящим взглядом Белый Дед. Его любимый сатир валялся подле и то вылизывал подпаленную шкуру, то принимался хныкать и тыкаться в ноги хозяину. Коваль так и не понял, в каких они с Дедом были отношениях, а выяснять не хотелось...

"Кислый мак, - точно в полудреме повторял Артур, - придумают же..."

Что любопытно, относительно Кислого мака догадался Карапуз, когда Христофор пришел к нему из логова ведунов на явку. Он сразу учуял противный кислый запах; от Христофора шарахались даже комары. Оказалось, что чингисы знали это растение, хотя Коваль мог поклясться, что до Большой смерти ничего подобного на Ладогe не росло. Чингисам была знакома безобидная разновидность, природный дурман, от которого следовало подальше держать коней. Озерники засеяли мак повсюду на своей территории, и методом сложного скрещивания вывели бесподобный штамм. Митя позвал Прохора, который тогда хоронился от чужих взглядов в подвале фактории, вместе они обнюхали Христофора еще раз, и вместе получили сильнейшую аллергию. Еле оклемались.

Сразу стало понятно, почему через линию болот не ходят ни люди, ни звери, и почему даже драконов воротит...

Сейчас Коваль даже радовался, что снадобья Анны Первой напрочь отбили обоняние. Совершенно не хотелось нюхать обугленные трупы. Помимо мазей в ноздри каждому "десантнику" запихали по куску особого мха. Эту породу Хранители использовали, когда делали вылазки на Вечные пожарища...

Удалось сохранить жизнь не только Белому Деду. Красный потерял руку в бесславной попытке удрать от тигрицы, но Прохор успел остановить кровь. Дед лежал без сознания и представлял собой жалкое зрелище. Его, как и человека-козла, не стали даже связывать. А вот оборотней связали. В живых остались трое апостолов, а также два Сына, вполне человеческой наружности, и мальчишки из клеток на верхнем ярусе котлована.

Оборотни-апостолы вовсе не желали превращаться назад, в обычных людей. При ярком свете белого костра Артур рассмотрел их получше и снова не нашел никакого вразумительного объяснения. До настоящего звериного обличья они не дотянули: уши располагались слишком широко, нос не до конца слился с верхней челюстью, и подбородок выглядел, как у приматов. От волосатого затылка, к сутулым плечам и выпуклому горбу позвоночника спускалась густая, серая щетина. Но в остальном это были самые обыкновенные мужчины, среднего, если не сказать пожилого, возраста. Апостолы клацали зубами, норовя дотянуться до веревок и довольно членораздельно выкрикивали проклятия. Самым отталкивающим Ковалю показались даже не гротескные морды. У спеленутых живых магнитов так и не прекратилась эрекция...

Артуру ужасно не хотелось скатываться к вере в банальную чертовщину, но ничего умного в голову не приходило. Если толкаться от их внутренней иерархии, выше апостолов стояли только Деды. Стало быть, остальные Озерники стремились достичь волчьего уровня?

— Там еще несколько козлов, и это... - Прохор махнул рукой в темный угол подземелья.

- Короче, Лапочка погрыз, теперь не поймешь, но мнится мне, были и другие, недоделанные... Лучше не ходи, смотреть противно...

Артур и не пошел. Он отковыривал из онемевших ноздрей кусочки мха и смотрел вверх. Оттуда, медленно кружась, опускались куски горячей маскировочной сети, и серым пеплом осыпался плющ.

А еще выше, над клубами дыма, над столбами багровых искр, лупили лазурными крыльями драконы Качальщиков. Значит, старый Семен подоспел вовремя, а люди Абашидзе уже развернулись цепью вдоль Петрозаводской трассы. Теперь ни одна сволочь не ускользнет...

Не пройдет и месяца, как всей Руси будет известно, что детям Красной луны на Ладого пришел конец.

24. СТАРЫЕ ПЕСНИ О ПРАВДЕ

— Где моя дочь?! - Голос вятского мэра срывался на крик.

— Мы сделали, что могли, - не моргнув глазом, отвечал Коваль. - Там было три девушки, двух удалось спасти. Взгляните сами...

Старик, в сопровождении сыновей, зажимая нос платком, ринулся к тлеющим руинам шатра. Исмаил быстро перемигнулся с Артуром и снова занялся ранеными. Вместе с вятским начальством он привез Анну и двух лекарей из ближайшей деревни. Женщины хлопотали вокруг раненых. Чингис уже подавал признаки жизни. Лишь просунув между клыков топор, врачи сумели освободить его ногу от намертво вцепившейся волчьей головы. Из Бердера вытащили два наконечника от дротиков, наложили десятка два швов и залили в раны целебную смолу.

Ковалья напоили из трех флаконов, положили на живот, облили неизвестным ему настоем, от которого чуть не сварилась кожа, затем натерли привычными мазями, с острым медвежьим запахом, и оставили отдыхать. Он знал, что самое большее через час снова почувствует себя человеком, сила заиграет в мышцах, но пока нужен полный покой. Последний раз он себя чувствовал таким выжатым очень давно, когда его лупили на тренировках, в темной избе, подопечные Бердера...

— Это не она! - завопил вятский голова, отшатываясь от истерзанной невесты в черной фате. Девица находилась в глубоком обмороке и лежала, завернутая Христофором, в одеяло.

— Дальше поищи, - невозмутимо посоветовал Прохор. - Там, в шатре, под столом кто-то вроде в мешке шевелился...

На краю стройплощадки приземлились уже три дракона. Пожара ящеры не боялись, лишь довольно жмурились на вспыхивающие островки рябин и черемух. Молодые Качальщики бегом тащили к транспорту носилки с Карапузом, а навстречу, в котлован, спускалась целая делегация.

Коваль на секунду прикрыл глаза, и мир тут же начал вращаться вокруг него. Снова и снова, как в черно-белой хронике, он видел, как порхает над полом растопыривший руки Митя и как улетает в сторону его любимый пулемет...

— Варенька! Варенька! Дитя мое! - ошалевший от счастья мэр иступленно прижимал к себе невредимую дочь, забыв даже вытащить кляп у нее изо рта.

Коваль скосил глаза на нижние ступеньки лестницы. Исмаил всё провернул отлично! Трогательная сцена встречи счастливого отца со спасенной дочерью произошла аккуратно в тот момент, когда на дно бетонного склепа ступили дорогие гости в сутанах.

"Эх, заснуть бы, - вздохнул губернатор. - Такой кадр пропадает..."

Святые отцы, непрерывно крестясь, и бормоча молитвы, замешкались на нижней ступеньке, не решаясь перешагнуть через обуглившиеся трупы колдунов. Потом они заметили лежащего губернатора и, устыдившись минутной слабости, засеменяли к нему, как цыплята к наседке.

— Как можно себя так не беречь?

– В одиночку, как истинный воин Креста, бросился против тьмы нечисти!

– Во всех храмах, сегодня же, проведем службы во здравие!..

Долгополые продолжали нахваливаться, а сами еще не вполне отошли от ночной гонки. Артур слушал, не перебивая. Он слишком хорошо знал, что крылатых змей святые отцы считают точно такими же бесовскими тварями, и только приказ грозного Абашидзе заставил их отправиться в путь.

– Как дела? - спросил Коваль у вятского мэра.

– Жива! Жива, слава богу! Спасибо вам... За эти сутки я наполовину поседел...

– Собака! Сволочь! - до Белого Деда, наконец, дошло, он прекратил лаять и заговорил на приличном русском языке. - Мы не трогали твоей дочери!

– Так это он украл мою дочь?! - взбешенный вятчич выхватил кинжал и непременно изрубил бы связанного пленника, если бы перед ним стеной не встали подручные Прохора.

– Мы не крали! Он врёт! - колдун исходил пеной и бился в ремнях с такой силой, что казалось, еще немного, и рухнет железобетонная колонна, к которой он был привязан. - Они сами украли твою дочь, чтобы очернить нас! Это сделал малек, подголосок подлый! Где ты, тварь?!

Христофора заблаговременно убрали; Озерник рыскал воспаленным взглядом, и не мог его найти.

– Ты слышал, Кузьма? - спросил вятича Артур. - Наш приятель говорит, что я сам принес ему твою дочь, а затем шесть раз прыгнул на нож, чтобы замести следы. А мой капитан - у него мясо до костей сорвано, так он нарочно в клетку с волками лазил, чтобы тебя провести!

– Это неправда, неправда! - надрывал глотку колдун.

– Ишь, о правде запел, паскуда!

– Свинца бы ему в глотку, певуну!

Старого Кузьму держали за руки; он вырывался всё слабее, затем отдал нож ординарцу и, не в силах больше сдерживаться, зарыдал. Сверху, из леса, доносились отдаленные крики и выстрелы. Часть Озерников пыталась прорваться через болото, к шоссе, но там их встретили солдаты погранотряда. Без дурмана колдуны превращались в самые обычные мишени, а людям Абашидзе было приказано никого не брать в плен.

– Я виноват перед тобой, Кузнец! - мэр бухнулся рядом, ноги его не держали. - Я не поверил твоему человеку, его чуть не убили. Я не мог поверить, что грязные Качальщики с тобой заодно, и способны на благое дело...

Женщины-Хранительницы привели девушку в чувство; она немедленно начала орать и обливаться слезами.

– Теперь ты видишь, что они способны на самое благое дело? - Коваль незаметно посматривал на соборников.

Они держались стайкой, жались в уголке, но не пропускали ни единого слова.

– О да, да, как мне благодарить этого Исмаила? И этих храбрых парней, что были с тобой?

– Есть один неплохой способ... - Артур вспомнил, каким стало лицо Исмаила, когда ему предложили украсть дочку вятского мэра.

– Всё, что ты скажешь!

– Не слушай его, эй, господин! - снова подал голос Дед. - Это отродье вшивого летуна, чтоб у него под кожей поселились пиявки, он нагло врёт!

Вятчич произвольно схватился за нож, но Артур его мягко остановил.

– Оставь его мне, у нас с ним есть о чем поговорить! Я тебе лучше покажу другого, он здесь почти самый главный, даже главнее этого! Вам тоже не помешает послушать, святые отцы! - обратился Коваль к стайке испуганных соборников. - А после, попрошу вас заняться непосредственными обязанностями. Надо тут всё освятить, а когда огонь уляжется, и наверху тоже! Да вы не хуже меня знаете, что надлежит сделать!

Митрополит и прочие священники приободрились и согласно закивали головами.

Теперь до них дошло, зачем их притащили сюда среди ночи. Всех четверых обуревало мерзкое чувство, что губернатор решил утопить их в озере или сослать в Сибирь, за компанию с дочерью Рубенса. И вдруг, в одночасье, они убедились, что продолжают играть важнейшую роль и без святого присутствия губернатор не решается даже проводить расправу над нечистой силой.

— Я без благословения митрополита и лететь-то не отваживался, но боялся, как бы поздно не стало, - доверительно, но так, чтобы слышали поспешавшие сзади соборники, нашептывал Коваль заплаканному Кузьме. - Как мой верный человек доложил, что в обороне супостатов брешь открылась, так мы сразу и кинулись.

— Почто же Исмаил меня сразу не взял? Я бы солдат собрал, помогли бы вам изрубить ублюдков!

— И полегли бы все, разом полегли бы! - Коваль, кряхтя, поднимался по лестнице к нишам первого подвального этажа. - Как верный человек доложил мне, что колдуны дочку твою прихватили, так я понял, что ждать больше нельзя. Он тут тропку одну разведаль, от дурмана свободную, да пройти по ней лишь трое-четверо могли, не больше. Я мыслил за месяц подготовиться, может, думал, кто из соборников со мной в поход отважится... И уж тогда, помолвившись, дух укрепив, на бой бы вышел! Верно я говорю, святые отцы? Вы бы поддержали меня в походе на бесов?

— А то, оно конечно! - толкая друг друга, святоши рвались на духовную брань.

— Всей братией бы пошли!

— С иконами чудотворными...

— Никакой змей бы не устоял...

— Вот видишь, Кузьма, какое у нас единство партии и народа? - чуть не всхлипнул губернатор. - Но видишь, как всё обернулось. Пришлось нам сегодня сражаться. Заодно и дочурку твою не допустили до бесчестья... Пришли, господа!

В одной из цементных клетей, в окружении черепов, трофейных черных свечек и живописных пентаграмм на стенах, с важным, но обиженным видом восседал Прохор Второй. Жиденькие косички Качальщик спрятал под париком из вороньих перьев, физиономию густым слоем покрывали разводы цвета индиго, а сухощавый торс, вместо привычного балахона, укрывал дырявый женский корсет. Руки Качальщика стягивала за спиной толстая веревка, и весь он был похож на захваченного в плен негибавшего вождя апачей.

Другой конец веревки храбро держал в руке наспех отмытый и переодетый Христофор, с отчетливыми следами страшных ранений на белом костюме. Подручные Исмаила недурно справились и с этим маскараром. Прохор вообще предлагал присобачить к спине парня кусок топора или спрятать одну руку, будто откусили, но Артур от таких театральных трюков отказался. И без того было не понятно, как человек с такими ранами ухитряется разговаривать, да еще присматривать за пленным Озерником.

— Его благодари, - Коваль указал на сына луны. - Он их всех рассекретил, и Качальщиков мне в помощь привел.

Христофор низко поклонился, всячески изображая смущение.

— Ну что, не хочет говорить? - Артур несильно пнул Прохора сапогом в бок.

— Не бейте, не бейте только! - жалобно заголосил лже-Озерник.

— Признавайся тогда, что вы с вятскими Дедами сообща задумали?

— Мое дело маленькое. Сказано было, воду в Неве да в колодцах отравить, мы и готовились...

Митрополит ахнул, Кузьма нехорошо выругался.

— А вятские? - настаивал Коваль.

— А что вятские? Вятские - они как все. Как все, так и они, - часто залопотал Качальщик. - Велено в Вятке псов бешеных в город пустить да амбары поджечь...

Соборники пыхтели, словно шахтеры в забое. Коваль краем глаза следил, как ребята Исмаила эвакуируют наверх связанных Отцов и завернутого в ковер Деда.

– Зачем?.. Когда?.. За что? - бессвязно лепетал мэр.

Его помощник, ширококостный мужик средних лет, тоже обалдело хлопал глазами, не понимая, как городские власти могли проглядеть злодейство у себя под носом.

– Известно, когда! - разошелся окончательно вошедший в роль Прохор. - Как могучий Карамаз пойдет сюда войском несметным, так и нам начинать. В первую же Красную луну.

Снизу, из-под упавшего шатра, поднимался удушливый чад от горящей человеческой плоти. Кого-то из соборников начало рвать, митрополит сделался весь белый. Артура пока спасало средство Хранителей; ни один запах не пробивался сквозь онемевшие ноздри.

– Что еще за Карамаз? - встрепнулся Кузьма.

– Известно, что за Карамаз. Сто тысяч янычар у него. Правит из города Двух башен. Кидает по небу бомбы, а джинны могучие для него мертвящую воду делают.

– Вот так чушь! - не совсем уверенно протянул помощник мэра. - Откуда сто тысяч человек? Да мы-то ему что сделали?

– А то и сделали, что суете свои носы, куда не следует, - охотно отвечал "Озерник". - С азиатами торгуете? А с кавказниками черными? Вот и нечего вам там делать, отбивать чужое золото! Все пути южные, каспийские, а также азиатские, Карамаз-паша под себя берет, а скоро и доседова, до северов доберется. Тогда поджаритесь, как бесы в аду!

– Это почему такое? - заикаясь от волнения, спросил вятский голова.

– А потому что вы дураки! - засмеялся ему в лицо Прохор. Ковалю показалось, что Качальщик чуточку переигрывает. - Могучий Карамаз-паша, да продлятся его дни, говорит так. Русские, говорит он, никогда не соберутся вместе. Пьяницы вы все и безбожники, даже попы у вас думают лишь о власти и золоте. Не выбрать вам ни царя, ни президента. У поляков уже давно собрались воеводы, выбрали Верховного, и у немца тоже, и у болгар. А русские все дураки. Будет каждый мэр одеяло на себя тянуть, а по одному мы вас живо передавим. У вас новый хозяин как приходит, так на прежних грязь льет, а сам мошну набивает! И Собору центральному не хотят подчиниться, а без единого пастыря хана вам скоро наступит... Да, да, так и говорит великий Карамаз. Надо, говорит, поспешать, пока эти дурни не догадались Петербург столицей признать, а в Лавре патриарха всероссийского выдвинуть...

Вятчи ошеломленно переглядывались. Коваль делал вид, что увлечен раной на плече. Святоши слушали колдуна с такими лицами, точно собирались избрать патриархом именно его.

– А на Питер Карамаз не пойдет... - входил в раж Прохор. - Не, он не идиот, на Питер идти. Самые сильные пограничные отряды, и конница, и пушки. Он так и говорит, когда к нам, в скиты, погостить прилетает. Питер, говорит, мне пока не по зубам. Начну-ка я, пожалуй, с Вятки, да с другой мелочи пузатой, пока они не опомнились. Всех передавлю, как тараканов! Это он твою дочку забрать посоветовал. Стащите, говорит, у старого хрыча девку, всё равно помрет скоро, от бешенства... Всех в Вятке уморим, потом на Кострому пойдем...

Когда Кузьму и помощников усадили в повозку, бедные вятчи выглядели так, словно им вынесли смертельный приговор. Соборники, напротив, разошлись на всю катушку, лазили по закоулкам дока, размахивали кадилами, читали молитвы.

Изгоняли бесов, одним словом.

Коваль сидел на верхотуре и потягивал из фляжки коньяк, пока "главный бес" вытаскивал у него из затылка занозы и куски окалины.

– Думаешь, клюнут? - тихо спросил Прохор, когда ускакал отряд, увозящий отца со спасенной дочерью.

– Думаю, недели не пройдет, как прибегут на поклон. И не только они. Звон пойдет хороший... Только вы уж не подведите! Нам для верности хотя бы парочку агентов Карамаза надо изловить.

– Изловят, не бойсь! - хихикнул Качальщик. - Анна на этот случай особый сбор сварила. Подпойм завтра же шептунов, из тех, что и так на траве сидят крепко, да и

забросим, куда надо. В Великие Луки, да Тихвин, да Смоленск. Кто у тебя еще шибко сопротивляется? Далеко-то смысла нет, не пойдут под крыло проситься.

– Ладно, мы не гордые, далеко мы и сами сходим.

Отдыхавший рядом Христофор вдруг сложился пополам, посинел, и зашелся в диком кашле.

– Ты чего?! - бросился к нему Коваль.

– Белый... Это он, - прохрипел сын луны и забился в руках губернатора. - Проклял он меня, за измену. Теперь, когда ему больно, и мне больно будет. Бьют его там, видать, наверху...

– Ах, он гад такой! - изумился Коваль. - Но это же простое внушение, как мне тебя переубедить? Ладно, пойду скажу, чтобы его не трогали!

– Эт-то ни...ничего, - собравшись с силами, ответил Христофор. - Я другое боюсь. Ты пытать его будешь, дознаваться. Помру я, не выдержу проклятия, от боли-то...

– А вот тут ты ошибаешься, - заявил Артур. - Никто его пытать не будет. Сам всё расскажет, при большом скоплении заинтересованных слушателей. У Аннушки, специально для таких неразговорчивых, наливочка имеется. Выпьет - и сразу поболеет. Мы его по всей России провезем, с лекцией... Даже то расскажет, чего не знает.

25. НА ПОРОГЕ МЕСТИ

– ...И здесь, и тут... Господи, да на тебе живого места нет, - причитала Надя, стягивая с мужа свитер.

Коваль жмурился, как довольный кот. Он особенно любил ее в такие моменты. Возможно, именно потому, что они были редки. Ни мастерство армии целителей, ни умение массажисток с Чудского озера, что умели мастерски зализывать шрамы, лучше любой собаки, ни колдовство Хранительниц - ничто не могло сравниться с заботой родной жены. Разве их усилия сравнятся с той панической дрожью в пальцах, которая выдает Надю всякий раз, когда она ощупывает следы потасовок на его теле?

– Артур, когда же это кончится? - Она сурово сдвинула брови, но не могла сдержать слез. - Ты же мне обещал, что не полезешь никуда один!

– А ты мне обещала, что останешься со мной в Питере!

– Но я же осталась... - упираясь в край ванны, Надя тянула с его ноги сапог. - Пока Белочка в школе не привыкнет, я никуда не уеду.

– Но потом ведь всё равно уедешь?

– А ты хотел меня оставить насильно? У нас там еще двое малышей, не забывай.

– Разве я тебя заставлял что-то делать силой? - вздохнул Артур. - Хотя, может быть, и следовало...

– Опять ты за старое? - Надя охнула, увидев еще один шрам, на левом боку. - Ты хочешь, чтобы я тебе здесь надоела?

– Вот, видишь, меня так и норовят поколотить, а еще ты собираешься меня бросить! - захныкал Коваль. Он и сейчас еще не мог до конца свободно шевелить плечом.

– Артур, это никуда не годится! Ты ведешь себя как дикарь. Почему, с такой охраной, надо самому лезть в драку? Ты хочешь, чтобы тебя покалечили?

– Почему, имея такого мужа, ты не хочешь жить в городе? В самом лучшем городе?

– Потому что, мой дом... наш дом - там. Там, где я рожала детей. Там, где им хорошо. Им ведь плохо здесь, и ты это знаешь.

Надя сгребла одежду мужа в ком и пихнула в бадью для стирки. Оставалось расшнуровать штаны.

Коваль уселся на край джакузи, чувствуя холод мрамора, и, одновременно, жар, идущий от воды. Комната тонула в ароматах хвои и лечебных бальзамов. От обилия солей и смягчающих травяных присыпок полная до краев ванна казалась озером расплавленной смолы.

– Обещай мне, что ты никуда больше не полезешь без войска! - Надя вернулась с двумя тяжелыми кувшинами.

– Я и так никуда не лезу...

Закрыв глаза, он опустил в пышную, маслянистую пену.

– Ты губернатор, а не солдат! Погляди, что творится, сплошной синяк!

Она уже забыла, что надлежит сердиться, и снова превратилась в заботливую мать. Артур моментально вспомнил их первые годы, в неказистой избушке, куда поселил его Исмаил. Самые трудные и, по-своему, самые счастливые годы. Пока всей деревней им не отстроили новый дом, приходилось ютиться в жуткой тесноте, ниже уровня земли. Единственное окошко выходило прямо в бурелом, изба стояла на самом отшибе. Зимой снег засыпал входную дверь, и Артур проделывал настоящие тоннели, барахтаясь в сугробах, как гусеница. Вокруг радостно прыгали собаки, трещали от мороза ели, а в натопленной комнатухе ждала его из очередного похода беременная Надя Ван Гог.

Тогда она носила первенца, Николашку, и постоянно выбегала во двор, мучаясь позывами рвоты. Она ни разу не пожаловалась на отсутствие удобств, холод или непривычную, грубую пищу. А ведь такие, как она, потенциальные мамочки, привыкли жить в тепле и неге... Она ни разу не упрекнула мужа за недельные и месячные отсутствия, когда Качальщики брали его с собой растворять вредные заводы и древние военные объекты. Она только охала смешно и бросалась готовить баню, и бледнела, ощупывая его ссадины и порезы, когда Артур еле доползал после боевых тренировок...

Он задержал дыхание и с головой нырнул в пахнущую хвоей воду. Мгновенно исчезли все звуки: бульканье воды в котле, шум дождя за окнами, грохот забиваемых свай на Невском...

Остался только ровный гул и ее ласковые ладони...

Вот так, запереться от всех, залечь в дождливый день в ванну, и никому не открывать...

– Да, милая, - сказал он, выныривая, - ты права. Нам нельзя быть долго вместе, я превращаюсь с тобой в жирного гуся. Недаром Озерники интересовались моей печенкой...

– Не крути головой! - Надя притворно взвизгнула, когда он вслепую уцепился за ее под коленкой. - И не мешай мне... Господи, да что же это такое? До сих пор кровь идет...

– Это уже не кровь, это ерунда.

– Артур, я боюсь...

– Ничего страшного. Подумаешь, размяться раз в десять лет.

– Это называется "размяться"? Повернись! - Она принялась намыливать ему спину. - Обещай мне, по крайней мере, что с этим будет покончено!

– С чем покончено? С Озерниками?

– У меня мороз по коже, когда я слышу это слово!

– Я обещаю тебе, что с ними будет покончено!

Он приоткрыл один глаз и попытался засунуть руку ей под фартук, но Надя ловко отстранилась. Она была слишком рассержена и никак не желала начинать игру, даже не пожелала купать его, раздетая. В принципе, Артуру так еще больше нравилось, когда жена оставалась в длинном хлопчатом халате и широком резиновом переднике. Халат всё равно очень быстро промокал насквозь, а иногда она его просто не успевала снять...

– Это же не люди! - Коваль почувствовал, как вздрогнула ее рука с мочалкой. - Мне Христия всё рассказал, и Серго тоже. Артур, это не люди, они хуже летунов...

– Теперь их будут травить повсюду, пока не вычистят заразу. Мы хотели немножко сыграть на этом деле в пользу нового Пакта, подтолкнуть удельных князьков к объединению, чтобы не звенеть оружием, а Деда допросили - и что вышло? Видишь, еще суток не прошло, а оказалось, что Прохор Второй накаркал, когда в нашей пьесе участвовал. Они действительно по всему западу готовились, должны были одновременно, по указке Кармаза, химию сбросить, и бомбы, и пожары...

– Да зачем такие страсти?

– Не зачем, а кому это выгодно? Карин сам бы до такого не додумался. Он там, на

югах, можно сказать, на благодатную почву попал. Когда народ в черном теле держат, ему всегда клапан нужен, пар выпустить... Проще всего сказать, что всё зло от обычаев чужих идет. До Италии посольство польское не допустили, греков подмяли, болгар, только это положения не спасает. Кого подмяли-то? Людей всё равно мало, не зажируешь. Им караванные тропы нужны, им север нужен...

Коваль вздохнул, и послушно повернулся, подставляясь под прохладную струю из кувшина.

— Я не могу отсиживаться, когда мои друзья лезут под пули, - сказал он.

Надя свирепо пошуровала кочергой в печи, открыла заслонку второй ванны и преувеличенно громко зазвенела тазами.

— Ты будешь теперь лично участвовать в каждой уличной драке? Нет, мне действительно лучше уехать и не видеть всего этого!

Артур зажмурился и снова нырнул, чувствуя, как кожа начинает дышать, как открываются бесчисленные поры...

"Что-то сердце сегодня стучит не по делу, или стар становлюсь? - подумал он, выпуская изо рта тонкую струйку пузырей. - Или дождик второй день, такой тоскливый?"

Внезапно он ощутил легкий укол в левой стороне груди и сразу же напрягся. Это не сердце, сердце так не болит... Они оба взвинчены, потому что должно произойти что-то плохое. Он никак не мог представить, что же плохое может произойти, когда самое ужасное закончилось и в пору было взять недельку отдыха... Когда начинало вот так, слегка щемить под левым соском, это говорила всегдашняя интуиция, выработанная еще в самые первые дни после Пробуждения, то самое чувство, которое компенсировало ему нехватку знаний о новом мире и спасало его в самых жутких передрыгах...

Губернатор шел в атаку на Ладожские скиты, и сердце не болело. Он отправлялся в опаснейший поход через Мертвые земли и знал, что гибель уготована кому-то другому. Но сегодня оно вернулось, и вернулось к обоим...

— Надежда, - позвал он, до боли растираясь жесткой мочалкой, - Надя, ты слышишь меня?

— Слышу...

Она распустила волосы, чуть качнула бедрами, но не подошла. Так и стояла, приложив озябшие руки к печке; от ее длинного, как кавалерийская шинель, халата, валил пар. Мокрый хлопок облегал напряженные ягодицы и лодыжки, там, где передник не защищал от брызг.

— Это никогда не кончится, да, Кузнец?

— Никогда, милая, - он, не отрываясь, смотрел, как уходит в воронку грязная вода. Через несколько секунд в пустой мраморной чаше станет зябко, но тем приятнее окажется вторая, чистая ванна, насыщенная терпким брусничным отваром... Парадные окна запотели, на свежеекрашенных стенах отслаивалась штукатурка. Артур машинально отметил, что следует вздуть Мишку Рубенса, вместе с малярами, но ругаться тут же расхотелось. Он вспомнил, что в этих залах мирно почивали когда-то обломки скифской цивилизации, еще оставались темные места от настенных экспонатов, и можно было различить вмятины в паркете, оставленные кусками каменных гробниц.

— Самое обидное, что вся эта мышиная возня идет по кругу, - стуча зубами от холода, сообщил супруге губернатор. - Я приходил сюда много лет назад, когда сияли люстры, и щелкали фотоаппараты. Я болтал о кино, о любимых мотоциклах, бродил под ручку с девочками и представлял себе этих кочевников, как они разоряют города, закидывают горящими стрелами соломенные крыши и пьют вино из черепа врага... Ты представь, от них же ничего не осталось! Ничего, кроме пары глыб, на которых в подвале сейчас разделявают мясо...

А потом на их курганы пришли другие воины. Этим тоже казалось, что они живут в центре Вселенной, пока их кости не растворились в земле. А через тысячу поколений совсем другие люди накопили денег, чтобы нанять археологов. И приволокли всё это добро сюда! И я платил тридцать рублей, чтобы галопом пробежаться мимо. Никого эти бусинки и шарики

не занимали... А потом - раз, точно сквозняком дунуло, и снова нет ничего. Нет тех, кто смеялся над теми, кто откапывал тех, кто пили вино из черепов, и так далее... Ты же умная у меня, разве ты не понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что всё зря? Значит, я зря рожала детей, а ты зря проснулся? Может, тогда проще сразу пойти и утопиться?

– А ты не хочешь топиться?

– Не хочу! - она, казалось, разговаривает не с ним, а с гудящей печкой.

Артур дотянулся до полотенца и провел им по внушительному зеркалу, доставленному из царских прихожих. Действительно, сплошной синяк, и вдобавок следы от укусов...

Он медленно, млея от наслаждения, опустил в свежую, душистую воду.

– Вот ты не хочешь топиться, - примирительно рассуждал Коваль, - и никто не хочет. И все хотят иметь горячую ванную, а не мыться ледяной водичкой из Невы. Ты не хочешь, чтобы наша Белочка круглый год в одних опорках ходила, и никто такого своим дочерям не желает. И жить все мечтают в тепле и сытости. Зачем им это, как ты думаешь? Почему они, тысячами, тянутся в город, а не сидят в лесу?

– Ищут, где лучше...

– Правильно. Так было, и так будет, потому что всё идет по кругу. Приходит варвар, и на обломках чужой гробницы свежует говядину... И самое поганое...

– Что самое поганое?

– То, что я не знаю, как разорвать эту спираль. У Левушки Свирского была на эту тему любопытная теория. Он полагал, что после Большой смерти может восстановиться патриархальное равновесие. Люди перестанут плодиться, как кролики, уступят часть ноосферы мифическим созданиям, и воцарится мир, который существовал многие тысячи лет. Задолго до крещения, и до Египта с Месопотамией. Всем хватало еды и тепла, желающие упражнялись в изящных искусствах и всяких фундаментальных астрономиях, не посягая на чужую зону обитания...

– Я пугаюсь, когда ты говоришь так.

– Как "так"?

Коваль не видел жены. Он играл в аллигатора, залегшего в засаде. Над водой только нос и губы.

– Когда ты говоришь вот так. Ты начинаешь так говорить, когда не знаешь, что делать, или... или когда сам боишься.

Артур вздрогнул. Внезапно вода показалась ему очень холодной.

– Ты тоже заметила?

– Словно снег пойдет... - обронила она, распахивая одну из створок окна. - Или наводнение начнется...

– У меня сердце колело, - пожаловался он и тут же пожалел.

Надина спина мгновенно окаменела.

– Так было, Кузнец... Когда были взбесились, помнишь, после засухи? И позапрошлым летом, когда... когда...

Она не договорила, но Коваль понял, о чем она думает. Три года назад их младший, Федя, едва не утонул в таежной реке.

– И при чем тут равновесие? - голос жены доносился до него глухо; она говорила, высунувшись в окно. - При чем тут Свирский и равновесие, если я всего лишь прошу тебя не затевать войны?

– Причина в том, что Свирский жестоко ошибся. Пятнадцать лет назад, когда я "проснулся", я почти поверил ему. Всё это было так убедительно - волшебные звери, бабки-ежки по лесам, ведьмы на погосте... Я почти поверил, что придется привыкать к сказочной жизни, кататься на помеле и нырять в дымоход. А оказалось, всё то же самое, только в профиль, тот же бубновый, или трефовый, интерес. И рождает теперь уже каждая третья, и пожарищ скоро не останется, и летуны мрут от бескормицы. И это значит, что кто-то должен опять поддерживать новое равновесие...

– Ты про Качальщиков? Ты говорил, что до Большой смерти их не было?
– И про Качальщиков, и про себя... Я этот феномен уже пятнадцать лет изучаю, и совсем недавно сделал простое открытие...

– Фи-но-мен?

– Неважно... - Он хотел сказать жене, что всё это ерунда, и что зря он затеял этот никчемушный диспут, и вообще, он хотел сказать, что очень ее любит, но не успел...

Опять не успел сказать ей что-то теплое и горько пожалел об этом, потому что в двери заколотили, точно Зимний охватил пожар.

Надя выронила кочергу. Артур накинул халат, взял револьвер и пошел отпираться. Никто не имел права вот так врывать, да никто, кроме самого ближнего круга охраны, и не знал, где находится спальня губернатора. Коваль шел к двери, понимая, что сердце болело не напрасно.

Вот оно, настигло его именно сейчас, когда ему было так уютно и сладко, когда впереди его ждали несколько безоблачных дней с супругой и дочерью...

– Нет, - сказала Надя, - не открывай.

На долю секунды у него промелькнула мысль так и поступить. Спрятаться, отсидеться, авось не найдут... Всё равно, кроме охраны, никто не знал, где его искать.

Он откинул засов, увидел начальника стражи, дежурного офицера с тигром, Даляра с трясущейся челюстью, Мишку Рубенса в одних подштанниках и Христофора с белым, как мел, лицом. А впереди толпы лежал ниц незнакомый человек.

Точнее, знакомый. Только Артур отказывался узнавать его, потому что принести этот человек мог только очень плохую весть.

– Что с моим сыном? - непослушными губами спросил губернатор.

– Бомба... - прошептал телохранитель Николай, еще ниже припадая к полу. - Не уберегли, двое наших погибли, и пацан...

– Кто? - удивляясь собственному спокойствию, спросил губернатор.

– Сам взорвался, бомба под одежей была. Прямо на машину прыгнул... Но по тряпкам - татарин, и рожа не обгорела...

– Поясок еще, - добавил начальник стражи, показывая обугленный огрызок, со следами арабской вязи. - Поясок от убийцы остался, вон и письма на нем...

– Он прыгнул, когда мимо мечети проезжали, - торопясь, словно лично был виновен в нерадивости подчиненных, заговорил Дальяр. - Патруль сразу свистнули, я примчался, ихнего главного за бороду вытащил, чуть не зарубил на месте, ребята оттащили. Клянется, что из мечети никто не выходил, и что не знают такого человека...

– Да врут, врут, командир, - выкрикнул начальник стражи. - Бабы видели, как из мечети выбежал, еще на бедность кому-то подал. Точно из татар. Или кавказник: рожа черная, бородатая, в зеленое замотан! Прикажи только, всю эту шушеру на дыбу поднимем, пятки будем жечь!

Коваль пропускал через себя поток слов, неожиданно потерявших всякий смысл. Слова складывались во фразы, а смысл потерялся... Он слушал, ничего не понимая, видел перед собой распахнутые рты, просящие о чем-то, глаза, багровые вены, вздувшиеся на шее лейтенанта. Он пропускал через уши этот нелепый шум, похожий на досадное жужжание, и всеми силами пытался заставить непослушное тело повернуться назад.

А когда он собрался с мужеством и обернулся, то понял, что лучше бы этого не следовало делать. По крайней мере прямо так, сию секунду. Потому что Надя Ван Гог встретила взгляд мужа.

Ее лицо вдруг перекошилось, поплыло, будто восковая маска или физиономия румяного снеговика, прислоненного к печке... Коваль чувствовал необходимость что-то сделать, что-то ей сказать или перестать смотреть тем остановившимся взглядом, который он никак не мог заставить двигаться... Будто кто-то схватил сзади, за затылок, металлической клешней и стянул кожу так, что не было сил приоткрыть рот и даже вдохнуть.

– Лекаря! - кричали позади него и толкали, и кто-то пробежал по ногам, и дергали за

рукав, и знакомые лица наклонялись близко, брызгали слюной, повторяли что-то важное, а тигр лизал ладонь, а потом лизал в ухо...

– Нет! - крикнул он вдогонку военным. - Нет, я сказал!

– Надо брать их, пока не разбежались! - Теперь здесь оказался и старший Абашидзе, и Левушка, и еще куча народу, весь Малый круг, и под окнами цокали копыта конницы...

– Всю слободку кавказников я приказал окружить! - на скулах Абашидзе играли желваки.

Коваль посмотрел в угол, туда, где над бьющейся в истерике женой металась подручные мамы Роны, и внезапно представил себе, как непросто далось грузину такое решение.

– Прикажи запалить мечети, командир! - с Даляра, в буквальном смысле слова, летели клочья пены.

"Коля, Колечка... - чувствуя, как щемящей тоской сжимается сердце, подумал губернатор. - Они все для меня лично, преданы, и любят, и ценят... Но ни хрена не думают о людях..."

– Нет! Стойте! - повторил он, уже почти спокойным голосом, только внутри всё дрожало, как выкинутый из кастрюли студень. Внутри всё было изрублено в капусту... - Никого не трогать! Следствие передать Судебной палате, чтобы всё вели клерки, как обычное убийство.

– Но командир!..

– Смерть ублюдкам!

– Как ты теперь в Казань-то?..

– Никого не трогать без суда! - прошептал он, недоумевая, почему так трудно стоять. - Они только и ждут, чтобы мы начали жечь мечети, неужели непонятно? Если узнаю о самоуправстве, генералов первых повешу, слышите?!..

Теперь ждать нечего, готовьте посольство к хану!

26. КАЗАНЬ - ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

Эльсур Халитов принимал гостя на мягких подушках у подножия Золотого трона. Спускавшиеся с потолка тяжелые ковры разделяли залу на несколько комнат. Сюда не доносился грохот повозок и крики базарных торговцев. В зарешеченное окно Артур видел спускавшуюся к арке кремля недавно мощеную дорогу и остатки памятника Мусы Джалиля. Народный герой лежал на боку, так и не сумев разорвать цепи фашистских мучителей. По дорожке, щеголяя парадными костюмами, гарцевали десятка два гвардейцев из личной охраны хана. Подальше, на пустыре, тренировалась целая сотня кавалеристов. Они разгонялись и поочередно старались на скаку разрубить укрепленные на палках арбузы.

Казанский кремль почти не пострадал в годы катастрофы. Само собой, что не осталось целых окон, лопнули все коммуникации, провалился асфальт, и на развалинах сгоревших зданий буйной порослью зеленели кусты, но основные строения сохранились прекрасно.

Трон не был золотым, но близко соответствовал. За следующим ковром, в угловом помещении, помещалась обширная библиотека, куда тащили книги со всего города. Халитов справедливо гордился тем, что свободно изъясняется на четырех языках и разбирает арабскую письменность. Последнее обстоятельство придавало ему колоссальный вес в глазах соратников. В результате последнего дворцового переворота со стен кремля были сброшены в Волгу сотни полторы противников нового хана, и никто из них читать не умел.

Начитавшись первоисточников, нынешний хозяин Казани решил, что принимать подданных следует на возвышении, укрытом золотыми одеялами, и вообще, надо собрать во дворце как можно больше блестящих предметов. Как ни странно, слово "орда" ему не пришлось по вкусу, хотя особо ярые знатоки старины советовали вернуться к основам...

– Ну, еще раз салям, Эльсур, - сказал Коваль, когда руководители двух городов, наконец, остались одни.

– Мира тебе, - в тон отвечал хан. - Выпить нет. Барана уже жарят. Сыр и фрукты кушай, а?

– От сыра не откажусь. Надя мне говорила, что сыр у тебя знатный, - осторожно запустил первый крючок губернатор.

– Сыр превосходный, - степенно кивнул хозяин. - Кстати, как супруги здоровье? Самые теплые ей пожелания передавай. Мои женщины халат для нее сшили. Захватить не забудь, а? Зимы у вас холодные...

– Непременно! А Надя велела кланяться и передает твоим девочкам... - Артур продолжал произносить казенные любезности и с нарастающим раздражением думал о том, что ждет политиков лет через двадцать. Уже сейчас душные шупальца этикета начали привычно сжиматься вокруг горла, не позволяя сделать шаг в сторону, и совсем скоро руководители, как это было до Большой смерти, превратятся в говорящие придатки своего аппарата...

– О твоём горе мне сказали, - Халитов сделал серьезное лицо и погладил гостя по руке, что означало высшее проявление сочувствия.

– Благодарю, Эльсур, можешь ничего не говорить.

– Могу не говорить. Но скажу, а? Ведь ты же ждешь, чтобы я сказал.

– Ты мудрый человек, не зря тебя хвалят.

– Разве я мудрый, Артур? Я просто хитрый. Немножко хитрее других, немножко больше удачи. Честно тебе скажу, а? Я грустил, когда о твоей потере узнал. Это больно, я знаю... Две дочки маленькие у меня умерли. Но я не сильно грустил. Не успел им даже дать имена. Не знаю, если бы погиб взрослый сын...

– Спасибо, Эльсур, я верю тебе.

– Это тебе я благодарен, - краем губ улыбнулся хан.

– За что? - счел нужным удивиться Коваль. Внезапно он обнаружил, что возведенная с такой тщательностью изгородь между ним и угасающей стихнувшей болью снова готова проломиться и выпустить боль наружу. Он знал, что этот разговор состоится и что впереди будут еще разговоры и соболезнования, и притворные, печальные мины, и... Никуда от этого словоблудия не уйти: Николай был не просто ребенком, а частью политики, и даже посмертно его придется делить, или хранить, как тайную карту в рукаве...

Но Халитов не лил притворных слов. Он понимал ситуацию слишком хорошо.

– Спасибо, что выход гневу не дал, а? - хан смотрел прямо в глаза, что тоже являлось порядочной редкостью. - Памятью отца клянусь, Артур. Если бы я что-то узнал заранее, хоть один намек... Ты бы первый от меня услышал.

Этих слов было Ковалю достаточно. Пока достаточно, хотя карта с именем мальчика еще долго останется в рукаве. Пусть побаиваются, доверять нельзя никому...

Сегодня хан клянется, что не имел к преступлению никакого отношения, и счастлив, что не тронули питерскую диаспору татар, а завтра он может решить, что не обязан делиться информацией. Нельзя ему дать успокоиться, нельзя, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Он не боится питерских гарнизонов, но хорошо представляет, как сильна может быть кровная месть...

А потому пусть боится. Тем более что так его легче разговорить...

Губернатор первого по значению и военной мощи русского города был для хана дорогим гостем. И только слепой мог не заметить этого. За пятьдесят верст от города, при повороте на бывшую московскую трассу, губернаторский обоз встречал кавалерийский полк. От обилия украшений, серебряных попон, бантов и кистей, расшитых золотом штандартов рябило в глазах. Конница выстроилась в плотные шеренги и, сверкая саблями, сопровождала экипажи до самого кремля. При въезде в город несколько раз шарахнули из пушек, и к Артуру присоединились трое высших чиновников хана. За крепостными рвами Коваль встречали муфтий и генерал от кавалерии. В приятных беседах, ловко уклоняясь от скользких тем, гостей проводили до ворот крепости.

Коваль оценил масштабы строек и вполне искренне похвалил захватывающий вид с

холма. Строил Халитов немного, по большей части разбираал завалы, но уже за это ему можно было поставить памятник. Потому что старая, деревянная часть города поджигалась мятежниками при каждом перевороте с завидной регулярностью. Хан, видимо, рассудил, что избавившись от горючих построек, можно надеяться на долгое, счастливое правление.

За последние годы он придумал еще несколько занятных трюков, принесших долгожданный покой. Предшественник Халитова совершенно упустил из виду такой первостепенный рычаг, как родственные связи. Он был тоже грамотным, начитался древних книжек и объявил себя президентом Татарстана. Наверное, из неактуальной, устаревшей периодики он почерпнул вредную мысль, что замов надо назначать из числа людей честных и независимых...

Границы республики, обозначенные в старых картах, ему не очень понравились, и президент принялся собирать войско, чтобы обеспечить постоянный прирост земель. В процессе киданья вверх шапок и флажков честные и независимые передрались и утанули с собой на дно самого правителя.

Халитов таких глупостей не допускал. Не было поста в новом правительстве, которое не занимал бы кто-нибудь из многочисленной родни. Народ быстро успокоился, и деревянные кварталы стало незачем поджигать.

Кроме того, Эльсур выяснил по словарю значение слова "оппозиция" и понял, что в татарском языке этому идиотскому понятию просто нет места.

И оказался прав. Оппозиция успокоилась, лишившись голов в самом прямом смысле. Поборники Креста вообще не пытались прибиться к власти, и нерешенными оставались два вопроса. Размахиваться ли, как предыдущий президент, на подчинение всей Татарии, и как быть с муфтием? Халитову было хорошо и без войны, драться он не любил и предпочитал решать спорные вопросы тихонько. Например, у него совершенно не было уверенности, что Челны захотят признать Казань столицей и кинутся выплачивать налоги. Не проще ли спокойно сидеть на Золотом троне и обдумывать, как потихоньку отравить Челнинскую верхушку?..

А с муфтием - и того непонятнее. Наглый, как танк, всё ему давай, давай, давай... А с другой стороны, умный, ничего не попишешь. Миллион, говорит, миллион людей, за тобой пойдут, если смело под зеленым знаменем встанешь. Откуда он миллион насчитал, не совсем понятно, но звучит гордо...

Муфтий смелый стал после того, как от Карамаза люди приезжали. Немного об этом человеке наслышаны были, но то, что слышали, заставляло его уважать.

— Вы дождетесь, - говорили люди Карамаза муфтию. - Моргнуть не успеете, русские окрепнут и обложат своими границами. И будет как до Большой смерти, вон, сами в карты поглядите. Будете как пятно родимое, как нелюбимая бородавка на боку у России. Раньше они слабые были, а теперь, глядите, что творится! Раньше их в городе меньше трети оставалось, и не рожали совсем, а теперь? Вот погодите, еще немножко, и станет их больше! В Челнах уже дождались, там русский мэр, и с шайтанами лесными дружбу водит, с Качальщиками! Подомнут вас, крякнуть не успеете, и Халитов ваш - слабый, нерешительный какой-то!..

...Как раз в период столь глубоких раздумий и посетил хана губернатор Петербурга. Теперь они сидели друг напротив друга на пушистом ковре, пили чай из расписных пиал и закусывали теплым еще медовым чак-чаком. Халитов был похож на крепенького борца. Вроде бы пухлый, но нигде не висит, круглое, загорелое лицо, и волосы черные, жесткой щеточкой. На толстых пальцах - несколько колец с изречениями из священной книги.

— Базарную площадь чисто у тебя убирают, - похвалил Артур. - Только не шумно ли? Прямо перед покоями палатки разбили...

— Вай, всех зато вижу, а? - сверкнул белоснежными зубами хозяин. - Утром сам все цены проверяю. Если дорого, скажу - сразу убавят!

— Тоже верно, - кивнул губернатор. - Оптовики под присмотром.

Оба одновременно подули на чай, оба сердечно улыбнулись, как старые, всё

понимающие друзья. Посудачили о Черных жеребцах, которых хан очень хотел бы приобрести. Обсудили стати обычных коней и решили, что кони железку не заменят, и что железную дорогу всё равно надо восстанавливать. Губернатор заявил, что составы, паровики и ремонт путей обеспечит Петербург, а хану предложил контроль над восточной частью дороги. Хан сказал, что его джигиты могут днём и ночью ходить в патруль хоть по всей длине дороги, и обещал разобрать на стройматериалы несколько внутренних веток.

"Сволочь мордастая, - думал Коваль. - Как строить, так он глухой, а как бабки за проезд собирать, так первый прибежит..."

"Хряк белобрысый, - улыбался гостю Эльсур. - Вас пусти в огород - через полгода от водки вонючей весь город под заборами валяться будет..."

Губернатор, сияя от счастья, принял в подарок трех отменных жеребцов и приглашение отпраздновать в Казани следующий Навруз. Хан, истекая медом, получил ордер на скромную, восьмикомнатную квартирку в Меншиковском дворце и десять бочек копченой миноги.

Губернатор сказал, что если хан не приедет осенью в Карелию, вместе поохотиться на уток, то он сочтет это личным оскорблением. Хан ответил, что он уже оскорблен, потому что гость не горит желанием завтра утречком посетить скачки.

Наконец с реверансами покончили, можно было переходить к делу.

"А ведь он психует, - думал Коваль, искоса разглядывая хана. - Надежда права, точно веслом ударенный. И вся эта бравада напускная, пыль в глаза..."

- Дорогой Эльсур, - начал губернатор, - хочу попросить тебя о малюсеньком одолжении.

- Всё для тебя, Артур, - оживленно воскликнул хозяин.

- Ты не возьмешь на постой сотни три моих людей? - наблюдая, как собеседник меняется в лице, елеинным голосом произнес Коваль. - Ненадолго, на месяцок. Им только крыша нужна, а харчи и деньжата свои. Самых тихих подгоню, ни шума от них не будет, ни вреда. Дело закончат - и уйдут. А ежели что попортят, так возьмешу...

- Какое дело, дорогой Артур? - вырвалось у Халитова.

Он тут же замолчал, возвращая равнодушно-глубокомысленный вид, но нервозность его выдавала.

- Да дело-то ерундовое, - доверительно хихикнул Артур. - Изловить кое-кого на островах, выше по течению... Озерники, слышал про таких? У тебя тут, правда, река, а не озеро, может, их иначе называют?

- Называют так же, - быстро сказал хан.

- Уж не расстроил ли я тебя, Эльсур, дорогой? - обеспокоено всплеснул руками Коваль. - Может быть, эти люди под твоим особым покровительством?

У Халитова несколько раз дернулся желвак на щеке. Он пошарил глазами по узорам на подушке и снова встретился с Артуром взглядом.

- Никакого особого покровительства, - сказал хан. - Но люди эти всегда жили на наших землях... - Он сделал ударение на слове "наших". - Неужели три сотни солдат надо, чтобы изловить беглого преступника, а? Давай, я своим это поручу! Избавлю тебя от лишних забот?

- Не избавишь, Эльсур.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем хан потянул за свисающий с ковра шелковый шнур. Ковер чуть шевельнулся, и перед Халитовым возникла юркая фигура, с ног до головы закутанная в черное. Хан сказал несколько слов на татарском, прислужник почтительно склонился и исчез. Коваль следил, как снаружи бьются в оконную сетку жирные мухи, привлеченные запахом сладкого.

- У тебя немало важных дел, Эльсур, - негромко заметил Коваль. - И у меня тоже хватает. Нам так много предстоит еще сделать вместе, чтобы людям жилось хорошо... Или я не прав?

- Прав, прав, - хан хрустел костяшками пальцев, подставив луженую физиономию

солнечным лучам.

– Так давай не будем вилять, сохраним время для важного?

– Хорошо, Артур. Не будем вилять. - Халитов подлил гостю чая. - Я за одним человеком послал... Он знает всё, что творится на Каме... Когда на острова прячутся беглые воры, он узнает об этом первым. Если ты считаешь, что там убийца Николая, я сделаю всё, чтобы его найти. Кто тебе нужен, а?

– Мне нужны все Озерники. Ты ведь слышал, Эльсур, как мы поступили с ними у себя?

– Вы уничтожили тех, кто извращал в грязи вашу веру. Я бы тоже так поступил, если бы под боком завелись нечестивцы, порочащие Месяц.

– Я преследовал их не за это, хан.

– А за что? Ты вырезал несколько деревень за кражу гулящей девки, а? - Халитов повысил голос, показывая, как хорошо он осведомлен в делах Петербурга. - Разве ты не вырезал их по наущению своих попов? Разве Озерники не мазали дерьмом иконы?

– Это, конечно, нехорошо... - Артур чувствовал себя канатоходцем, который застрял в темноте, на незнакомой веревке. - Но твои люди, наверняка, донесли, что мы вырезали и Озерников на Финских озерах, и под Вяткой, Новгородом, и под Ярославлем?..

– Вай! Гнев попов столь велик, а? Они будут гнать врагов по всей земле? И ты дашь им столько солдат, сколько они требуют?

– Нет, Эльсур. Мнение попов меня не заботит, но озерное племя я выжгу. Однако не только из-за икон.

Удушливая жара плыла над Казанскими минаретами, над плескущими изгибами реки, над тысячами шатров, дымящих на другом берегу. Казалось, что белые башенки крепости плавают и растекаются, как сахарные головы. Сквозь стрельчатые окна сверкала пестрыми бликами базарная площадь, где люди и животные словно плавали в кашеобразном, знойном мареве. Заполняя паузу, Коваль насыпал в рот щепотку чак-чака.

– Так ты бьешь их не за веру, а? - в голосе хана послышалось облегчение. - И не за сына?

– Ах, дорогой Эльсур, - улыбнулся губернатор, - разве для того, чтобы жить как порядочный человек, обязательно соблюдать посты? Вот я, например, уважаю тебя за то, что ты пресекал драки между своими, что помогаешь бедным, а богатым даешь богатеть, что не обижаешь у себя русских купцов, а вовсе не за то, сколько раз в день ты помолился...

"Их вполне может быть и больше миллиона, - рассуждал Коваль. - Тысяч восемьдесят в Казани, раз в десять больше по деревням. Плюс башкиры, плюс мелочь... И дело не в муфтии, который, по слухам, довольно твердолобый пацан. Дело в том, что они жили и будут жить куначеством. Никуда от этого не денешься. Халитова поддерживали богатые кланы, но что будет завтра, если верх возьмут фанатики? Сколько он продержится, играя в просвещенного космополита?.."

– Хорошо ли нам будет, если между нашими городами затеется вражда? - продолжал скользкую тему Артур. - Смелый воин может захватить власть, нам с тобой это известно. Но удержать власть и добиться любви народа может лишь тот, кто смотрит вперед. Тот, кто видит не только сегодня, но и завтра.

– И что же ты видишь завтра? - Халитов поглаживал вышитые на золоченых подушках изречения.

– Я вижу, что есть правители, которые не могут спать спокойно, когда соседи живут сытно и дружно. Я вижу, что они готовы поднять знамена любого цвета, лишь бы захватить южные торговые пути и присвоить себе чужое. Я вижу, что если их не остановить сегодня, то завтра они найдут себе приспешников в каждом городе. Всегда найдется тот, кто за кошель с золотом отравит колодец или бросит бомбу в базарную толпу. Эти правители всегда делают ставку на людей темных и забитых, на нищету и дикость... Но самые хитрые поступают иначе. Они давно поняли, что одним кошельком золота не достичь того, что можно достичь обманом. Они обманывают детей с колыбели, и те вырастают не людьми, а

волками... И эти волки верят, что бог призвал их лишь затем, чтобы истреблять иноверцев... Если мы позволим им и дальше растить волчат, то очень скоро запылают дома, а добрые соседи превратятся в вечных врагов...

Халитов долго молчал, перебирая на блюде спелые виноградины, доставленные откуда-то с юга. Затем он вскочил и отошел к окну. Стараясь не поворачиваться к дорогому гостю спиной, распахнул вторую створку и стал боком, уставившись на сверкающую пойму реки. Артур не мешал хозяину размышлять, сегодня он сделал всё, что мог...

— Пусть так будет! - Халитов потер ладонями щеки, пробежался из угла в угол, по щиколотку, утопая в пушистом ковре. - Приводи своих солдат, пусть ищут... Проводников дам. Но ты же захочешь, чтобы с солдатами пришли Качальщики, а?

— Без них нам не справиться.

— Качальщиков здесь не любят.

— Их нигде не любят, их невозможно любить.

— Почему невозможно? - рассеяно спросил Халитов.

— Разве можно любить собственную совесть? - усмехнулся губернатор. - Ты сумеешь полюбить человека, который ходит за тобой по пятам и нашептывает тебе в ухо: "Эльсур, ты поступил дурно там и здесь, и ты это знаешь. А я не отстану от тебя и буду постоянно об этом нашептывать!"

Пришел черед рассмеяться хозяину.

— Вай, как жаль, Артур, что мы так редко встречаемся. Столько беготни! Так не хватает остроумного собеседника, а?

Халитов еще продолжал улыбаться, но щелочки его глаз уже превратились в пулеметные гнезда, и Артур понял, что сейчас решится самое главное.

Главное, ради чего он приехал. Никак не для того, чтобы разместить на постой пару сотен пограничников для ловли колдунов в камышах или для урегулирования финансовых затрат на железную дорогу...

— Вот что, Кузнец. Баба у тебя умная. Я это сразу понял, еще когда увидел ее в первый раз... Тебе повезло, а? Одна женщина может примирить двух мужчин, но не примирит эту свору, - он небрежно махнул в сторону окна. - Ты ведь не глупый, Кузнец? Сегодня я иду тебе навстречу. Хорошо... Не из-за сына твоего, а просто потому, что вы мне нравитесь. Я тоже вижу, что будет завтра, а? Только я не смотрю так далеко вперед. Я вижу, что завтра ты попросишь не ночлег для сотни... Завтра ты захочешь, чтобы в Каме напоила коней тьма, которую Абашидзе поведет на Самару или Астрахань. Что скажешь, Кузнец? Я не прав, а?

Халитов напрягся, точно собирался прыгнуть гостю на горло.

— Убеди меня, Эльсур, что с юга для русских земель нет опасности, и я отвечу тебе, что не стремлюсь к власти над Татарией.

— Вай! Я разве бог, чтобы давать тебе такие обещания? Я всего лишь песчинка под сапогом бога, да и ты тоже...

— Значит, человек, о котором я думаю, намерен выступить на север? - задумчиво произнес Артур. - И никто мне не даст гарантию, что он настроен с миром?

— Га-ран-тия? Не понимаю таких слов...

— Карамаз предложил тебе помощь, если ты выступишь против Петербурга? - в лоб спросил Артур.

Халитов качнулся, словно его ударили по лицу.

— Ты не брат мне, Артур. Никогда братом не будешь. Если я скажу татарам, что русские хотят поставить гарнизоны вокруг наших земель, от меня отвернутся все: и родня, и чужие кланы...

— А если я приеду с большим посольством и привезу соборников? Если мы вместе нарисует новую карту, и подпишем кровную бумагу, что не перейдем твоих границ?

— А где они, границы? - устало вздохнул хан.

— Ты сам их нарисуешь, - удивляясь собственной отваге, сказал губернатор. - И это будет только твоя страна и твое государство.

– Слишком хорошо ты думаешь о муфтии... - покачал головой хан. - Почему ты решил, что меня слушаются все? В Челнах плевали на меня, и в Альметьевске...

– Это сегодня они на тебя плевали, - вкрадчиво заметил Коваль, - а через неделю всё может сильно измениться. Ты получишь власть над всей Татарией.

– Через неделю? - как завороченный, повторил Халитов.

– Я говорил с Качальщиками, которых так не любят святоши. Они согласны успокоить землю, если я помогу тебе запустить литейку. Завтра вся Казань может узнать, что ты получишь пушки. А мои инженеры помогут тебе с порохом и зарядами. Для начала, скажем, штук десять орудий малого калибра и столько же самоходок. В течение месяца подгоним мастерскую, для ремонта. Снарядов получишь тысячи полторы, больше не обещаю.

– Откуда всё это?! Качальщики всё давно расплавили...

– На военных кораблях кое-что сохранилось.

У хана заблестели глаза. Не в силах сдерживаться, он снова начал мерить углы, возбужденно потирая руки.

– Мои генералы не поверят тебе, Кузнец.

– А не надо верить. Три пушки и десять пулеметов я уже привез.

– Ты загоняешь меня в капкан, Кузнец.

– Тебя невозможно загнать в капкан, Халитов. Ты не похож на подранка...

– А если им этого мало будет, а? Если оружие не убедит? Есть такие, кто спит и видит меня в Каме, с камнем на шее!

– Ты им завтра покажешь договор с губернатором Петербурга.

– Вай, Артур... Но раз уж мы так говорим... Всем известно, что вы собираете новую Думу. Новые Старшины, из выборных, и новый Большой Круг...

– Договаривай. Ты хотел сказать, что будет новый губернатор?

– А что ты сделаешь, если не соберешь нужное число меток со своим именем?

– Я соберу их, Эльсур.

– Ты зарежешь своих противников?

– Нет, Эльсур. У Думы будет простой выбор - или сегодня Кузнец, или завтра Карамаз. Я заставлю их поверить.

Халитов дернулся вторично. Имя турецкого паши действовало на него как удар тока.

– Он давно не в Стамбуле, Кузнец, - после продолжительной паузы выдал хан. - У него есть джинны, стократ умнее твоих лучших инженеров. Они сделали для Карамазы летучую машину.

– И где же он? - затаил дыхание Коваль.

– В Фергане.

– Вот так номер...

– Ты разве знаешь, где этот город?

– Ну, еще бы... Когда-то это место называлось колыбелью радикалов... Старый лис маразмом не страдает.

– Снова пугаешь древними словами, а? Это далеко отсюда, Фергана. Я считал километры по картам. Но с летучей машиной он доберется еще южнее, и восточнее. У меня сведения от верных людей, это честные купцы. Они ходили к Черному морю, еще когда я был мальчишкой...

– А теперь они платят пошлину не украинцам и не татарам, так? Или, может быть, болгарам? Что ты молчишь, Эльсур? Кому теперь принадлежат фактории западного берега?

– Купцам неважно, кому платить за проход. Торговать им не мешают, это главное... - пробурчал Халитов.

– Им не мешают торговать, потому что твои купцы поднимают зеленый флаг, да, Эльсур? У меня тоже есть верные люди, так они сообщают, что десятки болгарских деревень на побережье сгорели дотла. Украину пока не трогают, я верно понял, Эльсур?!

Халитов внезапно прекратил метаться, и с силой хлопнул ладонью по низкому столику, так что подпрыгнули пиалы, и рассыпались фрукты.

– Ты...ты, Кузнец, не доводи меня, слышишь?! Что я тебе, мальчик, а?!

– А сам ты себя не доводишь?

– Хорошо. Всё, я сказал! - рубанул воздух хозяин. - Ты подпишешь бумагу, что будет фабрика по металлу?

– Я обещал.

– И три тысячи твоей конницы, когда я пойду на Челны. Не для боя, а здесь. Поставят в Казани, чтобы я за тыл был спокоен. Можешь обещать?

– А ты мне обещаешь приехать на выборы в Думу? - Коваль протянул ладонь. - Если выступишь в Думе, обнимешь меня на виду у наших, твердолобых, - будут тебе и конница, и пушки, и твердая граница.

– Ты думаешь, я с тобой из-за пулеметов торгуюсь? - лукаво ухмыльнулся Эльсур. - Нет, Кузнец, пулеметы - дело десятое. Пойдем со мной, а?

Он отогнул одну портьеру, затем еще одну, и гость вошел в помещение, до потолка забитое книгами.

В библиотеке у Артура сразу начинали чесаться руки, вот и сейчас он испытывал непреодолимое желание забыть обо всех делах и с головой зарыться в тысячи пыльных, источающих одуряющий запах, фолиантов. Это было всё равно, что пересечь пустыню, добраться до родника, лечь на пузо, зачерпнуть кристальной жидкости и... проснуться. Последняя книга, прочитанная губернатором, называлась "Идиоматические конструкции немецкого языка", и большого удовольствия Артур не получил...

– Университет, - сказал Халитов, и Коваль проснулся окончательно. - Я прочитал, что у нас, в Казани, был университет. Как у тебя, только лучше. Несколько тысяч человек сразу учили: и по металлу, и по дереву, и соборников, и химиков - всех... Я тоже университет хочу.

У Артура вертелось на языке спросить, как можно мечтать о храме науки и, одновременно, закрывать школы для женщин, но он счел нужным промолчать.

– Я знаю, что тебе нашептывают, - хан любовно погладил стопку словарей. - Когда меня не станет, я не хочу, чтобы люди вспоминали: "А, был такой Халитов, тот самый, что кровью по утрам умывался и по сотне в день казнил!..." Ты думаешь, мне без тебя пушки взять негде? Мне люди Карамаза в десять раз больше предлагали. И летучие машины, и бомбы с белым газом, и такие бомбы, что под землю закапывают... Даже намекали, что с древнего корабля огненный гриб могут снять и привезти! Ты меня знаешь, я никого не боюсь, Кузнец. Но когда мне намекнули, что джинны Карамаза знают, как вернуть Большую смерть, я испугался. Первый раз я испугался, Кузнец...

У Артура по спине пронеслась холодная волна.

– И Карамаз книги сжигает, - тоскливо добавил хан. - Везде. Где проходит, там сжигает. А про твой университет его люди сказали, что сожгут его, вместе с книжниками, и с теми, кто учиться ходит... Теперь понял, Кузнец, что мне не только пушки нужны?

– Так значит, по рукам? - Артур первым протянул ладонь.

Несколько секунд мужчины держали друг друга за предплечья, затем, не сговариваясь, обнялись.

"И чего тебе дальше в гробу не спалось? - тоскливо думал хан. - Или жрал бы пиявок в лесу, вместе со своими Качальщиками, мы бы горя не знали..."

"Жулик косоглазый, - думал губернатор, - любитель словесности хренов. Попался, как кур во щи, вот и мечется теперь... Однако же, реформатор, ничего не попишешь. Надо маме Рите сказать, пусть в Книгу занесет, как мы Казань без стрельбы взяли..."

27. ПИАРЫ И КОНСЕНСУСЫ

Впервые за десять лет зал Мариинского дворца был битком набит народом. Возле подъездов толклись экипажи, один другого краше, подкатывали даже автомобили и несколько паровиков. Простой люд с самого утра облепил крыши и уцелевшие фонарные

столбы; выискивали влиятельных чинуш и знатных фабрикантов. Забирались друг другу на плечи, чтобы разглядеть, как подъедет губернатор или кто-то из высоких гостей.

Уже третью неделю город будоражили слухи, обрастая подробностями на постоянных дворах, рынках, в трактирах, на Бирже, в ночлежках переселенцев... О новой Думе не говорили только немые, а кто умел хоть слово сказать, те до хрипоты, до драки рядились о том, как было раньше, да что будет после. Вспоминали правление прежнего губернатора, когда метался по области бесноватый соборник Карин, когда засыпали бункера с оружием, и могли повесить за срубленную березку. А иные припоминали и совсем уже стародавние времена, когда город был поделен на коммуны, а за Пулковским шоссе резвились дикие чингисы да болотные коты...

Но после того, как в Питер, одно за другим, стали прибывать посольства из других городов, притихли даже самые ушлые. Посмеивались сначала, после недоумевали: что за радость такая, попусту шлаться? А в последнюю неделю могучие толпы бездельников собирались перед аркой Генштаба, поглазеть на очередной посольский караван, на диковинные, уцелевшие машины, на бронированные кареты с охраной. Отдельная толпа змеилась вдоль путей, ожидая прихода паровика. Десятки умников ложились на рельсы, предвещая скорое появление поезда. Паровиков теперь было целых три, и многие горожане копили деньги, чтобы, отстояв ночью очередь в кассу, важно прокатиться и помахать ручкой завистливым знакомым... Правда, потом приходилось прыгать на ходу, поскольку паровик разогнался и убегал дальше, в Варшаву или Ярославль, а теперь даже в Казань...

Когда прикатил Казанский хан, знатокам городских сплетен, собиравшим слушателей в кабаках на Литейном, оставалось только загигать пальцы.

– Костромские тут, и Тверь с поселками, Псков, само собой, а теперь Кинешма, Калуга, Тула, Орел, Владимирский князь...

– Вот так дела! - ахали собутыльники. - Это что за птица такая, князь?

– Ну, вроде губернатора, - глубокомысленно изрекали эксперты, - только помельче будет, послабже, нашему не чета!

– И с Мурманска, с Петрозаводска, и тьма всяких чудиков понаехала, видали?

– Да, там такие есть, что хуже чингисов! Видели, прямо на площади спят!

– Это шептуны, они на границе Московской пуши, у Сергиевого посада живут.

– Ну и гости, прости господи, того и гляди, петуха подпустят! С ними ухо остро держи!..

– Да, неспроста, что-то будет...

– Что-то будет, - повторяли на разные лады горожане и пытались подпоить служивых из охраны чужих градоначальников. Те охотно пили на халяву, но ничего толкового сообщить не могли. Самым пронырливым горожанам удалось, впрочем, разузнать, что и вокруг полузабытого Пакта Вольных поселений затевалась какая-то возня. Пакт, еще восемьдесят лет назад, инициировала мама Ксения, первая хозяйка Эрмитажа, мир ее праху... Договор был подписан коммунами и общинами, еще когда бегали древние машины и хватало бензина. Потом Вечные пожарища захлестнули дороги, и как-то всё забылось...

А теперь, следовательно, подновить собираются Пакт, вот такие дела.

Не спалось народу спокойно.

И властям спокойно не спалось.

Малые совещания со Старшинами палат, встречи профессиональных Гильдий и штабные сборы военных губернатор после двух последних покушений проводил обычно в Зимнем. По крайней мере, туда никто не мог пройти с оружием, а в каждой властной структуре у губернатора имелись как минимум два осведомителя.

Но вольных поселенцев, в отличие от казенных клерков, не разденешь, а уж святош и вовсе трогать невыгодно. Повернутся, уйдут - и всё дело насмарку! Поэтому офицеры Трибунала сбились с ног, выуживая по кабакам, торговым лавкам и борделям информацию о настроениях перед выборами, и возможных вариантах террора.

Много чего нашли, арестовали заодно конокрадов, фальшивомонетчиков и парочку

шпионов из соседних городов. Накрыли даже крупную банду налетчиков из... Минеральных вод.

Худо-бедно до выборов дожили.

Коваль, в бытность научным сотрудником пятого отдела, раз шесть выезжал на симпозиумы и всяческие конференции. Иногда бывало полезно, иногда довольно скучно, но никогда не доходило до такой парилки, как сегодня. У него вылетело из головы, что в отсутствие электричества не функционирует ни одна система вентиляции. Отпирать настежь окна он сам же и запретил, из соображений безопасности. Невзирая на двойной ряд вооруженного оцепления тысячи четыре зевак расположились на травке с раннего утра, а к обеду их число утроилось.

– Боишься? - мимоходом спросил Свирский, направляясь на свою скамью. - Не бойся, помираем один раз!

– Тебе хорошо, - пожаловался Коваль. - Тебя в любом случае выберут в Старшины, потому что ты умный!

– А ты какой? - изумился Левушка.

– А я - просто начальник, - вздохнул Артур. - Начальником может быть всякий, а толкового Старшину книжников днем с огнем не сыскать...

С Левого пришел брат Аркадий, Старшина топливной палаты, долго тряс губернатору руку и бормотал соболезнования.

Подтянулись братья Абашидзе, веско и вежливо поздоровались, демонстрируя окружающим, кого они считали и будут считать губернатором при любом исходе выборов. Под шепоток зала занял свое место смуглый красавец Орландо, неделю назад назначенный Ковалем Старшиной промышленной палаты. Артур очень переживал, что итальянец плохо говорит по-русски. Если бы эти твердолобые олухи в зале могли его понять и оценить масштаб затеваемых строек!..

Еще сильнее зашумели, когда в зале объявился собственной персоной бывший папа Эрмитажа, Михаил Рубенс, да еще под ручку с мамой Кэт. У обоих давно не было официального права голоса, но все прекрасно представляли, каким они пользуются влиянием. Особенно Рубенс, чей внучок уже лет пять был секретарем у губернатора.

На местах для почетных гостей собралось немало уважаемых личностей. Знатные горожане подталкивали друг друга локтями, шепотом называя имена.

– Взгляните, какого мрачного деда под руки несут. Сам предводитель чудских Озерников пожаловал!

– А как вам тот, в красной папахе? Это же нижегородский Голова, клянусь вам!

– А вон, на балконе, выборгские и лужские!

– Господа, а этот здоровяк, Карапуз, что он тут делает? Он ведь всего лишь капитан пограничной стражи?

– О, вы не слышали последних новостей! Это прежде он был капитан, а нынче у него право голоса от всех чингисов...

– А вот и наша чародейка!

– Да кто же, кто?

– Да умница французская, что пули без боли достает. Тряпку тебе на нос кладут, и спишь. А как проснешься, уже все пули вынули! Сказывают, к ней на операции даже казацкие атаманы с Ростова едут...

– Так она же не лекарша вроде, а химик...

– Тем более! Скоро вместо мамы Роны в Питере будет. Ей губернатор целый дворец выделил и лекарей лучших в помощь, и училище химическое учредил.

– А где же митрополит? Где Онуфрий, господа? Вроде все соборники расселись, а никого из Лавры не вижу...

– Вы, любезный, отстали от жизни в Ломоносове! Онуфрия давно сняли...

– Да когда же? Да кто его снял?

– Так свои же и сняли! Месяц назад прошел областной Собор. Патриарха нового

выбрали, и прочих новых отцов... Теперь совсем другие верховодят; патриархом Василия избрали. Он личный духовник супруги Кузнецца...

– Ах ты, господи! Ну, тогда понятно, откуда ветер дует!

– Нет, дружище, ничего вам не понятно. Он же теперь патриарх, над всей Русью суд будет вершить!

– Да как же это, над всей Русью? Ведь у соседей свои попы найдутся. Кто же Василия на Урале слушать будет?

– Не советую так громко... Это вам не Ломоносов, сегодня такие дела затеваются... Я вам так скажу - будут Василия слушать, никуда не денутся!

– Постойте, а это что за личности?

– Господа, не шумите, ничего не слышно!

Миша Рубенс ударил в гонг и через рупор объявил о присутствии делегации Верховного польского воеводы.

– Ох ты, дьякон в красной рясе-то, важный какой, а глазенки так и горят!

– Это не ряса, любезный, а сутана. И не дьякон, а епископ Варшавский, Станислав. Говорят, недавно выбрали...

– А еще говорят, что он приятель нашего губернатора.

Внезапно разговоры смолкли, по залу пронесся шумный вздох. Люди привставали на скамейках, чтобы лучше видеть гостевую скамью. Рядом с официальной делегацией Берлина и представителями немецкой фактории появились несколько удивительных, низкорослых людей в черных очках и низко надвинутых черных шляпах.

– Это что за нечисть, прости господи?

– Тише, тише... Ты что, хочешь попасть в списки Трибунала? Не видел разве, баржа здоровенная у Адмиралтейства стоит?

– Так то ж Орландо пригнал, новый Старшина фабричный. В Кронштадте починили и паровик на угле запустили.

– Вот-вот! На барже гномов и привезли, и не только их. Эти мелкие, они де-ле-га-ты! Во как! От германских южных земель и от бельгийцев.

Рядом с пивоварами, степенно разглаживая пейсы, устраивались четверо мужчин в помятых черных костюмах и громоздкая женщина в белом парике. У Бумажников слезились глаза, а носы от непрекращающегося насморка раздулись и покраснели, как сливы. Аллергия мучила всех, кто прибыл из-за песчаной стены, несмотря на лошадиные дозы настоек и гомеопатию Хранительниц.

Коваль тихонько оглядывал зал. Эту ночь он почти не спал и весь извелся, а утром, как ни странно, успокоился. Утром в окно спальни заглянуло солнышко, он поставил себе на примусе сто первую кружку кофе, и распахнул тяжелую раму. Дворцовая площадь переливалась миллионами брызг, после ночного дождя, ангел привычно балансировал на столбе, а по Мойке веселой стайкой, под охраной гвардейцев, шли в дворцовую школу ребятишки.

Потом губернатор перевел взгляд назад, на громадный стол, заваленный бумагами, планами и чертежами, и его охватила вдруг детская беззаботность.

"Какого черта, - сказал он вслух и удивился звуку своего осипшего голоса. - Не буду я ничего писать, обойдутся без тезисов. Одного тезиса с них достаточно. Или я остаюсь, или еду к Прохору и остаток дней ловлю с ним рыбу..."

Не успел он это произнести, как ударили колокола, а в дверь заскребся Михаил, с кипой свежих документов. Одной рукой листая бумаги, другой Артур поочередно прижимал к уху местные телефоны, выслушивал отчеты Старшин...

"Возможно, последние отчеты", - напомнил он себе, когда хотел разозлиться на дорожников за рухнувший мостик через Карповку. И приказал себе больше не волноваться. Всё что мог для этих людей, он сделал. И великое чудо заключалось уже в том, что он до сих пор жив...

Совсем волноваться не получилось.

Сейчас рядом с ним сидел Миша Рубенс-младший и тихонько доносил свежие сплетни.

– Слева, восьмой, девятый ряд, видите, господин? Выборные от Гатчинских ковбоев. До последнего клеркам сопротивлялись и паспорта не хотели получать. Заводилой у них тот, который со шрамом, Кирилл Лопата. Кричал, что не собирается ни в какую Думу выбираться, потому что Питер для них - не указ.

– Однако он здесь?

– Всё по закону, господин. Учетная палата трижды листы перепроверила. Лопата сначала отказался, а после, когда увидел, что бедняки выбираться лезут, спохватился. А теперь ковбои сговорились его в губернаторы выставить, от всех крестьянских дворов.

– От всех? И бедняки поддержат?

– А что бедняки, господин? Как ты хотел, всё равно не получилось. Ни один от бедных дворов не прошел, а уж в Старшины, или на твое место, и подавно не замахиваются. Богатеи в корчмах всё вино выкупили, кого споили, а кого и поколотили. На правом берегу, господин, во всех четырех участках, народу вообще не набралось. Все пьяные лежат. Уж не знаю, как и обозвать такую подлость, а обвинить нам некого...

– Это называется "предвыборные технологии", Миша. А справа, бородатые? Почему не помню?

– А, эти еще хуже, господин. От рыбацких артелей. Речники тебя, скорее всего, поддержат, а эти, ладожские, больно злые. Наслышаны про строительство большого рыболовного флота. Но бучу по иному поводу поднимают. Мол, при старой Думе бедняки выбирали Старшину, от каждой сотни дворов, а люди с достатком - от десяти. Они считают, что так честнее было, а теперь, мол, одна гопота в Думе соберется...

– Пускай считают, что хотят. Зубоскалят много, я смотрю...

– Не сердись, господин, но я должен сказать...

– Ну, не тяни?

– Радуются многие, что Николай погиб, - секретарь, на всякий случай, отодвинулся подальше от губернатора. - Я и сам сперва не верил, но... Если желаешь, господин, полный список составлю: кто в сортире плохими словами крыл, и кто...

– Не надо списков, это не главное...

– Но это тайные враги, господин!

– Ничего не поделаешь, всегда найдутся такие, кто счастлив от чужого горя. Ты мне лучше скажи, кто выдвигаться будет, уже доподлинно известно?

– Значит, от ковбоев - Кирилл Лопата. От гвардии, понятное дело, тебя выкрикнут, и от пограничников, и от полиции... Мастеровые, кто по дереву, и сплавщики, вроде, тоже за тебя. Вот металлисты сильно недовольны, весь Выборгский район голоса папе Саничеву отдал.

– Это, конечно, из-за Качальщиков?

– Да, они там три дня орали, договориться не могли. Дескать, что губернатор перед Качальщиками выслуживается: и жену в лесу поселил, и колдунчиков в Эрмитаже держит, лишь бы милости не потерять, и змеев да лекарей... Говорили: если Качальщики велят Кузнецу закрыть фабрики по металлу, он тотчас на лапки задние вскочит, и пять тысяч человек с голоду помрут, что на караванную торговлю металл переливают...

– Саничев - человек суровый. Он обижен, что я его место Орландо отдал, но против француза он не инженер, а подметальщик цеха...

– Артели иноземцев в Большой Круг выдвигают опять мастера Йонсона...

– Это хорошо, он мужик толковый. Я рад, что он удержался.

– Из иноземцев паспорта наши приняли человек семьсот, так, вроде, в губернаторы тебя пишат... Вот нефтяники, кто по бывшей Московской дороге, они против, и с ними сила большая: угольные купцы и лесорубы... Которые за Пушкином, они все против тебя. Если не губернатора, то Старшину топливной палаты, точно, своего просунут!

– Они вечно недовольны... А по районам как, обсчитали примерно?

– Центр весь наш, и Васильевский. Ну там понятно, гвардейцы да клерки квартируют.

На Петроградской стороне и в порту, за Обводным, мама Кэт с кем надо потолковала - и двое выборных сами отказались.

– Вы там не перестарались? Никого не убили?

– Боже упаси, господин. Пока тебя не было, Старшина дорожников встречался с мамой Кэт и этими двумя. Серьезные люди, надо сказать. В губернаторы они бы не прошли, но в Большой Круг вполне могли пролезть. Один, по кличке Абхаз, всю торговлю дурной травой по кабакам держит, и бордели по Выборгской дороге...

– Действительно, серьезный человек. А второй?

– Второй, Назетдин, бакшиш берет со всех металлистов, кто оружие налево гонит, а заодно со всех караванов татарских.

– Миша, напомни мне спросить у младшего Абашидзе, почему эти двое еще живы? И почему им платят, и никто не возмущается?

– Ты сам приказал их не трогать, господин. Если Абхаза утопить, драка за гулящих девок начнется, стрельба... Помнишь, три года назад, когда ты бордели на Невском позакрывал, что творилось? Трупы из Невы вылавливать не успевали!

– Ну, туда им и дорога. Сутенер - профессия повышенного риска.

– А казна тогда, от закрытия кабаков, в день по сотне рублей золотом теряла, вот ты и приказал лихачей этих, кто с девками, не трогать...

– Это я погорячился. Видно, нам деньги были позарез нужны...

– Ты сказал действовать по обстановке, господин...

– Ладно, а теперь чем нам пришлось пожертвовать?

– Старшина дорожников поставил печать на двух твоих гербовых бумагах. Пришлось обещать, что дорогу через Поклонную гору чинить не будем и землицы у самых озер, под восемь особняков, отписать.

– Под восемь?! Ну и аппетиты у нашей мафии...

– Зато Абхаз не только свое имя со всех досок снял, но обещал, что все выборгские за тебя проголосуют. Вот с Назетдином было тяжелее, ему земля не нужна. Он так и сказал, при маме Кэт и при Старшине дорожников, что плевать хотел на наш кадастр. Лучше, говорит, буду жить за пятьдесят верст, чем лизать сапоги Кузнецу.

– Круто! И как же его уломали?

– А через нефть. Тебе, господин, разве Даляр не докладывал?

– Я же две недели ни с кем не виделся, Надежде плохо было...

– Этого Назетдина ты теперь легко прихлопнешь. Полковник раскопал, что в обход таможен, из Челнов, караваны нефтяные шли и где-то в Купчино сливались, а Назетдин проводников и охрану от самих Челнов давал, и здесь со всех торговцев мзду имел. Вдобавок, бумаги и печать Малого круга подделали.

– Так за такие дела не пять лет в подземке, а веревка полагается...

– Про то ему мама Кэт и намекнула. Рыпнулся сперва: мол, не докажете, но ему быстро свидетелей предъявили. Трех возниц караванных в Тайном приказе так обработали, что все на него показали. А после того, как ты с Казанью мир заключил и пушки туда послал, Назетдин быстро со всех досок свое имя стер... Соборники тоже, мялись-мялись, но так и не написали своего выдвиженца... Учетная палата уж сколько с ними билась, да и народ толпами вокруг Лавры ходил, но так и не назвали...

– Ну, это неплохо, глядишь, сейчас и определятся... Старшину-то, по делам Собора, они, по крайней мере, выбрали?

– Тут всё как ты задумал... То есть, как ты надеялся, господин. Когда Христофор крест поцеловал и причастился, его Василий сразу рукоположил. А в Старшины выдвинули... сейчас, как это... а, за большие заслуги перед Собором в деле обращения язычников...

– Когда они успели?

– Василий, митрополит, всё сделал, пока ты в Казани был.

– Ну, молодец святоша... Я в нем не ошибся.

– Пора, господин, кивают от дверей. Все собрались.

– Начинай, а то у меня от дыма, глаза уже щиплет. Вот, чертяки, не Дума, а Совнарком, все дымят, как паровозы... И где они только табак такой дрянной находят?

Рубенс поднялся, торжественно поправил накрахмаленную рубашку и четырежды ударил в гонг. Теребя в руках листочек, на трибуну взобрался Старшина книжников, ректор университета и старейший член Малого круга Старшин. Сегодня Левушка нарядился в турецкий синтетический костюм и франтоватую рубашку, оставшуюся от гардероба Людовика. По особому заказу для него сшили кружевное жабо, в которое книжник запихал орден. На сей раз это был орден Славы - Левушка питал слабость ко всему блестящему. Когда-то Коваль даже пообещал, что наградит Свирского первой же учрежденной в новом государстве медалью.

– Властью, данной мне Большим и Малым кругом, первое заседание Петербургской Думы объявляю открытым! Поздравляю всех депутатов! Здесь собрались самые уважаемые граждане нашего города и прилегающих земель, заслужившие доверие своих...

Зал затих, многие даже затушили папироски и трубки. Речь для Левушки составляли вчетвером, надлежало пройти по грани официоза, и чтобы самые бестолковые поняли культурные слова. Похвалив город и горожан за проявленную сознательность, похвалив отдельно каждую гильдию, мастеровых, торговцев и ковбоев, словом, раздав всем по конфете, книжник представил иноземные и иногородние делегации, а затем перешел к повестке дня.

Артур делал вид, что просматривает листы в папке, а сам, прикрывшись рукой, исподтишка разглядывал зал. Делегаты не хлопали там, где захлопали бы их предшественники, полтора века назад, в Законодательном собрании. Они не потрудились побриться и сменить одежду, они не вставали с места, даже когда Левушка нахваливал кого-то поименно, они плевали под ноги и, не таясь, передавали бутылки с медовухой...

И всё же, это были депутаты.

Это были люди, которых выбрали, по человеку от артели, или от трехсот дворов, или от полка, люди, с которыми предстоит теперь работать и работать...

Это были люди, которые могли собрать деньги. Очень большие деньги, во много раз больше того, чем была богата казна. Это от них зависело, откроет ли народ перед казной кошельки и амбары, снарядит ли в путь сыновей и рабов, отдаст ли коней, оружие, повозки, фураж на тысячи дней пути...

И существовало лишь два пути, чтобы приблизиться к цели. Взбаламутить верных вояк и взять всё необходимое силой. В таком случае, вернувшись в Питер, даже с победами, он имеет все шансы не обнаружить бывших подданных. Как пришли десятки тысяч после мясных дефолтов, так и растекутся назад, обиженные, по всей России. Грош цена такому губернатору...

– Порядок такой, господа! - Левушка успел охрипнуть, хотя кричал в жестяной рупор. И само обращение "господа" давалось книжнику с трудом. - Первым делом, выступают наши гости, кто заранее записался! Затем выбираем Старшин в новое городское правительство, на пять лет. Затем - полчасика перекур - и выбираем губернатора. Еще раз повторю, а то тут некоторые меня дергают... Выступают только те, кто заранее заявил. Кого у меня в списке нет, те не лезьте, ясно?

– Это что же, нас молчать выбирали? - понеслись реплики недовольных, и, судя по всему, слегка подданных, депутатов.

– Хороша Дума. Думать можно, а говорить нельзя...

– На хрена затевали, коли сразу рот затыкать!

– Вы присядьте, господа! - срывая связки, увещевал председатель. - Завтра еще наговоритесь, всю неделю будете говорить. Три дня будете слушать: и отчеты Старшин по прошлому году, и планы на следующий год. Вот тогда и высказывайтесь, кто сколько захочет. А тот, кого выберут сегодня новым губернатором, должен будет к четвертому дню свой план составить, как жить дальше, и как городу деньги тратить, и как налоги собирать... Вот тогда и накричитесь вволю, но тоже по записи. Сначала слушаем того, кто докладывает.

Потом стройтесь в очередь. Покажите мне свою бирку, я запишу на выступление... Всем понятно? А то крик подняли, как бабы пьяные! Первое слово даю губернатору Кузнецу!..

Во время этой пламенной речи губернатору сунули сбоку маленькую записку. В ней сообщалось, что в зал проникли, как минимум, трое с огнестрельным. Вычислили террористов, естественно, дети; кто еще мог, кроме девятилетних Качальщиков, надежно спрятанных за портьерами, уловить враждебный металл?

Губернатор скомкал листочек и поднялся на трибуну. Конечно, это была далеко не та трибуна, на которой когда-то крепились микрофоны и сиял герб. Здание дважды горело, хорошо еще, что потолок не рухнул, вон дыры какие!

Он посмотрел в глаза первому ряду, затем сместил фокус зрения дальше. Большинство депутатов было ему знакомо, но сегодня тут собралась почти тысяча человек, и дальние ряды тонули в клубах махорки. Можно было, конечно, послать стражу и немедленно вычислить потенциальных убийц... Но кто докажет, что они пришли убивать губернатора? И как будет выглядеть городской начальник в глазах иностранцев, если начнет прямо в Думе крутить руки народным избранникам?

Нет, он успеет сказать то, что должен, во что посвящены только шестеро, ключевые фигуры. И этим отобьет охоту доставать обреза. А разбираться с "ворошиловскими стрелками" будем потом. Непременно разберемся, с пристрастием, но попозже... И возьмем их не на покушении, боже упаси, а как врагов трудового народа, на попытке поджечь зерно, например...

Он набрал в грудь побольше воздуха. Зал дышал ему в лицо потом и гнилыми зубами, пивной отрыжкой и винным перегаром. Народные избранники почесывались, ловили вшей, украдкой грызли бутерброды...

— Господа, друзья, соратники! - сказал Артур. - Сегодня новая Дума выберет нового губернатора. У нового губернатора будет в десять раз меньше прав и в три раза больше обязанностей. Он не сможет больше делать то, что ему хочется, а будет подчиняться вам, и отчитываться перед вами. Так что теперь недосыпать будет не только новый губернатор, но и каждый из вас...

В тишине было слышно, как скрипят перья, и где-то за окнами плачет ребенок.

— Господин Свирский зачитал повестку дня. Первым идет мое выступление, оно будет кратким. Сегодня нас почтили вниманием главы шестнадцати русских городов и двадцати семи поселков. Они представляют лишь малую толику русских земель, но они приехали, чтобы подписать новый Пакт. Только от вас зависит... - Он сделал внушительную паузу. - От вас зависит, каким быть Пакту. Или наши друзья разъедутся, не получив поддержки, на которую надеялись, или сегодня, в этом зале, мы подпишем бумагу о создании нового Российского государства...

В задних рядах пронесся шепоток, набрал силу и превратился в неумолчный рев. Коваль махнул секретарю, и за сценой упала драпировка, скрывавшая огромную карту СССР тысяча девятьсот восьмидесятого года выпуска...

Рубенс колотил в гонг, многие повскакали с мест, в левом проходе завязалась потасовка, кого-то уронили на пол, кто-то вытирал кровь с разбитого лица. Только когда возле трибуны появился патриарх Василий, волнение начало понемногу стихать.

— Оранжевым цветом, - продолжал Артур, - закрашены те области, которые готовы войти в новое государство и подчиниться новой столице - Петербургу! Как видите, это лишь небольшая часть великой страны, которую когда-то уничтожили глупые правители. Но в наших силах вернуть ей могущество и богатство! В наших силах, если мы договоримся, объединить людей, раскиданных друг от друга на тысячи верст!

Так что, прежде чем выбирать Старшин и нового губернатора, мы должны проголосовать.

Хочет ли Дума, выбранная народом Питера, чтобы город стал столицей?! Если мы проголосуем за новый пакт, то после обеда, в Павловске, соберется другая Дума. Это будет уже Государственная Дума России, и вам придется все пять лет исполнять ее решения. Дума

России выберет президента страны и Верховных Старшин, то есть министров... Но перед голосованием... я хотел бы, чтобы никто не мог сказать, будто Кузнец на кого-то давил, или кого-то принудил. Я всем вам хочу сказать спасибо, - Коваль пожалел, что не может смахнуть набежавшую слезу. - По закону, который установил Большой круг, заявить о претензии на место губернатора можно было за три недели до выборов. И по тому же закону, выбранный губернатор имеет право отказаться от поста и предложить Думе другого кандидата. Верно я излагаю закон? - Артур повернулся к президиуму, где, в полном составе, сидел Малый круг. Соратники глядели на него в немом изумлении. - Я уйду с поста и предлагаю вместо себя Михаила Рубенса, бывшего папу Эрмитажа. Вы все его знаете, и думаю, он ничем не хуже других кандидатов. Это мудрый человек, отличный хозяин и справедливый судья. А теперь слово его святейшеству...

Зал взорвался таким криком, что с крыши, и с карнизов вспорхнули голуби и вороны.

- Как думаешь, выкрутимся? - Артур разглядывал горланящую публику в щелочку между портьер.

- Сейчас их патриарх добьет! - уверенно процедил командующий гвардией, набивая трубку. - Как узнают, что Качальщики Крест приняли, живо лапы поднимут...

- Василий точно урезонит, - согласился Даляр. - И хан обещал за тебя словцо замолвить. Чтоб мне сдохнуть, быть тебе этим самым... президентом, господин!

28. ЭСМИНЕЦ "КЛИНОК"

Такого скопления народа порт не помнил полтора столетия, с тех пор как замерли клешни стальных динозавров, переносивших с места на место грузы, с тех пор как в последний раз отшвартовался эстонский сухогруз и замер на вечной стоянке, как памятник самому себе. Особое раздолье было для карманников и прочей шушеры, искавшей, чем бы поживиться в людных местах. Небо снизошло милостью в этот день на вечно пасмурный город. До самого горизонта не портило картину ни одно свинцовое облачко. Бездонный голубой колодец вздымался над морем, над сотнями рыбацких лодок, над мельканием парусов и шевелящейся людской массой.

Задние давили на передних, желая протиснуться в первые ряды, к наспех сколоченным трибунам; мальчишки гроздьями повисли на шеях портовых кранов; уходящие в залив причальные пирсы покрылись цветастым мхом из праздничных одежд...

Вдали от берега, не приближаясь к устью реки, покачивался на якоре аккуратный, залатанный тут и там, но чистенький катер. Паровик катера был заглушён, парус убран, а матросов отпустили на берег полюбоваться праздником. На мерно вздымающемся носу, подставив обнаженные спины солнцу, сидели двое мужчин. Шум города докатывался сюда неравномерно, точно кто-то крутил настройку радиоприемника. Иногда слышались отдельные выкрики, смех, музыка, затем всё стихало, доносились лишь удары волн о корпус и звяканье трехметровых весел в самодельных уключинах. Но проходила секунда, и эхо приносило по воде нарастающий хорал тысячных толп. В десятке метров от катерка, покачивались еще две быстроходные моторные лодки сопровождения, с трехцветными флажками и штандартом личной охраны президента.

- А мне понравился этот мужик, как его?... - Бердер пощелкал пальцами. - Ммм... Кирилл Лопата. По-моему, он немного ошалел, когда стал... Как ты это обозвал?

- Министром сельского хозяйства.

- Н-да, и не выговорить. То есть, до Большой смерти, Министр был главнее Старшины?

- Не то слово! - засмеялся Артур. - Главней министров был только премьер, но я пока без него обойдусь.

- Да, этого Лопату ты ловко от губернаторского кресла отвлек. А другие против Рубенса не потянули бы, я это заранее знал... Ну, министром - ладно, а на кой ты ему весь фураж для армии поручил? Украдет ведь, и не почешется.

- Что поделаешь? Пусть лучше один он ворует, зато другим не даст, такого не

проведешь...

– Ну, пусть Лопата, по крайней мере, свой. Но Бумажника министром торговли - это ты загнул! Языка не знает, из носу у него течет! А про веру я уж и не говорю...

– Язык выучит, а там посмотрим. Думаю, не хуже нас с тобой торговлю наладит... Тебе нехорошо, учитель? - с тревогой спросил Артур, в который раз наблюдая, как Бердер прикладывает губами к склянке.

– Ничего, выдержу. Возможно, я увижу это в последний раз, - сухо улыбнулся Хранитель.

– Ты ведь был в Польше, когда отгоняли американский корабль?

– Это было страшно. Когда звенящий узел под водой, его невозможно остановить... - Бердер с неодобрением следил за кучами мусора, дрейфующими из города в залив. - Но мы не будем тебя останавливать, иногда равновесие требует потерь.

– Ты предчувствуешь великие потери?

– Я не провидец. Спроси у Хранителей памяти, только вряд ли они тебе ответят. Ты же знаешь Кристиана.

С берега донесся очередной всплеск радостного гомона. С лодки охранения пальнули пару раз, отгоняя рыбаков, слишком близко подошедших к президентскому кортежу.

– Спасибо тебе за книги, - Бердер скривился, отхлебнув очередной глоток лекарства. Коваль удрученно поглядел на него и поразился вдруг, как постарел учитель. Косы стали окончательно седыми, улыбка всё реже трогала задубевшее лицо, вокруг глаз побежали морщинки... Хранитель силы старел слишком быстро, раньше такого не наблюдалось. Даже Исмаил и Прохор, что были гораздо старше, выглядели точно законсервированные в своем возрасте. Коваль неожиданно подумал, что ни разу не слышал о болезнях среди Качальщиков. Никто из них не оборачивал горло компрессами, не сморкался и не грел наги в тазу с горчицей...

– Нам нельзя так долго торчать в грязи, - словно отвечая на упрек в слабости, выговорил Хранитель. - Дети... Надо учить детей. Они приезжают учиться убивать, а я хочу их научить не допускать убийства... Я уеду в Академию, там поправлюсь, но не обещаю, что вернусь. Теперь почти все ребята рождаются как городские. Их подносят к бочке с краской, и ни один не задыхается. Это, наверное, плохо, я не знаю... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Вы становитесь не нужны?

– Самое печальное, что мы нужны, но скоро нас не станет. Вернее, наши внуки станут не такими. Ты принес мне много книг, спасибо. Знаешь, что я понял, когда прочитал все эти книги? Хранители уже рождались на Руси, они появлялись, когда земле нужно было помочь успокоиться. Как лекари, которые держат больного, что бьется в горячке, чтобы не дать ему убить себя, или разбить нос... А когда земля успокаивается, такие, как я, уходят. Нет, не умирают, не пугайся, Клинок. Есть разница между "умереть" и "вымереть", не так ли? Мы просто растворимся...

– Мне жаль, если так произойдет. Постарайся подольше не растворяться.

– Постараюсь, - Качальщик облизал потрескавшиеся губы. - Я буду вести военную Академию, как и обещал тебе, но в город больше не вернусь. Будут приезжать молодые, присматривать за Слабыми метками, но дело уже не в метках. Теперь дело в людях.

– Ты полагаешь, Звенящих узлов больше не будет?

Коваль затаил дыхание. Если у Бердера есть основания считать, что земля успокоилась, можно надеяться запустить серьезную литейку, или даже химию...

– Пока будут рождаться такие, как твой приятель Карин, может произойти всё что угодно. Однако я верю, что во Франции и Италии наши силы не понадобятся. После Москвы земля успокаивается. По крайней мере, на этой половине планеты.

– Как ты сказал? - вдруг встрепнулся Артур. - Откуда тебе знать, что творится в западном полушарии?

– А ты не оставил надежды добраться до тамошних спящих демонов? - невесело

рассмеялся Бердер. - Я не знаю, что там творится, но есть люди, у которых зрение острее, чем у нас с тобой. Ты слышал, что в Китае есть свои Качальщики?

- Кто-то говорил, но я ни разу не встречал человека, который бы видел их своими глазами.

- Перед тобой такой человек. Мы ходили с Семеном на Алтай и встречались с китайскими братьями. Странное дело, да? В Италии нет, и у германцев нет, а в Китае - Качальщиков полно, и что важно, не просто деревенских дурачков. Они живут как монахи в Храме... Ты не задумывался, почему так получается? Мы чувствуем иначе, чем люди Запада... Кристиан видит вдаль по времени, а в Китае есть Хранители, что видят вдаль пространства. Если ты успеешь прибраться к рукам Каспий и Ростовскую вольницу хотя бы за два года, никакой Карамаз не страшен...

- А кто... Кто тогда страшен?

Бердер обернулся к морю, приложил ладонь козырьком, и показал пальцем. Как всегда, Хранитель силы первым заметил опасность. Хотя никакой опасности не было, но Качальщик чуял грудю металла без всякого миноискателя.

На серебряной скатерти залива показалась едва заметная точка. Она увеличивалась очень медленно, и сначала казалось, что над гладью волн ползет тонкая струйка дыма... Потом точка увеличилась в размерах, и вот ее уже заметили с берега, и заревели сотни глоток, а рыбацьи флотилии ринулись навстречу невиданному чуду...

- У нас толмач был, из бурятов, - говорил Бердер, не отрывая взгляда от надвигающегося дымного столба. - Китайские братья говорят, что Хранителей нет ни у казахов, ни у туркашей. А вот в индийских землях, вроде, имеются...

- Ты мне не хочешь ответить, учитель?

- Разве я тебе не ответил? Или ты поглупел от радости, что царем заделался? Вот ты бросаешь город и сотни поселков на старого человека. Пусть он умный, и народ в кулаке держать умеет, но хлопот-то сколько свалится? Суды твои нормально не работают, по ночам на улицу выйти страшно, в лесах опять бандиты... В Тихвине холера, в Подпорожье бунтовщики мэрию спалили, разве не так?

- Ты еще добавь, что паровики с рельсов сходят, что на севере продналог припрятывают третий год, в казне золота почти не осталось...

Некоторое время президент и Хранитель силы наблюдали, как маленькая лодочка превращается в большой эсминец.

- Ну вот, ты всё правильно понимаешь, - Бердер сделал жадный глоток из бутылочки. По мере того, как тень от серой махины заслоняла солнце, лицо Качальщика приобретало землистый оттенок. - Чего он так криво плывет? Не дай бог, в берег врежется...

- Не врежется... - не очень уверенно отвечал Артур. - Из четырех машин Орlando пока одну запустил. Хотя бы из Кронштадта доползти, и то праздник! У него течи в шести местах, рули хреново слушаются, но идет ведь... В док затайнем, там посмотрим. Там их несколько, в Кронштадте, порежем на куски, по дамбе привезем металл, залатаем, сварка имеется. Главное, второй двигатель запустить, и тогда двинем до Босфора!

В порту творилось нечто неопиcуемое. Развевались штандарты полков, палили сотни ружей, барабаны трещали так, словно готовилась большая пляска смерти, орали взрослые, хохотали дети...

- Так что же делать, учитель? - напрягал связки Артур. - Кого нам опасаться, Америки?

- Америка... Слово на карте. Китайцы говорят загадками похлеще Кристиана. Там, за океаном, живут люди, которые считают себя лучше других... Почему ты бросил город? В городе нет равновесия, нет порядка, даже я это чувствую! Полиция разболтана, клерки мздоимствуют. По кабакам, не стесняясь, поют срамные куплеты про губернатора и Старшин! - Бердер говорил нарочито строго, но глаза его смеялись.

На берегу ахнула артиллерийская батарея. И еще раз, выплевывая вместе с холостыми зарядами сотни мешочков с цветными лоскутками. Над набережными крутился дождь конфетти, дети визжали так, что Артуру хотелось заткнуть уши. Башня правого борта начала

медленный разворот для ответного салюта...

– Если я всё время буду думать о равновесии, мы застрянем на месте! Я это недавно понял! Нельзя всё время думать о порядке! - прокричал Артур, заранее зажимая уши.

– Почему нельзя думать о порядке? - хохотал Бердер, уцепившись за тонкий поручень. Катер швыряло на волне, как щепку, а проплывающая мимо серая облезлая стена казалась бесконечной, уходящей за горизонт. Сверху, с мостика, махали крошечные фигурки.

– Потому что если ровнять народ по линейке, мы получим красивые парады, но потеряем людей!

В вышине рывкнуло оружие правого борта. Артур представил себе, каково приходится маленьким пивоварам в башне, замотав уши, вручную подавать снаряды. Он не ожидал, что получится так громко; Бердер тоже корчил гримасы и тряс головой.

– Если порядок не главное, Артур, как же ты собираешься командовать страной? - Хранитель выкрикивал прямо в ухо.

– "Как, как?" - передразнил Коваль, выжимая из волос морскую воду. - Наши люди сердцем голосуют, а не башкой. Для них даже бог - не начальник, а отец родной! Всё простит, всё спишет... Значит, и я командовать буду так же!..

– Вот тебе и ответ, раз ты сам раскумекал, - Бердер проводил взглядом свежую надпись "КЛИНОК" на борту корабля. - Один тебе совет, Клинок. Перед тем, как плыть в этом тазу вокруг Европы, сделай так, чтобы у него задница не вихляла, как у весенней кошки.

– Это не задница, а корма.

– Ты не умничай, а то как дам промеж глаз! Он, видите ли, на дырявом корыте в Америку собрался... Голосуй хоть жопой, но позориться не смей!

– Не волнуйся, учитель, - Артур посмотрел в бинокль на ликующий город, на увешанные гирляндами людей мосты, на ровную линию конного заграждения - и внезапно почувствовал себя почти счастливым. - Не волнуйся, учитель, краснеть тебе не придется!